

Век Екатерины II

Дела балканские



«НАУКА»

inslav

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Век Екатерины II

Дела балканские



МОСКВА «НАУКА» 2000

УДК (947+957)
ББК 63.3(2)46
В 26

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 99-01-16145 д*

Ответственный редактор
доктор исторических наук В.Н. ВИНОГРАДОВ

Рецензенты:

доктор исторических наук Л.П. ЛАПТЕВА,
кандидат исторических наук А.В. КАРАСЕВ

Век Екатерины II. Дела балканские. – М.: Наука, 2000. – 295 с.
ISBN 5-02-008705-X

Книга посвящена политике России на Балканах в век Екатерины II. Она включает очерки о жизни и деятельности императрицы, историографический очерк и материалы по истории сербов, греков, румын, болгар, албанцев. Вся палитра сложнейших международных отношений, связанных с Балканами, представлена на основе широкого круга источников, прежде всего архивных. Подробно исследована роль Екатерины II в отстаивании интересов России на Балканах и российская политика в этом регионе со времен Петра I. Рассказано о влиянии политики России на освободительное движение балканских народов.

Для историков, широкого круга читателей.

ТП-2000-I-№ 21
ISBN 5-02-008705-X

© Издательство “Наука”, 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ*

Б аловнем судьбы Екатерину II можно назвать лишь в период ее царствования. После смерти недруги набросились на нее с нападками, изумившими близко знавших царицу современников. Она была “непростительно поругана посмертно. Дерзкие сочинения, ядовитые памфлеты распространяли на ее счет ложь и клевету”, – отмечал А.И. Рибольер¹.

В одном случае личность Екатерины не оставляет равнодушными историков, политиков и писателей вот уже два века, в другом – ее роль в истории России преднамеренно замалчивается. Тридцать четыре года ее правления отмечены ростом народонаселения – почти вдвое, а государственных доходов – вчетверо; завоеванием и освоением южнороссийских земель, закреплением права свободного судоходства по Черному морю и проливам Босфор и Дарданеллы, что обеспечивало выход на мировые рынки товаров обширного южного региона; реформами в администрации, судебной системе, покровительством купцам и промышленникам. Все нити правления сходились в кабинет императрицы, точнее – в ее спальню, где она занималась делами, сидя за небольшим столиком с выгнутой крышкой. О положении России в тогдaшнем совете Европы Александр Андреевич Безбородко, слегка утрируя, заметил уже после смерти царицы: “При нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не могла”².

Но в течение 70 лет советской власти Екатерина II была практически вычеркнута из отечественной истории. Россия того времени изучалась так, как будто императрицы не существовало. К ее личности обращались для того, чтобы метнуть очередную критическую стрелу. Она превратилась в своего рода символ крепостничества и с позиций классового подхода подлежала за то беспощадному порицанию.

Крепостная система в России действительно достигла во второй половине XVIII в. апогея. Но разве система, определявшая социальную, политическую и экономическую жизнь громадной страны, зависела от воли одного человека, хотя бы и увенчанного короной?

Известно, что смолоду Екатерина, в частности в своих записках, резко осуждала крепостничество (рабство в ее терминологии). Но что могла изменить “последняя случайность” на российском престоле, как назвал ее Василий Осипович Ключевский? Немка, по прихоти династи-

* Издание подготовлено при финансовой поддержке РГНФ (исследовательский проект № 96-01-00264).

ческих расчетов оказавшаяся в возрасте четырнадцати лет в Петербурге и после семнадцати лет терпеливого выжидания, тонких маневров и интриг при дворе, взошедшая на трон? Последний гвардейский солдат, писала она, полагал, что именно он привел ее к власти³. Узурпаторша, она не обладала в первые годы царствования даже той, впрочем ограниченной, свободой маневра, которой пользовались такие выдающиеся легитимные государи, как Петр I и Иосиф II Австрийский.

Робкие попытки Екатерины хоть косвенно осудить неравенство людей и намекнуть на необходимость заботы о крепостных, предпринятые в набросках Наказа, предназначенного для комиссии по составлению нового Уложения государственных законов, были жестко пресечены. За сохранение крепостного права горой встали дворянство, духовенство, купечество и даже умственная элита тогдашнего общества. И Екатерина, прагматик до мозга костей, подчинилась общему мнению. Она сознавала – из воли дворянства выходить нельзя, в противном случае – монастырь или смерть.

Особая глава в биографии Екатерины связана с балканскими делами. При ней нога российского солдата ступила на балканскую землю и корабли под Андреевским флагом достигли греческих берегов. Издревле существовавшие связи с христианскими народами полуострова – славянами, греками, молдаванами и валахами – обрели новое содержание. Забрехала заря их освобождения от власти Османской империи, от ига не просто инородного, а чуждого им религиозно-мусульманского, опиравшегося на мир жизненных представлений, в корне отличных от христианских. Обобщающего труда, посвященного этой стороне многогранной деятельности Екатерины, до сих пор нет.

Балканское направление внешней политики России органически выросло из причерноморского, последнее же проистекло из всей суммы государственных интересов – заботы о безопасности рубежей и изгнании от висевших дамокловым мечом нашествий из Крыма, необходимости хозяйственного освоения новых земель, непременным условием которого являлось обеспечение свободного выхода их сельскохозяйственной продукции на европейские рынки. Постигнуть балканскую политику поэтому невозможно вне общего контекста целей, стоявших перед державой. Отсюда – стремление авторов дать анализ балканских проблем на широком фоне общенациональных задач.

Силою обстоятельств приход России на Балканы совпал с началом пробуждения населявших их народов. Лучшие умы размышляли о путях освобождения и усматривали залог успеха в опоре на великую православную державу. Под знамена Румянцева, Потемкина и Суворова стекались местные добровольцы. Разыгрывался первый акт драмы, вошедший в историю под названием “Восточный вопрос” и вызвавший шесть широкомасштабных войн. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. впервые признал за Россией право покровительства балканским христианам. Он же явился свидетельством утраты Османской империей прежней мощи и резкого взлета влияния России в регионе, что вызвало крайнее беспокойство великих держав и, как следствие, соперничество.

В отечественной историографии Восточный вопрос рассматривается как комплекс проблем, включающий национальное движение христианских народов, кризис Османской империи, столкновение великих держав в погоне за влиянием в Юго-Восточной Европе, роль России в процессе освобождения региона от власти Порты.

Институт славяноведения РАН уже двадцать лет занимается проблемой “Восточный вопрос, Россия и Балканы”. Замысел осуществляется в виде семитомного издания, долженствующего осветить проблему во всей ее полноте. Вышли в свет четыре коллективные монографии, охватывающие 1796–1878 гг.⁴; из-за финансовых трудностей задерживается издание еще двух, посвященных 1878–1918 гг., когда с распадом Османской империи после первой мировой войны Восточный вопрос сошел с повестки дня европейской дипломатии.

На разных этапах роль компонентов в рамках Восточного вопроса менялась. В XX столетии решающим стало освободительное и национально-объединительное движение южно-славянских и других христианских народов Юго-Восточной Европы. Во второй половине XVIII в. оно только нарождалось, идейно вызревало и не вступило еще в фазу открытой, самостоятельной, вооруженной борьбы. Доминирующими факторами в международных отношениях в регионе являлось русско-турецкое противостояние и позиция, занятая кабинетами Австрии, Франции, Пруссии, Великобритании. Отсюда – то внимание, которое уделяется соперничеству держав. Их политика в эпоху абсолютизма осуществлялась узким кругом лиц из ближайшего окружения монарха и прежде всего им самим, тем более что на политической арене тогда взаимодействовали, сотрудничали, соперничали три выдающихся представителя эпохи Просвещения, три “вторых” – Екатерина, Фридрих Прусский и Иосиф Австрийский. Отсюда – то место, которое отводится в книге личности Екатерины, системе ее взглядов, методам управления, подходу к отстаиванию государственных интересов России, формированию балканской политики. Авторы далеки от идеализации образа императрицы, в работе отмечается ее роль в первом разделе Польши (два других хронологически выпадают за рамки освещаемых событий), затрагивается сюжет о фаворитах, столь модный сейчас в околонуучной литературе⁵.

В монографии дана панорама балканских событий, показаны кризисные явления в Османской державе, положение в сербских, болгарских, греческих, молдавских, валашских, албанских землях.

Книга “населена” не абстрактными персонажами, носителями идей классовой принадлежности, а живыми людьми. Екатерина твердо держала в руках бразды правления страной. Она окружила себя блистательной плеядой государственных и военных деятелей: Н.И. Панин, П.А. Румянцев, Г.А. Потемкин, А.В. Суворов, А.М. Обресков, А.А. Безбородко, И.И. Бецкой, Я.Е. Сиверс... С императрицей то сотрудничали, то соперничали Фридрих II и Иосиф II. Ей противостояли незаурядные султаны – Мустафа III, Абдул Хамид I и Селим III. На Балканах действовали яркие и колоритные фигуры, роль которых порой не поддается однозначной оценке, например Али-паша Тепелена. Но, конечно, главный

персонаж повествования – сама Екатерина; среди ее деяний выработка балканской стратегии занимает не последнее место.

Данная монография, так же, как и предшествовавшие ей, построена на принципе разумной достаточности в использовании поистине необъятной литературы и источников на русском, турецком, английском, французском, немецком, сербско-хорватском, болгарском, румынском, греческом и албанском языках.

Научно-организационная подготовка рукописи к печати осуществлена О.В. Медведевой.

¹ Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 388.

² Цит. по: *Ключевский В.О.* Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 250.

³ Записки императрицы Екатерины II. М., 1989. С. 577.

⁴ Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997; Международные отношения на Балканах 1815–1830. М., 1983; Международные отношения на Балканах 1830–1856. М., 1990; Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986.

⁵ См. раздел: “Трудная судьба Екатерины II в историографии”.

СУРОВАЯ СВЕКРОВЬ, ПОСТЫЛЫЙ МУЖ

Принцесса София-Августа-Фредерика Ангальт-Цербстская, позднее изумлявшая и потрясавшая мир под именем царицы Екатерины II, появилась на свет 21 апреля 1729 г. в Штетине (Щецине). Ее отец, принц Христиан-Август, командовал здесь полком прусской армии, позднее служил губернатором. Род был древним, его корни уходили в XI в., а ветви пересекались с потомками Рюрика и Карла Великого. Но это в прошлом, а ко времени рождения Софихен (или по-семейному Фигхен) он захирел и затерялся в толпе немецких князьков. На двух братьев Цербстов приходилось 20 тыс. подданных. Христиан-Август исправно служил в войсках Фридриха II и закончил дни фельдмаршалом, хотя и слыл воплощенной заурядностью, был тверд в лютеранской вере и семейных устоях, благо жену взял намного моложе себя. О ней следует сказать особо. Иоганна-Елизавета принадлежала к фамилии герцогов Гольштейн-Готорпских, среди ее предков значились датские короли, Вильгельм Завоеватель, захвативший в 1066 г. Англию, а по “русской линии” – Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Даниил Галицкий¹. Во времена не столь отдаленные Гольштейны породнились со шведским и российским дворами, что свидетельствовало об их знатности. Дядя Иоганны стал мужем шведской королевы Ульрики-Элеоноры, унаследовавшей престол после смерти неугомонного Карла XII при осаде одной из норвежских крепостей. В дальнейшем, уже при содействии России, ее брат Адольф-Фредрик был приглашен на шведский трон.

Русские связи Гольштейн-Готорпов начались с замужества дочери Петра Анны. Намечался и другой союз: родной брат Иоганны-Елизаветы Карл-Август приехал в Россию в качестве жениха великой княжны Елизаветы Петровны и, видимо, приглянулся красавице невесте. До венца он не дожид, став жертвой страшной тогда оспы. Как только Елизавета вступила на престол, Иоганна поспешила ее поздравить. В ответ пришло письмо от царицы с изъявлением признательности “дружелюбно-любезной” родственнице и просьбой прислать портрет сестрицы Анны Петровны, что и было немедленно исполнено. Иоганна поздравила себя: связи с домом Романовых не оборвались².

Софи росла здоровым и живым ребенком, предпочитала играть с детьми, а не с куклами и уже тогда проявляла склонность командовать.

Учили ее “чему-нибудь и как-нибудь” гувернантка-француженка, о которой она вспоминала с благодарностью, и приходящие учителя – ровно столько, чтобы выдать замуж за кого-нибудь из бесчисленных князьков. Из классической немецкой триады “кирхе–киндер–кюхен” (церковь–дети–кухня) исключалось лишь последнее звено – как-никак принцесса. Грамотность никогда не была сильной стороной Екатерины: по-французски и даже по-немецки она писала с ошибками. И наряду с этим ее всю жизнь не покидали тяга к знаниям, жадный интерес к книгам.

Маленький, чистенький, аккуратненький Цербст, куда семья переселилась из Штетина, навевал на Иоганну-Елизавету скуку, ее кипучая, склонная к интриге натура рвалась на простор. Она часто покидала дом – благо родственников было множество – и возила с собой дочь. Во время одной из семейных встреч девочка познакомилась с худым, нескладным мальчиком, своим троюродным братом Карлом-Петером-Ульрихом, сыном Анны Петровны и Карла-Фридриха Гольштинского. Этому рано осиротевшему, слабому телом и духом, изуродованному солдафонским воспитанием существу выпало на долю стать наследником двух тронов – шведского и российского.

Сделавшись царицей, Елизавета Петровна не мешкая вызвала племянника в Петербург. Шведам, прибывшим в Россию просить Карла-Петера-Ульриха в кронпринцы, был дан отпор, вместо него императрица рекомендовала другого представителя гольштинского дома, Адольфа-Фредрика, а Карла-Петера “перевели” (в данном случае слово “перешел” неуместно) в православие и нарекли Петром Федоровичем – на горе ему, России и самой Елизавете Петровне. Прилепиться умом и сердцем к принявшей его стране он не пытался, учить русский язык было лень, и прикрепленный к нему протоиерей Симон Тодорский бросил это безнадежное занятие. Так Петр Федорович и остался до печального конца дней своих случайно занесенным в Россию гольштинцем.

А в цербстском замке размеренная жизнь была нарушена под новый 1744 год письмом из России: Софихен с матерью приглашали в неведомую страну. Елизавета Петровна подыскивала невесту племяннику, с юной принцессой она “познакомилась” по портрету, и та ей понравилась. Императрица не хотела родниться с каким-нибудь влиятельным домом, что грозило вовлечением в омут германских дел, от чего – Боже упаси! То ли дело крохотный Цербст! Возможно, у нее сохранились воспоминания о пригожем женихе Карле-Августе.

В самом семействе колебаний не наблюдалось; хотя в приглашении ни слова не говорилось о матримониальных планах, грезилось что-то грандиозное, несопоставимое с провинциально-немецкими перспективами девицы. Да и вексель на 10 тыс. руб., выданный “на дорожку”, говорил в пользу серьезности намерений царицы. Иоганна-Елизавета ответила, что, будь у нее крылья, она полетела бы на них в Петербург.

До Берлина жену и дочь провожал князь Христиан-Август, приглашения не удостоившийся. В прусской столице путешественников принимал и угощал король Фридрих II: поездке явно придавалось серьез-

ное политическое значение. Он долго беседовал с Иоганной-Елизаветой, наставляя ее, как действовать ему на пользу в Петербурге и подрывать влияние канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, убежденного сторонника Австрии.

Расставание с отцом было трогательным: Софи рыдала, Христиан-Август снабдил ее наставлениями в письменном и устном виде. Главное – она “всегда должна иметь при себе лютеранскую Библию, молитвенник и другие лютеранские книги и звать к Господу Богу, чтобы Он до конца живота ее сохранил ее в вере”³. А дальше – езда на перекладных, ночевки на почтовых станциях, порой в одной комнате со зрителем, его женой и детьми, спящими вповалку на матрацах за печью, а заодно – тараканы и клопы⁴. Багаж был невелик: Софи захватила с собой два-три платья, дюжину сорочек, столько же чулок и носовых платков. Бесприданница!

Все изменилось, как в сказке, после пересечения российской границы. Правда, убогие деревушки по обочинам дорог. Но – богатый санный выезд, кирасирский эскорт, пушечный салют в Риге, почетный караул при въезде во дворец, дробь барабанов, часовые в сенях и меха, меха, меха... На путешественницах – собольи шубы, крытые парчой. “Мне и в голову не приходит, что все это для меня, для бедной”, – восклицала эксцентричная принцесса-мать, забыв, что почести предназначались для дочери⁵. Было от чего закружиться юной голове! Вместо прозябания в немецком захолустье – перспектива трона в необъятной, неведомой, лежащей под снегом стране. “Пятнадцатилетний философ” – так будущая Екатерина сама себя называла – не колебался ни минуты: “Я буду царствовать или погибну!”⁶ (Это из ее позднейших высказываний.)

Для встречи с императрицей и предполагаемым женихом пришлось из Петербурга проследовать в Москву. Елизавете Петровне девица приглянулась. Петр особых чувств не выказал, но не возражал, да его мнения и не спрашивали. Знакомство девицы со страной началось с языка и религии. Наставники были поражены: вместо “ненасильственного несотрудничества”, которое они встречали со стороны Петра, – живой интерес. Переход в православие предполагал прочтение по-русски Символа веры. Так трудно одолеть чужой и сложный язык! Принцесса, случалось, занималась им и ночью, при свече, в холодном помещении и в итоге заболела. Опасаясь за ее жизнь, решили пригласить к больной духовника. Она отказалась принять пастора, потребовав к себе православного священника. Все это не прошло незамеченным. «Молодая принцесса, – сообщали “Санкт-Петербургские ведомости”, – показывает великую охоту к знанию русского языка и на изучение оного ежедневно по несколько часов употребляет изволит»⁷.

София, конечно же, помнила наставления отца – не изменять лютеранству и утешала его тем, будто обнаружила большое сходство в обрядах двух религий (чем, несомненно, изумила бы теологов, узнай они содержание ее писем). У императрицы Елизаветы само имя София вызывало неприятные ассоциации: так звали старшую сестру Петра I, ему ненавистную; гораздо лучше звучало имя Екатерина, в честь мате-

ри самой царицы. В июне 1744 г. Фигхен перешла в православие. Символ веры она прочла звонким голосом и без единой запинки, присутствующие умилились, царица прослезилась. Письмо отцу от 26 июля Екатерина впервые подписала новым именем, добавив – великая княгиня. В утешение принцу Христиану-Августу она оплатила пребывание и лечение своего брата в Гамбурге⁸.

Но до бракосочетания прошел еще год, во время которого Петр переболел оспой, изуродовавшей его лицо, и без того не слишком приглядное. В августе 1745 г. в Петербурге состоялись десятидневные торжества по случаю женитьбы наследника престола: венчание в Казанском соборе, трапезы, балы, маскарады, народные гулянья, посещение Александро-Невской лавры⁹. Вечером 21 августа Екатерину препроводили на брачное ложе. Поздно ночью явился пьяный супруг и завалился спать...

Мать новобрачной, Иоганна-Елизавета, была уличена в интригах. Предпринчивая дама включилась в борьбу дворцовых группировок на стороне противников канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, о чем аккуратно информировала прусского короля; ее письма столь же аккуратно вскрывались и прочитывались. Принцесса Иоганна просто не понимала, что Россию нельзя впрямь в колесницу прусских, как настаивал Фридрих II, а тем более гольштинских интересов. Ее вызвали на суд к императрице, со свидания она вернулась в слезах. Выдворили ее из России вежливо: выдали деньги на дорогу. Царица переслала через нее письмо “дорогому брату” Фридриху с просьбой (= требованием) убрать из Петербурга посланника. Екатерина оплатила из своего кармана многочисленные долги матери и осталась в одиночестве.

Началась проза жизни. Петр Федорович, став мужчиной, как бы застыл в привычках своих на уровне детства. Игра в солдатики была по-прежнему его любимым занятием (именно занятием, а не развлечением), которому он предавался постоянно. Парады, разводы, караулы, маневры, взятие крепостей – все разыгрывалось в строгом соответствии с гольштинским военным уставом. Хитроумная система решеток была приспособлена к тому, чтобы имитировать звук выстрелов. Поначалу Петр пытался вовлечь супругу в свои игры, поставил ее на караул, научил военным приемам, но дальше этого дело не пошло: Екатерина не проявила интереса к муштре.

По ночам великий князь бражничал с егерями, псарями и лакеями, попойки следовали бесконечной чередой. Царица Елизавета запретила держать собак вблизи своих покоев, их содержали на великокняжеской половине. Екатерина засыпала под лай псов и пьяный гомон развеселой компании. Супружеского интереса к ней Петр не питал.

Юная великая княгиня увлекалась развлечениями иного рода: скачки в санях наперегонки, катание со снежных гор, театральные представления и бесконечные маскарады, которым императрица Елизавета предавалась с упоением, пока сохраняла здоровье. Она гордилась красотой своих ног, которые, по тогдашним представлениям, можно было продемонстрировать, лишь переодевшись в мужской костюм. Не желая выступать в одиночестве, царица повелевала всем дамам преобра-



Императрица Елизавета Петровна

зиться в мужчин и наоборот. Во время одного из таких балов произошло знакомство Екатерины с камер-юнкером Я.Е. Сиверсом, впоследствии талантливым администратором, наместником тверским и новгородским. Во время танца юноша запутался в фижмах, упал и сбил с ног невысокую ростом великую княгиню.

Екатерина научилась прекрасно ездить верхом (предпочитая мужское седло), с удовольствием совершая прогулки в обществе гвардейских офицеров. Живя в Ораниенбауме, она на рассвете брала ружье и в сопровождении егеря отправлялась охотиться на уток.

Суровая свекровь следила за каждым шагом невестки. Переписка с родственниками фактически прекратилась, если не считать таковой письма, сочиненные в Коллегии иностранных дел, под которыми Екатерина подписывалась; ее окружили доносчиками, докладывавшими о каждом ее шаге императрице; стоило ей проникнуться симпатией к какой-либо из фрейлин – девицу убирали. Елизавета приказывала когда, куда и на какой срок отправляться молодой чете. Даже в баню Екатерина ходила с высочайшего разрешения. Позднее она писала, что только надежда “на венец земной” поддер-

живала в ней мужество¹⁰. А пока что вырабатывалась склонность к лицемерию, скрытности и угодничеству.

Свободного времени было много – и для невеселых раздумий о жизни, и для чтения, превратившегося в страсть. Французские романы не удовлетворяли любознательности молодой женщины. На ее столе появляются письма мадам де Севиньи, “Опыты” Монтеня, практически все выходявшие тогда русские книги, “Анналы” Тацита, сочинения Плутарха. Далеко не все модные авторы заслужили ее одобрения; Лесаж, Мольер, Расин, Рабле и Скаррон, хотя и были прочитаны, впечатления не произвели. Иное дело – Сервантес и Шекспир. Современников-немцев – Лессинга, Гёте, Шиллера она не жаловала. “Словарь” П. Бёля, своего рода предтеча Энциклопедии, приучал Екатерину к сомнению и критике (десять увесистых томов, она изучала их пять лет!). Тацит на живых примерах разоблачал пагубность деспотизма и гибельность его для самих носителей. “Дух законов” Ш. Монтескье она уподобляла молитвеннику для разумных государей, он учил, как совмещать абсолютизм с просвещением. У Вольтера она ценила критику католицизма и милитаризма¹¹.

Книги Екатерина собирала всю жизнь; впечатляет перечень ее библиотек: Дорожная (или Походная), Комнатная, Придворно-служительская (которой она тоже пользовалась), Эрмитажная, Большая иностранная (включавшая приобретенную у наследников Вольтера коллекцию) и все книги Дени Дидро. Тридцать лет она с увлечением собирала летописи. Знакомство со “Словом о полку Игореве” в писарской копии подстегнуло ее страсть к коллекционированию, на полях копии есть ее помета: “Требовать из Чернигова, Переяславля, Новгород-Северского, чтоб прислали реестры рода Рюрикова князей поименно, как в тех городах сохранены”¹². После смерти Екатерины в шкафу, среди платьев, обнаружили список “Остромирова Евангелия”. “Я Вам скажу, – писала она своему постоянному корреспонденту М. Гримму, – что стала настоящей архивной крысой”¹³. Ее увлечение российской историей продолжалось до смертного часа.

Но вернемся к молодости. Императрица Елизавета уже в 50-е годы часто и подолгу болела, ее терзали тревожные мысли о престолонаследии. Свергнутый ею царь-младенец Иоанн Антонович, томившийся в Шлиссельбургской крепости, превратился в юношу. Чертушка, как она в досаде называла Петра Федоровича, и в 30 лет играл в солдатики, бражничал, дрессировал с помощью хлыста собак. Супруги поневоле, племянник и Екатерина, пребывали в бездетности. Появилось сомнение: а могут ли они вообще иметь потомство? Для проверки прибегли к способу крайне циничному: Петра свели с некоей молодой вдовой, Екатерине намекнули, что ее никто не осудит за связь на стороне. Ее выбор пал на Сергея Салтыкова. Никакими достоинствами, кроме мужского шарма, он не обладал – легкомысленный бабник с ограниченным умом и холодным сердцем.

В декабре 1754 г. у Екатерины родился сын, нареченный Павлом. Императрица немедленно забрала его к себе, в свою спальню. Окна не открывались, печь жарко топилась, младенца закутали в меха, дабы не

простудился. О роженице забыли, некому было подать стакан воды. Вернувшаяся камер-фрау помогла ей перебраться с “родильной” постели на обычную. Через несколько дней Елизавета спохватилась и преподнесла великой княгине 100 тыс. руб. Петр напомнил, что и он не без заслуг, и потребовал свою долю. На беду в казне денег не оказалось, и ему просто-напросто отдали предназначенную для Екатерины сумму. Тогда же возникло мнение, и ныне многими (в том числе солидными исследователями) разделяемое, что подлинным отцом ребенка был Сергей Салтыков¹⁴ (которого отправили за рубеж – извещать дворы о радостном событии, а потом пристроили на второстепенный дипломатический пост). Мне эта точка зрения убедительной не представляется: красавец Салтыков и маленький тонконогий курносый Павел ничуть не походили друг на друга. Последнего естественно представить потомком Петра, и темперамент у обоих выдался истеричным, взрывчатым, непредсказуемым, оба отличались полной неспособностью к уравновешенной, планомерной, целенаправленной деятельности.

Екатерина на десятом году жизни в России выполнила функцию, ради которой ее пригласили, и была предоставлена самой себе.

В сердечных делах ее выбор пал на знатного поляка Станислава Понятовского, прибывшего в Петербург в качестве секретаря британского посланника Чарлза Хэнсбери-Вильямса, а позднее уже самостоятельно представлявшего в России Речь Посполитую. Любящим оком он запечатлел портрет молодой женщины, для него связь с великой княгиней явилась не мимолетным увлечением, а чувством, пронизавшим всю жизнь: “Волосы у нее были черные при ослепительной белизне кожи и самом ярком румянце, большие голубые глаза, очень выразительные, ресницы черные и очень длинные, рот, который, как казалось, просил поцелуя, руки и плечи – верх совершенства, стан гибкий...”¹⁵ Любovníки не раз оказывались на липочке от беды. Однажды граф Станислав, покидая покой великой княгини, будучи обряженным в широкую шинель и рыжий парик (чтобы сойти за придворного музыканта), был пойман охраной Петра Федоровича и доставлен к нему. Тот решил, что имеет дело с атентатором. Екатерине пришлось, смилив гордыню, обратиться за помощью к метresse наследника Елизавете Воронцовой. Та, будучи, в сущности, доброй, хотя и недалекой, женщиной в оной не отказала. Ревности великий князь не обнаружил, и Понятовского отпустили с миром.

Но не романы и увлечения определяли стиль жизни Екатерины Алексеевны. Она деятельно включилась в придворную политическую игру, а игра велась по-крупному. В 1756 г. разразилась война, вошедшая в историю под названием Семилетней, и Россия вступила в нее на стороне Австрии и Франции против Пруссии. Наследник же престола в открытую, не таясь, выражал симпатии неприятелю, королю Фридриху II. После рождения сына ему сделали кое-какие послабления, в частности разрешили выписать из Гольштинии пару батальонов. Чтобы слыть настоящим “зольдатом”, он выучился курить трубку и начинал плац-парадную муштру с утра в любую погоду. Гольштинцы служили лишь для забавы – охрану Ораниенбаума нес ингерманландский полк,

и солдаты злились на немцев. Времени даже для заочного управления маленькой Гольштинией у цесаревича не хватало. «В одно прекрасное утро, – вспоминала Екатерина, – великий князь, подпрыгивая, влетел в мою комнату; за ним бежал его секретарь Цейс с бумагами в руке. Великий князь обратился ко мне: “Посмотрите, вот несносный человек. Вчера я много пил и сегодня еще хмельн, а он вздумал приставать ко мне с делами...”». Цейс оправдывался: он будет читать бумаги, герцогу же (то бишь Петру) остается лишь молвить “да” или “нет”. В итоге нужные слова произносила Екатерина. В 1755 г. Петр выдал ей рескрипт, уполномочивая вести дела по Гольштинии¹⁶. Так окольным “гольштинским” путем Екатерина приучалась к решению государственных вопросов.

Меня могут упрекнуть в традиционном, даже трафаретном, подходе к образу Петра Федоровича. В последние годы предпринимались попытки взглянуть на него под иным углом зрения. Самая серьезная из них – книга Александра Сергеевича Мыльников «Искушение чудом: “русский принц”, его прототипы и двойники-самозванцы». Мыльников стремится разобраться в деяниях Петра. Он приводит документы, свидетельствующие о заботе цесаревича о кадетах Шляхетского корпуса, “главнокомандующим” которого он состоял. Исследователь ознакомился с земельным архивом Шлезвиг-Гольштейна и пришел к выводу, что Карл-Петер-Фридрих уделял много внимания гольштинским делам, и его живейший интерес к ним “не похож ни на случайный каприз подвыпившего бездельника, ни на неожиданную прихоть грубого солдафона”¹⁷. В драме его отношений с женой А.С. Мыльников винит исключительно Екатерину. Но все же встает вопрос: разве не противоречит образ Петра – заинтересованного правителя своих немецких владений – факту выдачи той же Екатерине рескрипта на управление ими?

Конечно, в традиционном отношении к Петру есть много наносного, чему способствовала своими “Записками” Екатерина. Он был по своему благожелательным и добрым человеком. Но, на мой взгляд, трагедия его заключалась в том, что его привезли в чужую страну, так и не понятую им до конца жизни, женили на чуждой женщине, превосходившей его умом, волей и честолюбием, не приучали к делам государственного управления, не воспитывали чувство ответственности – в итоге он находил выход в бражничанье и солдафонской муштре. И главное: он остался немцем даже на престоле, а этого российская история не прощает.

Иное дело – Екатерина. Умная, твердая, волевая, всячески подчеркивавшая свой патриотизм и полное приобщение к новой родине, соблюдавшая посты и религиозные праздники, со всеми ласково-обходительная и приветливая. В искусстве лести она не уступала героям “Горя от ума”, даже влиятельные старушки были у нее на учете, и в торжественные дни у них появлялся камер-лакей с поздравлением от великой княгини. По мере угасания императрицы Елизаветы она становилась серьезной политической силой. Канцлер А.П. Бестужев обсуждал с ней государственные дела и видел в ней будущую правительницу России. Их интересы совпали. Петр Федо-

рович открыто восхищался прусским королем Фридрихом; в случае смерти Елизаветы Россию ожидал головокружительный поворот, Бестужева – плаха или ссылка, нелюбимую жену Екатерину – монастырь. В дипломатическом корпусе великую княгиню поддерживал британский посланник сэр Чарлз Хэнсбери-Вильямс, снабдивший ее крупной суммой денег. Она ступила на тонкую жердочку над пропастью, поощряя постороннее вмешательство в дела России ради получения короны. Вильямсу Екатерина признавалась: она “решилась или царствовать, или погибнуть” и выдавала посланнику солидные векселя: “Я воспользуюсь всеми случаями... чтобы привести Россию к тому, в чем я признаю истинный ее интерес – быть в дружественном союзе с Англиею, оказывать ей повсюду содействие и предпочтение, необходимое для блага всей Европы и особенно России пред их общим врагом, Францией, величие которой составляет позор для России”¹⁸. Звучали в их переписке и иные ноты: Екатерина успела очаровать англичанина, и он изливал свои восторги: “Вы рождены повелевать и царствовать. Я лобзаю Ваши ноги, я Ваш всецело, Ваш приказ – закон для меня”; “Я Ваш сердцем и умом, я считаю Вас существом, во всем меня превосходящим...”¹⁹ Похоже, сэр Чарлз влюбился в молодую женщину, хотя и платонически.

Но позиции канцлера Бестужева были подорваны, когда Великобритания, с которой он тесно сотрудничал, заключила союз с Пруссией. А внезапное отступление армии под командованием близкого к канцлеру фельдмаршала С.Ф. Апраксина после одержанной ею при Гросс-Егерсдорфе победы породило слухи об измене. А.П. Бестужева арестовали; к счастью для Екатерины, он успел сжечь компрометирующую ее переписку. Доказать вину старого вельможи его врагам – Шуваловым и Воронцовым не удалось, он поплатился “всего лишь” ссылкой. Екатерина в ночной беседе с императрицей, смахивавшей на допрос, сумела оправдаться (муж присутствовал незримо, скрываясь за ширмами).

Екатерина с холодным расчетом ожидала кончины Елизаветы Петровны, тщательно, по часам продумывала план действий на этот случай. Но все же утверждать, будто у нее уже тогда созрел замысел устранения супруга, нет достаточных оснований. Она загодя сочинила для Петра наставление, как себя вести, и даже набросала текст молитвы о “благочестивейшем и самодержавнейшем государе, внуке Петра I, императоре Петре Федоровиче и о супруге его, благоверной великой государыне Екатерине Алексеевне, и о благоверном государе цесаревиче Павле Петровиче”²⁰. Помышляя она о смещении мужа, не следовало бы подчеркивать легитимность его прав как внука Петра Великого – ведь сама она и тенью законности на царствование не обладала.

Событие, которого одни опасались, а другие ждали с нетерпением, наступило 25 декабря 1761 г. (ст.ст.): царица Елизавета Петровна смежила веки навсегда. В тот же день Петр, нареченный третьим, был провозглашен императором. Но все дальнейшее подтвердило наихудшие опасения Екатерины.

- ¹ *Пчелов Е.В.* Восходящая родословная Екатерины II // *Екатерина Великая – эпоха российской истории.* СПб., 1996. С. 154–157.
- ² *Бильбасов В.А.* История Екатерины II. СПб., 1890. Т. 1. С. 15.
- ³ Там же. С. 40.
- ⁴ *Валишевский К.* Роман императрицы. М., 1989. С. 19, 16.
- ⁵ *Бильбасов В.А.* Указ. соч. С. 51.
- ⁶ *Родина.* 1995. № 1. С. 95.
- ⁷ *Брикнер А.Г.* История Екатерины II. СПб., 1886. Т. 1. С. 42.
- ⁸ Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 7. С. 5–7. (Далее везде: Сб. РИО).
- ⁹ *Ходасевич Г.Д.* Торжественное бракосочетание Екатерины Алексеевны с Петром Федоровичем // *Екатерина Великая...* С. 165–167.
- ¹⁰ *Ключевский В.О.* Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 205, 207.
- ¹¹ *Бильбасов В.А.* Указ. соч. С. 261, 294–301.
- ¹² *Федорова В.И.* Библиотеки Екатерины II в Зимнем дворце // *Екатерина Великая...* С. 60–61; *Альшиц Д.Н.* Непреходящее значение вклада Екатерины II в историческую науку // Там же. С. 112–113.
- ¹³ *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 221.
- ¹⁴ См. фундаментальное издание: *Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка.* М., 1997.
- ¹⁵ *Понятовский С.А.* Великая княгиня Екатерина Алексеевна // *Екатерина II и ее окружение.* М., 1996. С. 42.
- ¹⁶ *Бильбасов В.А.* Указ. соч. С. 288–289.
- ¹⁷ *Мыльников А.С.* Испытание чудом: “русский принц”, его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991. С. 17, 48.
- ¹⁸ *Брикнер А.Г.* Указ. соч. Т. 1. С. 80; *Бильбасов Л.А.* Указ. соч. С. 328.
- ¹⁹ *Stonin V.* Catherine the Great, Empress of all the Russias. L., 1978. P. 105; *Gooch G.P.* Catherine the Great. L., 1954. P. 10–11.
- ²⁰ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 558.

ВЕРХОМ НА КОНЕ, В МУНДИРЕ ПОРУЧИКА ТАЛЫЗИНА – НА ЦАРСТВО!

В манифесте о восшествии на престол Петра III ни Екатерина, ни Павел не упоминались. Император открыто третировал жену. Царица, доносил в Париж посол Л.О. Бретейль, “находится в отчаянном положении, ей оказывают величайшее презрение”. Фамилия переселилась в только что отстроженный Зимний дворец. Но как? Екатерину поместили в отдаленных покоях, а рядом с собой Петр поселил фаворитку Елизавету Воронцову. “Странный вкус!” – заметил Бретейль, французу не приглянулась толстая девица с рыхлым лицом¹. Впрочем, нет худа без добра: Екатерина была беременна от Григория Орлова и уединение было ей на руку – она стала центром заговора против мужа.

Петр же, казалось, делал все возможное, чтобы возбудить в церкви, гвардии и “свете” недовольство, перераставшее порой в ненависть. Правда, историки, обращаясь к его деяниям, с некоторым удивлением отмечают, что полгода его пребывания на престоле не прошли даром для законодательства: он подписал 196 манифестов, указов, рескриптов государственного значения. Был издан манифест о дворянской вольности, давно ожидаемый и освобождавший это сословие от обязательной службы и заодно разрешавший свободный выезд за границу; за ним последовал указ о “защите раскольников от чинимых им обид и притеснений” и равноправии всех конфессий. У церкви отобрали принадлежавшие ей земли и прочее имущество, два миллиона душ мужеска и женска пола, проживавших в монастырских поместьях, получили запашку и были обложены единообразным, сравнительно невысоким оброком в пользу государства². Закрыли страшную тайную канцелярию, пыточное ведомство, куда волокли по малейшему подозрению в измене. Петр распустил ставшую притчей во языцех лейб-компанию – роту преображенских гренадер, посадивших в 1741 г. Елизавету Петровну на трон, до того разложившихся, что даже на караул солдаты являлись в сопровождении слуг, ташивших их ружья.

Все эти здравые и назревшие узаконения как-то не вяжутся с образом взбалмошного царя. Остается предположить, что добрые намерения у него не отсутствовали и он утверждал то, что подготовляли советники. Но отдельные назревшие мероприятия на современников должного впечатления не производили, ибо затмевались повседневностью, походившей не то на дурной сон, не то на маскарад. По смерти почитаемой императрицы Елизаветы Петр не скрывал своей радости. При отпевании он гримасничал и болтал в церкви. Екатерина, напротив, представлялась воплощением скорби и в глубоком трауре часами

простаивала у гроба³. Перенос праха в Петропавловский собор новоявленный самодержец превратил в фарс: когда процессия вышла на лед Невы, он отпустил катафалк далеко вперед, а затем бросился его догонять, свита не поспевала за быстроногим монархом, надетая на него длинная мантия болталась на ветру. Траурное шествие обернулось шутовством. Присутствовавшим было стыдно.

В последние годы краткий в истории миг царствования Петра Федоровича подвергнулся серьезному анализу, что привело к выводу: это был самый дворянский из монархов; крестьянам разрешалось записываться в купцы лишь с разрешения своих владельцев, фабрикантам и мануфактуристам запретили покупку крестьян без земли для работы на заводах, тем самым была закреплена монополия дворянства на владение крепостными. В последнем своем манифесте царь обещал нерушимо “держать крестьян в повиновении”⁴. Поэтому свержение Петра III нельзя объяснять лишь тем, что он стал неугоден дворянству. Предъявленный ему счет был более суровым: он пограл национальные и религиозные чувства россиян.

Царь спешно переодевал войско в мундиры гольштинского образца, узкие и неудобные, сменившие традиционную петровскую форму. Его энергия устремилась на плац-парад. Изнеженные пожилые вельможи, толстобрюхие, на подагрических ногах, с утра месили снег и грязь во главе своих полков, а впереди суетился ледащий император и слышались окрики на ломаном русско-немецком наречии. Впрочем, метался он не только по причине истерического характера, но и потому, что страдал тяжелой формой геморроя и не мог долго сидеть ни в кресле, ни в седле. Петр выписал с родины двух дядьев, принцев Гольштинских, произвел их сразу в фельдмаршалы и назначил одного эстляндским губернатором, а другого командиром конной гвардии. Преображенский, Измаловский и Семеновский полки лишились их славных и любимых названий, кавалергардов распустили, ходили слухи, что та же участь уготована всей гвардии, которую царь в открытую называл янычарами. Придворный ювелир Позье записывал в дневнике: “Гвардейские полки ставили совершенно ни во что в сравнении с горстью гольштинцев”⁵. Гнетущее впечатление на окружающих производило пьянство императора: он с утра накачивался английским пивом, до которого был большой охотник, вечерние оргии заканчивались часто тем, что самодержца уносили на руках в спальню. Духовенство и верующие были оскорблены распоряжением оставить в церквях лишь образа Спасителя и Богородицы⁶, указ о веротерпимости они восприняли, как посягательство на православие.

И в довершение всего – скандал во внешней политике. Русская армия получила приказ прекратить военные действия против Пруссии, к королю Фридриху II прибыл гонец царя с вестью о мире. Фридриха вытащили из пропасти поражения. В инструкциях дипломату Б.В. Гольцу, отправленному королем в Петербург, предусматривалась уступка Восточной Пруссии в пользу России – лишь бы выбраться из войны. Ничего подобного! Петр III не потребовал даже возмещения расходов и слал пораженному Фридриху восторженные письма с выражением предан-

ности. Король возвел его в чин генерал-майора своей армии и наградил орденом Черного орла, но выходки новоявленного друга внушали ему тревогу, и он наставлял царя: надо соблюдать благоразумие, не раздражать подданных, советоваться с императрицей и, главное, не мешкая короноваться, чтобы обрести в глазах населения ореол легитимности.

Царек его не слушал, заверяя в ответ, что держит “русских” в руках (какова терминология в устах императора Всероссийского!). По позднейшему замечанию Екатерины, “Петр III не имел большего врага, чем он сам; все его действия доходили до пределов безумия...”⁷. Войска, стоявшие в Померании, получили приказ в Россию не отходить: император мечтал о лаврах полководца и хотел во имя гольштинских интересов объявить войну Дании – старому и верному со времен Петра Великого союзнику России.

В обществе ходили упорные слухи, что царь собирается отправить Екатерину в монастырь, сына Павла объявить незаконнорожденным и сочетаться браком с Елизаветой Воронцовой. 8 июня 1762 г. на торжественном обеде в честь мира с Пруссией разыгралась безобразная сцена, казалось бы подтверждавшая самые худшие опасения. Петр провозгласил тост за императорскую фамилию; все встали – кроме Екатерины, сидевшей на противоположном от мужа конце стола. На гневный вопрос царя, почему она продолжает сидеть, Екатерина ответила, что императорская семья состоит из трех человек – его, ее и Павла. А гольштинские принцы? – воскликнул Петр. Он подозвал к себе адъютанта И.В. Гудовича – передать выговор жене. Решив, видимо, что тот смягчит выражения, царь вскочил и крикнул на весь зал: “Дура!” Произошло всеобщее замешательство, Екатерина глотала слезы, стоявший за ее стулом придворный, чтобы разрядить обстановку, принялся рассказывать игривый анекдот из жизни французских пейзажистов...

Петр не успокоился и распорядился об аресте императрицы. Дежурный офицер И.С. Бярятинский в испуге отпраздничал к принцу Георгу-Фридриху. Тот отговорил племянника от безумного шага; быть может, принц вспомнил о годах молодости, когда он всерьез задумывался о женитьбе на своей юной родственнице Софии-Августе-Фредерике Ангальт-Цербстской. Много позднее Екатерина утверждала в своих “Записках”: “...я должна была или погибнуть с ним, или от него, либо спасти самое себя, моих детей и, может быть, все государство от тех гибельных опасностей, в которые, несомненно, ввергли бы их и меня нравственные и физические качества этого государя”⁸. Трудно сказать, чего больше в этом утверждении – рисовки, самооправдания или правды, но многим тогда казалось, что шутовской царек и впрямь увлечет державу в пропасть.

Заговор, все нити которого сходились в покоях императрицы, вышел на финишную прямую, почва для его успеха была подготовлена, в духовенстве и при дворе зрело недовольство, даже младшая сестра петровской фаворитки, восемнадцатилетняя княгиня Екатерина Романовна Дашкова примкнула к оппозиции, гвардия клекотала.

8 апреля 1762 г. Екатерина в своих покоях в Зимнем дворце родила от Григория Орлова сына, нареченного Алексеем. Чтобы отвлечь

обитателей Зимнего от этого события, подожгли находившийся поблизости дом ее верного слуги, тогда камердинера В.Г. Шкурина. Зеваки побежали на пожар. Младенца завернули в бобровую шкуру и отправили в семью Шкурина на воспитание⁹. А царица, ранее скованная беременностью, могла отдаться подготовке к свержению мужа.

Если Екатерина являлась душой и мозгом конспирации, то организаторами и исполнителями акции выступали пять братьев Орловых, служивших в гвардейских полках. Григорий Григорьевич храбро сражался в битве при Цорндорфе, был ранен, а по выздоровлении отправлен в Петербург сопровождать пленного прусского полковника, адъютанта короля. В столице Григория прикомандировали к генерал-фельдцейхмейстеру (командующему артиллерией). Великан, красавец, силач, Григорий приглянулся Екатерине Алексеевне, ценившей в мужчинах удаль и смелость, он стал ее любовником и связующим звеном с расквартированными в столице войсками. К тайному “лагерю Екатерины” примкнула часть вельмож, в том числе гетман Украины К.Г. Разумовский и воспитатель царевича, видный дипломат Н.И. Панин. Последний был сторонником провозглашения Екатерины Алексеевны регентшей при малолетнем сыне. Царица об этом знала, но отмалчивалась.

“План икс” намечалось осуществить после отъезда Петра на войну с Данией. События заставили изменить сроки: один из заговорщиков был арестован, возникла угроза провала.

Рано утром 28 июня в Царском селе появился Алексей Орлов. Войдя в спальню императрицы, он сообщил ей тревожную весть. Та поспешно оделась и в сопровождении камер-фрау бросилась к карете. Орлов поместился на облучке рядом с кучером, и лошади пустились вскачь. У окраины столицы их поджидал Григорий, оттуда – в слободу, где квартировал Измайловский полк. Ударили барабаны, гвардейцы стали сбегаться на плац; из цейхгауза притащили тюки с мундирами петровского образца, солдаты сбрасывали с себя “гольштинскую форму”. Прискакал командир полка граф К.Г. Разумовский. Привели старенького батюшку, и под восторженные крики солдаты целовали крест и руки Екатерины. Из слободы строем и с винтовками отправились в Семеновский полк, где сцена повторилась. Преображенцы позднее пришли сами – замешкались, ибо несколько офицеров призывали их сохранить верность присяге и Петру. В Казанском соборе и Зимнем дворце высшие чины присягнули Екатерине как правящей монархине. Сторонникам провозглашения ее регентшей при малолетнем сыне не дали опомниться. Н.И. Панин привел восьмилетнего Павла на церемонию в ночном колпаке. Сомневающимся не то что посоветаться – поразмыслить было некогда.

Посреди всеобщего торжества, сопровождаемого сумятицей, вспомнили о свергнутом царе и отправили в Кронштадт адмирала П.Ф. Талызина – приводить к присяге флот.

Вечером торжествующая Екатерина отправилась во главе 14-тысячного войска в поход на Петергоф против собственного мужа.

Она гарцевала на коне, одетая в мундир, заимствованный у поручика Тальзина. Рядом скакала молоденькая княгиня Е.Р. Дашкова. На ночь расположились в трактире в Красном кабаке. Императрица разделила постель со своей юной подругой, обе не спали от волнения, да и клопы лютовали.

Петр III узнал о перевороте в самый день 28 июня, приехав в Царское село в сопровождении многочисленной свиты, и заметался в растерянности. Возвращенный из ссылки фельдмаршал Б.К. Миних советовал ему встать во главе верных полков и в крайнем случае пасть со славой. Петр на это не решился, но прислушался к рекомендации – скрыться в неприступном Кронштадте.

Поздно вечером к кронштадтской гавани подплыли яхта и галера – царь почему-то возил с собой многочисленную свиту, включая женщин. Караульный офицер не позволил маленькой флотилии причалить к берегу, пригрозив ядрами: гарнизон крепости и экипажи судов успели присягнуть Екатерине. Петр возвратился в Петергоф. Его посланцы, отправляемые к супруге с ветвью мира, переходили на ее сторону, и он без сопротивления подписал акт отречения, в котором свидетельствовал, что, будучи императором, “знал тягость и бремя, его силам несогласные”¹⁰. Петра, явно намеренно, переодели в голштинский мундир и под конвоем отправили в деревню Ропшу. Здесь компанию ему составляли Алексей Орлов, князь Федор Бярятинский и еще несколько гвардейских офицеров; бесконечные попойки подрывали силы хилого экс-императора. Он просил разрешить ему выезд в Германию, потом – совсем скромно – прислать Елизавету Воронцову, скрипку и собачку. Екатерина не отвечала. Она распорядилась приготовить приличное рангу заключенного помещение в Шлиссельбургской крепости.

Известны три записки Алексея Орлова из Ропши (последняя – в копии, полуграмотная и полупьяная). В двух он сообщал о полном расстройстве здоровья бывшего монарха, третья была роковой и сообщала о его смерти: Петр (который по прежней информации еле держался на ногах) будто бы схватился с “князь Федором” (Бярятинским), и не успели собутельники опомниться, как “его не стало”. Екатерина получила весть о смерти мужа за веселым обедом; прочтя записку, она как ни в чем не бывало продолжала трапезу.

Европа ахнула. Фридрих II распорядился на всякий случай вывезти казну из Берлина: вдруг эти непредсказуемые русские вздумают снова воевать. Сэр Хорес Уолпол, политик и писатель, сын знаменитого премьер-министра, делился своими впечатлениями: “Что Вы скажете о царице, которая верхом, во главе 14-тысячного войска, идет свергать собственного супруга? И она не единственная строптивница в стране. Заговором руководила сестра царской любовницы, героиня, коей нет еще и

* По одной из версий после смерти Екатерины Павел I обнаружил письмо А. Орлова в особой шкатулке и предал его огню, однако не сразу, что дало возможность снять копию. О.А. Иванов, изучавший корреспонденцию А. Орлова, сомневается в подлинности последней записки (*Иванов О. А. Загадки писем Алексея Орлова из Ропши // Московский журнал. 1995. № 9, 11, 12; 1996. № 1–3*).



Екатерина II, 29 июня 1762 г.

двадцати^{1*}. И сейчас у них – два царя под замком, если эти дамочки не убили ни одного из них^{2*}. Вот почва для раздумий, есть от чего сойти с ума!¹¹

В Петербурге при дворе и в армии, напротив, полагали, что наконец-то взялись за ум: опруссачиваться здесь не собирались. Наступление нового царствования разительно отличалось от прежних примеров. Екатерина проявила благоразумие и мудрость, не поддавшись чувству мести, – никто из заведомых противников не подвергся преследованию. Не свистел кнут палача, как бывало, не тянулись дроги под заунывный звук колокольчика, отвозя сосланных в места отдаленные. Изменился общественный климат. Кое-кому из оппонентов посоветовали пожить в поместье или в Москве, иным – попутешествовать за рубежом. И все. Екатерина спохватилась – как бы “Лизка” Воронцова не вздумала

^{1*} Здесь - явное преувеличение роли Дашковой.

^{2*} То есть Петр, о смерти которого Уолпол еще не знал, и Иоанн Антонович, заточенный еще Елизаветой.



Граф Г.Г. Орлов.

Портрет работы С. Торелли, 1762–1763. ГРМ

явиться в Зимний. Секретарю И.П. Елагину полетела записка: “Перфильевич! Сказывал ли ты кому из Лизаветиных родственников, чтобы она во дворец не размахнулась, а то боюсь, к общему соблазну, завтра прилетит”¹². Сосланные прежде, в том числе А.П. Бестужев, были возвращены с почетом. Тщетны, однако, оказались расчеты старого вельможи, что ему снова вручат власть: Екатерина желала не только царствовать, но и управлять. А пока что – один император задушен, другой двадцать третий год сидит в крепости. Было от чего спешить! Уже осенью 1762 г. Екатерина торжественно короновалась в Кремле.

Два манифеста о восшествии Екатерины на престол были составлены быстро и продуманно. Ни намек на оправдание! Она по “явному и нелицеприятному желанию” россиян взяла на себя бремя правления, встала на защиту исконной церкви, державной славы и внутреннего порядка, совсем было ниспровергнутых внуком великого Петра. Внял просьбам “присланных от народа избранных верноподданных” (видимо, в лице Алексея Орлова!), монархиня принесла себя в жертву отечеству. Пропагандистская бумага содержала и важное программное положение: “самовластие, не обузданное добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям бывает причиною”. В честь коронации выбили медаль с надписью “За спасение веры и отечества”¹³.

Вельможная фронда не посмела выступить с открытым забралом, но в дворцовых закоулках она сохранилась. Просвещеннейший Никита Иванович Панин думал об аристократическом правлении. На бумаге

приобщение к власти родовитой, богатой, ни от кого не зависимой (а стало быть, не склонной к казнокрадству), образованной знати выглядело многообещающе. Гаврила Романович Державин мечтал:

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья.
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть польза, слава, честь.

А на деле? Правление Верховного тайного совета, “ничтожных наследников северного властелина” (А.С. Пушкин), выродилось в олигархический произвол, в соперничество родовитого боярства и служилой знати и увенчалось падением “полудержавного властелина” А.Д. Меншикова. Оглушительным провалом закончилась затейка “верховников” – разделить власть с Анной Иоанновной. Артемий Волынский, сложивший позже голову на плахе, заклинал: “Боже сохрани, чтобы сделалось вместо одного самодержавного государя десять самовластных и сильных фамилий, и так мы, шляхетство, совсем пропадем”¹⁴. Собравшееся в Москве дворянство и гвардия твердо высказались в пользу “самодержавства”. И не кучке высокочинных недовольных было бросать вызов умной, волевой, целеустремленной Екатерине, за все 34 года правления не знавшей крупных неудач.

¹ Брикнер А.Г. История Екатерины II. СПб., 1886. Т. 1. С. 99.

² Каменский А.Б. “Под сению Екатерины”. СПб., 1992. С. 67–68.

³ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 525.

⁴ Екатерина Великая – эпоха российской истории. СПб., 1996. С. 138; Мильников А.С. Испытание чудом: “русский принц”, его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991. С. 68.

⁵ Брикнер А.Г. Указ. соч. С.110.

⁶ Любавский М.К. История царствования Екатерины II. М., 1911. С. 23.

⁷ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 108; Записки императрицы Екатерины Второй. С. 694.

⁸ Записки императрицы Екатерины II. М., 1990. С. 218.

⁹ Бобринский Н.Н. Младший сын Екатерины Великой // Екатерина Великая – эпоха российской истории. С. 116.

¹⁰ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 124.

¹¹ Thomson G.S. Catherine the Great and the Expansion of Russia. L., 1947. P. 77.

¹² Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 136; Сб. РИО. СПб., 1971. Т. 7. С. 609.

¹³ Ключевский В.О. Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 190, 192–193.

¹⁴ Павленко Н.И. Личность императрицы // Родина. 1994. № 2. С. 28.

РОМАНТИЧЕСКИЙ НАКАЗ И ПРОЗА ГОСУДАРСТВЕННЫХ БУДНЕЙ

Дела молодая государыня нашла в плачевном состоянии; держава управлялась на глазок. Царствование Елизаветы оставило у современников самые приятные воспоминания по сравнению с мрачной биرونщиной. Но дочь Петрова подавала пример безалаберности. Она не делала различия между днем и ночью, в последние годы жизни ложилась спать каждый раз на новом месте; говорила по-французски и по-немецки, но была уверена, что в Лондон можно проехать посуху; увлечение французским театром сочетала с православной набожностью; оставила после себя гардероб – 15 тыс. платьев, на их примерку она тратила больше времени, чем на государственные дела. Не было во всей империи дамы, замечал В.О. Ключевский, которая лучше императрицы могла бы исполнить менуэт или сплясать русскую. Он же заметил: “Елизавета была умная и добрая, но беспорядочная и свое нравная русская барыня XVIII века”¹. В чем она проявляла постоянство – так это в неприязни к систематической работе, что же касается хаотической массы законов и указов, коими управлялась держава, то, по ее словам, нужно было обладать ангельскими способностями, чтобы с ними разобраться, а оными никто из подданных не обладал.

Екатерина Алексеевна, слегка рисуясь, излагала позднее впечатление от первых дней своего правления: “Флот в упущении, армия в расстройстве, крепости разваливались”; войска, находившиеся за рубежом, восьмой месяц не получали жалованья, в пустой казне скопились указы на выдачу 17 млн руб. В правительствующем Сенате смутно представляли, каково административное деление страны, во всяком случае, числа городов не мог назвать никто. Карту России там государыня раздобыть не смогла. Тогда она вынула из ридикюля 5 руб. и послала за картой в Академию наук, благо та находилась рядышком. Академия оказалась на высоте – оттуда принесли атлас, который Екатерина и подарила господам сенаторам, к тому времени уже шесть недель обсуждавшим вопрос о спорном выгоне в Массальске.

Но было нечто похуже бюрократической волокиты: 150 тыс. монастырских крестьян “отложились от послушания”, приписанные к заводам крепостные волновались, “жестокие пытки и наказания за безделицу” озлобили умы². Матушка Елизавета, случалось, неделями не прикасалась к бумагам – все недосуг, и Екатерине предложили, для облегчения монаршей участи, представлять лишь резюме дипломатической переписки. Ответ был таков: она желает видеть все. Ей, узурпаторше, нельзя было совершить ни одного неверного шага: “последний

гвардейский солдат, глядя на меня, говорит себе: вот дело рук моих”³ (подразумевалось – в случае чего можно и сместить царицу).

По привычкам Екатерина принадлежала к жаворонкам, вставала в 5–6 часов утра, зимой сама растапливала камин – дрова готовились с вечера. Однажды произошел конфуз: в дымоходе раздалась отчаянные вопли, царица спешно загасила пламя, и к ногам ее свалился трубочист. Бедняга не думал, что повелительница империи в половине шестого уже на ногах. Царица принесла ему свои извинения и выпроводила из спальни. На всю жизнь она сохранила немецкую деловитость и аккуратность. В одиночестве – занятия обширной перепиской, знакомство с бумагами. Чашка крепчайшего кофе с сухариком. Затем – прием секретаря, за которым следовали министры. От такой активности сановники отвыкли за сорок лет, прошедших со времени Петра I.

Заботы обступили молодую женщину со всех сторон. И прежде всего – война или мир? Войска, отправленные в Данию, спешно отозвали: зачем ввязываться ради гольштинских интересов в немецкие дела и портить отношения со старым союзником, копенгагенским двором?

Но и мир с Пруссией не был разорван, несмотря на усиленные обхаживания с австрийской стороны. Екатерина выразилась со свойственной ей определенностью: “Мир нужен этой обширной стране. Мы нуждаемся в населении, а не в опустошениях”⁴. Необходимо по крайней мере пять лет для приведения дел в порядок. Наболевший вопрос о монастырских владениях был разрешен радикально: 8,5 млн десятин земли и почти 1 млн душ перешли в ведение казны. Доход в 1764 г. составил 1,4 млн руб., из них 0,5 млн предоставили церкви в виде дотаций. Таможенные сборы отдавались на откуп за 2 млн. Екатерина вернула их в казну, и одна петербургская таможня стала приносить 3 млн руб. Расторопные сенаторы передали управление казенными заводами Шуваловым, Воронцовым, Чернышевым, т. е. самим себе, да еще предоставили им ссуду в 3 млн, которую те благополучно промотали. Воеводы и их чиновники желованья вообще не получали и жили на поборы с населения. Подобный порядок вещей быстро прекратили.

Наступление мира позволило залатать финансовые дыры. Сенат определил доходы государства в 16 млн руб. После обследования обнаружилось, что они достигали 28 млн⁵. Но для проведения крупных преобразований следовало подготовить законодательную базу, которая порядком обветшала, основной свод законов сохранялся с 1649 г., с Уложения царя Алексея Михайловича. Екатерина решила провести что-то вроде всероссийского совещания, предложив на его рассмотрение свои и заимствованные у лучших умов мысли о государстве, обществе, морали, нравах.

Написанный ею Наказ для комиссии по составлению нового уложения до сих пор вызывает споры и противоречивые толкования. Изобличение Екатерины в лицемерии – излюбленное занятие историков во все времена, и особенно в советское. Казалось бы, поводов для этого достаточно: крепостное право достигло при ней апогея во всех своих проявлениях, а государыня списывает, переделывает, приводит в систему высказывания светочей тогдашней мысли. Сама авторша не

скрывала, что черпала вдохновение и формулировки у просветителей, особенно у Шарля Монтескьё, и даже уподобила себя вороне в павлиньих перьях⁶. Из 526 статей Наказа более 400 были в той или иной степени заимствованы из “Духа законов” Монтескьё и опубликовано незадолго до того трактата Чезаре Беккариа “О преступлениях и наказаниях”.

Каковы же были взгляды молодой женщины, взявшей в свои руки судьбу России на долгие 34 года?

Прежде всего об отношении к принявшему ее государству. Еще в великокняжескую пору она писала (и не для огласки): “Я желаю и хочу лишь блага той стране, в которую привел меня Господь... Слава страны создаст мою славу”. А на склоне дней своих она размышляла: “Это государство сделало для меня бесконечно много, и я считаю, что всех моих усилий, непрестанно направляемых ко благу этого государства, к его процветанию и к его высшим интересам, едва ли хватит, чтобы отблагодарить его”⁷. Искренность этих слов, как и все, что Екатерина писала или говорила, подвергают сомнению: она “постоянно твердила о величии русского народа. Делала это императрица не потому, что прониклась к России особыми чувствами. Если бы судьба забросила ее не в Петербург, а, скажем, в Константинополь или Пекин, она с не меньшим усердием доказывала бы величие турецкого или китайского народа”⁸.

Вряд ли подобное заявление можно отнести к глубокому проникновению в мир чувств крупной исторической личности. Конечно, молва твердит: чужая душа – потемки. Но все же позволительно выказать мнение, что Екатерина заслужила более внимательного и уважительного к себе отношения за сорокалетнее служение России – как бы критически мы не оценивали ее деятельность, ибо она, находясь у руководства державой представляла определенную систему и определенный класс – дворянский.

Ни разу за 52 года жизни в России царица не покидала ее пределов. Она отказалась от модного тогда обычая – держать слуг-иностранцев. Когда во время визита в Прибалтику местное рыцарство вздумало приветствовать ее на родном немецком языке, Григорий Орлов отвечал по ее поручению и по-русски.

Мелочи? Детали? Иногда ее подчеркивание русского выглядело забавно: врача, “отворявшего” ей кровь, она попросила выпустить последнюю каплю ее “немецкой” крови, чтобы в жилах струилась одна “русская”. Но ведь из мелочей складывается жизнь. По словам британского историка Дж. Гуча, “она раз и навсегда повернулась спиной к стране своего рождения и слилась умом и сердцем с новым своим домом”.

Подойдем к вопросу с другой стороны. Читая труды советского периода, можно прийти к выводу, что монархи только и делали, что разоряли подданных, хотя элементарные нужды казны требовали совсем иного, – иначе с кого собирать налоги? Важное для Екатерины положение – престиж монарха – прямо зависело от престижа страны; без впечатляющих деяний по подъему державы память о носителе короны



Граф. Н.И. Панин.

Гравюра А. Радига с портрета работы
А. Рослина, 1770-е. Из альбома "Русская
портретная галерея"

быстро зарастала травой забвения. Отсюда ее слова: "Слава страны создаст мою славу".

Она, пожалуй, единственная среди российских самодержцев выработала систему взглядов, чему способствовало чтение, к которому она увлеченно предавалась всю жизнь, смолоду беря книгу даже на прогулки верхом. Отпечаток идей Просвещения в ее размышлениях великокняжеской поры очевиден: "Свобода – душа всего, без тебя все мертво. Я хочу, чтобы повиновались законам, но не рабов. Хочу общей цели – сделать всех счастливыми, но вовсе не своею правью, не чудачества и не тирания...". Но на силуэт мечтаний сразу же набегала мрачная тень; а как же крепостное право? Бумаге она поверяла сокровенные мысли: "Противно христианской религии и справедливости делать рабов из людей, которые получают свободу при рождении"⁹.

Все это – из заметок, которые делались для себя и почти про себя и были обнаружены (но не обнародованы) после смерти императрицы. Разве можно считать их проявлением лицемерия и фарисейства? Перед кем она двоядушничала – сама перед собой?

Сказанное вовсе не означает, что она не была способна к лицемерию, причем по-крупному. Стоит вспомнить, с каким холодным цинизмом она ожидала смерти Елизаветы Петровны и как потом, после кончины, в глубоком трауре и на коленях "оплакивала" усопшую, и слезы лились.

В.О. Ключевский суров по отношению к великой княгине: были мечты и даже идеалы, но не убеждения: "признание истины не прони-

калось решимостью строить нравственный порядок в себе и вокруг себя”¹⁰. Ее заметки он сравнивал с тетрадами мечтательной институтки. И все же одна попытка претворить идеалы в жизнь наличествовала – ее Наказ.

Из ряда великих умов Екатерина выделяла Монтескье. Многозначителен ее отзыв: «Его “Дух законов” есть молитвенник государей, если только они имеют здравый смысл»¹¹. Последние слова выражают главное: Монтескье ведь не выступал против абсолютизма, осуждая лишь деспотию. В глазах поборников просвещенного абсолютизма его идеи не разрушали, а помогали усовершенствовать систему управления. В представлении императрицы он давал мудрые советы, способствовавшие установлению мира, утверждению порядка и благосостояния в державе при разумном сожительстве всех сословий; ее цель – “видити все отечество свое на самой вышней ступени благополучия, славы, блаженства и спокойствия”¹². “Дух законов” она воспринимала как своего рода поучение монархам, как собрание рецептов по предотвращению потрясений в обществе. Учение о разделении властей на законодательную, исполнительную и судебную она толковала специфически, ратуя за независимость судей, но Боже упаси от малейшего посягательства на прерогативы самодержавия.

Царица с увлечением трудилась над Наказом, уделяя ему по три часа в день в течение двух лет. Екатерина была слишком осторожна, чтобы представлять плоды своих в значительной степени компилятивных занятий на рассмотрение широкой по тому времени российской и европейской общественности. Она дала текст Наказа сперва на суд иерархам церкви, затем – вельможам и избранным умам, причем не всю рукопись сразу, а по одной-две странички (“...я более листа одново или другого не показывала вдруг”).

Рецензенты постарались на совесть, и царица вняла их гласу. “Я зачеркнула, разорвала и сожгла больше половины, и Бог знает, что останется с остальным”¹³. Пострадали больше всего высказывания по крестьянскому вопросу. А.Г. Брикнер назвал “несистематичными, бессвязными афоризмами” все то, что уцелело; всего выпало двадцать статей, затрагивавших злоупотребления помещиков и властей, и даже абстрактно сформулированные истины вроде следующей: “Не может земледельство процветать тут, где никто не имеет ничего собственного”¹⁴. Екатерина выражалась чуть ли не эзоповым языком: “У афинян строго наказывали того, кто с рабом поступал свирепо”, т.е. ходила вокруг и около взрывоопасного сюжета: “Нужно, чтобы предупреждены были те причины, кои столь часто привели в непослушание рабов против господ своих”. Зато она вполне определенно успокаивала крепостников: “Не нужно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных” – и робко намекала: “Законы могут учредить нечто полезное для собственного рабов имущества”¹⁵.

В своих консультациях она не обошла вниманием и умственную элиту общества; особо жаркий спор разыгрался у нее с А.М. Сумароковым. Тот с пылом отстаивал крепостничество: отмени его – и наступит «ужасное несогласие между помещиков и крестьян, ради усмире-

ния которых потребны будут многие полки; непрестанно будет в государстве междоусобная брань, и вместо того, что ныне помещики живут покойно в вотчинах (“и бывають зарезаны отчасти от своих”, – замечала на полях Екатерина), вотчины их превратятся в опаснейшие им жилища, ибо они будут зависеть от крестьян, а не крестьяне от них... Наш низкий народ никаких благородных чувствий не имеет»¹⁶.

Даже граф Александр Сергеевич Строганов, слышавший воплощением человеколюбия, мягкости и воспитанности, “с негодованием и страстью защищал дело рабства, – вспоминала Екатерина. – Я думаю, не было и двадцати человек, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и как люди”¹⁷. Уже на закате жизни, расставшись с иллюзиями молодости, она написала на полях радищевского “Путешествия из Петербурга в Москву”: “Уговаривает помещиков освободить крестьян, да никто не слушает”¹⁸.

Характерную позицию заняло созданное по инициативе Екатерины Вольное экономическое общество: оно присудило премию автору трактата, высказавшемуся за постепенное освобождение крестьян, но не решилось его напечатать¹⁹. Не дай Бог вынести опасную идею за пределы узкого кружка!

Понятно, что в процессе “редакционной работы” урезанию в первую очередь подвергалось то, что хотя бы косвенно задевало крепостничество. Жертвой критики пало вполне невинное пожелание: “Всякий человек должен иметь пищу и одежду по своему состоянию, и сие надлежит определить законом. Законы и о том должны иметь попечение, чтоб рабы и в старости и в болезни не были оставлены”²⁰. Наказ и в печатном варианте представлялся опасным. Просвещенный вельможа Никита Иванович Панин предупреждал: “Эти аксиомы способны сокрушить стены”²¹.

Все же и в общипанном виде в Наказе сохранилось немало замечательных положений: “Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют”; “Равенство требует хорошего постановления, которое воспрещало бы богатым удручать меньшее их стяжение имеющих”; “Предупреждать преступление есть намерение и конец хорошего правления...”; “Я почитаю себе за долг желать, чтобы каждый довольную часть на свое пропитание имел. Сверх того, земледелие таким образом может прийти в лучшее состояние и государство через то большую получить пользу, имея несколько тысячей подданных, наслаждающихся умеренным достатком, нежели имея несколько сот великих богачей”²².

Влияние просветительских идей здесь очевидно: мысли о свободе личности в рамках закона, о гражданском равноправии, о желательности для государства опираться на широкий слой мелких собственников, косвенная, очень осторожная критика вельможных богачей – все это взято из арсенала мудрости эпохи. Презумпция невиновности выражалась в формуле: “Человека не можно почитать виновным прежде приговора судейского”. Екатерина внимательно и заинтересованно проштудировала трактат Ч. Беккариа “О преступлениях и наказаниях” и извлекла из него немало полезного: “Гораздо лучше предупреждать преступление, нежели наказывать”; “всякое наказание, которое не по

необходимости налагается, есть тиранское”. Пришел конец страшному “слову и делу”, когда человека за случайно сорвавшееся, часто спяну, замечание волокли на дыбу. Отныне преступление должно быть “совокупно с действием”. Под пунктом б значилось важнейшее положение: “Россия есть европейская держава”, определившее внешнеполитический курс государства на десятилетия. И тут же рядом безапелляционное: “Пространное государство предполагает самодержавную власть в той особе, которая оным правит”; столь же категорически говорилось о достоинствах этой власти: ее “намерение и конец есть слава граждан, государства и государя”. Правда, появился тезис об ответственности монарха, но не перед подданными, а перед совестью и Богом: самодержавство гибнет, если свои мечты ставит выше законов, “мы сотворены для нашего народа, и по сей причине мы обязаны говорить о вещах так, как они быть должны”²³.

Выпрыгнуть из эпохи не дано ни монарху, ни революционеру. Якобинцы оставили за собой горы отсеченных гильотиной голов, народовольцы – трупы погибших при покушениях, с трудом и великими жертвами сооружавшаяся социалистическая система рухнула в одночасье. Но мы привыкли воспевать штурмующих небо утопистов и с презрением осуждать приземленных реалистов, нарекаемых оппортунистами. К последним, несомненно, относилась Екатерина. Характерна ее сентенция на смерть просвещенного императора Иосифа II, при жизни вынужденного отменить большинство своих реформ: “И умен, и знающ, и вот некому было сказать ему: не раздражай подданных”²⁴. Венец мученичества Екатерине не подходил, перспектива потери трона, а то и жизни не прельщала. Она безропотно приняла суждение окружающих.

Нужно ли бросать в нее за это камни? И подходить с разной меркой к героям прошлого, что мы делали до сих пор? Так, автор Декларации независимости и третий президент Соединенных Штатов Америки Томас Джефферсон был плантатором и рабовладельцем, что не помешало ему числиться одним из отцов современной демократии. Не пора ли и нам унять критический пыл и трезво и разносторонне оценивать деяния отдельных личностей, даже если их голову украшала корона?

Создается впечатление, что к екатерининским преобразованиям подходили не с позиций эпохи, в которой она жила, а с точки зрения иных времен; поступь прогресса в XIX в. была стремительна, общественная мысль двигалась вперед гигантскими шагами, и с высоты ее достижений установленные Екатериной порядки представлялись изжившими себя преданиями старины глубокой: “Духовный расцвет страны пошел так бурно, что предыдущий век словно бы сразу обветшал”, – замечает О.Г. Чайковская²⁵. Его олицетворяли сохранившиеся старички в напудренных париках, шитых бисером камзолах и туфлях с красными каблуками: забавно, но не серьезно. Крепостничество превратилось в тормоз общественного развития, это сознавал даже Николай I, не отличавшийся широтой кругозора своей бабки, отсюда – чуть ли не десяток тайных комитетов, занимавшихся при нем аграрным вопросом, но так и не решившихся перейти Руби-

кон крепостничества. Чтобы его отменить, понадобилась катастрофа Крымской войны и просвещенный ум Александра II. Корона приступила к реформам “сверху”, чтобы предотвратить революцию “снизу”, с опозданием, когда самодержавный строй и крепостническая система стали одиозными. Но можно ли винить Екатерину за то, что она не опередила своего правнука на сто лет?

Созванная в 1767 г. комиссия по составлению нового государственного Уложения выглядела по тогдашним понятиям импозантно: 208 представителей от городов, 28 – от государственных учреждений, 165 – от дворянства, 42 – от однодворцев, 29 – от государственных крестьян, 45 – от казаков, 54 – от нерусского населения Сибири, Поволжья и Севера. В.О. Ключевский назвал ее всероссийской этнографической выставкой. Все, кроме крепостных. Правительство явно хотело выслушать “глас народа” и с оным народом посоветоваться, или, словами Екатерины, получить “сведения со всей империи, с кем дело имеем и о ком пещись должно”. Члены комиссии освобождались от телесных наказаний, не подлежали смертной казни, и за всем этим виделось что-то вроде депутатской неприкосновенности. Ревнителю старины были как громом поражены, проведая, что дворянин М. Глазов публично принес извинения каргопольским крестьянам за оскорбление их словом, а председатель собрания А.И. Бибиков наложил на него штраф в 5 руб. – сумма по тому времени солидная²⁶. Происходило нечто невиданное на Руси (по крайней мере со времен Земских соборов): обмен мнениями по делам, державы касавшимся, обнаруживший, что светлые умы есть не только в столицах, но и притаились в углах, считавшихся медвежьими. Коробьин, Чупров, Кибинский, Козельский в разных комиссиях высказались за смягчение крепостного права, выдвигали предложения, как ограничить барщину (двумя днями в неделю) и оброк (10 руб. в год или, в другом варианте, треть урожая). Особенным красноречием отличался депутат от Козлова Коробьин, поднявший голос в пользу законодательного ограничения прав помещика на крестьянское имущество. Обнаружились сторонники послаблений из дворян. Елагин предлагал определить крестьянские повинности и наделить крепостных землей; Блудов полагал, что следует считать свободными всех детей крепостных, родившихся после 1785 г. Оппоненты им возражали: помещики-де о крестьянах заботятся, даже снабжают их хлебом в неурожайные годы, а “бунтуют” и государственные крестьяне – и все по причине “развращения нравов”²⁷. Самый авторитетный среди них, талантливый публицист и историк князь М.М. Щербатов, иногда говорил правильные вещи: “Мы – люди, и подвластные нам крестьяне суть подобные нам. Разность случаев возвела нас на степень властителей над ними... Какое сердце не тронется, глядя на истекающие слезы проданного, оставляющего и место своего жилища, и тех, кем рожден, и кем воспитан, и с кем всегда жил”²⁸. Тирада увенчалась более чем скромным предложением: “Я, конечно, не сомневаюсь, что почтенная комиссия узаконит запрещение продавать людей поодиночке без земли”. Но и тут послышались возражения: бывают дворяне столь оскудневшие, что им, беднякам, и расплатиться за долги можно только рабом.

В Наказах, коими снабдили депутатов, излагалось немало нужных и полезных пожеланий, поднимались вопросы о больницах, лекарях, школах (в одном даже уточнялось – на каждые сто дворов потребен один учитель), богадельнях, сиротских домах, казенных хлебных магазинах. Но обнаружилось и другое. В стране сложилась насквозь порочная система личной зависимости людей; рынка свободной рабочей силы не существовало, и все стремились заполучить ее простейшим способом, приобретая крепостных. Драматизм ситуации Сергей Михайлович Соловьев выразил в одной фразе: "...от дворянства, купечества и духовенства послышался этот дружный и страшно печальный крик – рабов"²⁹. В дворянских Наказах, по понятным причинам, отвергалась идея отмены крепостничества, а в крестьянских (их насчитывалось около тысячи) вопрос о крепостном праве не поднимался. Общество замкнулось в скорлупе узкокастовых интересов. Всякое сословие пыталось перетянуть государственное одеяло на себя. Помещики требовали исключительного права на владение крестьянами, купцы – на торговлю и учреждение фабрик. Потомственное дворянство ссорилось со служилым, вышедшим в "благородные" в соответствии с петровской Табелью о рангах. Черносошные (государственные) крестьяне устами своего представителя Вонифатьева просили предоставить им возможность открывать свои лавки, что крайне встревожило купцов: в таком случае пахари, усевшись за прилавки, забросят землю, возрастет дороговизна и всем-де станет худо жить.

Да и могло ли быть иначе, когда вельможа, покидая петербургскую заставу, погружался в провинциальное невежество и мрак?

Из впечатлений тверского и новгородского наместника Я.Е. Сиверса от посещения подведомственных мест: "Город Остров – суцая деревня... В воеводском доме только сороки да вороны живут, ни площади, ни лавки не нашли... В Холме более семисот душ, и только один умеет писать". В Торопце "едва один купец успел построить каменный дом, как полковник вступившего в город полка занял его... а хозяин остался жить в старом деревянном, после чего никто уже другого каменного дома не заложил". Оскудение дворянства бросалось в глаза: "Я был в одной деревне, где в 15 избах крестьянских нашлось 17 помещиков, и весь народ на жнитве хлеба был благородный"³⁰. Что же говорить о крепостных? В имени фельдмаршала П.А. Румянцева существовала табель о наказаниях, правда, оговаривалось, что бить до смерти нельзя. В первопрестольной, по словам самой Екатерины, "нет дома, где не было инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в тот несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи без преступления".

Многим, даже просвещенным, современникам представлялось, что затея с созывом Уложенной комиссии пришла не ко времени. Сам ее президент, генерал А.И. Бибииков, выражал сомнение: "Предприятие сие было рановременно, и умы большей части депутатов не были еще к сему приготовлены и весьма далеки от той степени просвещения и знания, которая требовалась к столь важнейшему их делу". Тревогу генерала вызывала позиция тех депутатов, которые склонны были при-

давать комиссии несвойственные ей функции и, “увлеченные вольнолюбием, ухищрялись уже приписывать законы верховной власти”; и уж совершенное негодование вызывала робкая критика крепостного права, “истинною философиею и христианским человеколюбием предначертанного” (!!). Прошло несколько лет, и тот же Бибиков подавлял Пугачевское восстание пулей, штыком и кнутом, проявив всю меру своего “христианского человеколюбия”³¹.

Комиссия по составлению Уложения с фатальной неизбежностью зашла в тупик. Ее prerogative были с самого начала неясны; критиковать императрицу не полагалось, ею можно было только восторгаться; внушать ей какие-либо мысли и пожелания собрание не было способно по причине полной разногласицы во мнениях, сословия шли стенкой на стенку. Дерево Просвещения отторгалось от крепостничества. Начавшаяся в 1768 г. война с Турцией позволила Екатерине, сохранив лицо и сославшись на отъезд некоторых делегатов на театр военных действий, “временно” распустить комиссию, с тем чтобы никогда не созывать ее вновь.

Таков был закономерный конец предпринятой попытки посоветоваться с “народом”. А.Б. Каменский замечает по этому поводу: “Комиссия преподнесла Екатерине предметный урок о невозможности реализации теоретических построений европейских философов на русской почве”³². То же самое по сути, но в более резкой форме, пишет американец А. Грей: Наказ явился плодом мысли иностранной, европейской, попыткой внедрить мораль католической Франции, и в этом его порок³³.

Стремление отыскать рецепты за рубежом издавна обуревало отечественных реформаторов, но лишь в порядке исключения удавалось добиться успеха. Обычно, когда в России пытались внедрить скопированные откуда-то реформы, пусть прогрессивные, и действовали с наилучшими намерениями, затея кончалась провалом. Ф.И. Тютчев выразил это в ставших крылатыми словами:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.

Екатерина же попыталась это сделать и натолкнулась на глухую стену сопротивления. К реформам на французский манер страна не была готова. В этом, нам представляется, суть. Впрочем, и насчет Франции нужна оговорка. Наказ запретили туда ввозить, сочтя его крамольным. И в наши дни, в постперестроечное время, к нам прибыли иноземные гастролеры в профессорском ранге, но вскоре испарились, не оставив никаких следов, если не считать дыр в бюджете. Обращение Екатерины к иностранному опыту, пусть самому передовому, но без всякой связи с традициями и прошлым законоположением страны, разделило общую участь. Императрица “исправилась” и больше никогда не впадала в философские мечтания на государственном уровне: иноземный камзол не мог заменить российского кафтана. По словам А.Б. Каменского, “на смену периоду политической романтики пришел период политического реализма, опаленный пожаром пугачевщины”³⁴.

- ¹ *Ключевский В.О.* Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 181.
- ² Сб. РИО. СПб., 1874. Т. 10. С. 330; Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 537–545, 583–584.
- ³ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 577.
- ⁴ Там же. С. 621.
- ⁵ *Екатерина II.* Соч. М., 1990. С. 472; *Ключевский В.О.* Указ. соч. Кн. 3. С. 252; *Екатерина Великая – эпоха российской истории.* СПб., 1996. С. 181; *Madariaga I.* Russia in the Age of Catherine the Great. L., 1981. P. 113, 118.
- ⁶ Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 20. С. 237.
- ⁷ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 627; Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 42. С. 177.
- ⁸ *Гаврюшкин А.В.* Граф Никита Панин. М., 1989. С. 74.
- ⁹ *Goosch G.P.* Catherine the Great. L. etc., 1954. P. 1; Записки императрицы Екатерины Второй.. С. 62.
- ¹⁰ *Ключевский В.О.* Указ. соч. Кн. 3. С. 258–259.
- ¹¹ *Соловьев С.М.* Соч. М. 1994. Кн. 13. С. 474.
- ¹² *Екатерина II.* Соч. С. 22.
- ¹³ Там же. С. 477; *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 13. С. 475.
- ¹⁴ *Брикнер А.Г.* История Екатерины II. М., 1991. Т. 2. С. 536; *Ключевский В.О.* Указ. соч. Кн. 3. С. 263; *Екатерина II.* Соч. С. 28.
- ¹⁵ *Екатерина II.* Соч. С. 261.
- ¹⁶ *Соловьев С.М.* Соч. М., 1995. Кн. 14. С. 34; Сб. РИО. СПб., 1867. Т. 1. С. 16.
- ¹⁷ *Каменский А.Б.* “Под сению Екатерины”, СПб., 1992. С. 208–209.
- ¹⁸ *Любавский М.К.* История царствования Екатерины II. М., 1911. С. 172.
- ¹⁹ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 14. С. 103.
- ²⁰ Там же. С. 67.
- ²¹ Там же. С. 120, 477.
- ²² Там же. С. 61; *Брикнер А.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 530–533; *Каменский А.Б.* Указ. соч. С. 178–183.
- ²³ *Брикнер А.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 534; *Каменский А.Б.* Указ. соч. С. 181.
- ²⁴ Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 42. С. 757.
- ²⁵ *Чайковская О.Г.* “Как любопытный скиф”. М., 1990. С. 82–83.
- ²⁶ *Каменский А.Б.* Указ. соч. С. 188.
- ²⁷ *Любавский М.К.* Указ. соч. С. 122, 140–151, 158; *Брикнер А.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 108; 578, 582; *Ключевский В.О.* Указ. соч. Кн. 3. С. 283; Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 8. С. 108.
- ²⁸ *Брикнер А.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 578.
- ²⁹ *Соловьев С.М.* Соч. Кн. 14. С. 95, 100.
- ³⁰ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 14. С. 128–129.
- ³¹ *Чайковская О.Г.* Указ. соч. С. 70; *Брикнер А.Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 602.
- ³² *Каменский А.Б.* Указ. соч. С. 209.
- ³³ *Grey I.* Catherine the Great, Autocrat and Empress of all Russias. Westport (Con.), 1975. P. 147.
- ³⁴ *Каменский А.Б.* Указ. соч. С. 230.

РОССИЙСКАЯ СЕВЕРНАЯ СИСТЕМА И ФРАНЦУЗСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ БАРЬЕР

Все мыслимые факторы, внутренние и внешние, требовали от Екатерины сохранения мира. В стране – сумятица, беспорядок, безденежье, вовне – настойчивые австрийские призывы вернуться на поле боя. Во имя чего? Было ли благоразумно с российской стороны добивать едва державшуюся на ногах Пруссию? Вероятно, в тех условиях – нет, иначе баланс сил неизбежно склонился бы в пользу Австрии, которая стала бы стеной на пути российского продвижения на Балканы; а так враждующие, вконец истощив друг друга, в 1763 г. помирились на условиях статус-кво, но на мирный конгресс Россию не пригласили. Фридрих II, нареченный Великим, заполз в берлинскую берлогу зализывать раны, и в ближайшие годы его можно было не опасаться. Оружием он больше не бряцал, С.М. Соловьев писал даже о его “войнобоязни”.

Петр III оставил горькое наследство в виде порожденной им ненависти к иностранному влиянию; на любое сотрудничество могли посмотреть косо и истолковать его криво: “Мое существование состоит в том, чтобы, разве потеряю рассудок, не хотеть быть под игом ни у какого двора – и я, слава Богу, не нахожусь под ним, – заключить мир, привести мое обремененное долгами государство в наилучшее состояние, какое только могу, и это все”, – свидетельствовала императрица¹.

Господствующее настроение Екатерина выразила в крылатой фразе: “Время всем покажет, что мы ни за кем хвостом не тащимся”. Поставленный во главе иностранных дел Никита Иванович Панин выражался дипломатичнее, но не менее определенно: “Мы затверделому в делах австрийскому самовластию и воле следовать не хотим и во взаимных интересах наших с оным двором ведаем определять истинное равновесие...”² Возобладал тезис: “Россия независимо от других держав собою весьма действовать может”. Крепло убеждение в том, что Европа больше нуждается в России, чем последняя в Европе. Да и сами австрийцы в глубине души это осознавали: “Россия сама по себе настолько крепкое государство, что может обойтись без всякой иноземной помощи, – свидетельствовал их посол в Петербурге. Венскому двору был дан от ворот поворот: “Система наша (названная Северной. – *Авт.*) выведена из зависимости, в которой он содержать ее обык” (Н.И. Панин)³.

Смена курса, связанная с именем Панина, была столь крутой, что ее осудил такой авторитет, как С.М. Соловьев. Панин, уличал его Сергей Михайлович, “переменил старую мудрую систему, по которой Россия была в постоянном союзе с Австрией – в союзе самом естествен-

ном, доставлявшем постоянное обеспечение от турок; придумали какую-то Северную систему, которая никак не ладилась...” В.О. Ключевский называл Панина “дипломатом-белоручкой”, чувствительным и мечтательным до маниловщины, а его творение – “дипломатической телегой, запряженной щукою, лебедем и раком”. Корифеям русской историографии вторит британец Аян Грей: система-де – “продукт панинского идеализма”. В наши дни В.С. Лопатин определяет курс Панина как “прусский”⁴, игравший на руку Фридриху II. А.В. Гаврюшкин, напротив, превозносит его до небес.

И тут в пору вспомнить знаменитое изречение Генри Джона Пальмерстона: “У нас нет ни вечных союзников, ни постоянных врагов, но постоянны и вечны наши интересы, и защищать их – наш долг”⁵.

После Семилетней войны Петербург болезненно ощущал стремление Габсбургов поставить себе на службу дружбу с Романовыми. Они, по словам Панина, “еще привыкнуть не могут к нашей инфлюенции в общих делах” и “ищут только пользоваться нами”.

В “постоянном обеспечении от турок” Россия больше не нуждалась. На этом направлении она переходила в наступление, а тут Австрия выступала оппонентом, не желая допускать Россию к устьям Дуная и, упаси Боже, позволить ей прорваться за великую реку на Балканы.

Ситуация на остальной части Европы Екатерину вполне устраивала. Никаких территориальных поползновений: “Намерения нашего никогда не было, да и нет в этом нужды, чтобы стараться о расширении границ империи нашей. Она и без того пространством своим составляет нарочитую часть земного круга”⁶. Не нужно ни ссор, ни, Боже упаси, войн на континенте. Н.И. Панин видел смысл своей “системы” в том, чтобы “на севере тишину и покой ненарушимо сохранять”. В той или иной мере к “системе” удалось привлечь Англию, Пруссию, Данию, Швецию и Польшу. Правда, свою прекрасную формулу Никита Иванович сопровождал фразой, снижавшей уровень ее прелести и привлекательности: дабы “знатную часть руководства иметь”⁷. Попутно имелось в виду наблюдать за союзниками, поддерживая нужные режимы: “С помощью Пруссии, Британии и Дании Панин надеялся удержать у власти в Швеции и Польше прорусские круги, – пишет Изабель Мадариага, – тем самым обеспечивалась фактическая российская гегемония на Балтике”⁸. Что так, то так. В Стокгольме Екатерина поддерживала либеральную “партию колпаков”⁹, выступала убежденной сторонницей конституционного правления. Она не скупилась на раздачу денег и следила за тем, чтобы ее дядя, король Адольф-Фредрик, не вздумал восстанавливать абсолютизм. Она стояла на страже сложившихся в Речи Посполитой порядков, означавших отсутствие твердой центральной власти; пресловутое свободное (либерум) вето, право любого шляхтича наложить запрет на любой закон, обрекало на провал всякую попытку преобразований. Для узкого круга посвященных она писала о “счастливой анархии, в которой находится Польша, которой

* Прозвище “колпаки” партия получила от своих оппонентов из “партии шляп” за миролюбивую, как бы сонную – “в ночном колпаке”, внешнюю политику.

мы распоряжаемся по нашему усмотрению”⁹. Король Август III дышал на ладан, и в европейских столицах ему подыскивали преемника. Сама Екатерина задумала посадить на варшавский трон бывшего фаворита Станислава Понятовского, импониравшего польской общественности: природный поляк, потомок древней династии Пястов, сам небогат, но по матери в родстве с могущественным кланом Чарторыйских; умен, образован, просвещен. Приписывать поэтому избрание в 1764 г. Станислава-Августа на престол лишь подкупу с российской стороны было бы поверхностно и неточно. Не заслужил он и уничижительной характеристики В.О.Ключевского: “Фат, рожденный для будуара, а не для престола; шагу не мог ступить без красивого словца и глупого поступка”¹⁰.

Правда, сам Понятовский честолюбием не отличался, ответственность его пугала, связь с Екатериной явилась для него не преходящим увлечением, а глубоким чувством. В ответ на жизнерадостное предложение царицы сделать его королем Станислав слал в Петербург страстные письма: “Я в сто раз больше хочу стать послем в твоём ближайшем окружении, чем королем здесь!.. Так дважды не любят, как я люблю тебя! Что мне еще остается? Ужасная пустота и тоска на сердце. О, Софи, Софи, ты заставляешь меня страдать!”¹¹

Екатерина отвечала Понятовскому вежливо-рассудочными посланиями (ее сердце уже принадлежало Григорию Орлову), да и не она служила фаворитам, а они ей. Царица разъясняла экс-возлюбленному, почему его приезд не только нежелателен, но просто опасен: “Я должна соблюдать тысячу приличий и тысячу предосторожностей и вместе с тем чувствую все бремя правления. Знайте, что все произошло из ненависти к иностранцам, что Петр III сам слывет за такого”. А тут явится поляк, да еще, по слухам, претендующий на ее руку! Домогательства Понятовского отвергались. Письмо от 27 мая 1763 г. написано уже в раздраженном тоне: “Я повторяю Вам уже шесть месяцев ...что, если Вы явитесь сюда, Вы рискуете, что убьют обоих нас”¹². О том, что место фаворита прочно занято Григорием Орловым, императрица умалчивала.

До улаживания польских дел следовало позаботиться о тогдашнем “ближнем зарубежье”, прежде всего о герцогстве Курляндском. После некоторых колебаний Екатерина остановила свой выбор на старом Э.И. Бироне – уж больно однозной представлялась фигура мрачного временщика при Анне Иоанновне. Полагали, однако, что преклонный возраст (за семьдесят) и двадцатидвухлетняя ссылка его сломили и сделали покладистым, что он немедленно засвидетельствовал, обязавшись покровительствовать православному духовенству, не иметь сношений с врагами России, предоставить право свободного прохода ее войскам и пользования курляндскими портами¹³.

С Речью Посполитой все обстояло гораздо сложнее. В Париже, Вене и Берлине с нетерпением ждали, когда же Август III испустит дух, чтобы посадить на освободившийся престол своего ставленника. С Австрией и Францией Екатерине было не по пути, союзные католические державы явно стремились прибрать Польшу к рукам. Иное дело Фрид-

рих II, побитый, пребывавший в полнейшей изоляции и помышлявший о приобретении побережья Балтики, что позволило бы соединить западные и восточные прусские территории. “Старый Фриц” был готов броситься Екатерине на шею; ответных чувств она не питала; в первом подписанном царицей манифесте он именовался “злодеем”, но в следующем этот эпитет исчез – в бумагах мужа императрица обнаружила письмо, в котором пруссак советовал взбалмошному царю с женой не ссориться, а, напротив, прислушиваться к ее мнению. Нужна была какая-то опора, чтобы не позволить австро-французскому блоку восторжествовать. О разделе Польши обитатель замка Сан-Суси благоразумно помалкивал. Русско-прусский договор 1764 г. предусматривал избрание на варшавский трон “природного поляка”. В его “секретнейшей” статье (существовала и такая!) называлось имя Станислава Понятовского; он был избран под сильным внешним давлением, но по всем канонам конституциональной процедуры. Франция, истощенная войной, вся в долгах, находилась в “изнуренном состоянии” и потому лишь для вида поспорила¹⁴.

Екатерина торжествовала. Она призвала к себе истопника Федора Михайловича, родоначальника современной правительственной спецсвязи, и вместе с другими бумагами сунула в необъятный карман его кафтана записочку Панину: “Никита Иванович! Поздравляю Вас с королем, которого мы делали. Сей случай наивысше умножает к Вам мою доверенность, понеже я вижу, сколь безошибочны были все Вами взятые меры, о чем я не хотела обойтись показать Вам свое удовольствие”^{1*}. Она поспешила уплатить немалые долги, числившиеся за Понятовским, и назначила ему пенсию в 3 тыс. червонных (9 тыс. руб.) ежегодно¹⁵.

Плохо знала царица поляков! Вроде бы благое дело – защита прав православного и лютеранского населения страны (по тогдашней терминологии – диссидентов) от наступления католической реакции – обернулось вооруженным вмешательством во внутриваршавские дела, посылкой туда войск, национальным протестом, развязыванием гражданской войны и тяжелейшими международными последствиями: Речь Посполитая являлась центральным звеном направленной против России французской системы союзов, названной Восточным барьером: Швеция – Польша – Османская империя, и одним из плацдармов, от которых зависел баланс сил на континенте.

Еще в начале XVIII столетия Англия, Голландия и Германия (или, как она тогда официально именовалась, Священная Римская империя германской нации) в ходе войны за испанское наследство (1701–1714) в какой-то степени обуздали притязания Людовика XIV на гегемонию в Европе, но лишь в какой-то. Следующий Людовик не был чужд притязаний на ту же роль, но быстро крепнувшая Россия ему явно мешала, и противодействовать ей призваны были три страны – Османская импе-

^{1*} Здесь и далее сделанные по-русски записи Екатерины приводятся со всеми грамматическими погрешностями. В то же время язык царицы выразителен и по-своему красочен и схож с живой разговорной речью.

рия, Польша и Швеция, чьи противоречия с Москвой, а потом с Петербургом уходили в глубь веков.

Франция издавна занимала особую позицию в отношении Турции. Титул “христианнейшего” величества не препятствовал ее королям пребывать в тесной дружбе с падишахами правоверных мусульман, что приносило ощутимые выгоды дворянству и купечеству: еще в 1534 г. султан особым актом (капитуляцией) предоставил французам торговые привилегии, с тех пор неоднократно продлевавшиеся и расширявшиеся. Париж рассматривал султанские владения как сферу своих экономических и политических интересов и открыто враждебно реагировал на всякое постороннее вторжение в оную сферу.

Другой ареной франко-русских противоречий, которые к тому же углублялись и обострялись личными амбициями Людовика XV, являлась Польша. Он не слишком удачно с династической точки зрения женился на дочери Станислава Лещинского, устраненного с польского престола усилиями российских войск. Хотя Мария Лещинская и пребывала на задворках придворной жизни, а ее любвеобильный супруг не жил в объятиях сменявших друг друга фавориток, положение обязывало: “Его величество, – объясняли дипломаты, – женился на простой девице, и было необходимо, чтобы королева была дочерью короля”¹⁶. Затеянная Людовиком интрига провалилась: прибывший в Варшаву под большим секретом Лещинский был оттуда выдворен.

Но, конечно, главное заключалось не в личном тщеславии Людовика, а в стремлении дать отпор великодержавным поползновениям царизма, знаменовавшим коренной перелом в расстановке сил на европейской арене.

Не допускать российского вмешательства в дела континента – таков был лейтмотив политики Франции в то время. Ревниво относясь к своим прерогативам, не доверяя даже “собственным” министрам, Людовик XV, помимо официального, завел личный негласный кабинет, призванный проводить в жизнь “секреты короля”. Руководитель его тайной дипломатии де Бройль инструктировал своих агентов: главное – не дать России “возможности играть какую бы то ни было роль в Европе; раз так, то не следует заключать с этим двором никаких договоров. Нужно заставить его впасть в совершенно летаргический сон, и если извлекать его из этого сна, то лишь путем конвульсий, например внутренних волнений”¹⁷. Сам король выражался еще определеннее. В письме послу в Петербурге Л.О. Бретейлю он излагал свою стратегию так: “Вы знаете, и я повторяю совершенно четко, что целью моей политики в отношении России является устранение ее, насколько возможно, от дел в Европе...” Видимо, сказанного королю показалось мало, и он добавил: “Все, что может ввергнуть этот народ в состояние хаоса и погрузить во мрак, служит моим интересам”. Политические соображения дополнялись личной неприязнью Людовика к Екатерине; по словам главы внешнеполитического ведомства Э. Шуазеля, “король глубоко презирает принцессу, которая царствует в этой стране, ее чувства и поведение... Король считает, что ненависть к нему Екатерины делает ему больше чести, нежели ее дружба”¹⁸. Здесь явственно скво-

зило желание использовать при случае более чем сомнительный способ, с помощью которого царица достигла престола.

На севере континента точкой опоры парижского двора являлась Швеция; неудача в войне против Петра I бросила шведов во французские объятия. Идеи реванша в той или иной форме будоражили общественную жизнь страны на протяжении всего XVIII в., их носительницей выступала “партия шляп”, представлявшая родовитое дворянство; соперничавшая с ней “партия колпаков”, включавшая широкие круги буржуазии и разночинцев, стояла на здравых позициях поддержки лояльных отношений с Россией. Тонкие маневры Екатерины и Н.И. Панина (подкрепленные толстыми кошельками) вовлекли Швецию в Северную систему. Но оба они отдавали себе отчет в непрочности и ненадежности дружбы Стокгольма. Две войны (1741–1743, 1788–1790), следовавшие за Северной, свидетельствовали о силе и живучести реваншистских притязаний.

Франция имела возможность использовать турецко-польско-шведскую дугу на российском побережье в своих интересах.

Правда, в конкретных условиях 60-х годов открыто вмешиваться в польские дела Луи XV не мог: только завершившаяся Семилетняя война дорого обошлась Франции, были потеряны Канада и владения в Индии, казна опустошена, государство – в долгах. “Мы так далеки от Петербурга, что не можем помешать действиям Репнина^{2*}, пока нам не будут помогать Вена и Порта”. Наблюдатели с мест предостерегали: “Поддерживать свободу Польши – значит защищать открытое место без гарнизонов, без офицеров, без всяких запасов, без хлеба, без укреплений”¹⁹. Да и воспоминания о 40-х годах, когда Станислав Лещинский едва унес ноги с родины, не вдохновляли.

Иное дело – Османская империя. Идея разжечь тлевшие угли русско-турецких противоречий вокруг Причерноморья не покидала парижскую дипломатию. В апреле 1766 г. послу в Константинополе Ш.Г. Вержену были направлены инструкции, не допускавшие криво толков: “На севере готовится Лига^{3*}, могущая стать опасной для Франции. Самым надежным средством перечеркнуть этот проект, а может быть, и свалить с захваченного престола узурпаторшу Екатерину явилось бы вовлечение ее в войну. Лишь турки могут оказать нам эту услугу”. Их следует втянуть в конфликт: “Единственной целью Ваших усилий должно быть вовлечение турок в войну”; “Нас не интересует конечный успех, но само объявление ее и ход позволит нам приступить к разрушению зловещих замыслов Екатерины”²⁰.

Знали бы в Париже, что тому самому Бретейлю, коему поручалось выдворить Россию из Европы, придется скрываться здесь от французской революции, а бежавшим с родины принципам обивать петербургские пороги и адресовать “узурпаторше” Екатерине льстивые обращения: “Существует ли, Мадам, вид славы, коей Ваше величество не вкусило бы? Вы делите с Петром честь создания великой империи, ибо если он

^{2*} Князь Н.В. Репнин – тогда посол в Польше.

^{3*} Речь идет о Северной системе.

первый вывел ее из хаоса, то Ваше величество, подобно Прометею, похитило солнечные лучи, дабы оживить ее!”²¹ Все преходяще в мире сём...

Между тем вопрос о Причерноморье не то что созрел, а перезрел. Торговля через Балтику не удовлетворяла хозяйственные нужды России. Один из членов Вольного экономического общества проводил на карте черту от Смоленска к Костроме и Воронежу; весь гигантский регион к югу он определял как кровно заинтересованный в сбыте своей продукции через Черное море, сухопутные перевозки обходились тогда в 50 раз дороже морских²². А путь к морю преграждало Крымское ханство.

Еще в 1475 г. в Крыму высадились турецкие войска, и ханство признало себя вассалом Османской империи. Константинополь приобрел верного и искусного в военном деле стража своих интересов.

За Окой на сотни и сотни верст простиралась полоса земли, именованная Диким полем. Плодороднейший в мире чернозем не знал здесь сохи земледельца; лишь изредка по просторам Дикого поля проносилась конница степняков – за добычей в русские города и села. В 1571 г. стотысячная кавалерия Девлет-Гирея стремительно подступила к Москве, и “случилось то, чего ожидать надлежало: он велел зажечь предместья... Деревянные дома и хижины вспыхнули в десяти разных местах. Небо омрачилось дымом, поднялся вихрь, и через несколько минут огненное, бурное море разлилось из конца в конец города с ужасным шумом и ревом... Народ и воины в беспамятстве искали спасения и гибли под развалинами пылающих зданий или в тесноте давили друг друга, стремясь в город, в Китай... Татары хотели, но не могли грабить в предместиях. Огонь выгнал их, и сам хан, уstraшенный сим адом, удалился к селу Коломенскому...”²³.

Еще одна страница из тогдашних бедствий отечества. Июль 1591 г. Казы-Гирей с ордой – у Воробьевых гор, “алчный взор его пожирал столицу. Сеча длилась весь день 4 июля. Дух упал в хане и вельможах крымских: они советовались и более уже ахали, нежели ободряли друг друга...” А русские пушки палили безостановочно ночь напролет, Борис Годунов велел не жалеть пороха. И Казы-Гирей “бежал за час до света”²⁴.

Больше крымцы к Москве не прорывались. Южные пределы государства помогала стеречь Засечная полоса – система укреплений, при которой дороги перекрывались сваленными крест-накрест деревьями, а в стратегически важных пунктах сооружались крепости. Но разве можно было угнаться за неуловимыми всадниками? Гиреям подносили богатые “подарки”, смахивавшие на скрытую дань, лишь бы они оставили в покое порубежье. Подарки принимались, набеги продолжались. Подсчитано, что в XVII в. двести тысяч россиян были угнаны в рабство и проданы на невольничьих рынках Средиземного моря.

Крымские походы 1687 и 1689 гг. кончились провалом: рать князя В.В. Голицына едва унесла ноги, татары подожгли сухую траву, степь пылала.

Петр I начал свои деяния с двух Азовских походов. Российский читатель воспитан на легенде, в которой действительность подернута

флером романтики, на прославленном романе Алексея Толстого, на фильмах Сергея Герасимова. Но ведь итог петровского наследия на юге представляется более чем скромным, если не сказать отрицательным. Два года понадобились, чтобы взять окраинную турецкую крепость Азов. По мирному договору россияне завоевали себе право на мореплавание, но лишь по мелководному, похожему на озеро Азовскому морю, выход из которого стерегла твердыня Керчи.

Договориться по-хорошему и получить согласие на плавание по просторам Черного моря не удалось. Османы заявили, что отвергли подобные ходатайства со стороны французов, англичан, голландцев и венецианцев. Тщетно думный дьяк Емельян Украинцев доказывал, что “для его царского величества торговых людей” то “не пример”, ибо иноземцы свободно плавают в Средиземноморье, что россиянами “состроен морской великий караван” не для того, чтобы бултыхаться в азовской луже, “такие морские суды на одном месте стоять без прибыли не обькли и не ведетця”²⁵. Но не таковы были успехи кампании, чтобы вторгаться в Черное море, да и скромные итоги были перечеркнуты неудачей Прутского похода 1711 г. Армию Петра окружили в молдавских степях впятеро превосходящие силы великого везира. Отчаянную атаку янычар удалось отбить, и они отказались ее повторять. Но кольцо окружения прорвать не удалось. Лишь с помощью хитрости Павла Шафирова да щедро рассыпанного золота удалось избежать катастрофы. Но Азов пришлось возвратить.

При Анне Иоанновне четыре года в союзе с Австрией длилась новая война с Турцией. В конечном счете Габсбурги потерпели поражение, вернув неприятелю Западную Валахию и Северную Сербию, ранее завоеванные великим полководцем Евгением Савойским. Россия возвратила себе Азов, но без права его укреплять. И так, после четырех войн, растянувшихся почти на столетие, Россия застряла у азовских берегов, бросая платонические взгляды на морские просторы. Земля к югу от бывшей крепости, гласил трактат 1739 г., “имеет остаться пустая и между двумя империями барьерою служить будет”. Тщательно оговаривалось, “чтобы Российская держава ни на Азовском море, ни на Черном море никакой корабельный флот ниже иных кораблей иметь и построить не могла”²⁶. Теоретически можно было вести торговлю на судах под турецким флагом (с экипажами в основном из греков). Посланнику А.М. Обрескову в 60-е годы предписали взвесить все “за” и “против” подобного варианта и составить соответствующую записку. “Против” в его отчете решительно перевешивало: турецкие корабли малы и плохих мореходных свойств; паруса на них не из льняных, а из хлопчатобумажных тканей, в дождь они промокали насквозь, становились тяжелыми и с трудом поддавались управлению. Большинство шкиперов не ведали о компасе, корабли пробирались вдоль берегов, что удлиняло и удорожало плавание. “Экспериментация доказывает, – сетовал Обресков, – по худой конструкции мореплавных судов и по неискусству правящих оными всегда неминуемой опасности подвергнуты бывают”²⁷.

Итак, на юге – или примитивно-натуральное хозяйство стихийно поселявшихся там крестьян, которых никакие “барьеры” и опасности

налетов степняков не могли остановить, или развитое, высокопродуктивное по понятиям того времени товарное производство, но с обязательным сбытом за море, причем не ограничивавшимся зерном: французские купцы полагали возможным и выгодным покупать в России пеньку, мачтовый лес, смолу, кожу, медь, полотно и многое другое.

Нужно было лишь поднести огниво к костру, чтобы вспыхнул огонь. Галльские подстрекательства увенчались полным успехом, даже уговаривать особенно не пришлось: турки с растущей подозрительностью следили за начавшимся развалом Польши. Восточный барьер вокруг России давал трещину. Смириться с хозяйничаньем российских войск в Речи Посполитой в Стамбуле не желали, выход из строя ближайшего союзника означал крушение всей системы сдерживания России. Посланик А.М. Обресков, чтобы умиротворить Высокую Порту, обещал везиру, что армия из Польши будет удалена “по окончании диссидентского дела”, которому конца-краю не виделось, чем поверг в недоумение своего коллегу в Варшаве Н.В. Репнина. Тот не считал нужным скрывать свое возмущение “робкой уступчивостью” Обрескова: выдавать подобные авансы можно, “только проигравши несколько сражений”. Напуганный Обресков пришел, по собственным словам, в состояние “трепетания” – как бы не доложили царице о его самоуправстве!²⁸

Н.И. Панин тревожился: “Не время еще сходитьсь нам с Портою до разрыва, и так натурально из того следует, что надо избегать к тому причины, дабы, освободясь единожды польских хлопот, которые продолжением своим могут легко родиться, взять на несколько времени покой и, пользуясь оным, распорядить исподволь меры наши на будущий случай”. Туркам пошли навстречу, прекратили начатое было строительство крепости Св. Дмитрия (Ростов-на-Дону); для придания демаршам Обрескова “большей силы лестным блеском золота” ему отправили 70 тыс. руб. на подкуп нужных людей²⁹. Турки вроде бы успокоились: реис-эффенди заявил, что Порта помогать конфедератам не собирается и, будучи оставлены, те разбегутся, а российским войскам делать будет нечего.

Екатерина надеялась: “С помощью Божьей на сей раз мимо пройдет”. В инструкции, которой она снабдила “любезноверного” генерал-поручика Ивана Чернышева, назначенного послом в Лондон, говорилось: “Приняв скипетр Российския державы, положили мы себе непоколебимым правилом, чтоб со всеми, а особливо с соседними областями, пребывать в дружбе и добром согласии, к чему простираются все наши старания”. И далее: “Порта Оттоманская свято соблюдает заключенные мирные артикулы”, да и сейчас ей не до того, чтобы чинить другим неприятности: “внутреннее ее состояние в таких затруднительных обстоятельствах”, что она “весьма довольною может себя почитать, что остается от соседей своих в покое”³⁰. Желанное ведь так хочется принять за действительность! Война надвигалась с фатальной неизбежностью, отсрочить столкновение не удалось. Вмешался случай. Отряд гайдамаков сотника Шилы, разграбив местечко Балта, ограниченное с татарским селением Галта, учинил резню не только католиков и евреев, но и турок и татар. Появившиеся конфедераты распра-

вились с гайдамацкой вольницей. А в далеком Стамбуле позиции Обрескова пошатнулись. Великий везир был грозен: “Отвечай, изменник, в двух словах: обязываешься ли, что все войска из Польши выведутся, или хочешь видеть войну?”³¹ Из дворцовых покоев дипломата препроводили в Семибашенный замок, в заключение. 9 ноября царица циркулярной нотой известила державы о “варварском поступке” Порты – “о нарушении с нами мира и в арестовании резидента нашего Обрескова”. Поэтому императрица “противу истинной склонности своей” намерена употребить дарованные ей “от Бога силы в отмщение” и в “доставление себе и короне нашей полного и публичного удовлетворения”³². Война началась.

¹ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 575.

² Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II, 1762–1774. СПб., 1890. С. 45.

³ Там же. С. 46; Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин. М., 1989. С. 48.

⁴ Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. 14. С. 306; Ключевский В.В. Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 230–231; Екатерина II и Потемкин: Личная переписка. М., 1997. С. 932; Grey I. Catherine the Great. Westport, 1975. P. 142.

⁵ Цит. по: Ghedella Ph. Palmerston. L., 1950. P. 250.

⁶ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 45; Циркулярная нота от 13 ноября 1763 г. // Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1883. Т. VI. С. 9–10.

⁷ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. С. 77.

⁸ Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. L., 1981. P. 192.

⁹ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 633.

¹⁰ Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 229.

¹¹ Valloton H. Catherine II. P., 1955. P. 149.

¹² Записки императрицы Екатерины Второй. С. 571, 577, 579.

¹³ Madariaga I. Op. cit. P. 188.

¹⁴ Соловьев С.М. Соч. М., 1994. Кн. 13. С. 256.

¹⁵ Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 96.

¹⁶ История дипломатии. М., 1941. Т. 1. С. 258.

¹⁷ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 72.

¹⁸ Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968. С. 54; Valloton H. Op. cit. P. 191–192.

¹⁹ Черкасов П.П. Франция и русско-турецкая война 1768–1774 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 54; Соловьев С.М. Соч. Кн. 13. С. 304.

²⁰ Valloton H. Op. cit. P. 192.

²¹ Ibid. P. 203.

²² Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 55–56.

²³ Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1993. Кн. 5. С. 104.

²⁴ Там же. С. 342–343.

²⁵ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 30.

²⁶ Там же. С. 31, 34.

²⁷ Там же. С. 60.

²⁸ Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 226, 250, 252–253.

²⁹ Цит. по: Чечулин Н.Д. Указ. соч. С. 205–206.

³⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Англией. 1768. Д. 201. Л. 4.

³¹ Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 253.

³² Там же. С. 238–239; АВПРИ. Ф. Сношения России с Англией. 1768. Д. 201. Л. 17.

БАЛКАНЫ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: СИМПТОМЫ КРИЗИСА

Во второй половине XVIII в. продолжался кризис османской военно-ленной системы. Ослабление контроля метрополии, персонифицированной в султанской власти над покоренными народами, сочеталось с региональной экономической и национально-культурной разобщенностью балканских, североафриканских, аравийских, анатолийских территорий. Османская государственная машина, по существу, уже не справлялась со своей главной функцией – регулятора ленного землепользования и распределителя ренты-налога, формально устанавливавшейся централизованно из Константинополя.

Сипахии – в прошлом главная военная сила империи – сосредоточивали усилия не столько на защите османского “богоспасаемого предела” от вторжения иноземных войск, сколько на превращении своих условных держаний в безусловные, не контролируемые Портой. Наиболее интенсивно этот процесс – дробления и исчезновения тимаров и зеаметов либо их укрупнения и превращения в фактическую собственность верхушки местного военно-бюрократического аппарата, а также лиц, не принадлежавших к феодальному кругу и не связанных с воинской службой, – протекал на Балканах.

Здесь же, на европейских территориях Османской империи, развернулись основные сражения двух русско-турецких войн, в которых янычарско-сипахийские войска себя окончательно дискредитировали. Эти положения требуют некоторого развития, ибо они прямо связаны с определением качественных параметров противника русских войск¹. Как и почему веками отлаженная военная машина Османской империи с первых ударов в войне 1768–1774 гг. стала буквально на ходу разваливаться? Преимуществами русской военной науки и моральным превосходством русского солдата, вчера еще вологодского или костромского неграмотного крестьянина, освободившего от турецкого гнета неведомое ему население Балкан, Дунайских княжеств или Крымского ханства? Объяснить только этим колоссальные успехи русского оружия внимательному современному читателю довольно сложно.

Речь должна идти о совокупности факторов и соотношении внутренних и внешних параметров, определявших органическую неспособность султанского режима противостоять продвижению России к Черному морю.

Обращение к внутривнутриполитическим и внутривнутриэкономическим особенностям развития Османской империи во второй половине XVIII в. может пролить свет и на изумлявшее современников упорство (или ос-



Султан Селим III.

Портрет работы К. Капидавы, 1803–1804. РГГ

меление), с которым вполне реалистически, трезво мыслявшие политики – султаны Абдул Хамид I и его племянник, крупный реформатор Селим III дважды и надолго (с 1768 по 1791 г.) втягивали империю в безнадежную авантюру. Ее называли “отбрасывание России” с берегов Черного и Азовского морей, от предгорьев Кавказа.

В описываемое время войны следовали почти одна за другой столь же регулярно, как и прежде. Однако! Служба в действующей армии уже не объединяла, как прежде, османских “мужей меча”. Самую многочисленную и боеспособную часть сипахивов – тяжеловооруженных всадников – составляли тимариоты, или держатели малоодоходных и непривилегированных земельных наделов (тимаров). Их ожидания, как, впрочем, и ожидания нескольких поколений их предков, копытами своих боевых коней и острыми копьями отстаивавших (и доказывавших!) право на условные держания-наделы, сводились к простому и понятному. А именно: знамя войны поднято! Победа и военная добыча – благополучие семьи и право на тимар. Смерть в бою – это “вечный рай” в садах Аллаха и опять-таки *подтверждение права* на лен, или тимар, который по праву службы *перейдет к сыну или старшему по мужской линии*².

Но ко времени беспощадных сражений с русскими войсками в сипахийском войске отчетливо выделилась немногочисленная, менее одной пятой от общего числа сипахивов, группа богатых и влиятельных “мужей меча”. Они представляли власть центра на местах и в походах. Это были правители провинций – *эялетов* (паши) и значительных по

размерам и собираемым налогам областей – *санджаков* (санджак-бей). К этой влиятельной в мирное время и принимавшей на месте подавляющую часть стратегических и оперативно-тактических решений группе принадлежала масса высших и даже средних правительственных чинов. Это были *везиры* – условно говоря, министры всех рангов, писемоводители – *дефтердары*, казначеи и чиновники – хранители печатей, известные под условным для европейца термином “*нишанджи*”.

Они были держателями крупных ленов (*хассов* и *зеаметов*), обладали значительными административными, полными военными и даже определенными судебными привилегиями, или иммунитетами. Их интересы в войнах с Россией выходили далеко за рамки “добычи” или подтверждения прав на лен. Они в этом уже *не нуждались*. Эти силы определяли направления главных ударов, общие планы, решали проблемы привлечения союзников как в зоне боевых действий (в первую очередь среди мусульманского населения сопредельных пограничных зон), так и далеко за пределами театра военных действий.

Султан звал в поход всех “*мужей меча*”. Сражались – немногие. Выгоды могли приобрести и приобретали единицы или десятки из многих тысяч.

Сипахийскую ударную конницу раздирала внутренняя борьба за уничтожение условности ее ленов. Сипахии быстро утрачивали боевые качества первоклассной конницы, которая еще в начале XVIII в. жестко обложила молодцов Петра I на р. Прут, а при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне одним только своим видом вызывала дрожь и смятение у стойких русских grenадеров.

Нельзя обойти вниманием вопрос о крупных поместных хозяйствах – основы воспроизводства военной мощи Османской державы. Еще современники отметили, что крупные поместья, хозяйства-чифтлики и их владельцы, называемые чифтлик-сахибии, к середине и особенно к концу XVIII в. контролировали десятки и сотни сел с многотысячным населением, а значит, имели возможность выставить вооруженную силу по призыву властей. Такие мощные фигуры, как Пазвандоглу Осман-ага или Али-паша в Янине, сами решали, в какой степени, а иногда и на чьей стороне (Порты или держав) участвовать в военных конфликтах вблизи своих земель или в зоне своего прямого влияния.

По мере укрупнения чифтликов в Албании, Болгарии, Македонии и других балканских землях и роста их специализации на новую зерновую культуру – кукурузу или на табак и апельсины, на выращивание помидоров, быстро ставших незаменимыми в балканской кухне, всякий интерес к военным походам пропадал, причем не только у чифтлик-сахибия, владельца и организатора сдвигов в агрокультуре, но и у непосредственных производителей, сидевших на его земле. Принудительность труда возмещалась относительной обеспеченностью и личной безопасностью. Что же касалось чифтликов на Балканах, связанных с разведением молочного или тяглового скота, картина была примерно та же – нежелание, уклонение от тягот и неопределенности военной службы.

Там же, где существовала испольщина, практиковались различные виды издольщины, мусульманская или исламизированная часть бал-

канского населения довольно охотно шла воевать, цепко сражалась в обороне, активно – в наступлении. Относится это к боснийцам, арнаутам, помакам, туркам в Македонии и Болгарии.

Другой проблемой сипахийского войска являлась отмеченная Бистрой Цветковой еще для XVII в. практика передачи условного (военного) держания лицам, к воинской службе отношения не имевшим. Это была расплодившаяся к концу XVIII в. подобно саранче и столь же прожорливая дворцовая обслуга всех уровней и рангов. В списках они числились, доходы от держаний получали (вместо жалованья, на которое в казне наличных денег не было). На войну либо не ходили, либо вместо себя нанимали случайных авантюристов. Таковых уйма толпилась в городах. О боевых качествах сипахийской конницы этого “набора” и говорить нечего³.

Данные европейских и русских наблюдателей за XVIII в. рисуют очевидную картину роста численности городов, прежде всего крупных, включая балканские – Салоники, Белград, малоазиатские – Стамбул (Константинополь), Измир, Бруса и др. Города давали большой процент призывного контингента⁴.

Сельское население бежало в город от налогов и притеснений пашей, от произвола аянов и деребеев, от неблагоприятных климатических аномалий и т.д. Масса тех, кого русские документы о Турции XVIII в. называют “гулящими людьми”, пополняли армию. В случае признаков поражения они даже не разбежались, а “рассыпались”. Отношение властей (военных и гражданских) к этому воинству сформулировал один пленный турецкий офицер, допрошенный в ходе кампании 1789–1790 гг. В изложении русского переписчика это звучало так. Эти “бежары”, голытьба, оружия толком не знают. Их удел – большой нож в руке, до поменьше за поясом. Не сражаться, а мясо из казана сноровисто урвать и быстро-быстро, в зубах зажав, отрезать. Лучшее их оружие – зубы да кулаки. А разве вас, москвитов, кулаком в глаз либо в скулу зашибешь! А если в поддых, так и вовсе руку отобьешь. Такие вы все в “мужикистане” худые. На этом месте документа есть помета читавшего допросный лист высокого русского чина: “Верно, шельма, заметил. Ежели бы на кулаках, быть Цариграду у нас”⁵.

Безусловно, эта масса, утратившая свои корни, плохо вооруженная и не обученная, достигла предела терпения и была сильна мужеством отчаяния и жаждой выживания.

В 1756 г. русский дипломат в Константинополе А.М. Обресков, описывая сипахийское провинциальное ополчение, с удивлением отмечал, что латники, т.е. сипахийские конники, используются на рытье окопов, траншей и прочих военно-вспомогательных работах⁶. Что же говорить о случайных новобранцах!

В ряде изданий речь уже шла о разложении янычарского войска. Стало общим местом говорить: “Не тот был янычар под Очаковым”. Дело в том, что янычары становились не военной, а торгующей или ремесленной кастой, защищенной серией иммунитетов и полковым брат-

ством. Боевые навыки сохранялись. Однако больше как предмет гордости, чем выучки.

И еще одно, доселе скрытое слабостью документальной базы, изображение. Возможно, впервые за всю историю русско-турецких войн в боевых действиях в 1769–1774 гг., а затем и во второй войне существенную роль играли, условно говоря, “частные армии”. Немногочисленные, всего 100–200, редко 300 человек, комплектовавшиеся на сугубо добровольной основе, эти отряды наемников содержала местная знать. (Годовое содержание такого наемника достигало 64 курушей в год, тогда как на обычного воина-всадника нерегулярного войска в 1769–1774 гг. казна могла потратить не более 10 курушей в год⁷.) Наемники поддерживали отличную боевую форму, так как все время противостояли силам центра, стремившегося подавить местный сепаратизм. При этом они выполняли функцию частных полицейских сил, подавлявших восстания, бунты, выбивавших налоги. Кроме того, они играли важную роль в борьбе с многочисленными бандитами, грабившими “своих” и “чужих”, христианские и мусульманские селения без разбора.

Различия в денежном содержании, в довольствии и снаряжении были весьма значительными. Именно частные формирования составили серьезную ударную силу османской армии в войнах с Россией конца XVIII в. Можно проследить их последующую эволюцию, по крайней мере части из них (тех, кто подчинялся аянам, лояльным Селиму III), в войска нового типа “низам-и джедит”. По некоторым данным, только на Дунайском фронте в 1772–1774 гг. сражалось до 90 тыс. частных войск, принадлежавших в полной мере 300 аянам Европейской Турции и Западной Анатолии⁸.

¹ Возможно, И. Хаммер, лучший в XIX в. знаток османских документов, обратил внимание в своей классической “Истории Османской империи” на явные преувеличения в Европе данных о численности турецкой армии во второй половине XVIII в. и на избыточность эпитетов в отношении ее качественных параметров. Позднее это обстоятельство стало объектом пристального внимания М.И. Кутузова, В.П. Кочубея, русской военной разведки (М.П. Вронченко, П.П. Львов и др.). См.: *Hammer J. Histoire de L'Empire Ottomane, traduit de L'allemand. P., 1840–1843. Vol. XIV–XVI; Шеремет В.И. Война и бизнес: Власть, деньги и оружие // Европа и Ближний Восток в новое время. М., 1996. С. 58–59, 119–121.*

² Подробнее см.: *Новичев А.Д. История Турции. Л., 1963. Т. II. Гл. 1; Shaw St. History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Cambridge, 1976. Vol. 1: Empire of Gazis: the Rise and Decline of the Ottoman Empire 1280–1808; Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке: черты структуры кризиса. М., 1991. С. 16–31.*

³ *Cvetkova B.A. Les Instution ottomanes en Europe. Wiesbaden, 1978. P. 79–81; Мейер М.С. Указ. соч. С. 7–10, 12.*

⁴ *Мейер М.С. Указ. соч. С. 88–89.*

⁵ Архив Военно-исторического музея артиллерии и войск связи. Ф. 6. оп. 1/1. Д. 590. б/л.

⁶ *Мейер М.С. Указ. соч. С. 21–22.*

⁷ *Nagata Y. Muhsin-zade Mehmed-pasa ve ayanlik muessesesi. Tokyo, 1976. P. 104–114; Cezar Y. Bir ayanin muhalefati. Havza ve Ropru Kazalari ayanl Kor Ismail-oglu Huseyni // Belleten. Ankara, 1977. Cilt 41. № 161. S. 57–58.*

⁸ *Мейер М.С. Указ. соч. С. 123.*

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА

С установлением с 1714 г. правления господарей-фанариотов*, назначавшихся султаном, произошло дальнейшее ухудшение социально-экономического положения Молдавии и Валахии в системе Османской империи. Рассматривая княжества как свою кладовую, Порты стремились выкачать из них как можно больше средств, необходимых для покрытия все возрастающего финансового дефицита империи, вызванного бесконечными войнами и тяжело отражавшегося на состоянии османской экономики.

Система назначения господарей позволяла султану, используя многочисленных претендентов, повышать плату за престол и смещать по своему усмотрению господарей до истечения трехлетнего срока их правления. Выросла и выплачивавшаяся княжествами сумма харача, других податей и поставок Османской империи. Общая сумма этих платежей, по подсчетам исследователей, с начала до середины XVIII в. увеличилась в 3 раза¹.

Выполнение господами экономических требований Порты, стремление их возместить расходы, связанные с получением престола, ложились непосильным налоговым бременем на население. Податной гнет и военные разорения приводили к бегству жителей из княжеств. Многие села и плодородные земли пустели². Сокращались производство сельскохозяйственных культур и поголовье скота³.

Экономический упадок переживали и города, где также сокращалась численность населения, что, в свою очередь, привело к сокращению или застою ремесленного производства⁴. Принудительные поставки продовольствия в Турцию отрицательно сказывались на внутренней торговле: закрывались рынки, переставали действовать ярмарки. Монополия Порты тяжело отражалась и на внешней торговле.

Возрастание османских экономических требований вело к усилению государственного податного гнета, ставшего причиной экономического спада в княжествах. Увеличивалось число государственных повинностей, которых в первые десятилетия XVIII в. насчитывалось несколько десятков. Преобладание государственных форм эксплуатации вело к изменениям в соотношении форм феодальной ренты, к переходу средств из частновладельческой ренты в централизованную. Все в большей мере это осуществлялось за счет налогообложения вотчинника-землевладельца и его хозяйства. Как следствие, в XVIII в. происходило сокращение удельного веса крупного землевладения и разорение мелких вотчинников⁵.

В государственном налогообложении стали преобладать денежные подати⁶, за счет которых содержалось служилое боярство. Но большая их часть в качестве бесчисленных поборов уходила в Османскую империю.

* После поражения Петра I в Прутском походе (1711) Порты ограничила автономные права Дунайских княжеств. Господарские престолы в Яссах и Бухаресте стали занимать знатные греки из аристократических семей, проживавших в константинопольском квартале Фанар (фанариоты).

С усилением податного бремени возрастал социальный протест: крестьяне отказывались выполнять повинности, бежали в соседние страны. В XVIII в. распространилось гайдучество, все чаще приобретающее наряду с социальным характером черты освободительной борьбы против османско-фанариотского господства; это в частности, проявилось в участии гайдуков в военных действиях русских войск во время войны России с Турцией⁷.

Рост народного недовольства вынуждал господарей и боярство лавировать и менять фискальные и аграрные отношения, дабы успокоить деревню и в то же время сохранить, укрепить свои привилегии и обеспечить присвоение прибавочного продукта. С этой целью в середине XVIII в. валашский, затем молдавский господарь Константин Маврокордато провел в княжествах серию реформ, отменив личную зависимость крестьян от феодалов⁸, чтобы укрепить платежеспособность крестьянского двора. Но при этом усиливалась зависимость крестьян от государственной власти. Отменив ряд налогов, Маврокордато увеличил подушную подать – бир, которая взималась по распространившейся в XVIII в. системе рупта – по четвертям 4 раза в год. Но число четвертей, взимаемых с населения в счет бира, постепенно росло⁹.

Рядом актов Маврокордато оформил изменения в сословной структуре господствующего класса. Служилое боярство, существовавшее за счет отчислений от централизованной ренты, в зависимости от занимаемой должности было разделено на три ранга, каждый из которых имел определенные доходы и привилегии¹⁰. Для всякого должностного лица он установил жалованье, которое выплачивалось из средств, получаемых с каждого налогоплательщика на содержание фискального аппарата. За каждым государственным чиновником закреплялось право на определенное число крестьян-скутельников, освобожденных от государственных налогов и обязанных выполнять повинности в пользу должностного лица при сохранении всех обязанностей перед вотчинником¹¹. Право на скутельничество было законодательно оформлено и для церкви. Церковь все больше подчинялась власти господаря, который давал согласие на избрание митрополитов, утверждавшихся затем Константинопольской патриархией.

Установление фанариотского правления позволяло Порте все чаще вмешиваться во внутривосточные дела Молдавии и Валахии. Господари-фанариоты подчинили себе государственный аппарат. Чтобы укрепить господарскую власть, Константин Маврокордато унифицировал управление уездами, поставив во главе их двух исправников, выполнявших административные, фискальные и судебные функции. Судопроизводство перешло на письменное ведение дел.

Следствием усиления зависимости Дунайских княжеств от Османской империи стало возрастание государственного податного гнета, приводившего к преобладанию феодально-государственных форм эксплуатации населения. Выкачивание Портой огромных материальных и денежных средств из княжеств, опережавшее рост их производительных сил, создавало финансовые трудности, отрицательно влиявшие на состояние экономики. Особенно сильным тормозом являлась торговая

монополия Османской империи. Осуществляемая Портой политика изощренного грабежа стала главным фактором, сдерживавшим начавшиеся во второй половине XVIII в. разложение феодализма и развитие зачатков капиталистических отношений. Крестьянство и городские низы выражали свой протест в разных формах – от бегства за рубеж до организованных восстаний.

Пути выхода из создавшейся ситуации занимали умы представителей правящей элиты, бояр и духовенства Молдавии и Валахии. Проведение Константином Маврокордато серии реформ свидетельствовало о том, что правящее боярство не могло не считаться с необходимостью перемен. В то же время в самом боярском сословии шла борьба местного боярства с пришлыми боярами-греками – фанариотами за размер доли в присвоении государственной ренты, что обостряло социальные противоречия в княжествах; обнаружился разный подход в оценке перспектив развития княжеств этими двумя группировками.

С установлением фанариотского правления в княжествах резко усилилось греческое влияние на развитие культуры. Греческий язык и культура служили проводниками идей Просвещения, способствовали приобщению к европейской цивилизации. В условиях Дунайских княжеств второй половины XVIII в. в общественном течении проявлялось стремление к европеизации, возрождению и прогрессу на почве роста национального самосознания, что ускорялось освободительной борьбой населения княжеств против османско-фанариотского господства. Поощряя употребление греческого языка, фанариоты сдерживали введение родного языка в образовании, науке, литературе и т.д.

Несмотря на проникновение просветительских идей, нельзя говорить о формировании антифеодального направления общественной мысли. Поэтому теоретически вопросами дальнейшего национального и социального развития занимались представители боярской элиты¹². В социальной области просветительство не выходило за рамки реформизма. Его идеологи, преимущественно крупные бояре, ограничивались критикой отдельных сторон феодальных порядков.

Господари-фанариоты и поддерживавшие их группировки главным образом крупных бояр видели путь к европеизации и возрождению в реформах Константина Маврокордато, т.е. ориентировались на феодально-государственные формы эксплуатации.

Другую партию представляли группировки местного боярства, выступавшего против фанариотского режима, который ограничивал их административные и сословные права. В большинстве своем эти группировки составляли средние и мелкие служилые бояре, имевшие ограниченный доход от феодально-государственной эксплуатации крестьян и вынужденные делить с османами прибавочный продукт. Отсюда их заинтересованность в усилении частнофеодальных отношений в княжествах. К ним примыкали представители церковных феодалов и духовенства, обделенные доходами из государственных податных средств.

Оставаясь на позициях реформизма, эти группировки местного боярства и духовенства выдвигали планы дальнейшего развития княжеств на измененной феодальной основе. Но их идеологи видели воз-

возможность осуществления своих планов в рамках программы освобождения от османского господства. На ее формирование влияли как внешнеполитические, так и внутренние факторы.

Русско-турецкие войны XVIII в. способствовали росту освободительных настроений в княжествах, повышали социальную активность их населения. В борьбе единой России против Османской империи оно видело реальную возможность поражения Порты и своего освобождения. Духовенство рассматривало перспективу укрепления (при поддержке России) православия в княжествах, а заодно и увеличения своих доходов. Не случайно периоды русско-турецких войн были отмечены подъемом освободительного и социального движения в княжествах, особенно в Молдавии¹³.

Боярские идеологи не принимали противоречивший их сословным интересам путь народного выступления, которое, помимо национальной, имело социальную направленность. Они рассчитывали использовать тягу населения к единой России, стремление освободиться с ее помощью. Поэтому патриотически настроенное боярство и духовенство ориентировались на Россию.

Боярское происхождение мыслителей Дунайских княжеств второй половины XVIII в., умеренность их социальных взглядов предопределили планы освобождения при опоре на крепостническую Россию, что предполагало дальнейшее развитие княжеств путем реформирования феодального уклада¹⁴. Программа боярства и духовенства была рассчитана прежде всего на восстановление их сословных прав и привилегий, погрязших Портой и ее ставленниками господами-фанариотами. Претворение в жизнь такой программы должно было не только защитить интересы господствующих сословий внутри княжеств, но и оградить их привилегии от посягательств османов¹⁵.

Политика России в Юго-Восточной Европе, русско-турецкие войны создавали благоприятные условия для осуществления программы патриотически настроенных бояр и духовенства Дунайских княжеств. Так, возможность ее реализации возникла в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Успешные военные действия русских войск летом 1736 г. по продвижению в глубь Крымского полуострова способствовали активизации боярских группировок прорусской ориентации. Молдавские бояре – Анастасий Лупу, Андронаке, Петр и Александр Дука сообщали русскому командованию сведения о движении османских войск, о положении в княжестве¹⁶. Летом 1736 г. от имени многочисленной группы валахских бояр в Россию тайно прибыл ворник Преда Другэнеску. Он должен был через проживавших в России Кантемиров и Кантакузино склонить русское правительство к оказанию помощи Дунайским княжества в освобождении от османской зависимости¹⁷. Через Миниха Другэнеску представил русскому правительству доклад. Основное его содержание составляли предложения о развертывании активных действий русских войск в направлении Днестра и Дуная. Другэнеску подчеркивал возможность использования освободительного движения балканских народов, в частности молдаван и валахов, для создания отрядов волонтеров и обеспечения русской армии необходимыми припасами.

Предложения валашского ворника могли быть полезны русскому правительству при выработке плана военных операций 1737 г. Вопрос о Молдавии и Валахии приобрел для России важность в связи с вступлением в войну союзной Австрии, стремившейся к расширению своих владений в Дунайском бассейне. Летом 1737 г. австрийская армия вступила на территорию Валахии. Двадцатилетний период господства Австрии в Олтении¹⁸ показал валахам и молдаванам, что они не могут рассчитывать на освобождение с помощью австрийцев. В апреле и сентябре 1737 г., а также в марте 1738 г. последовал ряд петиций валашских и молдавских бояр к русскому правительству с просьбой принять княжества под свое покровительство¹⁹. Так, в грамоте на имя императрицы Анны Иоанновны от 25 апреля 1737 г. представители валашской элиты во главе с митрополитом писали: “Рабско просим или чрез посредство мира, или чрез императорское ваше оружие не оставить нас уже более в порабощении сих других народов пребыть, но всяким образом освободить нас и привести в православное Вашего Величества подданство”. Осенью того же года правящие круги Валахии прислали повторную просьбу о протекторате России²⁰.

Под влиянием этих просьб Россия на проходившем в 1737 г. мирном конгрессе в Немирове в ответ на требование Австрии о передаче ей Дунайских княжеств выдвинула план предоставления Молдавии и Валахии независимости. Российские предложения встретили отпор с австрийской стороны. Под давлением французских дипломатов Порта прервала переговоры, и война продолжилась.

В 1739 г. русские войска сконцентрировали свои действия против османских сил на территории Молдавского княжества. У местечка Ставучаны они нанесли решающее поражение армии султана и через два дня овладели Хотинном. В этих операциях на стороне русских сражались и местные отряды добровольцев. Жители княжества доставляли русским войскам провиант, сообщали сведения о продвижении султанской армии. Освободительное движение переплеталось с антифеодальной борьбой крестьян, которые, организуя гайдуцкие отряды, выступали против боярского произвола²¹.

2 сентября в Яссы вступил сформированный в России отряд молдаван под командованием находившегося на русской службе Константина Кантемира, сына бывшего молдавского господаря Антиоха Кантемира. Власть в городе находилась в руках немногочисленной группы прорусски настроенных бояр во главе с митрополитом Антонием. Господарь Григорий Гика бежал из столицы. Бояре и духовенство встретили Константина Кантемира с большими почестями²². На следующий день в Яссы вошел с войсками Миних. Накануне в деревне Штефанешти им была принята молдавская депутация, заявившая о желании княжества принять русское подданство²³. 5 сентября представителями местной власти и командующим русской армией была подписана конвенция об условиях вступления Молдавии в русское подданство. Во втором ее пункте говорилось: “Мы себя подвергаем в высочайшую Ее Императорского Величества нашей всемилостивейшей государыни протекцию и ее справедли-

вые соизволения за наши законы приемлем”. Россия со своей стороны не должна была вмешиваться во внутренние дела княжества; права и привилегии боярства сохранялись. Представители молдавского духовенства и бояр просили, чтобы они “имели те же вольности, привилегии и преимущества как в духовных, так и в светских делах, каковыми прочие Ее Императорского Величества подданные пользуются”²⁴. Местные власти брали на себя обязательства по снабжению провиантом 20 тыс. русских войск, содержанию госпиталей, предоставлению рабочей силы для фортификационных работ и т.д.²⁵

Главным условием выполнения подписанной конвенции должно было стать успешное продолжение войны России с Портой, за что ратовал Миних²⁶. Но российское правительство в связи с осложнением международной обстановки пошло на заключение мира с Османской империей и вывело свои войска из Молдавии. Таким образом, подписанная русско-молдавская конвенция осталась на уровне ставки русско-го командования.

Потерпев поражение в Валахии, Австрия заключила сепаратный мир с Портой, по которому османам возвращалась часть территории Сербии и Малой Валахии (Олтении). Позиция Австрии, угроза войны со стороны Швеции, подстрекаемой Францией, заставили российское правительство, несмотря на успехи военной кампании 1739 г., подписать в Белграде мирный договор с Портой. По его условиям русские войска уходили из Молдавии, османам возвращался Хотин²⁷. Российской дипломатии удалось включить в текст договора статью в пользу жителей княжеств о ненаказании подданных “сих двух империй, которые во время войны перекинулись на которую-либо сторону. Такие с обеих сторон прощены быть имеют и, возвратясь в свои дома и к своим фамилиям, да пользуются своими пассассиями”²⁸.

Включение этой статьи в договор имело важное значение. Впервые в русско-османском договоре предусматривалось полное прощение жителям Молдавии, участвовавшим в военных действиях на стороне России. Проявленное российскими дипломатами участие в судьбе княжества после окончания войны должно было способствовать сохранению симпатий населения Молдавии к России, укреплению здесь ее престижа, вселяло надежду на помощь России в будущем. В освободительных планах главное место продолжали занимать вопросы присоединения княжеств к Российской империи или установления ее протектората.

¹ См.: *Berza M. Variațiile exploatării Țării Românești de către Poarta otomană în sec. XVI–XVII. // Studii. 1958. N 2.*

² *Драгнев Д.М. Динамика численности народонаселения и некоторые миграционные процессы в Карпато-Дунайских землях XVII в. // Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1972; Papacostea Ș. Populația Țării Românești în ajunul reformelor lui Constantin Mavrocordat // Studii. Revistă de istorie. Buc., 1966. N 5; Constantiniu F. Relațiile agrare din Țara Românească în secolul al XVIII-lea. Buc., 1972. P. 110–112.*

³ См.: *Papacostea Ș. Contribuții la problema relațiilor agrare în Țara Românească în prima jumătate a veacului al XVII-lea // Studii și materiale de istoria medie 1959. III. P. 233–321; Columbeanu S. Grande exploitation dominiales en Valachie au XVII-e siècle. Buc., 1974.*

- ⁴ *Istoria României* Buc., 1963. Vol. III. P. 383–389.
- ⁵ *Советов П.В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии. Кишинев, 1972. С. 456–486; *Ciurea D.* Precizări în problema marii proprietăți feudale din Moldova în secolele XVII–XVIII // *Studii. Revistă de istorie.* 1969. N 1; *Columbeanu S.* Date privitoare la economia agrară din Țara Românească în prima jumătate a secolului al XVIII-lea // *Ibid.* 1962. N 1.
- ⁶ *Дмитриев П.Г., Советов П.В.* Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии XV–XVIII вв. // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы*, 1963. Вильнюс, 1965. С. 268–282.
- ⁷ *Кочубинский А.* Граф Остерман и раздел Турции (1735–1739) // *Зап. Новороссийского ун-та.* 1894. Т. 7; *Драгнев Д.М.* Гайдуки – народные мстители. Кишинев, 1962; *Constantiniu F.* Op. cit. P. 189–200.
- ⁸ *Constantiniu F.* Op. cit. P. 102–103.
- ⁹ *Corivan N.* Aplicarea așezământului fiscal a lui C. Mavrocordat privitor la perceperea birului (1741–1743) // *Studii și cercetări științifice.* Iași, 1955. VI. N 3–4. P. 51–76.
- ¹⁰ Minea. “Reforma” lui Constantin Mavrocordat // *Cercetări istorice.* Iași. 1927. II–III.
- ¹¹ *Гросул В.Я., Дмитриев П.Г., Советов П.В.* Переходные формы феодальной эксплуатации крестьян Молдавии XVIII – начале XIX в. (кто такие скутельники?) // *Изв. АН МССР.* 1967. № 1.
- ¹² *Виноградов В.Н., Семенова Л.Е.* Некоторые вопросы отношений между Россией и Дунайскими княжествами в XVIII – начале XIX в. в свете материалов советских архивов // *Балканские исследования.* 1982. Вып. 8. С. 8.
- ¹³ *Дмитриев П.Г.* Из истории крестьянского движения в Молдавии во второй половине XVII – начале XIX в. // *Изв. МФ АН СССР.* 1959. № 2; *Mircea M.* Lupta țăranilor împotriva exploatării în timpul războaielor rusoturce din a doua jumătate a sec. XVIII-lea // *Studii și referate privind istoria României,* Iași, 1954; *Vianu A.* Manifestări antifanariote în Moldova la sfârșitul sec. al XVIII-lea // *Studii.* 1962. N 4.
- ¹⁴ *Виноградов В.Н., Семенова Л.Е.* Указ. соч. С. 10.
- ¹⁵ *Семенова Л.Е.* Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV – первая треть XVI в.). М., 1994. С. 27–29.
- ¹⁶ *Șerban C.* Relațiile politice româno-ruse în timpul războiului ruso-turc din 1735–1739 // *Analele româno-sovietice. Ser. istorie.* 1956. N 4. P. 114–118.
- ¹⁷ *Шульман Е.Б.* Миссия валахского ворника П. Другэнеску в Росию (1736–1737) // *Вековая дружба.* Кишинев, 1961. С. 211–239.
- ¹⁸ *Рараскоа Ș.* Oltenia sub stăpânirea austriacă (1718–1739). Buc., 1971.
- ¹⁹ *Vianu A.* Din acțiunea diplomatică a Țării Românești în Rusia în anii 1736–1738 // *Romanoslavica.* 1963. Vol. VIII. P. 23–24.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. 1737 г. Д. 3. Л. 2, 8–11 об.
- ²¹ *Кочубинский А.А.* Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Одесса, 1889. С. 474, 493, 495.
- ²² *Neculce I.* Letopiseșul Țării Moldovei și o seama de cuvinte. Ed. II. Buc., 1958. P. 390.
- ²³ *Шульман Е.* Русско-молдавское боевое содружество, 1735–1739 гг. Кишинев, 1962. С. 48–50.
- ²⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. X, № 7891. С. 890–894; см. также: Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. Док. 4. С. 54–59.
- ²⁵ См.: Полное собрание законов Российской империи. Т. X. С. 890–894.
- ²⁶ См.: Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV – начало XIX в.) Кишинев, 1987. С. 273–276.
- ²⁷ Полное собрание законов Российской империи. Т. X. С. 987.
- ²⁸ Там же.

СЕРБСКИЙ НАРОД

Во второй половине XVIII в. сербский народ населял территорию, входившую в состав Османской империи, Австрийской монархии и Венецианской республики. В конце столетия в государстве Габсбургов насчитывалось 650–680 тыс. сербов¹. В Сербии проживало около 1 млн человек, и примерно столько же сербов – в других балканских провинциях под властью Порты, а также в Далмации и Боке Которской, находившихся под флагом республики Св. Марка². На протяжении веков сербы подвергались чужеземному угнетению. Однако положение сербов в составе разных государств, уровень их социально-экономического развития и условия общественной жизни были неодинаковы.

Территорию расселения сербов в составе Османской империи разделяли административные границы. Ее основная часть входила в Белградский пашалык. Сербь населяли также Боснийский, Лесковацкий и Видинский пашалыки. В условиях разложения военного позднесредневекового строя Османской империи Сербия была подвержена военным опустошениям, свирепым грабежам османов, Босния – междоусобным кровопролитным столкновениям провинциальных турецких сановников. Ослабление центральной власти сопровождалось анархией, произволом и бесчинствами османов над христианской райей.

Традиционными социальными институтами сербов в Белградском пашалыке являлись сельская община, располагавшая правом сбора налогов и распределения повинностей, и патриархальная семья – задруга, в мире насилия последняя защита и убежище для райи. Они помогали противостоять угнетению и сохранять этническую самобытность сербов. Огромную роль в жизни сербов играла православная церковь. В 1766 г. турецкие власти ликвидировали Печскую патриархию – единственную институцию, объединявшую всех сербов. Территория ее юрисдикции была подчинена Константинопольскому патриаршеству, находившемуся в руках греческого фанариотского духовенства. При этом Карловацкая митрополия в Австрийской монархии, распространявшая церковную власть на православное население Баната, Бачки, Барани, Срема, Славонии, Хорватии, средней части Подунавья от Буды, Сент-Андреи и Коморана, а также Цетинская митрополия стали фактически самостоятельными. На протяжении второй половины XVIII в. нарастали противоречия между местной сербской церковью на Балканах, разделявшей антитурецкие настроения райи, и Константинопольским патриаршеством, традиционно придерживавшимся проосманской ориентации.

Поддерживая у сербов сознание их былой государственности, церковь хранила косовские традиции – традиции героического сопротивления иноземному угнетению, ведущие свое начало с трагической битвы объединенных сербских сил против османских завоевателей в 1389 г. на Косовом поле.

Особо следует отметить роль православной церкви в сохранении сербских древностей и реликвий, являвшихся символом былого величия страны и значимости народа. В сочетании с церковными фре-

сками на сербские темы, иконами с изображениями “своих” святых они выполняли, помимо религиозной, и национально-воспитательную функцию. Актуальный общественный смысл средневекового культурного достояния сербов осознавался и турецкими властями. Османь периодически разоряли и опустошали сербские монастыри и церкви с целью не только грабежа, но и уничтожения народных святынь. Репрессиям и гонениям подвергались также переписчики книг. Оберегая средневековый культурный фонд, православная церковь поддерживала историческое сознание народа, способствуя преемственности культурного развития.

В условиях разделения территории расселения сербов между чужеземными государствами и проживания их в ряде земель вперемешку с другими народами, в обстановке исламизации и германизации православная церковь поддерживала у сербов этническое самосознание и чувство общности исторической судьбы. Церковь давала в условиях бесконечных кровавых мятежей и произвола турок утешение простым людям и помогала выжить. Но в то же время православная церковь, как часть позднесредневековой системы, сохраняла консервативно-охранительные черты и конфессиональную изолированность, хотя сама жизнь побуждала ее приспосабливаться к меняющимся условиям.

Балканы представляют собой регион с отчетливо выраженной спецификой социально-экономического развития. Характерной чертой аграрных отношений в Сербии и Боснии во второй половине XVIII в. было ускорение, при всех локальных различиях, процесса почитлечения – насильственного захвата, преимущественно мусульманами, земли в полную собственность. Это вело к усилению крестьянских тягот, а в Боснии – и к стону крестьян с земли³. Аграрные процессы разворачивались на фоне периодического разрушения сел, эпидемий чумы. Но райя использовала передышки в военных действиях и ослабление власти Высокой Порты для совершенствования сельскохозяйственного производства, в первую очередь скотоводства.

Характерные черты сербской жизни с ее задругой, старинными обычаями хозяйственной взаимопомощи односельчан, общинными интересами создавали особый социальный мир сербского села.

Во второй половине XVIII в. важной чертой хозяйственной жизни Сербии и Боснии был рост торговли скотом с прилегающими землями Австрийской монархии с последующим транзитом через нее в Среднюю Европу. Из Боснии, которая являлась хозяйственной базой Восточной Адриатики, нескончаемым потоком шли также караваны с товарами в Дубровник и далматинские порты.

В Сербии извечное противостояние сельского мира городу усугублялось тем, что города здесь были средоточием турецкой администрации и войск, склонных ко всякого рода бесчинствам, и в них по численности и хозяйственной активности преобладали мусульмане, а кроме них, греки, армяне и представители других национальностей⁴.

К концу XVIII в. экономика Сербии пришла в движение. Его доминантой были крестьянские хозяйства, которые неудержимо втягива-

лись в орбиту внешнего рынка. Торговля связывала сербское село с набравшей в Европе силу свободной рыночной экономикой.

В Сербии монолитность сербского населения, находившего в патриархальных институтах опору для выживания, сознание общности его интересов перед лицом угнетателей сочетались в конце века с появлением зажиточных крестьян – скупщиков и торговцев скотом. Они выделялись по роду занятий (но не по образу жизни), достатку, положению, пользовались общественным авторитетом и играли ведущую роль в местном самоуправлении. Именно зажиточные скотоводы-прасолы, тесно связанные нитями с крестьянской массой, остро ощущавшие тяжесть османского произвола, неграмотные, но благодаря своей торговой деятельности располагавшие разного рода информацией, выдвинулись в Сербии во главу национальной жизни. Этот слой не оторвался от села, но и не укладывался уже в его патриархальные рамки.

Развитие городского населения на Балканах протекало в условиях позднесредневековой государственной регламентации всех сторон экономического развития. Больше свободы и накопления предоставляла торговля. Во второй половине XVIII в. православные балканские торговцы совершали сделки в Австрийской монархии и Германии вплоть до Пешта, Вены и Лейпцига. Они надолго задерживались и даже селились в крупных городах монархии и на Адриатическом побережье. Их отношения с местными торговцами были сложными – от сотрудничества до конфликтов на конкурентной основе. При этом сербы не порывали связей с родными краями. С 70-х годов под давлением Вены ускорился процесс их перехода в австрийское подданство. Так они сливались с местной торгово-предпринимательской средой⁵. Проживавшие в балканских городах сербские торговцы и ремесленники вели восточный образ жизни, но были сплочены в рамках церковной общины.

1690-й стал судьбоносным для большей части сербского народа. В этом году 60–70 тыс. сербов, живших под властью султана, в ходе австро-турецкой войны и отступления австрийских войск, спасаясь от насилий и зверств со стороны османов, переселились во главе с патриархом Арсением III Црноевичем в государство Габсбургов. Массовые эмиграционные волны сопровождали австро-турецкие войны 1737–1739 и 1788–1790 гг. Сербые заселяли в основном исторические области – Банату, Бачку, Банат и Срем, в которых истари проживало сербское население. В XIX в. за ними закрепилось название “Воеводина”.

Эти земли были присоединены к Австрийской монархии в результате войн с Турцией по Карловацкому миру 1699 г. и Пожаревацкому миру 1718 г. Согласно последнему договору, под власть Габсбургов отошла и большая часть Сербии с Белградом. Однако по условиям Белградского мира 1739 г. Австрия их утратила. Сербские поселения сложились также в средней Венгрии, Хорватии и Австрии.

В XVIII в. земли основного расселения сербов в Австрийской монархии имели разное административно-политическое устройство. Районы гражданского управления (так называемый провинциал) входили в состав Венгрии и Славонии. Венгерское королевство, живя согласно средневековой конституции, занимало особое положение в государстве

Габсбургов. В течение столетия на пограничной с Турцией территории вдоль Савы, Тиссы и Дуная формировалась Военная Граница как область военных поселений. Она подчинялась австрийским властям. После многочисленных реформ статус Границы был окончательно утвержден основным законом 1807 г.

Положение сербского народа в габсбургском государстве определялось нормативными актами-привилегиями⁶. Желая привлечь сербов и заселить опустошенные войной пограничные с Турцией области, Леопольд I в 1690–1695 гг. даровал православным поселенцам права, в соответствии с которыми они находились под защитой монарха и пользовались автономией. Митрополит был признан главой православного населения. Привилегии стали основой сербского самоуправления. Однако они были предметом постоянной борьбы между сербами, стремившимися упрочить свое положение в монархии, и Габсбургами с их политикой ограничения привилегий православных исключительно церковными делами. Во второй половине XVIII в. австрийским монархам в обстановке антигабсбургского венгерского восстания под руководством Ракоци II и двух войн с Турцией приходилось неоднократно подтверждать права сербов.

Во второй половине XVIII в. положение сербов существенно изменилось. 60–80-е годы в Австрийской монархии характеризовались реформами просвещенного абсолютизма. Они оказали двойственное влияние на развитие сербов. В 1779 г. была издана Декларатория, дополненная в 1782 г. консисториальной системой. Вплоть до 1868 г. они определяли положение православной церкви в монархии. Декларатория свела автономию сербов к церковным и школьным делам, подвергнув их прямому надзору со стороны австрийского государства. Правительственный акт утверждал автокефальность православной церкви в монархии. Ее главой был митрополит, который избирался народно-церковным собором – церковным и общественным форумом, состоявшим из представителей Провинциала и Военной Границы, – и утверждался Веней. В 1781 г. Иосиф II знаменитым декретом “О веротерпимости” провозгласил свободу отправления христианских культов. Реформы просвещенного абсолютизма способствовали секуляризации общественной жизни сербов. В то же время, подрывая и без того ограниченную автономию православного населения, они означали укрепление централизаторского режима и упрочение над сербами власти Габсбургов.

В годы просвещенного абсолютизма сербы столкнулись с насильственной германизацией. При Иосифе II немецкий язык стал официальным языком во всем государстве. На Военной Границе германизация местного населения составляла часть австрийской политики. В конце XVIII в. нависла угроза мадьяризации невенгерского населения Венгерского королевства. Несмотря на церковную автономию, сербский народ постоянно подвергался религиозному давлению. На протяжении XVIII в. католическое и униатское духовенство при скрытой, а иногда и явной поддержке государственного аппарата упорно навязывало сербам унию. Это был один из путей упрочения над ними господства Габсбургов.

Поскольку часть территории, на которой проживали сербы, входила в состав короны Св. Иштвана, венгерское дворянство претендовало на полновластное в ней господство.

Бюрократический пресс государственной машины в сочетании с просвещенными реформами Марии Терезии и Иосифа II, натиск венгерского дворянства, нажим католической церкви, с одной стороны, а с другой – начавшееся национальное пробуждение угнетенных народов в Дунайской монархии – все это создавало политический фон национального развития сербского населения под властью Габсбургов. Особенность его положения состояла в том, что сербский фактор постоянно присутствовал в австро-российских отношениях. Венский двор проводил касательно них политику в зависимости от приливов и отливов сотрудничества с Россией. В свою очередь, русские официальные круги строили контакты с этой частью сербского населения с учетом интересов Австрии. Сербские деятели, представлявшие народ вовне, лавировали между дворами.

Переселение в Австрийскую монархию ввело часть сербов в сферу западной цивилизации. Положение их было более стабильным, чем на Балканах. Это благоприятствовало их общественному развитию.

Во второй половине XVIII в. экономическая ситуация на землях основного расселения сербов в монархии характеризовалась все большим включением в рынок господских владений, имевших позднесредневековую организацию, появлением ростков свободного рыночного хозяйства в виде мануфактур, увеличением объема внутренней и внешней торговли. Начавшийся процесс ломки привычных форм хозяйствования тяжело сказывался на положении зависимых крестьян, столкнувшихся с сокращением старинных угодий и возрастанием повинностей. На арене социальной жизни все большее значение приобретал крестьянский вопрос. Полная милитаризация Военной Границы сопровождалась лишением граничар самоуправления, былых хозяйственных свобод, введением дополнительных платежей и отработок⁷.

С 70-х годов XVIII в. среднее Подунавье постепенно превращалось в житницу Европы. В эти же годы и объем австро-турецкой торговли удвоился, имея тенденцию дальнейшего роста. Основная часть товарного потока Средняя Европа–Восток шла через Земун и Белград. В 1780 г. доходы земунской таможни составляли огромную для того времени сумму – около 100 тыс. форинтов. Сербию и среднедунайские земли монархии экономически связывали как двусторонний обмен, так и международный через них транзит⁸.

Социальная структура сербского населения в австрийской монархии отличалась от балканской. Самое видное положение в сербской среде занимало высокое православное духовенство. Оно было носителем ограниченной автономии населения и организатором противостояния католицизму. Лояльное австрийским властям сербское духовенство в то же время занимало антиосманскую позицию. В течение XVIII в. в Австрийской монархии сложился немногочисленный слой сербов-дворян, получивших (или купивших) дипломы в качестве вознаграждения за заслуги перед короной. Однако, гетеро-

генные по условиям происхождения и жизни, они не играли самостоятельной общественной роли.

Зато все более уверенно на историческую арену выдвигалась новая социальная сила – городские торговцы и предприниматели. Они занимались разносторонней хозяйственной деятельностью, главное место в которой принадлежало торговле хлебом и скотом. Среди них имелись денежные люди, располагавшие солидными капиталами и поддерживавшие деловые связи с Риекой, Триестом, Грацем, Веной, Пештом и другими австрийскими центрами, а также с городами Турецкой империи. Деловые сербы держали в своих руках значительную часть торговли с Турцией, Италией и играли важную роль в экономике Венгрии и Хорватии. Они поддерживали тесные деловые, личные и родственные контакты с Сербией. Горожане проявляли высокую активность в общественных делах в рамках сербских привилегий. Все это делало их значительным фактором национальной жизни⁹.

У сербов в Австрийской монархии в отличие от проживавших в Турции формировалась национальная интеллигенция. Этому способствовали, в частности, реформы просвещенного абсолютизма, которые при всей их противоречивости по причине антиклерикальной направленности утверждали светские начала в жизни. Сербская интеллигенция получала образование в протестантских лицеях, в университетах Вены и Пешта, а также Германии (Галле, Лейпциг, Геттинген), что способствовало ее контактам с европейской прогрессивной мыслью. Интеллигенция сосредоточивалась в основном в Пеште и Нови Саде. Особый ее отряд составляли граничарские офицеры, прочно связанные с народом.

Основой социальной пирамиды являлся простой народ – крестьяне и граничары. Как и всюду на исходе позднего средневековья, сербские крестьяне стремились получить землю и освободиться от тягот. Граничары, составлявшие треть австрийской армии, несмотря на милитаристский гнет, находились в более благоприятном положении, нежели крестьяне. Страх перед дворянским произволом был среди граничар настолько велик, что тысячи из них в связи с демилитаризацией ряда секторов Границы и присоединением их к Провинциалу в середине столетия предпочли переселиться в Россию, нежели оказаться под юрисдикцией венгерских дворянских властей.

Во второй половине XVIII в. социальные противоречия в Баране, Бачке, Банате и Среме между землевладельцами и военной бюрократией, с одной стороны, крестьянами и граничарами – с другой, переплетались с национальными и конфессиональными противоречиями, с общей обеспокоенностью сербов своей судьбой, с разного рода недовольством. Напряженное состояние общества подогревалось постоянными слухами и известиями о кровавых насилиях над соплеменниками за кордоном.

Жизнь сербов под властью Венеции, в свою очередь, тоже отличалась своеобразием. Они населяли в основном континентальную часть Далмации с ее бесплодными каменистыми землями и запустением. Венеция, получившая ее во второй половине XVII в., установила здесь си-

стему военных поселений, аналогичную Военной Границе в Австрийской монархии. Военнообязанное крестьянство вело натуральное хозяйство и страдало от принудительных работ. В далматинских портовых городах, набравших силу, сербы занимали подчиненное положение. Православная вера в Далмации была гонимой, и ее приверженцы подвергались общественному унижению¹⁰.

В системе Османской империи находилась Черногория, пользовавшаяся широкой автономией. Ее население выплачивало время от времени дань Порте, которую собирал паша Шкодерского санджака. Главой Черногории был цетинский митрополит. Во внутреннем устройстве Черногории сохранялись остатки родоплеменной организации в виде административно-территориальных образований – племен. В условиях горной местности и патриархального хозяйства они жили замкнутой жизнью, которая регулировалась обычным правом и традициями. Племена являлись источником сепаратизма и распрей. Экономический строй Черногории характеризовался господством натурального хозяйства с элементами отношений зависимости. Во второй половине XVIII в. в Черногории все более актуальным становился вопрос создания централизованного государства.

Черногорцы никогда не мирились с зависимостью от Порты. С конца XVII в., когда Австрия, Венеция и Россия активизировали свою политику в отношении Турции, возросла роль Черногории как форпоста антиосманского движения в западной части Балкан. В XVIII в. цетинские митрополиты ориентировались на союз с противниками Порты, лавируя порой между Австрией, Венецией и Россией с их особыми интересами на Балканах. Но стратегический курс Черногории с середины XVIII в. состоял в укреплении связей с единоверной Россией, которую черногорцы поддерживали еще в 1711 г. вооруженной борьбой против Порты.

При Петре I, установившем постоянную денежную субсидию Цетинскому монастырю в размере 500 руб. каждые три года, было положено начало покровительству России над Черногорией. Елизавета Петровна учредила ей ежегодную помощь. Помимо этого, выдавались единовременные пособия по несколько тысяч рублей. Россия оказывала Черногории также дипломатическую поддержку и культурную помощь¹¹.

Черногория находилась в фарватере российской внешней политики. Но в 60-е годы XVIII в. в связи с авантюрой самозванца Степана Малого, выдававшего себя за российского императора Петра III, а позднее в условиях союза России и Австрии и их совместных действий по Восточному вопросу в российско-черногорских отношениях наступило временное охлаждение.

В XVIII в. между землями с сербским населением, входившим в состав разных государств, поддерживались постоянные связи. Крепли торговые отношения между австрийским средним Подунавьем, Посавьем, Сербией и Боснией. Массовые перемещения сербов с юга на север и с востока на запад, их смешение способствовали поддержанию в народе сознания целостности. В 1718–1739 и в 1788–1790 гг. часть Сер-

бии находилась под австрийским управлением. Между сербами под властью Турции, Австрии и Венеции существовали обыденные контакты, питавшие на бытовом уровне живую ткань “мира сербов”. Но главное – они сохранили свой язык, этноним, единое религиозное и культурное пространство. Это было залогом сбережения этнической индивидуальности и формирования национальной общности народа, разъединенного государственными границами.

XVIII век для сербов был отмечен активизацией контактов с Россией. Эти связи опирались на этническое родство сербов и восточных славян, религиозную общность, живучесть византийских культурных истоков, языковую близость и традиции отношений. В XVIII появилось новое обстоятельство, давшее импульс развитию российско-сербских контактов, – общность интересов в ослаблении Турции.

Сербы постоянно обращались к российскому правительству за покровительством и поддержкой в стремлении освободиться от османского гнета и оградить себя от притеснений в австрийских и венецианских владениях¹².

Россию традиционно посещали священнослужители для сбора “милостыни” церквям и монастырям, а также светские и духовные лица, преследовавшие политические цели. В 1715 г. в Петербург впервые приехал цетинский митрополит Данило. В 1742 г. совершил поездку в Россию митрополит Савва Петрович, а в 50–60-е годы сюда трижды приезжал владыка Василие Петрович. Все они стремились заинтересовать российское правительство в поддержке Цетине, заручиться его помощью. Митрополиты просили об установлении покровительства России над Черногорией. Этому служила и книга Василие Петровича “История о Черной горе”, которую митрополит издал в России в 1754 г.

Петербургский кабинет, руководствуясь своими геополитическими интересами, стремился – насколько позволяла международная обстановка – идти навстречу пожеланиям югославян, оказывая по дипломатическим каналам поддержку православному населению Турции, Австрии и Венеции¹³. Кроме того, как уже отмечалось, Россия предоставляла денежную помощь Черногории. Одновременно русский двор выказывал готовность поселить в России сербов, страдавших от всевозможных притеснений. Правительство рассчитывало с участием переселенцев решить задачи охраны южных границ, хозяйственного освоения пустовавших земель и пополнения людскими резервами армии.

В середине XVIII в. из разных районов Балкан и Австрийской монархии, несмотря на противодействие Порты, венского двора и венецианского сената, тянулся поток югославянских беженцев в Россию для поступления на службу и поселения. Перебирались семьями со скарбом. Согласно рескрипту Елизаветы от 1752 г., массовое переселение для России было “не безужно и полезно”¹⁴.

Сербы составили анклавы компактного проживания на юге страны, получившие названия “Новая Сербия”, с центром в Новомиргороде, и “Славяносербия”, с центром в Бахмуте. Здесь селились также православные эмигранты других национальностей. Для черногорцев были выделены земли между Оренбургом и Ставрополем¹⁵. С 1756 по 1759 г.

в Россию переселились 1,5 тыс. человек, называвших себя черногорцами. В 1760 г. население Новой Сербии и Славяносербии составляло более 26 тыс. человек. Жизнь на новых землях была организована по типу военных поселений. Зажиточные ремесленники и торговцы селились также в украинских и южнорусских городах¹⁶. В 1764 г. из Новой Сербии и Славяносербии была образована Новороссийская губерния. Это означало конец особому положению сербских поселенцев.

Еще в 1724 г. по указанию Петра I было положено начало сербско-му воинскому соединению, которое в 1727 г. оформилось как Сербский гусарский полк. Он дислоцировался на Украине¹⁷. В середине века православные выходцы составили несколько гусарских и пехотных полков и эскадронов на национальной основе. Югославы служили и в других армейских соединениях. На российской военной службе было более 250 сербов-офицеров, в том числе 25 генералов, 17 полковников, 8 подполковников, 37 майоров¹⁸. По сравнению с продвижением по службе сербов-граничар в Австрийской монархии, где только единицам удавалось дослужиться до высших воинских чинов, в России офицерские звания, в том числе высокие, были сербам более доступны. Тем не менее случалось, что сербы возвращались на родину.

Социальный облик югославянского населения на новых землях характеризовался углубляющейся дифференциацией. Богатство и власть генералитета и высшего офицерства соседствовали с нуждой и тяжелой участью рядовых. Притеснения, поборы, невыдача жалованья вызывали недовольство и волнения бедноты. В 1760 г. произошло вооруженное выступление рядовых против командира генерал-майора Й. Хорвата и офицеров в новомиргородском гарнизоне. Как показало расследование, Хорват присвоил 65 тыс. руб. казенных денег, предназначавшихся для выплаты жалованья. С восставшими жестоко расправились, а пятеро руководителей были казнены¹⁹. Но и Хорват был лишен чина и имени и выслан в Вологду.

Ситуация усугублялась общим наступлением крепостничества на новые, обживаемые земли и социальной напряженностью на Дону, Иргизе и Яике. Противоречия среди югославян-переселенцев становились частью общественно-экономических процессов на юге и юго-востоке страны.

Волнения среди военных поселенцев-югославян, с одной стороны, нежелание осложнений в отношениях с Турцией и европейскими государствами – с другой, побудили Екатерину II издать в 1766 г. указ о прекращении приема колонистов. Однако переселение сербов небольшими группами и индивидуально продолжалось. Беженцы, приняв российское подданство, вливались в жизнь России. В XVIII в. многие из них еще сохраняли связь с родиной. Переселения, подтверждавшие глубокое доверие югославян к России, сыграли свою роль как в решении внутренних задач страны, так и в поддержании российско-югославянских связей.

Темпы общественного развития сербов в разных государствах были неодинаковы, что сказывалось на состоянии их духовной жизни в рамках единого культурного пространства.

Живительные родники сербского фольклора находились на Балканах. Отсутствие здесь аристократической культуры, консервация патриархальных устоев, удаленность от центров Запада и Востока с их культурными влияниями, живучесть социальных идеалов героического эпоса – все это способствовало сохранению и развитию традиций.

В XVIII в. устное народное творчество проникало в быт и сознание разных слоев сербского населения независимо от государственных границ и играло этносвязующую роль. Эпическая устная поэзия, наиболее характерная часть сербского словесного фольклора, создавалась и бытовала в условиях постоянного сопротивления сербов чужеземному угнетению. Поэтому ее пафос составляли ненависть к поработителям, мечта о свободе, беспредельная любовь к родной земле. Трагические песни Косовского цикла с их вечным призывом к отмщению, юнацкие песни, прославлявшие стойкость народных героев, цикл песен о богатыре Марко-кравеиче – все они полны страданий и надежд, все они свидетельство исторической памяти неграмотной части населения. Устная поэзия выражала не только общесербские героические идеалы, но и отношение к современности, поддерживала их вольнолюбивый дух. Фольклор, сопровождавший земной путь серба с колыбели до смерти, проникнутый этическими, эстетическими и историческими представлениями крестьянства, стихийно оказывал постоянное влияние на ментальность народа.

Особое место в духовной жизни сербов занимала православная церковная культура. Во второй половине XVIII в. комплекс церковной архитектуры, культовой живописи, декоративно-прикладного искусства, а также устных проповедей, наставлявших в вероучении, оказывал сильное воздействие на психологию и сознание верующих. Церковная культура была нацелена прежде всего на упрочение православия и его защиту перед лицом угрозы со стороны католицизма и ислама. Вера в умах и душах сербов, помимо ее основной мировоззренческой функции, слилась с этнической самоидентификацией. Сбережение в чистоте веры было равнозначно в массовом понимании обеспечению существования народа.

Церковная культура, исполненная верности исторической традиции, олицетворяла связь времен и духовного пространства сербов. В то же время она характеризовалась конфессиональной замкнутостью, что в определенных условиях неизбежно вело к духовной консервации и застою. Однако ветер перемен затронул и ее, в первую очередь у сербов в Австрийской монархии. При незыблемости религиозных догм и обрядов церковное искусство, преимущественно архитектура и живопись, стало осторожно отходить от византийских канонов и приобщаться к барокко, что знаменовало начавшееся освоение православной культурой современных ценностей европейской цивилизации.

Во второй половине XVIII в. общее оживление жизни сербов коснулось и культуры. Заметно увеличилась масса интеллектуальной и художественной продукции, возросло число людей, занимавшихся творчеством, расширилась сеть распространения культурных ценностей среди населения. За последние два десятилетия XVIII в. было из-

дано в 1,5 раза больше сербских книг, чем за 40 лет до этого. Культурный подъем прежде всего переживали сербы габсбургского государства, но свежие веяния не миновали и Балкан. Главное в сербском культурном процессе в рассматриваемое время состояло в росте удельного веса и значения светского направления.

Напряженное духовное состояние сербов получило выход в освоении писателями и художниками эстетики барокко, означавшей более глубокое понимание жизни и человека. Самым крупным ее представителем был Захария Орфелин (1726–1785), основоположник ряда новых видов культуры и зачинатель рационализма у сербов. Он был писателем, историком, журналистом, гравером, педагогом. Его главными творениями являлись стихотворение “Плач Сербии” (Венеция, 1762), первое печатное сочинение на народном языке сербов, проникнутое горестными раздумьями о судьбе народа; один выпуск журнала “Славено-сербский магазин” (Венеция, 1768), первый образец периодического издания на славянском юге; фундаментальный двухтомный труд “Житие и славные дела... Петра Великого” (Венеция, 1772), прославлявший могущественную Россию и ее гениального преобразователя Петра I. Основные произведения З. Орфелина были написаны на русском языке с сербизмами. Ему принадлежало также множество блестящих гравюр на меди в стиле барокко. Творчество Захарии Орфелина знаменовало вступление сербской культуры на магистральный путь общеевропейского развития.

Культурные перемены вызвали у наиболее передовой части сербов в габсбургском государстве потребность в новых ценностях, общественных ориентирах и идеалах. Ответом на нее явилось национальное Просвещение. Хронологически оно охватило период с 1783 г., когда в печати выступил Досифей Обрадович, до середины первого десятилетия XIX в., начала и развития Первого сербского восстания.

Мыслитель, писатель и педагог Досифей Обрадович (ок. 1740–1811) стал главой Просвещения у сербов и одним из наиболее крупных его представителей на Балканах. Вместе с ним творила плеяда сербских интеллигентов в первом поколении, живших в Австрийской монархии, – Йован Мушкатинович, Эмануил Янкович, Атанасие Стойкович, Павле Соларич и др.

Сербское Просвещение представляло собой сложную идейную систему, вобравшую достижения национальной мысли и основополагающие принципы современных прогрессивных европейских учений. Оно отразило запросы общества на переходе от позднего средневековья к новому времени. Его постулаты получили выражение прежде всего в следующих сочинениях Досифея Обрадовича: “Письмо Харалампию” (Лейпциг, 1783); “Жизнь и приключения Димитрия Обрадовича, нареченного в монашестве Досифеем, им самим написанные и изданные” (Лейпциг, 1783. Ч. I; 1788. Ч. II); “Советы здравого разума” (Лейпциг, 1784); “Басни” (Лейпциг, 1788); “Собрание разных нравоучительных вещей на пользу и увеселение” (Вена, 1793); “Этика” (Венеция, 1803) и др.

Основанная на философии рационализма, доктрина сербского Просвещения включала идею прогресса, “естественный закон”, утверждающий равенство людей от природы, принцип веротерпимости, критику существующей православной церкви, национальное сознание. Ее доминантой была великая идея Свободы, трактуемая в философско-нравственном смысле как свобода разума и духа человека, но применительно к Сербии и в государственно-политическом значении.

Деятели Просвещения, проникнутые национальным чувством, ставили задачу повышения интеллектуального и нравственного уровня сербов как необходимое условие достижения благоденствия и процветания. Для ее решения Досифей Обрадович и его единомышленники положили начало переводу на народный язык и гражданскую азбуку литературы, кроме церковной. Это стало самым крупным событием в культурной жизни сербов в XVIII в., возвестившим о формировании самосознания нации²⁰.

Отличительной чертой сербского Просвещения как идейно-культурной системы была ориентация на простых людей, на крестьян. Оно вселяло в сербов уверенность в будущем, утверждая право человека на счастье и его способность изменить жизнь к лучшему.

Имя Досифея Обрадовича было в сербской среде общеизвестно. В 1801 г. писатель и ученый А. Стойкович в предисловии к своей “Физике” отмечал, что “серб книги г. Досифея с большой охотой читает”²¹. Сочинения Обрадовича пользовались авторитетом прежде всего среди сербских торговцев и интеллигенции, особенно у молодых образованных сербов в Австрийской монархии. Почти поголовная неграмотность населения на Балканах была существенным препятствием для распространения здесь передовых идей, выработанных и приспособленных для крестьянского восприятия национальными деятелями Просвещения. И тем не менее в Сербию разными путями проникали книги, в основном учебные и церковные, но также и сочинения Обрадовича. В 1800 г. Лукиан Мушицкий, в то время студент в Пеште, впоследствии видный поэт, отмечал, что книги “нашего милого Обрадовича” “рассеяны по Венгрии, Славонии, даже до Смедерева и Черногории”²². И все же торговцы Сербии не столько путем чтения, сколько благодаря личному общению с партнерами в Австрийской монархии были осведомлены о национальных культурных событиях “за Савой”. Сербское Просвещение внесло вклад в развитие на демократических принципах национального культурного пространства сербов.

Особое положение в сербской культуре второй половины XVIII в. занимает величественная фигура историка и писателя Йована Раича. Личность весьма противоречивая, он по положению был архимандритом, непреложным у сербов авторитетом в области ортодоксального православия, а по культурной деятельности – близким к Просвещению пропагандистом патриотического сознания и исторических знаний. В 1789 г. Й. Раич издал на народном языке аллегорическую поэму “Бой змея с орлами”, воспевшую победы русского и австрийского оружия над Турцией. Но главный его труд – четырехтомная “История разных славенских народов наипаче болгар, хорватов и сербов из тмы забве-

ния изытая и во свет исторический произведенная” (Вена, 1794–1795), написанная на архаичном русском языке еще в 1768 г. Книга явилась первой печатной систематизированной историей сербов, представленной в тесной связи с прошлым соседних и южнославянских народов.

В беспокойное для сербов время Раич создал исторический труд, раскрывший величие пути народа. Монография была призвана обосновать право сербов на самостоятельную жизнь и стала опорой в их борьбе за достойное положение. Общественный резонанс, произведенный сочинением Раича, был огромным. Живой интерес к нему сохранялся вплоть до 60-х годов XIX в., делая его фактором освободительных стремлений.

В условиях жизни сербов фольклор, православная церковная культура и Просвещение – эти разные по истокам, сущности, временному развитию явления – действовали в одном направлении – поддержания чувства национальной целостности народа, сознания общности исторической судьбы и неприятия османского господства.

В XVIII в. развитие сербской культуры протекало под влиянием России. Она снабжала православные церкви и монастыри утварью, выделяла денежные средства на поддержание церкви. Поток поступали к сербам российские книги, которые затем нередко переписывались и перепечатывались. С помощью учителей из России были заложены основы школьного дела в Белградской и Карловацкой митрополиях. Сербь со всех территорий отправлялись для получения образования в Киев, Петербург и Москву. С 1726 до 1762 г. в Киево-Могилянской духовной академии, крупнейшем высшем учебном заведении России, Украины и Белоруссии, обучалось несколько десятков югославян²³.

Русская общественная мысль, в первую очередь Духовный регламент 1721 г., составленный по повелению Петра I Феофаном Прокоповичем, воздействовала на развитие рационализма и критической философии у сербов. Писатели переводили и использовали сочинения российских авторов в своей литературной практике. В частности, через Россию в сербскую культуру проникали барокко и классицизм. Русская духовная жизнь была для образованных сербов источником близкого по ментальности культурного опыта. С 40-х до 80-х годов XVIII в. в сербской литературе, церкви и школе господствовали церковнославянский и архаичный русский языки. Российское присутствие в сербском культурном развитии в XVIII в. не было случайным и спорадическим, а являлось фактором, способствовавшим выходу сербской культуры из состояния застоя и переходу ее в новое качество, соответствовавшее духу времени. С активным освоением сербским Просвещением западных ценностей русский компонент в духовной жизни народа дополнился европейским опытом.

Геополитические интересы страны, формирование русского национального самосознания, с одной стороны, процессы, протекавшие в родственном славянском мире, – с другой, обусловили развитие общественного интереса в России к славянам, в том числе к сербам. Его выражением, в частности, стали “переводы” книг сербских авторов. Переводы (с языковой правкой в 1774 г. в Петербурге) первым из них

удостоился труд З. Орфелина “Житие и славные дела... Петра Великаго”. В 1795 г. появился “перевод” первого тома “Истории” Раича. В том же году Екатерина II удостоила автора золотой медали со своим изображением.

В XVIII в. российское правительство ввиду нехватки образованных людей приглашало в страну разных специалистов. Во второй половине столетия наряду с офицерскими кадрами в Россию отправились представители сербской интеллигенции. Среди переехавших были Ф.И. Янкович Мириевский, участвовавший в разработке школьных реформ 1782–1786 гг. и ставший членом Российской академии наук, Г. Терлаич (Трлаич), получивший место профессора всеобщей истории в Педагогическом институте в Петербурге. Русско-сербские связи были ориентированы на взаимное обогащение.

Во второй половине XVIII в. сербы переживали переход от позднесредневековой культуры к национальной культуре нового времени. Ввиду неодинаковых условий жизни народа в разных государствах она развивалась неравномерно, интенсивнее всего в рамках Австрийской монархии, но питали ее живительные истоки этнического самосознания сербов, народного языка и бытовой культуры со всей территории Балкан.

Одной из характерных черт нового духовного уклада у сербов было страстное желание образованных людей познать свой народ, его корни, его союзников и врагов, понять пути в будущее. Духовная атмосфера была проникнута тревогой, надеждой и ожиданием перемен.

Во второй половине XVIII в. новые исторические задачи, вставшие перед русским и сербским народами, определили значительные изменения в русско-сербских отношениях, связанные с усилением их антиосманской направленности и обновлением в духе требований времени.

¹ Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. IV, т. 1: Срби у XVIII веку. С. 216.

² Караџић В. Географическо-статистическо описаније Србије // Сабрана дела. Београд, 1969. Књ. 8. С. 156. В 1781 г. в материковой части Далмации жили 187 069 человек, в том числе 34 149 православных (см.: Станојевић Г. Далматинске крајине у XVIII вијеку. Београд; Загреб, 1987. С. 19).

³ Историја српског народа. С. 323–325.

⁴ Историја Београда. Београд, 1974. Књ. 1. С. 691, 692, 750; Стојанчевић В. Градови, вароши, паланке и тржишта пред Први српски устанак 1804. године: Културно-историјска проблематика // Градска култура на Балкану (XV–XIX век). Београд, 1984. С. 145, 150, 156, 158, 160.

⁵ Гавриловић С. Прилог историји трговине и миграције Балкан–Подунавље XVIII и XIX столећа. Београд, 1969. С. 10, 11, 12.

⁶ Радонић Ј., Костић М. Српске привилегије од 1690 до 1792. Београд, 1954; Форишко-вић А. Привилегије срба у Угарској 1740–1790 // Зборник за историју. Нови Сад, 1980. Св. 22.

⁷ См.: Гавриловић С. Урбарисална експлоатација кмета у јужној Угарској XVIII–XIX века // Зборник за историју. Нови Сад, 1982. Св. 25; Он же. Скица за историју аграрних односа од краја XVIII до средине XIX века на подручју данашње Војводине // Историјски часопис. 1988. Књ. XXXV.

⁸ Гавриловић С. Прилог историји трговине и миграције Балкан–Подунавље... С. 10 и сл.

- ⁹ Историја српског народа. С. 229–230, 269–271, 295, 297.
- ¹⁰ *Станојевић Г.* Далматинске крајине...
- ¹¹ *Хитрова Н.И.* Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х годах XIX века. М., 1979. С. 10 и сл.; *Она же.* Русско-черногорские отношения в XVIII в. (церковные и культурные связи) // XVIII век: Славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.
- ¹² См.: Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 21, 22, 25, 26, 36, 37, 75, 98, 99, 111, 138, 215–217, 252, 248, 249.
- ¹³ Там же. С. 51–53, 138, 139, 215–217, 252, 256.
- ¹⁴ Там же. С. 158.
- ¹⁵ Там же. С. 153 и сл., 156 и сл., 161 и др.
- ¹⁶ О переселении югославян в Россию см.: *Бажова А.П.* Югославяне в России в 50–70-х гг. XVIII века // *Югословенске земље и Русија у XVIII веку.* Београд, 1986; *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России во второй половине XVIII в. // Там же; *Рудяков П.* Седоб Срба у Русији у 18. веку. Београд, 1995.
- ¹⁷ Политические и культурные отношения... С. 77; *Хевролина В.М.* Из истории создания и боевой деятельности сербских воинских формирований в России в первой половине XVIII века // *Югословенске земље...*
- ¹⁸ Историја српског народа. С. 249.
- ¹⁹ Политические и культурные отношения... С. 264 и сл.; *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 154.
- ²⁰ Подробно о культурном развитии сербов в XVIII в. см.: *Лециловская И.И.* Сербская культура в XVIII веке. М., 1994.
- ²¹ *Стойкович А.* Фиска. В Будиме, 1801. Ч. 1. Предисловие к читателю.
- ²² Цит. по: *Костић М.* Доситеј Обрадовић у историској перспективи XVIII и XIX в. Београд, 1952. С. 262.
- ²³ Политические и культурные отношения... С. 167, 193, 194, 261; *Петров Н.П.* Воспитанники Киевской Академии из сербов с начала синодального периода и до царствования Екатерины II (1721–1762) // *Известия ОРЯС.* СПб., 1904. Т. IX, кн. 4. С. 6–7.

БОЛГАРЫ

Новые явления, происходившие в социально-экономическом развитии балканских провинций Османской империи во второй половине XVIII в., нашли отражение и в болгарских землях. Однако вследствие чуть ли не полной изоляции от европейского мира и особенностей развития болгарского общества в условиях османского владычества зарождение в недрах феодализма новых, капиталистических отношений протекало с опозданием, крайне мучительно, ограниченно и медленно. Специфика болгарского общества состояла в том, что болгары еще в XVI в. были лишены своего феодального класса и к середине XVIII в. его так и не обрели. Православные болгары после падения одной из двух столиц Болгарского царства – Тырново (1393) и ликвидации своей национальной церкви испытывали двойной религиозный гнет – мусульманства со стороны поработителей и греческого православного духовенства, будучи подчинены юрисдикции греческой церкви.

Османское правительство не допускало христиан к управлению, а Константинопольская патриархия стремилась поставить во главе епар-

хий в болгарских землях греков. Большое значение имел и тот фактор, что болгары населяли земли, расположенные “в сердце” европейских владений султана и вблизи от столицы Османской империи.

И все же, несмотря на крайне неблагоприятные условия, изменения в хозяйственной области болгарских земель происходили, хотя и с опозданием, и медленно по сравнению с другими балканскими провинциями. Элементы новых общественно-экономических отношений появились еще в первой половине XVIII в., когда углубившийся кризис Османской империи и ее неудачи в войнах не только ослабили государство изнутри, но и вынудили его открыть свои границы для европейского капитала. Главное место во внешней торговле с Османской империей в начале XVIII в. заняли, оттеснив венецянцев, Франция и Англия, а с середины века к ним присоединились Австрия, Пруссия, Россия. Это внесло изменения в направлении торговых потоков. И если раньше болгарские товары, в основном сельскохозяйственные, предлагались на внешний рынок через посредничество греческих судовладельцев и купцов, то теперь экспорт болгарской продукции стал осуществляться и болгарскими торговцами через Варну, Бургас, Русе, Видин, Константинополь. Они предлагали значительное количество местной пшеницы, хлопка, шелка, табака, необработанных и обработанных кож, древесного строительного материала, хлопчатобумажных и грубых шерстяных тканей местной выработки (абы). В течение всего расцветающего периода болгарский торговый баланс был постоянно активным¹. Некоторые купцы переселились в другие страны и открыли свои конторы в крупных европейских городах. Так постепенно возникали болгарские торговые колонии, число которых постоянно увеличивалось на протяжении всей второй половины XVIII в. Их хозяйственная деятельность при более свободных политических условиях способствовала развитию внешнеторговых связей болгарских земель с Европой².

Увеличение спроса на сельскохозяйственную продукцию, в свою очередь, способствовало росту в болгарских землях числа чифтликков – новой формы землевладения, основными отраслями которой были земледелие и животноводство. Владельцы этих хозяйств – чифтликчин – производили уже товарную продукцию, приспособившись к спросу на рынке. Образование чифтликков началось в Болгарии в конце XVII – начале XVIII в. (достигнув ко второй половине XVIII в. максимума) и осуществлялось неравномерно в разных областях. В западных и северо-западных районах, находящихся в непосредственной близости от западных рынков, где был сосредоточен огромный фонд государственных и султанских земель, называемый “мертвой землей” (меват), созданный специальными султанскими указами и не исчерпанный еще и во второй половине XIX в., этот процесс развивался наиболее интенсивно³. Здесь с середины XVIII в. и до 40-х годов следующего столетия происходило обезземеливание крестьян путем превращения все большего числа сел в агаларские имения, или господарлыки, когда земли крестьян становились частной земельной собственностью янычар, чиновников, торговцев и других городских элементов, слившихся с гос-

подствующим феодальным классом. Это был особый аграрный режим, отличавшийся от собственно чифтгликов и от буржуазной земельной собственности. Владелец агаларских сел приобретал право собственности и на общинные пастбища, и на всю обрабатываемую площадь села – нивы, бахчи, огороды, покосы, ранее находившиеся в собственности общины. В личной собственности крестьян оставались только колодцы, дворы и небольшой надел. Крестьяне господарлыков, или агаларских сел, вынуждены были обрабатывать землю, ранее принадлежавшую им, как арендаторы или испољщики⁴.

В Юго-Западной Болгарии преимущественной была такая форма феодальной зависимости, как кесимджийство, когда крестьянин, сидевший на земле помещика, платил ему оброк и нес определенные повинности⁵.

Массовое образование чифтгликов вызвало появление значительного числа обезземеленных крестьян. Часть из них оставалась работать в чифтгликах как испољщики или батраки, другие переселялись в города, третьи покидали родные места и образовывали миграционные потоки в иные области болгарских земель, а также в Валахию, Сербию⁶.

Торговля шерстью, кожами, молочными продуктами не была строго регламентирована османским государством. Торговое скотоводство стало развиваться в горной местности, главным образом в районах Балканского хребта (Стара-Планина) и в Родопах.

Увеличение товарообмена между Балканами и Центральной Европой по суше и другими средиземноморскими государствами по морю способствовало росту ремесленного производства. Усилилось разделение труда. Ремесленник начал отделяться от потребителя, устанавливая все более тесную связь с рынком, и превращаться в товаропроизводителя. Новые потребности вызвали не только развитие старых, но и появление новых ремесел.

Ремесленники имели свои цеховые организации – эснафы, в состав которых в ряде городов входили турки и болгары, причем первые играли в них руководящую роль. Однако по мере развития ремесел болгары стали выделяться в свои отдельные цеховые организации⁷. Этому способствовал и специальный ферман 1773 г.⁸

Благоприятным условием для подъема ремесленного производства и торговли в болгарских землях явилось то обстоятельство, что с 1739 по 1768 г. Османская империя почти не вела войн с соседями. Именно тогда расширился внутренний рынок и усилились торговые связи. Начался обмен не только между городом и селом, но и между отдельными районами.

Подъем ремесел наряду с оживлением торговли привел к перерастанию многих сел в города (например, Котел, Жеравна). Города, куда устремлялось значительное число жителей близлежащих сел, постепенно начали превращаться в центры экономической и общественной жизни соответствующего района. Такими в течение второй половины XVIII в. становятся Пловдив, Сливен, Пазарджик, Эски-Джумая и т.д. Во многих городах начинают проводиться ежегодные ярмарки, кото-

рые постепенно стали играть роль общеимперских рыночных центров, куда съезжались купцы из многих краев не только османского государства, но и Европы, а после Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. и из России.

Во второй половине XVIII в. в Болгарии появляются первые мануфактуры, в основном шелкопрядильные, первичной очистки хлопка, переработки скота, пошива одежды из абы. Но это были домашние, рассеянные мануфактуры⁹.

Для нужд увеличивавшегося городского населения производилось все больше продуктов. Потребности вывоза и зарождающаяся мануфактура способствовали специализации районов. Уже с середины XVIII в. Подбалканские поля начали производство розового масла, Македония – хлопка, Фракия и Беломорие – табака, Пловдив с близлежащими городами и селами превратился в центр производства хлопчатобумажных тканей, абы и пошива из них одежды. Крупными центрами абаджийства становились Сливен, Котел, Жеравна и Самоков¹⁰.

Перемены в хозяйственной сфере, в свою очередь, меняли само болгарское общество. Ранее оно представляло собой почти однородную, преимущественно крестьянскую, массу, в частности скотоводов, плюс незначительный слой ремесленников, незначительное число торговцев и священников. В результате начавшегося во второй половине XVIII в. расслоения крестьянства постепенно образовался немногочисленный слой зажиточных крестьян – собственников крупных земельных участков¹¹. Часть крестьян, напротив, лишались земли и были вынуждены искать новые источники существования. Уже с середины века появились крупные болгарские торговцы, число которых со временем росло. К ним примыкали владельцы крупных мастерских и еще редких рассеянных мануфактур, а также торговцы скотом, ростовщики. Все они составили первые элементы нового социального слоя – зародыша класса буржуазии.

В рассматриваемый период подавляющее большинство болгар прозябало в невежестве. Духовная жизнь находила отражение главным образом в фольклоре и духовной литературе на староболгарском (церковнославянском) языке, в которой лишь иногда, крайне редко, присутствовали светские мотивы. Пробуждавшийся интерес к образованию реализовывался путем увеличения числа церковных начальных школ, многие из них в то время помещались в монастырских кельях и назывались поэтому “келийными”. Обучение, будучи сугубо религиозным, велось на трудном для детей церковнославянском языке. Монахи и священники учили детей читать и писать, используя церковные книги (Псалтырь, Апостол и др.). По некоторым данным, в середине XVIII в. в болгарских землях насчитывалось более 100 келийных школ, и число их росло (к концу века – около 200).

В условиях экономического развития элементарная грамотность (умение читать) была уже явно недостаточной. Чтобы успешно торговать (тем более с далекими странами), требовались основательные знания – арифметики, географии и других наук. Такие знания могли дать только греческие школы, так как в силу исторического развития гре-

ческое образование во второй половине XVIII в. находилось на сравнительно высоком уровне.

В некоторых городах, особенно со смешанным населением (Пловдив, Варна и др.), болгарская молодежь, преимущественно из зажиточных семей, поступала учиться в созданные там греческие школы. Получая в них светское образование, она приобщалась к передовым идеям нового времени. Но обучение в греческих школах приводило к тому, что какая-то часть молодежи эллинизировалась, что таило в себе угрозу национальному самосознанию болгар.

Центрами духовной культуры оставались монастыри, в которых сохранялись традиции болгарского языка и литературы. В этом отношении особенно важную роль играли афонские монастыри – Хилендарский, Зографский и Рильский. Именно из монастырей вышли почти все первые болгарские патриоты, прозванные “народными будителями”.

Из этой среды вышел Паисий Хилендарский (1722–1773), монах Хилендарского монастыря, родившийся, как полагают некоторые его биографы, в Банско; светское имя Паисия не выяснено¹². Написанная им “История славяно-болгарская о народе и о царях” (1762) была качественно новым явлением в болгарской литературе. Это первая попытка дать характеристику болгарскому обществу середины XVIII в., оценку положения болгарского народа и определить стоящие перед ним задачи. Это краткий обзор истории болгарского народа и болгарского государства, написанный человеком, горячо любящим родину, народ и язык. Но не только. Одаренный проницательным и дальновидным умом, Паисий уловил новые тенденции в историческом развитии болгарского народа, переломный момент, когда рушилась старая феодальная система и пробивались ростки новых экономических и общественно-политических отношений.

В “Истории” отражена начавшаяся классовая дифференциация современного Паисию общества. Он пишет, обращаясь к читателю: “Или ты стыдишься своего рода и языка перед учеными и торговцами, потому что болгары неученые и нет среди них много торговцев и ученых... но большинство их простые крестьяне и земледельцы, пастухи и неграмотные ремесленники?”¹³ Тех же, кто стыдится называть себя болгарин, поносит свой родной язык, тех, кто “обращаются к чужой культуре и чужому языку... но учатся читать и думать по-гречески”, Паисий называет “отцеругателями” и приводит в пример самих греков. “Почему же ты, глупый человек, – пишет он, – стыдишься своего племени и тянешься к чужому языку? Но, говорят, греки умнее и культурнее, а потому, говорят, лучше следовать грекам. Однако посмотри, неразумный: много есть народов мудрее и славнее греков, но разве какой-нибудь грек оставит свой язык и учение, и народ, как ты, безумный, оставляешь, не получая никакой прибыли от греческой мудрости и культуры?”¹⁴

Для того чтобы доказать, что болгарам можно и нужно гордиться своей историей, Паисий с пафосом повествовал о героическом прошлом болгарского народа, о расцвете его культуры в эпоху Первого

Болгарского царства. Мрачными красками рисовал он картину турецкого завоевания Балканского полуострова. Причину гибели самостоятельности болгарского и других балканских государств автор усматривал в их междоусобной борьбе. Он указывал на тяжелую судьбу болгар под османским игом. Не один раз он повторял, что турки отобрали у болгар и нивы, и виноградники, и “лучшие земли”¹⁵. Паисий указал в своем труде и на опасность засилья греческой патриархии. Болгары, писал он, страдают от “агарянского рабства и греческой архиерейской власти”¹⁶.

Напоминая о фактах героической истории и былом величии болгарского государства, Паисий стремился пробудить национальное самосознание болгар, апеллируя к их национальному достоинству. То, что он обращается к “болгарскому роду” – “болгарскому народу”, не случайно: этим он подчеркивал общие черты, присущие болгарам. Он выдвинул не только идею восстановления болгарского государства, но и программу действий. Первое – борьба за национальное просвещение: “Ты, болгарин, не заблуждайся, знай свой род и язык и учи свой язык!”¹⁷ Второе – необходимость обретения церковно-национальной самостоятельности. В своей “Истории” он показал роль болгарской церкви в укреплении болгарской державы; там и тогда было сильное Болгарское царство, когда существовал союз между царями и церковью¹⁸. Надежду на освобождение Паисий возлагал на славянско-православный мир, прежде всего на Россию. Правда, нигде в своем сочинении он не говорил о необходимости борьбы против османского ига. Но само сопоставление былой храбрости, воинственности и государственной мощи болгар в прошлом с их тяжелым и унижительным положением в настоящем приводило к выводу, что болгары могут и должны освободиться от иноземного ига.

Труд Паисия отразил стремления формирующейся болгарской нации. Он отвечал потребностям национального самосознания. Мы вправе назвать “Историю” Паисия зародышем новой национальной идеологии. Ее становление сопровождалось освобождением от средневековых догм и схоластики, духовным и культурным развитием болгарского общества, ростом его национального самосознания. Этот процесс получил название болгарского Возрождения.

Под непосредственным влиянием “Истории” Паисия появились еще два исторических труда – “Зографская история” (известна по переписи 1785 г.) и “История вкратце о болгарославянском народе” иеромонаха Спиридона (1762). Однако последний ограничился лишь просветительскими целями. На протяжении XVIII в. жил и творил Теодор Врачански. Стрелы своей критики он направлял против ассимиляторской политики, проводимой османами, уделял большое внимание воспитанию и обучению подрастающего поколения, просвещению народа. Он был первым болгарским книжником, включившим в свой объемистый сборник (1762) тексты из “Номоканона”, очень нужной книги, содержащей нормы управления в церковной и гражданской жизни, которая внесла известный вклад в социальную организацию болгар в первые десятилетия Возрождения¹⁹.

На протяжении почти всего периода османского господства наиболее распространенной формой сопротивления болгар (как и других угнетенных балканских народов) гнету мусульманских феодалов было гайдучество. Гайдуцкое движение возникло стихийно, без какого бы то ни было внешнего влияния, как реакция на грабежи и насилия. Отсутствие в Османской империи централизованного управления, хорошо организованной администрации и развитых средств сообщения создавало благоприятные условия для успешной борьбы гайдуцких отрядов против угнетателей. К тому же разложение османского феодального государства в XVII–XVIII вв. этому явно способствовало. С ростом числа обезземеленных крестьян, происходившим в болгарских землях наиболее интенсивно с середины XVIII в., гайдуцкое движение как средство самозащиты и мести усилилось и к рубежу XVIII–XIX вв. достигло своего апогея.

Убийство кого-либо из родственников, поругание чести семьи или оскорбление личного достоинства – вот что заставляло многих молодых людей уходить в горы, основные районы дислокации отрядов гайдуков. Густые леса и неприступная местность помогали им в неравной борьбе. Отряды состояли обычно из 10–15 человек, но были и численностью 40–50 человек. Каждый отряд избирал воеводу и знаменосцев из числа самых опытных и храбрых гайдуков. Отряд действовал обычно в каком-нибудь одном хорошо знакомом районе, где гайдуки имели связи с населением. Особенно важную роль играла в гайдуцком движении Стара-Планина.

Гайдуки не ставили перед собой никаких политических задач. Они мстили за совершенные по отношению к ним несправедливости и наказывали тех турок и болгар-чорбаджиев, которые особенно беспощадно грабили и притесняли население. Политическую апатию, “их робость перед турками” отмечал И. Липранди²⁰.

Сход смотрел на гайдуков как на своих единственных защитников. Сохранилось много песен и преданий, прославляющих их подвиги, упоминающих имена воевод-гайдуков, среди которых были и девушки: Мануш, Страхил, Чавдар, Наню Стоян, Боянка, Тодорка, Рада и др.

¹ Гандев Хр. Проблемы на българското Възраждане. С., 1976. С. 395–415.

² Радкова Р. Същност и характерни черти на българското Възраждане. // Сб. България 681–1981. С., 1981. С. 193–194.

³ Димитров Стр. Към историята на чифтликството в Русенско // Исторически преглед, 1958. Кн. 4. С. 98; Гандев Хр. Указ. соч. С. 345.

⁴ Подробнее об этом см.: Гандев Хр. Указ. соч. С. 330–331.

⁵ Косев Д. Новая история Болгарии. М., 1952. С. 51.

⁶ Гандев Хр. Указ. соч. С. 331–332.

⁷ Тодоров Н. Балканский город XV–XIX веков. М., 1976. С. 177–197.

⁸ Възвъзова-Каратеодорова К. Капитан Георги Мамарчев, 1786–1846. С., 1986. С. 19.

⁹ Гандев Хр. Указ. соч. С. 408–410.

¹⁰ Радкова Р. Указ. соч. С. 196; Тодоров Н. Указ. соч. С. 197–198, 200–202.

¹¹ Цветкова Б. Откупната система (илтизам) в Османската империя с оглед на българ-

- ските земи // Известия на Института за правните науки при БАН. С., 1960. Т. XI, кн. 2. С. 186–221.
- ¹² Подробную биографию по паисиеведению см.: *Трайков В., Дуйчев Ив.* Паисий Хилендарски. Литературни извори за епохата, живота и дейността му // Паисий Хилендарски и неговата епоха (1762–1962). С., 1962; *Паисий Хилендарски.* Славянобългарската история / Под ред. на П. Динеков. С., 1972. С. 8–10.
- ¹³ *Паисий Хилендарски.* Указ. соч. С. 44.
- ¹⁴ Там же. С. 42–43.
- ¹⁵ Там же. С. 87.
- ¹⁶ Там же. С. 85.
- ¹⁷ Там же. С. 43.
- ¹⁸ Там же. С. 129–140.
- ¹⁹ *Ангелов Б.* Съвременници на Паисий. С., 1964. Ч. II. С. 105–114.
- ²⁰ *Дойнов Ст.* Българското национално-освободително движение 1806–1812. С., 1979. С. 56.

ГРЕКИ

Большая часть Греции была захвачена османами в XV в. Последующие века наполнены многолетними венециано-турецкими войнами, в ходе которых венецианцы утратили свои некогда обширные владения в Греции. К началу XVIII в. в их руках оставались лишь Ионические острова и несколько прибрежных городов Западной Греции. Завоеватели распространили на Грецию военно-ленную систему. Наиболее плодородные земли были поделены между военными ленниками, мусульманскими религиозными учреждениями, султаном, его родственниками и приближенными. Население страны было обложено различными налогами и повинностями. Однако эта система османского землевладения, установленная в Греции завоевателями, к середине XVIII в. в значительной степени была нарушена. Повсеместным явлением в Европейской Турции в XVII–XVIII вв. было превращение государственных земель в частнофеодальные поместья – чифтлики. Процесс этот распространился и на Грецию. В результате значительно ухудшилось правовое и материальное положение непосредственного производителя. Крестьяне, бывшие по нормам военно-ленной системы наследственными владельцами земли, становились безземельными арендаторами, вынужденными теперь отдавать большую долю произведенного продукта. Возделыватель в изменившихся условиях, помимо уплаты основных налогов – ушра (десятины) и хараджа (подушного налога, взимавшегося с немусульман), должен был от трети до половины оставшейся продукции отдавать собственнику чифтлика. Все эти повинности усугублялись злоупотреблениями турецких должностных лиц (пашей, кади, сипахи), принявшими особенно широкий размах в XVII–XVIII вв., в период прогрессирующей упадка Османской империи.

Переход от государственно-феодального к частнофеодальному землевладению не был обусловлен какими-то качественными изменениями в производительных силах. Правда, в Греции, как и в других балканских землях, имело место освоение новых земель, получили распро-

странение новые сельскохозяйственные культуры (кукуруза, хлопок). Но нет каких-либо данных об изменениях в технике производства, о повышении производительности труда. Между тем Греция и другие балканские провинции Османской империи все активнее вовлекались в орбиту европейского рынка, где им была уготована роль поставщиков сельскохозяйственного сырья для стран Западной и Центральной Европы. Благодаря усилению нажима на непосредственного производителя новые феодальные землевладельцы смогли сосредоточить в своих руках большие объемы рыночной продукции. Значительно возросла товарность греческого сельского хозяйства. Так, Македония и Фессалия, по некоторым данным, экспортировали во второй половине XVIII в. 40% производимого зерна и более половины табака и хлопка¹. В Греции оживляется городская жизнь. Широкий размах приобретает торговля, особенно внешняя. Здесь немаловажную роль играло географическое положение Греции как моста между Европой и Азией. Через Македонию шли в Австрию и Германию многочисленные караваны не только с греческим сельскохозяйственным сырьем, но и с ремесленными изделиями малоазиатских мастеров.

Сухопутную торговлю со странами Центральной Европы вели греческие купцы, морскую – в основном французы и венецианцы. Но уже с начала XVIII в. развивалось греческое судоходство, центрами которого становятся три небольших острова – Идра, Спецце и Псарра. Еще в середине XVII в. эти острова были почти не населены. Немногочисленные жители Идры и Спецце существовали за счет рыболовства. Псарра же была в это время одним из пиратских гнезд Архипелага. В последующие десятилетия население островов увеличилось за счет православных албанцев и греков – переселенцев из Пелопоннеса и Центральной Греции, спасавшихся от набегов албанских беев и произвола турецких властей. Увеличившееся население островов искало дополнительных источников существования. Островитяне стали строить небольшие корабли, совершавшие плавания между островами Эгейского моря и близлежащими берегами Греции, Малой Азии, Египта. Собственники кораблей, являвшиеся одновременно купцами, сбывали продукцию Архипелага (вина, фрукты) и доставляли на острова зерно и другие товары, в которых островитяне испытывали острую нужду. Но пора настоящего расцвета греческого судоходства наступила уже после заключения Кючук-Кайнарджийского мира.

Изменение форм феодального землевладения отразилось и на социальной структуре греческого общества. Появился значительный слой греческих землевладельцев – коджабаши*, им турки передоверили функции местного управления, главной из которых был сбор налогов. Коджабаши приобрели значительную земельную собственность и пользовались большим политическим влиянием. Особенно значительным было политическое влияние некоторых наиболее богатых и родовитых семей коджабаши – джакья!^{*}. Эти наследственные семьи земле-

* Коджабаши (тур.) – староста.

!^{*} От тур. оджак – очаг, род, семья.

владельцев фактически вершили делами своих провинций, которыми номинально управляли турецкие пашы. Так, в Пелопоннесе власть и влияние делили Бенакисы, Заимисы, Делияннисы и другие могущественные семьи.

Коджабаши были феодальными эксплуататорами, нередко даже более жестокими и беспощадными, чем турки. В политическом плане они являлись инструментом турецкой власти. Но между коджабаши и завоевателями существовали противоречия, которые было бы неправильно недооценивать. Выпестованные турецким правлением, коджабаши со второй половины XVIII в. приобретали все большую экономическую мощь, тесня турецкое землевладение. Представляя собой новый слой феодального класса, более тесно связанный с рынком, коджабаши были заинтересованы в определенных политических преобразованиях: в прекращении анархии и смут, охвативших Грецию и другие земли Европейской Турции во второй половине XVIII в., в обретении определенных гарантий для жизни и собственности, отсутствовавших в османском государстве. Однако беспочвенность надежд на подобные преобразования очень скоро стала очевидной – сами коджабаши зачастую становились жертвами жестокости и произвола турецких пашей. Эти обстоятельства не могли не повлиять на позицию коджабаши в ходе тех внутренних и внешних кризисов, которые сотрясали Грецию со второй половины XVIII в.

Хотя в Греции в XVIII в., как уже говорилось, оживилась торговля, условий для формирования значительного местного купеческого класса не существовало. Главным препятствием было отсутствие в османских владениях элементарных гарантий сохранности товаров и доходов купца, самой его жизни. Чтобы как-то обезопасить себя от алчности и вожделений “своих” чиновников, купцы искали покровительства у иностранных консулов. Тогда возник институт так называемых бератеров. Купцы и прочие состоятельные люди покупали у какого-либо иностранного посольства в Стамбуле берат^{2*}, дававший им право на покровительство и защиту консулов соответствующей державы во владениях султана. Бератеры представляли собой что-то вроде внутренних эмигрантов. В XVIII в. большой размах приняла в Греции и настоящая эмиграция.

Греческие купцы, совершая деловые поездки в города Западной и Центральной Европы, подолгу здесь жили, нередко обзаводились домами. Часто временное пребывание превращалось в постоянное. Греческие торговые колонии возникли в Вене, Пеште, Лейпциге, Амстердаме, Ливорно, Триесте и других городах. В России центром греческой эмиграции с середины XVII в. стал Нежин. Здешней греческой общине, состоявшей главным образом из жителей Эпира и Македонии, правительство России предоставило большие привилегии. В целом греческие торговые колонии, существовавшие в более развитых, чем сама Греция, странах, постепенно превратились в базу национально-просветительной деятельности и освободительного движения.

^{2*} Берат (тур.) – султанская грамота, патент.

Говоря о стратификации греческого общества в середине XVIII в., следует упомянуть еще два его слоя – высшее духовенство и фанариотов. Территориально они были связаны с Константинополем, который и после падения Византии оставался важным греческим центром. Здесь находилась резиденция константинопольского патриарха. Константинопольская патриархия получила от султанов такие права и привилегии, каких она никогда не имела при византийских императорах. Греческий константинопольский патриарх являлся главой православного миллета^{3*}, в который, помимо греков, входили валахи, молдаване, болгары, сербы, православные албанцы. С них греческий патриарх и греческие прелаты собирали церковные подати, они же представляли всех православных перед турецкими властями. В результате понятие “грек” нередко отождествлялось с понятием “православный”. Обязанная туркам своим материальным благосостоянием, Константинопольская патриархия полностью поставила им на службу свое духовное влияние. Разумеется, среди патриархов и митрополитов имелись и патриоты и просветители. Но это было не правило, а исключение.

С Константинопольской патриархией были тесно связаны и фанариоты, получившие свое название от квартала Фанар в Стамбуле, здесь же находилась резиденция патриарха. Эта греческая аристократия вела свое происхождение от купцов и банкиров, поселившихся в столице империи в XVI–XVII вв. Политическая ловкость фанариотов, их обширные связи, знание европейских языков позволили им сблизиться с правящей верхушкой Османской империи и стать для нее полезными. Наиболее богатые и влиятельные семьи Фанара – Маврокордато, Суццо, Ипсиланти, Мурузи, Караджа – обеспечили для себя и своего потомства важные должности в системе турецкой администрации – великого драгомана Порты, драгомана флота и господарей Молдавии и Валахии. Наиболее доходными и престижными были должности господарей Дунайских княжеств, и за них шла ожесточенная борьба между наиболее влиятельными фанариотскими фамилиями. С начала XVIII в. Дунайские княжества становятся ареной постоянных русско-турецких войн, и среди господарей-фанариотов, отдававших себе отчет в прогрессирующем упадке Османской державы, проявляется стремление к установлению политических связей с Россией.

Феодальные слои греческого общества вросли в систему османского господства. Основной же силой народного сопротивления чужеземному владычеству было крестьянство. Именно из крестьян, бежавших от национального и социального гнета в леса и горы, возникли отряды так называемых клефтов^{4*}. Горы Пелопоннеса, Пинд, Олимп служили им основными базами. Численность клефтов изменялась в зависимости от положения в стране: усиление экономического нажима на греческое

^{3*} Миллет (тур.) – нация, народ. В дореформенной Османской империи на миллеты по конфессиональному признаку делилось немусульманское население.

^{4*} Клефт (греч.) – вор. Дискредитирующая характеристика носителей вооруженного сопротивления турецкой власти исходила, естественно, от нее самой и ее приверженцев.

население, национальных и религиозных преследований приводило соответственно к увеличению числа клефтов. Статус различных отрядов клефтов был неодинаков. Своими набегами они наносили большой ущерб турецким феодалам в Греции. Будучи не в состоянии с ними справиться, Порта была вынуждена легализовать отдельные отряды клефтов, “поручив” им охрану порядка в тех районах, где они действовали. Эти отряды, как бы состоявшие на службе у правительства, стали называться арматолами^{5*}. Однако грань между арматолами и “чистыми” клефтами была весьма условной и подвижной. Некоторые отряды арматолов, вступив в конфликт с турецкими властями, снова превращались в клефтов. Имели место и обратные случаи. Командиры отрядов клефтов и арматолов, называвшиеся капитанами, с течением времени стали важными фигурами в политической жизни страны. Но отряды клефтов и арматолов были не единственными боевыми контингентами, которые при определенных обстоятельствах могли стать опорой освободительного восстания. В горных областях – Мани (Пелопоннес), Сули (Эпир), Сфакья (Крит) – туркам так и не удалось утвердить свою власть.

В социально-экономическом отношении это были наиболее отстающие области Греции. Здесь сохранялись еще сильнее пережитки патриархально-родовых отношений. Их консервации способствовали недостаток природных ресурсов, слабое развитие производительных сил, изолированность от остальной Греции. Управляли этими областями капитаны. В конце XVIII в. капитанские должности стали наследственной прерогативой наиболее богатых семей. В Мани, наиболее обширной и населенной из этих областей, окружными капитанами избирался верховный правитель области – бей, утверждавшийся Портой. Все мужское население полунезависимых горных областей было вооружено. Закаленные трудными условиями жизни, приобретшие боевые навыки в постоянных войнах с турками и набегах на окружающие районы, на которые их толкал недостаток средств к существованию, греческие горцы представляли серьезную боевую силу. Во второй половине XVIII в., по различным данным, численность воинов-сулиотов составляла 1500 человек³, сфакиотов – не менее 2000⁴. Наиболее значительный вооруженный контингент – до 14 тыс. человек – могли выставить маниоты⁵.

Таким образом, греки и через три века после османского завоевания сохранили волю к борьбе и потенциал сопротивления. Говоря о духовных факторах, способствовавших в мрачные времена иноземного господства сохранению греческой национальности и ее стремлению к освобождению, нельзя не отметить роль православия. В Греции исламизация не приняла массового масштаба. Сохранение традиционной религии большинством населения способствовало, в свою очередь, сохранению его национальной идентичности. Общая вера в критические моменты объединяла различные слои греческого общества. В результате в представлениях и призывах борцов за

^{5*} От итал. *armato* – вооруженный.

национальное освобождение понятия “вера” и “отечество” являлись нерасторжимыми. Православие теснее связывало греков с Россией, единственной единоверной с ними европейской державой, на которую они возлагали основные надежды. В средние века эти чаяния народа отражались в различных мистических прорицаниях и пророчествах, получивших новую пищу после выхода в XVIII в. России на мировую арену. Около середины XVIII в. монах Т. Полиидис собрал эти пророчества в книге “Видение Агафангела”. Книга эта приобрела исключительную популярность. В рукописном или печатном виде (впервые ее напечатали в Вене около 1790–1791 гг.) ее можно было найти во многих городских и деревенских домах Греции и в самых отдаленных уголках греческой диаспоры⁶.

¹ Stoianovich T. The Conquering Balkan Orthodox Merchant // The Journal of Economic History. N.Y., 1960. N 2. P. 260.

² Βακαλοπούλου Α. Ιστορία του Νέου Ελληνισμού. Θεσσαλονίκη, 1964. Τ.Β¹. Σ. 113, 117.

³ Аруи Г.Л. Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. М., 1963. С. 130.

⁴ Аруи Г.Л. Этерическое движение в России. М., 1970. С. 74.

⁵ Описание области Мани // АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. Д. 5644. Л. 118.

⁶ См.: Nicolopoulos J. From Agathangelos to the Megale Idea: Russia and the emergence of Modern Greek nationalism // Balkan Studies. Thessaloniki, 1985. Vol. 26. N 1. P. 45–47.

АЛБАНЦЫ

Героическая борьба албанцев в XV в. во главе с их легендарным воином Скандербегом против османских завоевателей привлекла к ним внимание всей Европы. Борьба эта остановила на побережье Адриатики волну османской экспансии на юг Европы. Сама же Албания на несколько веков превратилась в глухую провинцию Османской империи и пасынка европейской истории. Между тем в этой горной стране происходили в XVII–XVIII вв. важные процессы, в результате которых она к концу XVIII в. снова стала объектом внимания европейской политики и дипломатии.

После утверждения своего господства в Албании завоеватели распространили на нее военно-ленную систему. Она продолжала существовать на этой западной окраине Османской империи на протяжении всего XVIII и начала XIX в. Однако по сравнению с начальным периодом османского господства система эта претерпела существенные изменения. Военные лены из условных держаний, представлявшихся леннику за личную военную службу, постепенно превращались в наследственные владения. Наследственными фактически становились не только лены (тимары и зеаметы), но и военно-административные должности. Уже с начала XVI в. посты санджак-беев Влэры и Дельвины стали монополией рода Синан-паши. В Северной Албании санджак-

беями Шкодры и Дукагини почти неизменно были представители феодальных семей Беголы и Бушати. С начала XVII в. Тирана оказалась под фактическим управлением потомков Сулейман-паши Баргини. В XVIII в. передача административных должностей по наследству приобрела всеобщий характер. По словам современника, албанцы “сами назначают большую часть государственных чинов, как, например, пашей, беев, спаг (сипахи), тимариотов, и они не только не зависят от капризов Порты, но места, занимаемые отцами, без труда и вопреки системе султанов переходят к сыновьям их по праву наследства”¹. Военные лены также стали продаваться и покупаться, а ленники начали считать тимары и зеаметы своими безусловными владениями, что подрывало устои военно-ленной системы, основанной на принципе условного держания. В результате система, на которой зиждилась военная мощь Османской империи, утрачивала эффективность. Порте становилось все труднее собирать и отправлять ленников Берата, Влёры, Шкодры куда-нибудь в Венгрию или к иранской границе, где Османская империя вела затяжные кровопролитные войны. Однако это было только началом разрушения военно-ленной системы землевладения. Сокрушительный удар был нанесен ей тогда, когда феодалы стали различными способами “приватизировать” мирийские (государственные) земли, превращая их в свои частнофеодальные поместья – чифтлики.

Переход к системе чифтликов резко ухудшил положение крестьянства. Намного вырос размер феодальной ренты. По-прежнему с крестьян взималась десятина со всей произведенной продукции. Но теперь крестьянин был вынужден отдавать чифтлигару (владельцу чифтлика) от одной четверти до половины оставшегося урожая. Кроме того, он был обязан поставлять чифтлигару съестные припасы, делать “подарки”, выполнять для него безвозмездно различные работы. Иногда феодалы принуждали крестьян участвовать в своих междоусобных войнах. Усиливая меры внеэкономического принуждения, стремясь удержать крестьян в своем чифтлике и заставить их отдавать большую, чем прежде, долю произведенных продуктов, чифтлигар добивался их фактического закрепощения, лишения какой-либо свободы и гражданских прав.

Вместе с тем уровень товарности сельскохозяйственного производства возрастал. Для увеличения объема продукции феодалы заселяли свои поместья спустившимися с гор крестьянами, вводили новые сельскохозяйственные культуры. В XVII–XVIII вв. в Албании получили распространение кукуруза, рис, хлопок, табак. В результате беспощадного нажима на крестьянство чифтлигары сосредоточивали в своих руках большие количества сельскохозяйственных товаров. В итоге был дан определенный толчок развитию внутренней и внешней торговли, дальнейшему росту товарно-денежных отношений. Этот процесс происходил в обстановке известного оживления экономической жизни в европейских провинциях Порты. После разрухи и опустошения, причиненного османским завоеванием, албанские города стали постепенно восстанавливаться, рос объем ремесленного производства и торговли.

Крупные местные торги возникли во всех районах Албании. Значительную часть внутренней торговли сосредоточили в своих руках купцы Шкодры, самого крупного тогда города Албании. Выгодное географическое положение позволило прибрежным городам Дурресу, Влёре, Шкодре стать также крупными центрами транзитной торговли. Увеличились возможности и для сбыта сельскохозяйственной продукции, тем более что растущий спрос на сельскохозяйственное сырье предъявляли экономически развитые страны Западной Европы.

Наиболее важными статьями экспорта Албании в XVII–XVIII вв. были зерно, оливковое масло, корабельный лес, воск, табак, шкуры, кожи, скот, шерсть, битум, дмотканые ткани. Ввозили сукна, одежду, оружие, скобяные изделия и изделия из стекла, сахар, кофе.

Основная доля в албанской внешней торговле принадлежала венецианцам. Они использовали Албанию также для ввоза сукон, шелковых тканей и других товаров в глубь европейских владений султана. Главным портом этой транзитной торговли был Дуррес, занявший в начале XVIII в. среди портов Европейской Турции второе после Стамбула место по торговле с западноевропейскими странами. О торговом значении Дурреса свидетельствует тот факт, что здесь с конца XVII в. держали своих консулов Англия, Франция, Венеция, Голландия, Неаполь.

Формирование крупной частнофеодальной собственности сопровождалось ожесточенной борьбой между мелкими и крупными служилыми феодалами, поскольку крупные феодалы – санджак-беи, пользуясь своей административной властью, сумели захватить львиную долю государственных земель в ущерб мелким и средним феодалам – тимариотам и займам. Феодалы вели ожесточенную борьбу друг с другом за выгодные должности, аренды, откупы.

В обстановке продолжавшегося упадка Османской империи и ослабления центральной власти межфеодальная борьба в Албании, которая определялась кризисом военно-ленной системы и формированием чифтликской собственности, вылилась к середине XVIII в. в настоящие междоусобные войны. Местные крупные феодальные роды – оджаки с оружием в руках оспаривали власть друг у друга. В Шкодре в течение нескольких десятилетий боролись за власть оджаки Бушати и Чаушолы, в Тиране – оджаки Баргини и Топтани, в Дельвине – семьи Кока и Каплан-паши, во Влёрском санджаке разгорелась вражда между семьей Влёра, с одной стороны, и правителями Берата Исмаил-пашой Веляшити и его преемником Курдом Ахмед-пашой – с другой.

Турецкая административная система в Албании была к этому времени фактически дезорганизована. На развалинах системы санджаков сформировались под названием пашалыков крупные наследственные владения местных феодалов. Из Влёрского санджака, например, выделились два пашалыка – Влёрский и Бератский. Круя, прежде входившая в Охридский санджак, стала центром самостоятельного пашалыка во главе с феодальным родом Топтани.

Внутри пашалыков существовали более мелкие феодальные владения. В Кардики, относившемся к Дельжинскому пашалыку, правили

беи из рода Достов. В другом небольшом городке Дельвинского пашалыка, Конисполи, власть делили два бея – Ибрагим Деми и Махмуд Дальяни. Гирокастра тоже управлялась своими беями².

Своевольные беи столь же мало зависели от паши, сколько он сам – от турецкого правительства. За пределами собственных чифтлик и управляемых им лично или через родственников городов власть паши была почти номинальной. Важные вопросы, касавшиеся всего пашалыка, решались большим советом, состоявшим из наиболее крупных беев.

Нескончаемые войны между феодалами превращали обширные районы в зону военных действий. От таких войн жестоко страдало мирное население; жителей городов и сел уводили в рабство, имущество их разграблялось, оставленные дома предавались огню.

Феодалы вовлекли в свои распри и другие слои населения. В феодальных войнах участвовали отряды горцев. Горожане раскололись на враждующие партии – тарафы. В Шкодре ожесточенная борьба развернулась между тарафом кожевников и тарафом портных. Они возникли в свое время как союзы нескольких эснафов (ремесленных цехов), но во второй половине XVIII в. этими названиями обозначали два городских района, находившиеся в состоянии почти постоянной войны. Их разделяла демаркационная линия, переходить которую без оружия было опасно. Тараф кожевников был более сильным и многочисленным. Его район примыкал к шкодринской цитадели Розафат. Здесь жило много богатых беев, которым принадлежала власть в тарафе.

Многие мелкие феодалы, добываясь земли и власти, формировали из разорившихся крестьян вооруженные отряды и занимались разбоем. От их набегов страдала не только Албания, но и соседние области.

В конце XVIII в. начался новый этап феодальной борьбы в Албании. Наиболее могущественные из местных феодалов, распространив свое господство на значительную часть страны, фактически вышли из-под власти Порты.

Для Северной Албании этот поворот наметился еще в 60-е годы XVIII в. В 1756 г., когда феодальная анархия в Шкодре достигла кульминации, власть в городе захватил Мехмед-бей Бушати. Семья Бушати являлась одной из самых богатых и родовитых в Северной Албании. Она вела свое происхождение от известной феодальной семьи Дукагини, перешедшей в мусульманство вскоре после завоевания Шкодры турками. Богатые чифтлигиры, тесно связанные с рынком, Бушати были заинтересованы в поддержании внутренней безопасности и создании нормальных условий для развития торговли.

Порте пришлось смириться с произошедшим в Шкодре переворотом и утвердить Мохмед-бея в звании паши и шкодринского мутесарифа (губернатора). Так образовался Шкодринский пашалык, в течение 75 лет управлявшийся наследными правителями из семьи Бушати.

Ко второй половине XVIII в. наряду с серьезными изменениями в аграрном строе и системе власти Албании существенно изменился и религиозный состав ее населения. Перед османским завоеванием Алба-

ния была христианской страной, разделенной на две конфессии – православную и католическую. В первые десятилетия после завоевания она еще сохраняла свой христианский облик. По данным османских источников, в первой половине XVI в. в Эльбасанском и Шкодринском санджаках мусульмане составили лишь 5% населения, а в санджаке Дукагин они вообще не были зарегистрированы³. В мусульманство перешли главным образом феодальные семьи, стремившиеся сохранить свои имущественные права. Перейдя в мусульманство, албанские феодалы получили доступ к должностям в центральном аппарате Османской империи, включая самые высокие. Так, среди великих везиров первых веков существования империи было немало албанцев.

Со второй половины XVI в. исламизация албанцев осуществлялась в нарастающем темпе. Османы стремились духовно их поработить и прочно привязать этот гордый народ к империи. Исламизация должна была в значительной степени заменить колонизацию Албании турками, которую в широких масштабах реализовать не удалось.

Главной фигурой этой кампании был не столько мулла, сколько сборщик налогов. В начале XVII в. Порта значительно увеличила в албанских санджаках размер джизье – подушного налога, взимавшегося только с христиан. На севере Албании джизье взимался не с отдельного дома, а с деревни. Это обстоятельство также было использовано турецкими властями в целях исламизации. Ввиду того что семьи, принявшие мусульманство, освобождались от уплаты джизье, а общая сумма налога с деревни оставалась неизменной, во много раз увеличивалось налогообложение христианских семей. Невыносимое бремя заставляло эти семьи переходить в мусульманскую веру.

В XVII в. исламизация затронула главным образом Северную Албанию, но в первой половине XVIII в. она распространилась и на юг страны. К началу XIX в. не менее половины албанцев уже были мусульманами. Оставшиеся христианами делились почти поровну на католиков и православных. Основную массу католиков составляли жители североалбанских гор, почти недоступных для турецких властей, под эгидой православной церкви оставались христиане Южной Албании.

Переход в мусульманство нередко был формальным. Поскольку фискальной и юридической единицей для турецких властей являлся дом, то на первых порах лишь его глава принимал мусульманство. Многие из новообращенных мусульман оставались тайными христианами и наряду с мусульманским именем сохраняли прежнее, христианское. Вопреки проповедям фанатичного мусульманского духовенства мусульмане вместе с христианами праздновали Пасху и другие христианские праздники. Широко практиковались смешанные браки. Последствия исламизации для албанского народа были значительными, хотя и неоднозначными. Она не привела, как это случилось с некоторыми другими группами балканского населения, к утрате албанцами-мусульманами национальности. Они стали существенной опорой полунезависимых феодальных правителей, к которым во второй половине XVIII в. перешла власть в стране. В то же время исламизация затруднила контакты албанцев с другими балканскими народами. Порта же по-

лучила возможность широко привлекать алабанцев к участию во внешних войнах и к подавлению освободительных восстаний.

Мусульманизация охватила главным образом население городов и равнинных районов. Горцы же в основном сохранили свою веру и то, что неразрывно с нею связано, – свободу. Рассказывая об Албании времен османского господства, следует особо упомянуть о двух горных областях – Химаре и Мирдите.

Мирдита – горная область на севере Албании, населенная горцами-католиками. В XVIII–XIX вв. она пользовалась значительной автономией. Ее жители, хотя и признавали власть паши Шкодры и платили ему дань, не разрешали его войскам вступать на их территорию⁴. Управлялась она правителями из рода Марка Гьони, носившими титул капитана или пренка (князя). Правитель этот имел большой вес в Северной Албании, ибо располагал значительной военной силой. Мирдиты – так называли жителей области – считались хорошими солдатами и могли в случае необходимости выставить до 10 тыс. вооруженных людей.

Важную роль в политических событиях второй половины XVIII в. в Албании играла другая горная область – Химара. Лежащая в южной части албанской Адриатики, на ближних подступах к Италии, она привлекала особое внимание правителей Османской империи. На протяжении XVI–XVIII вв. многочисленные отряды османов неоднократно вторгались в Химару, но утвердить прочно там свое господство им не удалось. Согласно преданию, даже когда химариоты платили дань приезжавшему за ней представителю султанского наместника, они использовали вместо подноса кинжал, подчеркивая этим, что хотя они и признают власть султана, но сохраняют свои привилегии, в том числе право носить оружие.

В середине XVIII в. Химара представляла собой своего рода конфедерацию из десяти деревень на побережье Адриатики⁵. Кроме того, сами химариоты включали в состав области и многие другие населенные пункты, лежавшие вдали от побережья, но, видимо, связанные с ядром “конфедерации” какими-то отношениями зависимости или покровительства. В числе их названа и Тепелена, родина знаменитого Али-паши, которому будут посвящены другие страницы в настоящем труде.

В общественных отношениях Химары сохранялись некоторые пережитки родового строя. Низшей ячейкой их организации была семья, высшей – основанный на экзогамии союз семей. Однако за внешними формами семейно-родовых отношений скрывалась далеко зашедшая в этом маленьком адриатическом сообществе имущественная дифференциация. Главами союза семей являлись, как правило, крупные собственники земли и скота. Влияние видных химариотов определялось еще и тем, что они были посредниками в вербовке земляков на военную службу за рубежом и получали за это от иностранных правительств пенсии. Знатные люди всех деревень составляли генеральный совет Химары, созывавшийся в случае необходимости решить важные для всей области вопросы.

Жить в этом диком, суровом краю – недаром древние греки называли горы Химары Акрокеравскими, т.е. “громовыми”, – веда примитив-

ное хозяйство, было очень трудно. Для многих семей источником существования стало ремесло наемника. Монархи Испании, Франции, короли Обеих Сицилий, венецианские дожи охотно принимали на службу закаленных в постоянных битвах с турками албанских горцев. В Королевстве Обеих Сицилий существовал в XVIII в. Королевский македонский полк, в котором служили главным образом химариоты. Венецианцы, владевшие островом Корфу, с которого албанский берег виден невооруженным глазом, также имели химариотский полк, активно участвовавший в защите их владений от турок. Тесные связи с Италией способствовали распространению итальянского языка среди знати Химары.

Не только нужда в хлебе насущном гнала горцев Химары под знамена христианских государей Южной Европы. Эти государи часто воевали с турками, и химариоты храбро сражались в этих войнах. Они гордились своим участием в “славной морской Лепантской победе” в 1571 г., в “Кандийской войне” 1645–1669 гг., в отвоевании венецианцами у турок Мореи в 1685–1687 гг. Эти войны католических держав с Османской империей поддерживали у химариотов надежду на грядущее освобождение своей родины. Но надежда эта не оправдалась, а Испания и Венеция к середине XVIII в. пришли в состояние глубокого упадка. Между тем на севере Европы возникла мощная единоверная химариотам держава – Россия. Обратиться к ней Химару побуждала не только вера, но и установление Россией тесных связей с черногорцами и, что немаловажно, предоставление им крупной субсидии. Когда весть о русских победах в Семилетней войне докатилась и до этого глухого уголка Европы, химариоты обратились – 4(15) октября 1759 г. – к Елизавете Петровне со следующей петицией (современный перевод с итальянского): “Дошедший сюда славных Велавской, Зондорфской и Кунерсдорфской побед шум и животворящая православный мир надежда, что сие победоносное оружие может вскоре и утесненную Грецию* избавить, поощряют отправить двух первостепенных из нас со глубочайшею покорностию к престолу Вашего императорского величества, дабы Ваше величество соизволили удостоверены быть, не меньше как и о черногорцах, о повиновении, усердности и добровольном подданстве народа, который, будучи поныне иностранными службами славен, еще к вящей своей славе причитать будет за православную той же веры державу жизнь положить”.

Генеральный совет Химары уполномочил этих депутатов договориться с царскими министрами о принятии на российскую службу одного или двух химариотских полков, служивших тогда Венеции и королю Обеих Сицилий. Депутатам поручалось также довести до сведения петербургского двора о положении и силах Химары, ее предыдущих связях с иностранными державами, “дабы в случае с Оттоманскою Портою разрыва возможную диверсию в соседственных с нами оттоман-

* В эту эпоху термин “Греция” употреблялся не только в географическом смысле, но и для обозначения региона на Балканах, населенного приверженцами православной (греческой) конфессии.

ских областях, по примеру равных нам как в вере, так и правлении черногогорцев, производить и делать могли”⁶. По расчетам химариотов, в подобной “диверсии” могли бы участвовать до 20 тыс. их солдат.

Через четыре месяца, в феврале 1760 г., депутаты Химары архимандрит Анфимий Василико и капитан венецианской службы Пано Бичилли тайно явились к российскому резиденту в Константинополе А.М. Обрескову и заявили о желании поехать в Петербург, дабы лично представить императорскому двору обращение генерального совета Химары к Елизавете Петровне. Резидент отговорил их от этого намерения, обрисовав те неизбежные и огромные трудности, с которыми они столкнутся при осуществлении подобной поездки. Тогда депутаты вручили А.М. Обрескову “вверенные им от старшин их пиесы”, и тот, переведя их с итальянского, отослал “пиесы” в Петербург. Сам А.М. Обресков сообщал в донесении Елизавете Петровне следующее: “...по благодарении за оказуемое народом их к Вашему императорскому величеству усердие дал им уразуметь, что будучи они турецкие подданные, то в продолжение настоящего мира Ваше императорское величество в высочайшую Вашу протекцию отнюдь не примете, но во время войны услуги их со особливим признанием принимаемы будут”⁷. И далее, обосновывая свою позицию относительно предложений химариотов: “Никакой им высочайшей Вашей протекции в продолжение мира подать не можно; ибо по сложению правления их тайность всемерно чрез долгое время от турок скрыта быть не может, а открытие неминуемо имеет высочайший Ваш двор с Портою остудить. Да и предлагаемый ими набор одного или двух полков, судя по отдалению места, исполнителен токмо помышлением, а не делом, или же не в пример будет более стоить, нежели пользу доставить. А в случае с Портою война они туркам всемерно великий вред нанести могут”. На донесении А.М. Обрескова есть помета канцлера М.И. Воронцова: “Апробовать сей его поступок”. Не только канцлер, но и сама история “апробовала” действия российского резидента: хотя предложения химариотов и не были приняты, установленные с ними связи оказались через десять лет, во время экспедиции А.Г. Орлова, весьма полезными для России.

Одновременно с православными горцами Южной Албании албанцы-католики севера страны также дали знать царскому правительству, что в случае русско-турецкой войны они “неприятелю знатную диверсию в состоянии учинить”. Такое предложение содержалось в петиции, поданной еще императору Петру III прибывшим в Петербург членом видной католической семьи Шкодры Яковом Суммой. “От всего албанского общества депутат” (так Сумма подписал петицию) предлагал сформировать из албанцев гусарский полк для службы в России, а кроме того, отправить туда для обучения некоторое число албанских юношей из знатных семей⁸. Но и в данном случае, как и в случае с химариотами, петербургский кабинет не счел целесообразным принять подобное предложение в мирное время, дабы не скомпрометировать себя перед Портой. Эта осторожность в отношениях с балканскими народами доминировала в российской политике вплоть до вступления на престол Екатерины II.

- ¹ *Ариш Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. М., 1963. С. 40.
- ² Там же. С. 63–65.
- ³ *Желязкова А.* Разпространение на исляма в западнобалканските земи под османска власт (XV–XVIII век). С., 1990. С. 90.
- ⁴ *Ариш Г.Л.* Указ. соч. С. 33.
- ⁵ Сведения о состоянии Химары в середине XVIII в. взяты из записки, составленной ее жителями в 1759 г. для правительства России. См.: Известие о состоянии, силах и местоположениях Чимарской провинции // АВПРИ. Ф. Посольство России с Черногорией. Оп. 95/1. 1759. Д. 35. Л. 5–8.
- ⁶ Инструкция депутатам Химары от 14(25) октября 1759 г. // Там же. Л. 1–2.
- ⁷ А.М. Обресков – Елизавете Петровне 14(25) мая 1760 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/1. 1760. Д. 3. Л. 112–115.
- ⁸ АВПРИ. Ф. Внутренние коллежские дела. Оп. 2/6. 1762. Д. 3464. Л. 6–7.

ВОЙНА 1768–1774 гг. – НЕИЗБЕЖНАЯ, НО НЕСВОЕВРЕМЕННАЯ

Ситуация для России сложилась отнюдь не радужная. Франция интриговала по-крупному; на севере затаилась недовольная и настороженная Швеция с границей в 30 верстах от Петербурга. С Австрией Россию связывали исторические узы противодействия османской экспансии. Даже во время совсем недавней Семилетней войны Зимний дворец мечтал “сделать союз против турок более важным и действительным”¹. Общность интересов двух стран четко проявлялась в “оборонительном варианте”. Когда же со стороны России обозначился вариант наступательный – а произошло это в 1768 г. – позиция Вены резко изменилась. Балканы она рассматривала как сферу своих интересов, поэтому продвижение России к устью Дуная считала овладением господствующими позициями на подступах к ним. Самодержавие выступало уже не как союзник, а как соперник, в Польше же интересы двух дворов сталкивались непосредственно: Габсбурги выражали крайнее недовольство возведением Станислава-Августа Понятовского на престол. Так что со стороны Вены можно было ожидать всяческих каверз, и она с лихвой оправдала опасения.

Казалось бы, противовес можно было обрести в союзе с Великобританией, старым антагонистом Франции. Корни соперничества Лондона и Парижа уходили в глубь веков, английский монарх со времен Столетней войны титуловался и королем Франции, Сент-Джеймский кабинет был ярким врагом галльских поползновений на гегемонию в Европе и на стезе колониальных предприятий. XVIII век едва перевалил за половину, а уже произошли два крупных военных столкновения между этими королевствами, и не за горами были третье и четвертое. Состояние англо-русских отношений ободряло, торговля процветала, Россия поставляла в британские порты железо, строевой лес, полотно, пеньку, смолу, помогая тем самым снаряжать флот “владычицы морей”. 600–700 английских кораблей ежегодно бросали якоря в российских гаванях. Влиятельные британские промышленники и купцы были кровно заинтересованы в поставках из России и держались подчеркнуто дружелюбно.

Однако основой основ имперской британской политики являлось господство на морских путях, связывавших воедино владения короны. По Утрехтскому миру 1713 г. Англия приобрела ключи к Средиземноморью – скалу-крепость Гибралтар, запиравшую выход на просторы Атлантики. “Великий сеньор”, как называли тогда турецкого султана,

считался чем-то вроде сторожа Черноморских проливов, исправно исполнявшего эту должность. Османская империя была уже слишком слаба, чтобы угрожать британским интересам. Иное дело быстро наращивавшая мускулы Россия. Казалось бы, сидит она у азовского мелководья, какая тут угроза имперским путям? Но британская дипломатия по праву слыла зоркой и дальнзоркой. Могущественная Ост-Индская компания, управлявшая Индией, содержавшая там свою армию, проникавшая во все поры британской экономической и политической жизни, начинала испытывать тревогу. Связанные с ней влиятельные круги аристократии, державшей бразды правления, не желали ослабления Османской империи. Так появился камень преткновения в отношениях с Россией. Забуксовали поэтому попытки добиться от нее продления союзного договора: англичане всей душой хотели обеспечить себе российскую поддержку на случай нового столкновения с Францией, но избегали обязательств в отношении турецких дел. В качестве крайней меры предлагалась запутанная комбинация: лишь в том случае, если Екатерине не удастся заключить мир на условиях уступки турками Азова, области “кубанских татар” и свободы судоходства по Черному морю, Великобритания отправит в помощь России 14 линейных кораблей, и то под честное слово короля, не включая в текст договора, дабы не мешать усилиям короны в достижении русско-турецкого примирения. Англия же должна была получить заверение, что любое нападение европейской державы на ее владения в Ост-Индии и Америке не будет рассматриваться как казус фёдерис².

Великобритания хотела и дружбу с Россией сохранить, и в то же время не допустить сколько-нибудь значительного ущемления османских интересов. Добиться заключения союза послу Ч. Кэткарту, несмотря на страстное желание Лондона (дипломату загодя прислали полномочия), не удалось: Екатерина заявила, что еще в одну войну она вступать не желает.

Оставался прусский король Фридрих II. Иных путей, помимо сотрудничества с Екатериной, для него не существовало: обескровленная и опустошенная в ходе Семилетней войны Пруссия противодействовать России не могла. Она хватилась за дружбу с ней, как утопающий хватается за соломинку, дабы не очутиться в полнейшей изоляции. По логике, следовало извлечь максимум выгоды из вынужденного курса и, заключив Екатерину в дружеские объятия, постараться елико возможно умерить российские притязания в отношении Турции. Под сенью союза король мечтал о разделе Польши. Первый зондаж он произвел, можно сказать, инкогнито: не решаясь обратиться лично, он направил в северную столицу графа Линара, который и выступил с “инициативой” (1764). На демарш просто-напросто не обратили внимания. Вместо того чтобы делить Польшу, Н.И. Панин предложил выгнать турок из Европы. Это ни в коей мере не отвечало прусским планам, тем не менее по союзному с Россией договору 1764 г. Фридрих II обязался предоставить России в случае ее войны с Турцией ежегодную субсидию в 400 тыс. руб. Скуповатый “старый Фриц” был поэтому прямо заинтересован в скорейшем прекращении подобной войны, буре она вспыхнет.

Король мыслил стратегически и писал брату Генриху: “Россия – это страшное могущество, от которого через полвека будет трепетать вся Европа”. Способствовать ее усилению Берлин не собирался, заманить пруссаков в войну с турками выходило за пределы возможного: “Я заключил союз с Россией... не для того, чтобы под русскими знаменами вести пагубную войну, от которой мне ни тепло ни холодно”. “Бойсь, чтобы меня не стали доить как корову” в обмен на “изящный комплимент и соболью шубу”³.

Турки, по мнению тогдашних экспертов, могли выставить на поле боя 400 тыс. янычар и всадников плюс 100 тыс. крымцев; русские – максимум 180 тыс. человек. Иноземные наблюдатели прочили Высокий Порте успех. Недавняя история россиян не вдохновляла: в войне 1735–1739 гг. османы отразили натиск “московитов” и разгромили “цесарцев”, так что условий для полета фантазии при составлении мирной программы не существовало. Замахиваться на Балканы, рискуя натолкнуться на открытое и скрытое противодействие чуть ли не всей Европы, было опасно. Совет при высочайшем дворе приступил к дискуссии: “к какому концу вести войну и в случае наших авантажей какие выгоды за полезные положить?” Выработанные пожелания выглядели скромно: настоять на свободе плавания по Черному морю и для того добиться учреждения порта и крепости; не вполне оцределенно говорилось о границе с Польшей – установить ее так, чтобы “навсегда спокойствие не нарушалось”⁴.

Начало военных действий затягивалось из-за неготовности обеих сторон. Султан Мустафа III поспешно вызвал в Стамбул из ссылки Кырым-Гирея, впавшего в немилость ввиду излишней самостоятельности. Дорогу в сераль “украшили” шестью с отрубленными головами вечно бунтовавших черногорцев, как своего рода предупреждение райе – пребывать в покорности.

Кырым-Гирей не мешкал, и в январе 1769 г. татарская конница вторглась на Украину. Целью набега, сообщал французский агент П. де Рюффен, было “разорить колонии, цветущее состояние которых возбуждало зависть соседей”, “заинтересовать добычей татарскую нацию, не получавшую от Порты никакой платы”. На военном совете было решено, что войска, “разделившись, покروют всю территорию Новой Сербии, сожгут все деревни, всю жатву, захватят в плен жителей и уведут стада”⁵. Добычу разделять “по-братски”: оставшиеся дома получат свою долю. И вновь, как в давние времена, к Перекопу потянулись караваны с рабами (всего около 16 тыс. человек)⁶.

Так, по словам С.М. Соловьева, произошло последнее в истории татарское нашествие⁷. Лишь фактор внезапности позволил свершить злое дело – степная конница испарилась с просторов Украины столь же внезапно, как и появилась. По приказу генерала П.А. Румянцева войска спешно заняли “барьерные земли” и приступили к восстановлению крепостей Азов и Таганрог.

Начало войны продемонстрировало стратегические преимущества Турции – обладание Крымом и господство на Черном море. Она могла наносить удары в любой точке побережья. Поэтому российское командование собиралось прежде всего овладеть выходом из Азовского мо-



Граф П.А. Румянцев

ря, т.е. Керчью и Таманью, “дабы зунд Черного моря чрез то получить в свои руки, и тогда нашим судам способно будет крейсировать до самого цареградского канала и до устья Дуная”⁸. Поскольку же предвиделся удар турок через Польшу, одна из армий направлялась на север Бессарабии, к крепости Хотин. Здесь она застряла: генерал-аншеф А.М. Голицын на штурм не решался. Осенью город был все же занят (турки ушли сами, опасаясь зимовки без продовольствия), а Голицына за бездеятельность сместили и заменили Румянцевым. До конца 1769 г. он оккупировал Дунайские княжества. Войска, от командующего до последнего солдата, убедились, что население смотрит на них как на освободителей. Молдавский митрополит поспешил привести жителей Ясс к присяге на верность Екатерине II, что и было осуществлено в соборе под ликующие крики.

Родилась дерзкая мысль: нанести удар по владениям Османской империи силами флота в Средиземном море (где корабль под российским флагом впервые появился в 1764 г.). Передовой отряд кораблей адмирала Г.А. Спиридова отплыл из Кронштадта в июле 1769 г.

Многое, если не все, зависело от позиции англичан: без их содействия россиянам вообще было не добраться до Гибралтара. Сент-Джеймский кабинет разрешил вербовку офицеров, предоставил в распоряжение кораблей эскадры британские порты, снабдил ее вспомогательными судами и, что не менее важно, предостерег французов и испанцев от попытки вмешательства. Статс-секретарь лорд Рошфор в беседе с российским послом поведал о сокровенных мечтах кабинета: “Как бы я

желал, чтобы мы были в войне с Францией! Два соединенных флота наделали бы прекрасных вещей!”⁹

Французы не дерзнули бросить вызов двум державам, закрыли глаза на проплывавший мимо их берегов русский флот, воображая, будто заняли позицию третьего радующегося. Ведавший иностранными делами герцог Э.Ф. Шуазель инструктировал представителя в Петербурге: “Е.в. желает, чтобы война России и Турции продолжалась до тех пор, пока петербургский двор, униженный или по крайней мере истощенный, не будет в состоянии думать об угнетении соседей и о вмешательстве в общеевропейские дела”¹⁰. Одним словом – марш в свой медвежий угол и сидите там смиренно!

Пока в Париже предавались сладким грезам, эскадра Спиридова миновала Гибралтар и в Италии взяла на борт Алексея Орлова, назначенного командующим всеми силами в Средиземноморье. В феврале 1770 г. она достигла полуострова Морея в Греции. Десант с кораблей, поддержанный восставшими эллинами, взял местечко Мизитра (некогда славная Спарта); в апреле пала крепость и важный порт Наварин, превращенный в операционную базу российского флота (20 линейных кораблей, 24 фрегата, 8 тыс. штыков десанта на борту). Правда, удержаться долго в Наварине не удалось: турки подтянули крупные силы, рассеяли отряды повстанцев, и город пришлось оставить. А.Г. Орлов и Г.А. Спиридов взяли реванш в Чесменском сражении (между островом Хиос и материком) 24–26 июня (5–7 июля). Турецкий флот из 16 линейных кораблей и 6 фрегатов был уничтожен, людские потери неприятеля составили 10 тыс. человек¹¹. Спиридов торжествовал: “Турецкий флот атаковали, разбили, разломали, сожгли, на небо пустили, потопили и в пепел обратили, и оставили на том месте престрашное позорище...”¹²

Не менее громкие победы были одержаны на сухопутном театре. Взшла полководческая звезда Петра Александровича Румянцева. Он разбил противника в трех битвах: у Рябой могилы (июнь); у Ларги (июль); 21 июля (1 августа), имея 17 тыс. солдат и офицеров, он разгромил главные турецкие силы (150 тыс.) на реке Кагул, притоке Дуная. Противостоять умелому маневру и массивованному штыковому удару турки не смогли, личная отвага янычар не помогла. Обозначилась основная стратегия в противостоянии с османской армией: выманить ее из крепостных стен в чистое поле и там разбить.

В ходе кампании Румянецв занял южную часть Бессарабии, Буджак, с крепостями Измаил, Килия, Аккерман и Бендеры, овладел дунайским портом Браиловом (Брэила). Успехи представлялись значительными и позволяли надеяться на скорое заключение мира.

Еще 15 марта 1770 г. Совет при высочайшем дворе “рассуждал и общё согласился”, что крымские и другие подвластные хану “татары по их свойству и положению никогда не будут полезными подданными”. Совет искал наиболее рациональный путь решения вопроса, учитывая, в частности, международную ситуацию: “... непосредственным к себе подданством Россия возбудит противу себя общую и небезосновательную зависть о беспредельном намерении умножения своих областей; что от се-

го, однако ж, предостерегаться благоразумие научает”¹³. Трудно удержаться от похвалы этой мудрой мысли. Напротив, “велико и знатно быть может приращение силам и могуществу российским, если они отторгнутся от власти турецкой и оставлены будут навсегда собою в независимости”. Видимо, вельможи рассуждали не без подсказки Екатерины, которая еще раньше задавалась вопросом: “Не можно ли будет Крым и все татарские народы поколебать в верности к Порте внушением им мыслей к составлению у себя независимого правительства?”¹⁴

Существовало, однако, большое “но”: сами татары отлагаться от Порты не собирались. Каплан-Гирей, будучи информирован Паниным о вынашиваемых в Зимнем дворце планах, ответил обескураживающе: “Мы Портою совершенно довольны и благоденствием наслаждаемся... В этом твоём намерении, кроме пустословия и безрассудства, ничего не заключается”¹⁵. Но Кагул подействовал на татар в благоприятном для России духе, они “защатались” – три орды отложились от турецкого подданства.

С одной стороны, успехи кампании 1770 г., явное тяготение балканцев к Москве и Петербургу побудили обратиться к делам полуострова. В северной столице прочно обосновались депутации молдавского и валашского духовенства и боярства, домогавшиеся перехода своих княжеств под царскую руку. С другой стороны, посол в Вене князь Д.М. Голицын слал тревожную информацию о концентрации австрийских войск поблизости от фланга Дунайской армии. В то же время прусский король Фридрих II проявлял повышенный и явно не бескорыстный интерес к условиям мирного урегулирования.

Пора было определяться и вступать в контакт с державами. Царица набросала условия мира в краткой записке, а Панин изложил их совету 16 сентября 1770 г. Они предусматривали удержание Азова и Таганрога, предоставление независимости Крыму; Дунайские княжества планировалось предоставить России на 25 лет, дабы возместить хотя бы часть военных убытков. Но тут следовало разъяснение, из которого явствовало, что указанный пункт – служебного характера и не исключает выдвигания иного требования: “... понеже Е.и.в. с самого своего восшествия на престол доказать изволила своею политическою системою, что она не ищет распространения своей империи приобретением себе земель”, то она готова пожертвовать убытками, “если Молдавия и Валахия оставлены будут в независимости и Дунай будет поставлен турецкою границею”¹⁶.

19 января 1771 г. Екатерина отправила королю Фридриху письмо с изложением российских притязаний: Кабарда и Азов переходят к России, обеспечивается свободное плавание по Черному морю. “Я могла бы быть вознаграждена уступкою Молдавии и Валахии, но я откажусь от этого вознаграждения, если предпочтут сделать два княжества независимыми”. Тем самым она продемонстрирует свое бескорыстие, а Вена должна быть довольна “соседством маленького молдо-валашского государства, несравненно более слабого и независимого равно от трех империй” (т.е. Турецкой, Российской и Габсбургской)¹⁷. “Я не подвигаю своих границ ни на пядь”, – заключала царица свое послание.



Фридрих II.

Рисунок Д. Ходовецкого, до 1786 г. РГГ

Зондаж в Берлине успехом не увенчался. Король Фридрих прислал отказ не от своего имени, а спрятался за спиной австрийцев: условия насчет Крыма и Дунайских княжеств “встретят непреодолимое сопротивление” со стороны Стамбула и Вены. Россия может рассчитывать на Кабарду, Азов и свободу плавания по Черному морю. Екатерина обиделась: после двух лет кровопролитной войны ей предлагают то, чем Россия уже располагает, за исключением пункта относительно сухоходства¹⁸.

В Вене с послом князем Д.М. Голицыным обходились демонстративно холодно: “Их императорские величества почтили меня благосклонным об индифферентных материях разговором”. Похоже было, что венский кабинет откладывал беседы по существу неспроста: Голицын с тревожной регулярностью сообщал о концентрации войск в Трансильвании, вблизи фланга российской Дунайской армии¹⁹. Всего к переброске намечалось до 60 тыс. человек: 9 венгерских пехотных полков, 10 австрийских, 7 хорватских, 16 кавалерийских, 3 гусарских. Такими силами Румянцев на театре военных действий не располагал, имея всего 45 тыс. штыков и сабель²⁰. Иосиф II зачастил на “гульбище” в Пратер – наблюдать за проходившими там учениями войск. Ему уже приготовили походную церковь.

11 мая 1771 г. Екатерина начертала “Быть по сему” на документе, озаглавленном “Конфиденциальное изложение намерений” и содержавшем условия мирного урегулирования. Она свидетельствовала, что

“не желает распространять свои владения путем завоеваний. Постоянным правилом, на коем она основывает свою славу, является счастье и спокойствие подданных”. Ее цель – возмещение убытков, обеспечение границ империи, укрепление мира, снятие преград с черноморской торговли; в отношении татар – сделать соседство с Крымом “менее беспокойным”, ханство не должно находиться “под одиозным игом”, а должно пользоваться “всеми правами и прерогативами свободного и независимого государства и народа”²¹. Царица выражала готовность отказаться от денежного возмещения при условии признания Молдавии и Валахии “государствами свободными, независимыми и абсолютно избавленными от господства Порты”. Из шеннбрунского дворца, сперва через Фридриха II, а потом и непосредственно, в виде “Словесного ответа на конфиденциальное изложение русской императрицы о мире с турками”, сочиненного А.В. Кауницем, поступил запрет: независимость татар, выход Молдавии и Валахии из состава Османской империи несовместимы с безопасностью Австрии, “мир на таком основании даст Российской империи громадное могущество, а империи Оттоманской падение в перспективе, более или менее отдаленное, но неизбежное”. Затем из уст канцлера следовало предупреждение: венский двор “не может долго оставаться спокойным зрителем”²². Мягко сказано! На деле позиция габсбургской монархии нимало не напоминала созерцательную: в Трансильвании концентрировался ударный кулак, в Стамбуле интернунций И.А. Тугут начал переговоры о союзе с турками. Султан был в восторге, обещал не скупиться и выделить 3–4 млн гульденов “цесарцам” на военные нужды.

У дипломатии свои законы; согласно ее канонам, не полагалось говорить оппоненту, что он несет вздор по поводу угрозы со стороны небольших Дунайских княжеств, а требовалось с серьезным видом опровергать его аргументы. Этим и занялась Екатерина: опасения Вены беспочвенны, невероятно, “чтобы маленький принц, правящий в Валахии и Молдавии, в будущем мог стать ее (т.е. Австрии. – *Авт.*) врагом или чтобы им стали независимые татары. Полагаю, что нет даже необходимости сие опровергать... Молдавия и Валахия, населенные христианскими народами, стремятся лишь к освобождению и к закреплению его; отсюда следует состояние почтения и уважения к христианским державам, коих они считают единственной своей опорой...”²³.

С таким же успехом императрица могла бы разглагольствовать перед глухими. По мнению Кауница, независимость Крыма от Порты означала бы его зависимость от России. А у “старого Фрица” появилась возможность плести интриги, прячась за широкой австрийской спиной.

К глубокому огорчению императрицы-матери Марии-Терезии, всю жизнь ненавидевшей прусского монарха, ее сын и соправитель Иосиф дважды встречался с Фридрихом. Особенно знаменательной явилась беседа в Нойштадте (ныне – Нове Место в Чехии) в сентябре 1771 г.

И Берлин и Вена стремились положить конец успехам России, но были не согласны в том, как это осуществить. Фридрих выразил надежду, что “русские отстанут от своих претензий, быть может, даже не

станут требовать, чтоб эти (т.е. Дунайские. – *Авт.*) княжества имели властителей, независимых от Порты”. Эрцгерцог Иосиф был настроен резко: надо воспрепятствовать “скорому и постыдному миру”. Брату Леопольду он писал: “Если русские прорвутся через Дунай и пойдут к Адрианополю, то для нас наступит время двинуть войска на Дунай для отрезания им обратного перехода, во время которого армия их может быть уничтожена”²⁴.

К удовольствию собеседников, в Нойштадт прибыли турецкие уполномоченные, предложившие им выступить посредниками в ходе мирного урегулирования. Фридрих поспешил уведомить о сем Екатерину, предусмотрев участие в процедуре и носителя британской короны.

Игра была шита белыми нитками: посредничество предполагает участие в переговорах, а стало быть, и воздействие на них, понятно, кому на пользу. Все это уловила Екатерина, как и то, что “старый Фриц” прибег к шантажу, прикрываясь австрийской ширмой. В переписке “друга” царица усмотрела “мелкую зависть и угрозы”, но “не прямо от него, все это положено на счет венского двора”, и именовала “потсдамского философа” “адвокатом турок”.

Посредничество было вежливо, но твердо отклонено, чему поневоле способствовали англичане: когда до Лондона дошли сведения об австро-прусской инициативе, там обиделись до глубины души – как так, его величеству предложено стать третьим! Он может выступать только главным посредником²⁵. Идея постороннего вмешательства в войну была окончательно похоронена, когда обнаружилось, что и французская дипломатия не прочь предложить свои услуги. Трудность для нее заключалась в том, что Екатерина вообще не допускала пред свои очи посла. Решили воспользоваться пребыванием в Петербурге Дени Дидро. Знаменитый философ по вечерам беседовал с государыней с глазу на глаз. Он воодушевлялся, размахивал руками, хватал собеседницу за рукав. Хорошо, что их разделял стол, заметила Екатерина, иначе ей бы досталось. И вот однажды, явно смущаясь, Дидро протянул ей конверт, заметив, что не хочет угодить в Бастилию в случае отказа выполнить щекотливое поручение. Екатерина, в свою очередь, сказала, что не желает доставлять ему подобную неприятность. Взяв в руки конверт, она встала, подошла к топившемуся камину и швырнула бумагу в огонь²⁶. На сем французские попытки вторгнуться в российско-турецкий конфликт прекратились.

Отделаться так же легко от австрийцев не представлялось возможным. В декабре 1771 г. до Коллегии иностранных дел дошли сведения о тревожном и уже свершившемся факте – об австро-турецком договоре от 7 июля, названном субсидным. Проницательности осведомителей посла Д.М. Голицына не хватило на то, чтобы вовремя разведать про тайные беседы интернунция с везирами, увенчавшиеся подписанием договора, по которому Вена обязалась добиться от России “путем переговоров или силою оружия” (!!) заключения мира и возвращения Турции занятых неприятелем “крепостей, провинций и территорий”. Собираясь лишить Россию земель, завоеванных кровью, Габсбурги выговорили себе в обмен за услугу лакомый кусок – Олтению (Западную, или

Малую, Валахию) до реки Алута (Олт) и субсидию в 20 тыс. кошельков (4 млн пиастров)²⁷. Панин такого коварства все же не ожидал, хотя счел сведения “едва ли не подлинными”, и заметил: “... здравая политика велит готовиться на все возможные случаи”²⁸. В марте следующего, 1772 г. англичане услужливо предоставили в распоряжение министра копию субсидиного договора. Сведениями не хотелось верить, и их решили еще раз подтвердить или опровергнуть. Д.М. Голицын, подкупив кого нужно, заимел бумагу (“какую надежным каналом получил я ... Естли истину сказать, так за денги”)²⁹.

Ситуация сложилась мрачная, почти угрожающая. Панин шифром и по-русски изливал досаду, сетуя на коварство венцев и приписывая его “высокомерному желанию дать России почувствовать потерю австрийского союза”; но гласно, открытым текстом, по-французски и по почте – для прочтения в соответствующем австрийском ведомстве – он просил заверить того же Кауница, что он, Панин, всегда высоко ценил его “верность, честность и добрую волю”³⁰.

Екатерина не менее своего министра была потрясена, узнав о кознях “цесарцев”: “Венский двор не всегда почитал за верх своего благополучия соседство турков и для того прежде не столь много имел попечения о сохранности в целости всей их области; но, как бы то ни было, я чаю, что наши кондиции не им на суд отданы... Их устраивает диктовать мир. Но не диктаторам осуществлять свою власть над Россией”. Императрица полагала, что у габсбургских дипломатов не хватит ни нервов, ни гибкости, чтобы воплотить задуманное в жизнь. Но, как реальный политик, она усвоила, что рычаг для достижения поворота в австрийской политике лежит в Дунайских княжествах и что с мыслью об их отторжении от Турции (или, по ее словам, “переменить хозяина”) придется расстаться. Оставалось поманить Вену перспективой территориального расширения – она не против “распространения австрийских земель, хотя и теперь, до самого Белграда, как о сем разговоры уже были со стороны князя Кауница в исходе 1770 и в начале 1771...”³¹.

В ноябре 1771 г. Панин писал: “Всемиловитейшая государыня соизволила отступить от требования своего об отторжении Молдавии и Валахии от Турецкой империи с тем, однако, чтобы эти два княжества остались навсегда с теми правами и привилегиями, с которыми они вошли в турецкое подданство”³².

Отбросив соблазнительный вариант решения молдово-валашского вопроса, российская дипломатия задумалась над тем, как избавить христианское население от возможной мести османов. Панин выдвинул требование амнистии всем, поднявшим оружие против Порты; но этого надо было добиться.

Бремя войны тяжело ощущалось в России. Зарубежные дипломаты, строя свои умозаключения исключительно на расчетах и подсчетах, не вторгаясь в область национальной психологии, приходили к выводу, что дела у страны плохи. Британец Ч. Кэткарт в доверительном письме (январь 1771 г.) делился следующими наблюдениями: “Армии раздражены. Офицеры всех чинов выходят в отставку; люди измучены болезнями, усталостью и дурным управлением, более разрушитель-

ным, чем неприятельское оружие”. Корабли в состоянии, близком к аварийному. “Дарданеллы неприступны, блокада Константинополя бессмысленна”. Деревня обескровлена рекрутскими наборами. “Казна еще совершенно не истощена, но весьма обеднела”. Ощущается недостаток людей способных, сведущих и честных. “Зависть и ненависть к иностранцам”. В общем все плохо. Сменивший Кэткарта (в ранге посланника) Роберт Гэннинг выражал уверенность (июль 1772 г.), что Россия не выдержит еще одну кампанию, а уж “если шведы осмелятся действовать наступательно, ничто не помешает им овладеть Кронштадтом и этой столицей” (т.е. Петербургом)³³.

Набор шел за набором, и в 1772 г. П.А. Румянцев так отзывался о рекрутах: “слабая неучь”³⁴.

“Старый Фриц” воспрял духом: уж теперь-то Россия будет цепляться за союз с ним – и удвоил свои хлопоты по примирению Вены и Петербурга – в ущерб интересам последнего. В ноябре 1771 г. он информировал Иосифа, что Екатерина склоняется к оставлению Дунайских княжеств в составе Турции. В Зимнем дворце сочли эту уступку достаточной для нейтрализации Габсбургов. В инструкции Г.Г. Орлову, отправлявшемуся на переговоры с турками, выражалась надежда: “Объявление наше, что мы оставляем всякие требования относительно княжеств Молдавского и Валашского, уничтожит сомнения и колебания венского двора, доставило нам полное его согласие на положенные нами основания мирных переговоров”. Если бы все было так! В действительности же Панин предусматривал совсем уж варварский вариант, предложив на заседании Совета в случае удара австрийской армии по Валахии отступать из княжеств, разоряя местность, дабы “цесарцы” не могли двигаться вперед³⁵.

Молодой шведский король Густав III, двоюродный брат Екатерины по матери, совсем от рук отбился, учинил государственный переворот (август 1772 г.) и восстановил абсолютную власть монарха. Государыня тревожилась: “Есть ли французская партия верх возмет, то сомнения нет о возобновлении комедии 1741 года” (т.е. войны со Швецией).

Худшего – военных действий на двух фронтах – удалось избежать, но общий фон оставался мрачным для России и сказочно благоприятным для Пруссии. С его учетом следует рассматривать события, связанные с разделом Польши, которого домогался Фридрих II. Эмиссаром в Петербург он направил собственного брата, принца Генриха, коего Екатерина считала воплощением негибкости и спеси, сама внешность августейшего посланца навевала на нее мысль о крещенском морозе.

Впрочем, особого искусства от него не требовалось: в Зимнем дворце пришли к выводу, что отвлечь венский двор от антирусской диверсии и занять его по-крупному в другом месте можно было единственным способом – дав добро на раздел Польши, поманив “пристойным приобретением”: “... не лутче ли будет и для венского двора зделать приобретение и вместо того, чтоб заводить оной в неизвестную и опасную войну, увеличить без всяких дальностей часть

свою на счет Польши”, – выкладывал свои доводы Панин в депеше Д.М. Голицыну от 5 декабря 1771 г., явно предназначавшиеся Кауницу и Иосифу II. От такой добычи Вена отказаться была не в силах, хотя и причитала по поводу бедности намечаемых ей по разделу земель, которые-де “не столько прибыли, сколько хлопот, замешательств и тягости причислить должествуют”, это не то что лакомый кусок, достававшийся Пруссии³⁶.

В июле 1772 г. Кауниц пригласил к себе Голицына и с цинизмом, редким даже в скрижалях дипломатии, поведал ему о том, о чем послу было давно известно, – о подкопе под “дружественную Россию” в виде субсидного договора. Но затем, поскольку Петербург согласился “из уважения к сему (т.е. венскому. – *Авт.*) двору не удерживать завоеванных двух княжеств, молдавского и волоского”, и учитывая, что “за таким от российского двора венскому оказанным снисхождением последовали еще и другие ласкательные для последнего обстоятельства”, выразившиеся в отделении “некоторых провинций от Польши”, Австрия решила изменить курс³⁷.

Но не одни “ласкательства” имели вес. Далеко не все разделяли воинственный азарт эрцгерцога Иосифа. Военные авторитеты боялись заблудиться в просторах России и сознавали, что с соседкой легко развязать войну, но трудно ее завершить. Последний штабной писарь понимал, что, ринувшись на восток, австрийцы оголят свои позиции в Центральной Европе и предоставят в ней свободу рук Фридриху II. Подсчитали, что ему достаточно двинуть 20 тыс. солдат для захвата Богемии; кроме того, он может обрушить их на Австрийские Нидерланды (Бельгию). И что тогда? Подписав субсидный договор, австрийцы пределись запоздалым размышлениям и испугались содеянного.

Недовольных возглавила императрица-мать Мария-Терезия. Потерпев неудачу в двух войнах – за Австрийское наследство (1740–1748) и в Семилетней (1756–1763), она не желала испытывать судьбу в третьей. “Я прихожу в ужас при мысли, сколько крови пролито в мое царствование”. Своего первенца она упрекала в том, что он действует “по-пруски” (в ее устах это значило “по-разбойничьи”), стремясь при этом соблюсти видимость приличия. Дипломаты сообщали о чуть ли не ежедневных стычках старой дамы с сыном. Королеву замучили угрызения совести, и она изливала свою горечь в письмах: “Мы в союзе с Портою, мы взяли у нее деньги; никогда не решусь ее обобрать” (намек на планы отторжения Малой Валахии). Окружающие прибегли даже к услугам духовника, чтобы утешить ее душевные раны и успокоить, по выражению С.М. Соловьева, “ее боязливую совесть”³⁸.

Иосиф пошел на попятную, его самого терзали сомнения. Д.М. Голицын разузнал о разговорах эрцгерцога в узком кругу (за достоверность сведений он ручался): от раздела Польши выгоду извлечет прежде всего Пруссия; “два двора (венский и петербургский. – *Авт.*) поступили бы лучше, вообще не трогая Польшу, а достигнув примирения своих интересов приобретениями, которые можно было бы осуществить в Турции”³⁹. Похоже, и молодой соправитель Марии-Терезии приходил к мысли, что Екатерину на балканском направлении остановить

невозможно, а раз так – надо входить с нею в долю. Но к столь крутому выражу он еще не был готов.

Путив в ход польскую карту, сняв свои прежние возражения против раздела Речи Посполитой, российский кабинет убивал сразу трех зайцев: Пруссия по уши влезала в польские дела и, по меткому выражению Фр. Энгельса, “садилась на русскую цепь”; ее резвый не по возрасту король терял интерес к сотрудничеству с Австрией и вступал с ней в соперничество; внимание Вены переключалось на север, она прекращала бряцать оружием в опасной близости от театра военных действий. В итоге Высокая Порта лишалась активной поддержки прежних конфидентов, приступивших к растерзанию Польши.

Обижать короля Станислава-Августа Екатерине и ее окружению не хотелось, поэтому императорский совет принялся обдумывать, как бы компенсировать его за потери, нанесенные российской стороной. И тут мы вступаем в область балканских дел. Выдвинутое ранее предложение – объявить Дунайские княжества независимыми – объяснялось чувством долга в отношении христиан, обуревавшей императрицу гуманностью и ее незаинтересованностью в территориальном расширении. А не столь, как она, гуманный Н.И. Панин (явно с ее ведома) предложил на заседании Совета передать Молдавию и Валахию Речи Посполитой в возмещение понесенных ею потерь⁴⁰.

Итак, предусматривалась бесцеремонная сделка. Но население княжеств совсем не желало присоединяться к Польше, что собирались осуществить без спроса и согласия даже высшего боярства и духовенства. В итоге от этой идеи пришлось отказаться и оставить княжества в составе Османской империи; но само ее появление, на наш взгляд, позволяет сделать следующий вывод: балканская политика как таковая у России еще отсутствовала; будь задуманная операция реализована, путь к Дунаю и дальше на полуостров перекрывался бы, а без этого нечего было и думать не только о территориальных приобретениях, но и о сколько-нибудь серьезном влиянии на политику в Юго-Восточной Европе. “Крымское направление” доминировало в намечавшемся процессе мирного урегулирования (“сие требование наше есть прямой узл гордианской”), балканское занимало подчиненное положение. Что касается Грузии, то следовало твердо стоять на одном – не допускать “бесчеловечной подати христианскими девками”⁴¹. Так полагал екатерининский совет.

Ценой раздела Польши, заметил Денис Иванович Фонвизин, служивший тогда в Коллегии иностранных дел, “купили мы прекращение войны, нас изнуряющей”⁴². Мария-Терезия выразила твердое намерение не ссориться с Россией, рассыпав тем самым карточный домик затеянных ее сыном интриг. Шантажировать петербургский двор угрозой австрийского выступления становилось беспредметным занятием, и Иосиф, пожаловавшись на властную мать, стал перестраивать свои дипломатические батареи: раз не удалось заставить Россию выйти из войны с пустыми руками – пусть она длится возможно дольше. Опасный субсидный договор не был ратифицирован. В Петербурге поздравили себя с “переменной мыслью венского двора”, которому пришлось

выбираться из паутины им же сотканных козней. Мария-Терезия сокрушалась по поводу того, что припозднилась с расчисткой грязных углов внешнеполитической кухни, и сожалела о провокационной военной демонстрации в Трансильвании и “несчастной конвенции с турками”: “Мы хотели действовать по-прусски, сохраняя в то же время вид честности”⁴³.

Фридрих поспешил поздравить царицу: австрийцы сели в лужу, их “двор принесет публичное покаяние и будет ходатайствовать, государыня, у подножья Вашего престола о снисхождении к прошлому и сопричастии в выгодах, уже давно предложенных ему В.и.в.”⁴⁴. О собственном неблагоприятном поведении он, разумеется, помалкивал.

Интернунцию (посланнику) И.А. Тугуту пришлось сокрушать им же содеянное – отказаться от подписанного документа (об уже полученных нескольких миллионах пиастров австрийцы “забыли”). Тайные совещания дипломата с великим везиром продолжались несколько ночей. Пойти на разрыв с Веной возмущенные турки не решились; Тугут обещал им содействие в сохранении Крыма и Дунайских княжеств, так что скрытое недоброжелательство в отношении России продолжалось, но свобода маневра была утрачена. Намечавшийся антирусский фронт держав остался в проекте. Очутившийся в одиночестве Людовик XV разобиделся и начал поиски если не сближения с Петербургом, то во всяком случае, установления сносных отношений. Кольцо окружавшей Россию вражды удалось разорвать. И главное – в 1771 г. был легко занят Крым, многие мурзы решили перейти под высокую руку императрицы.

Стратегическое и политическое значение этой акции было велико. Османская империя лишилась “алмаза” своих владений и базы, которая в течение трех столетий угрожала России. По репутации турецкого могущества был нанесен удар. Черное море перестало быть турецким озером.

Все это подвигало Высокую Порту к серьезным переговорам. Сперва рядились о месте. Турецкое предложение – приступить к ним в Стамбуле – было с порога отвергнуто, вспомнили, что в петровские времена царские “миротворцы” трижды оказывались за решеткой за несговорчивость. Бухарест тоже сочли неподходящим – уж очень удобно было наблюдать за всеми прорехами в российском военном хозяйстве. Остановились на маленьком городке Фокшаны.

Понадобились три победоносные кампании, пришлось разместить многочисленные дипломатические завалы, чтобы усадить турок за стол переговоров. Демонстрируя добрую волю, османы освободили посланника А.М. Обрескова из плена. Отдыху и поправлению здоровья после перенесенных испытаний опытный дипломат предпочел активное участие в переговорах. На роль первого уполномоченного далекий от “света” скромный дворянин, прошедший полжизни в Турции, не годился. На его долю выпала черновая работа – подготовка и редактирование “артикулов”. Главным императрица назначила, не по знанию дела, а по близости к трону, графа Григория Григорьевича Орлова, хотя ни у кого и мысли не возникало о наличии у него дипломатических та-

лантов. Султан поставил во главе своей делегации Османа-эфенди, ведавшего государственной печатью. Великий везир охарактеризовал достоинства вельможи пышно и витиевато: "... собрание всех знаний и добродетелей, источник красноречия, сокровище правописания" (даже). В маленький валашский городок отправились для надзора (или, гласно, для оказания добрых услуг) посланники Австрии и Пруссии И.А. Тугут и А. Цегелин, сопровождаемые свитой в 500 человек. Орлов привез с собой еще более многочисленную свиту бездельников. В Фокшанах нечего было и думать разместить подобное нашествие. Тугут и Цегелин потребовали каждый, помимо помещения и пищи, по сорок лошадей. Все это русская сторона брала на свой кошт⁴⁵.

В шести верстах от Фокшан спешно выстроили резиденции для делегаций. После неизбежного препирательства, в чьем шатре вести переговоры, конференция открылась 27 июля 1772 г. Нахальный австриец попытался было вклиниться в них. Г.Г. Орлов вынужден был "разъяснить", что приняты лишь добрые услуги двух немецких дворов и что он намерен "производить дело непосредственно с Портою Оттоманскою без всяких затруднений и околичностей"⁴⁶.

Орлов сразу же обнаружил отсутствие такого драгоценного на Востоке качества, как терпение. Он пренебрег инструкцией – сперва выдвинуть принцип "uti possidetis" (как владеете), чтобы иметь резерв для отступления, и начал с требования признания независимости Крыма, самого неприемлемого для турецкой стороны: "...понеже история и испытания всех времен доказательствуют ясно, что главнейшею притчиною раздоров и кровопролития между обеими империями были татары, то для истребления сей притчины для переду надлежит признать сии народы независимыми". Турки были шокированы и ответили, что "нынешний султан содержал их в тишине". Однако, как сказано в протоколе, "граф Григорей Григорьевич прервал тут несходное толкование..."⁴⁷.

А.М. Обресков, как мог, латал прорехи, причиненные тонкой тканью переговоров его знатным и нетерпеливым коллегой. 8 октября состоялась "особливая конференция" меж тремя – Орловым, Обресковым и Османом-эфенди. Обресков завел речь о Крыме издали: "Сей народ был волен до султана Селима II". Осман "от себя лично" соглашался "на свободу татарскую". Но тут вмешался Орлов и тоже "от себя" предложил, "чтоб Порта оставила или уступила свои права на татар, а императрица обещает со своей стороны им даровать свободу в пристойное время"⁴⁸.

Переговоры забуксовали, а потом зашли в тупик. Обсуждать другие вопросы Орлов отказался. До него дошли сведения, что его "случай миновался" и вскоре к приятному положению фаворита придется добавить досадную приставку "экс". Екатерина устала от взбалмошного и капризного не по способностям возлюбленного. Орлов, загоня лошадей и обгоня фельдъегерей, поскакал в Петербург. Он разминулся с гонцом, везшим инструкцию, а она была составлена в необычно резких для царицы и не допускавших кривотолков тонах: дела империи – в "самом важнейшем кризисе", Станислав-Август противится разделу

Польши, яицкие и донские казаки в волнении (последнее предвещало крестьянскую войну Емельяна Пугачева). Екатерина выражала крайнее сожаление по поводу срыва переговоров: “в самое сие время озабочивается наше сериознейшее примечание на аспекты происходящие из перемены шведского правления. Тем паче мы принуждаемы находимся изыскивать все удобь возможнейшие средства к скорейшему поправлению есть ли только возможно разорванной с вами негоциации”. Орлову советовали (точнее, приказывали) не покидать берегов Дуная, выступая в роли то ли уполномоченного на переговорах, то ли генерала в армии Румянцева. Последнему велели “оседлать” Дунай и “разогнать” неприятельские войска – правда, непонятно, какими средствами, потому что предназначенные для пополнения армии фельдмаршала полки отправились к шведской границе⁴⁹.

Куда там! Григория Григорьевича остановили недалеко от столицы и рекомендовали ему пожить в Москве, а еще лучше – съездить за границу, поправить подорванное здоровье. Екатерина опасалась встречи со своим непредсказуемым экс-возлюбленным и на всякий случай распорядилась сменить замки на дверях, ведущих в ее личные покои.

Н.И. Панин начертал своего рода эпитафию по поводу околодипломатических упражнений графа Григория Григорьевича: “...новозародившееся бешенство и колобродство первого товарища вашего испортили все дело”, – писал он А.М. Обрескову⁵⁰. Доля яда и напраслины здесь наличествовала: и искусному в переговорах мужу вряд ли было под силу преодолеть турецкое упрямство. Но поскольку в Османской империи дела находились в состоянии еще худшем, нежели в Российской, ее вельможи не стали хлопать дверью.

Нового знатного дилетанта в Фокшаны не послали. На плечи действительного статского советника А.М. Обрескова легла задача невероятной трудности. Екатерина предавалась мрачным размышлениям (ее записка от 9 октября 1772 г. в оригинальной орфографии царицы): “Есть ли при мирном договоре не будет одержана независимость татар, не кораблеплавание на Черном море, не крепости в заливе из Азовского в Черное море, то за верно сказать можно, что мы за всеми победами над турками не выиграли ни гроша, и я первая скажу, что таковой мир столь же стыдной как Прутской и Белградской в рассуждении обстоятельства”⁵¹.

Депутации переехали в Бухарест. Осень стояла на дворе, и не враскоря сколоченных и насквозь продуваемых ветрами шатрах было вести неторопливые беседы. А.М. Обрескова, оставшегося за главного, встретили в валашской столице “непрестанным колокольным звоном и игранием на разных музыкальных инструментах”. Переговоры, возобновившиеся 29 октября, он вел во всеоружии опыта и знаний, накопленных многолетним пребыванием на Востоке и тремя годами заточения в Семибашенном замке и следования в обозе османского войска. Наученный горьким опытом, он не спешил с обсуждением болезненно воспринимавшихся турками крымских дел и лишь 12 ноября заговорил о независимости ханства и свободе судоходства по Черному морю. Возглавивший к тому времени делегацию Порты реис-эфенди Абдул-Ре-

зак не отверг предложения сходу, а попытался под видом поправок выхолостить их содержание: ханы из династии Чингизидов должны и впредь утверждаться султаном; Порта и в дальнейшем будет назначать в Крым судей и сохранит за собой крепости. Услышав эти “уступки”, Обресков заявил: “Я бы желал знать, что Порта переменяет в прежнем татар состоянии”⁵². Вопрос повис в воздухе.

Столь же круто Абдул-Резак повел себя в отношении судоходства: торговые суда под российским флагом не должны были иметь пушек на борту и права выходить в Средиземное море (т.е. Проливы оставались для них закрытыми). Ни один порт на побережье русским не предоставлялся. На вопрос Обрескова, где же им останавливаться, Абдул-Резак невозмутимо ответил: хоть в Константинополе. Здесь же, по его мнению, надлежало перегружать товар с “черноморских” судов на “средиземноморские”. Возмущенная Екатерина направила записку в Совет: “Я ни под каким видом не хочу, чтобы мне турки предписали, какой род кораблей иметь или не иметь на Черном море, не им России предписать законы, в противном случае еще могут отведать счастье...”⁵³

Обресков явно по тактическим соображениям пригрозил оппонентам возвратом к принципу “*uti possidetis*”: “Княжества Молдавское и Волоское с крепостями Хотинскою, Ибраиловскою и Журжевскою, российским оружием приобретенные, по силе военного права должны принадлежать России”. От них, однако, можно отказаться, буде Порта предоставит “во взаимство размерное удовлетворение”. А тут подоспела весть о подписании 1 ноября 1772 г. договора с Крымом “о вольности и независимости татарской”, включавшего пункт, по которому крымцы “противу России никому ни в чем и ни под каким претекстом вспомоществовать не имеют”⁵⁴. Россия оставила за собой крепости Керчь и Еникале, что обеспечивало ее флоту свободный выход из Азовского моря в Черное. У Обрескова на руках оказались козырные карты, туркам нечего было и помышлять о выдворении россиян с полуострова.

В ожидании указаний из Стамбула делегации продолжали неторопливую дискуссию. В отношении балканских дел особый интерес представляют предложения, которые Обресков внес по собственной инициативе, без инструкций от императрицы, и которые, на мой взгляд, свидетельствуют о его прозорливости, умении смотреть далеко вперед. Они включали положения о размене пленных, в том числе “поляков, волохов, молдаван, мораитцев”, островских жителей и грузин, которые в продолжение нынешней войны вошли в невольничество”. Это было не только свидетельством заботы о тех, кто выступил на стороне России, но и заявкой на будущее, молчаливым заверением, что Россия не оставит сторонников в беде. Об этом Обресков писал Н.И. Панину: “Сие служить может и на будущие всякие несчастные случаи”, “ревность и преданность” не должны приводить к жертвам⁵⁵.

* Греки, жители полуострова Морея.

Но самыми существенными явились пункты относительно покровительства православным: “Чтоб позволено было в Константинополе в части, называемой Пера, или Бей-Углу, для духовных, греко-русский закон исповедующих, воздвигнуть церковь; сия была (б) под протекциею российских министров^{1*} и защищаема от всяких притеснений”; “чтоб христианский закон и церкви были с большим тщанием от Блистательной Порты защищаемы и чтоб умеренные российских министров в пользу христианских церквей представления принимаемы благосклонно были”. На мой взгляд, приводимые положения заключали в себе зародыш балканской политики России.

То, что мысль о международно-правовом оформлении покровительства “турецким христианам” обязана своим рождением дипломату-исполнителю, а не возникла в голове у Н.И. Панина или в лоне Совета при императрице, свидетельствует не в пользу геостратегической прозорливости последнего, по крайней мере, если речь идет о юго-западном направлении. Правда, и Обресков действовал под влиянием злобы дня. В депеше от 15 декабря 1772 г. он мотивировал свою инициативу следующим образом: “...тамошние жители как предместникам моим, так и мне непрерывно докучали о исходатайствовании им сего Богу угодного благодеяния; многожды же представляли готовность их и потребности на воздвижение храма издержки на себя перенять; а как принял я настоящие обстоятельства к тому способными, также и знаю, что другие министры сверх своих капелей^{2*} публичные церкви имеют, и я принял включить оное требование сделать”⁵⁶.

Впрочем, видимо, и Обресков не предполагал, что из архискромного пункта о постройке церкви вырастет древо российского покровительства. Сколько-нибудь оформленных планов подобного рода не существовало, но мысли отдельным компетентным лицам уже приходили на ум. Поверенный в делах в Стамбуле П.С. Левашев писал П.И. Панину: “Окромя набожности, высочайший двор приобрести может в народах сих к себе усердие и преданность, толь полезную для всегдашних его в здешних странах интересов”⁵⁷.

Особого внимания заслуживали Дунайские княжества. Решив вернуть их Порте, следовало юридически оградить их от произвола турецких властей. Информации к размышлению накопилось предостаточно: одновременно с “большой конференцией” в Бухаресте происходила своего рода “малая”, неофициальная, на которой элита молдово-валашского общества, высшее боярство и духовенство излагали российским властям свои пожелания. С их подачи была найдена формула, в какой-то степени устраивавшая и российскую сторону, и молдаван и валахов. Ее изыскивали в прошлом: княжества вошли в состав Турецкой державы в XV–XVI вв. после кровопролитной борьбы, сохранив, хотя и в урезанном виде, свою государственность. На первых порах их зависимость от Стамбула ограничивалась выплатой дани. Но обязанности нарастали, и в XVIII столетии султан своею волею назначал на престо-

^{1*} Посланников.

^{2*} Часовен.

лы в Яссах и Бухаресте господарей (князей), причем не из местных уроженцев, а из числа влиятельных греческих аристократов, традиционно населявших квартал Фанар в Константинополе (фанариотов). Княжеский титул покупался в буквальном смысле этого слова: поскольку его носитель в любое время мог быть смещен (средний срок правления составлял 3 года), то он спешил обогатиться сам и удовлетворить алчность приспешников. Суть исходивших от местной элиты пожеланий сводилась к возврату к прежнему состоянию (невмешательство Порты в дела внутреннего управления, избрание православного господара высшим боярством и духовенством, фиксированная дань). В полном соответствии с этими пожеланиями двор предписал Г.Г. Орлову и А.М. Обрескову “при уступке Молдавии и Валахии... выговорить в пользу сих двух княжеств и всех в них без изъятия жителей... совершенную и полную амнистию, с содержанием их впредь от Порты неотменно при всех тех правах, вольностях и преимуществах, с коими каждое из них пришло под власть турецкую”⁵⁸.

А.М. Обресков, оставшись в одиночестве после поспешного отъезда графа Григория Григорьевича, сознавал, что круг вопросов, связанных с положением “турецких христиан”, требует особого искусства и тонкости в подходе к ним и в трактовке. Османская империя прочно занимала место среди великих держав, война длилась три года, а конца-краю ей не виделось, правовых основ для включения указанных пунктов в мирный договор не существовало: “Точное требование одного дозволения не можно утверждать на каком-либо праве”. Вопреки грустной поговорке “Всякая инициатива наказуема” царица одобрила самостоятельность своего дипломата: “...апробуя придуманные вами самими и реис-эфенди предложенные артикулы сверх инструкции, признали мы в оных плод персонального вашего усердия”⁵⁹. Екатерина умела ценить ум своих помощников.

От изнурительных трудов Алексей Михайлович занемог. Абдул-Резак оказался твердым орешком, даже в невинном на первый взгляд пункте об амнистии он усмотрел подвох: “Сие есть то же самое, что и сказать им (т.е. поднявшим оружие христианам. – *Авт.*): вы и в другой раз так и поступите и вместо наказания награждаемы будете”.

А тут на горизонте замаячила “шведская диверсия” (угроза войны со Швецией), и турки заупрямились пуще прежнего. Обресков жаловался: “Шестая на десят конференция толь чувствительно меня тронула, что я сильно было занемог”. 9 марта 1773 г. встречи оборвались, пришло повеление султана: на территориальные уступки не идти, а за возвращение Порте завоеванных российским оружием областей (включая Крым) предложить 30 тыс. кошельков пиастров (или более 20 млн руб.)⁶⁰.

И все же нельзя сказать, что переговорная Одиссея прошла бесплодно. В ходе ее уточнялись, “обкатывались”, если можно так сказать, российские требования, постепенно, шаг за шагом, вырисовывалась программа дальнего прицела в Восточном вопросе. С чем-то из нее турки смирились, что-то продолжали оспаривать, но они уже твердо знали, с чего им придется начинать новый тур переговоров; надежда избежать

крупных потерь маячила лишь в случае серьезных внутренних и внешних осложнений для России, а они существовали. Кампания 1773 г. решающего успеха не принесла. Ощущался некомплект в составе, вооружении и снаряжении армии. От жителей Молдавии и Валахии не осталось тайной, что их собираются вернуть в лоно Османской империи, это вселило в них “трепет и уныние”⁶¹. Ресурсы княжеств были истощены поставками для российских войск. Фельдмаршал Румянцев полагал, что его армии “едва станет... на защиту себя и удерживаемого края против стремлений неприятельских”. В Петербурге его предупреждениями пренебрегли – велено было переправиться на правый берег Дуная. Только что прибывший на театр военных действий А.В. Суворов разбил турок под Туртукаем (Тутраканом). Сам Румянцев с “корпусом небольшим в 13 000 пехоты”, именовавшимся армией, подступил к крепости Силистрия, чей гарнизон насчитывал 30 тыс. солдат. Взять удалось один редут. Засуха выжгла поля и луга, лошадей кормили камышом из речных плавней, начался их падеж, и фельдмаршал вынужден был отвести свои войска с правого берега Дуная. Полководец пал духом: нужно вдвое, втрое больше людей под ружьем. Как всегда, в трудный час выползли из нор недоброжелатели, посыпались наветы. В письме Екатерине он намекнул на отставку. И тут императрица проявила себя как государственный деятель с большой буквы: о клеветниках она слышать не желает, “ибо я слух свой закрываю от всех партикулярных ссор, уши-надувателей не имею, переносчиков не люблю и сплетен складчиков, как людей вестми, ими же часто выдуманскими, приводясь в несогласие, терпеть не могу...”. Она надеялась добиться мира “в ее нынешней кампании”; не вышло, “все наши мирные негоциации, как рак на мели, недвижны”. Но ее доверие к генералу не было поколеблено: “Я вам рук не связываю... Более доверенности вы от меня уже желать не можете”. И далее следовали конкретные соображения царицы насчет подкреплений и “магазинов” для армии⁶².

Тучи на европейском горизонте не рассеивались. “Франция без устали” занимается “пронырствами”, натравливая шведского короля на Россию. Британские министры выражали послу А.С. Мусину-Пушкину опасения “о общей в Европе войне, есть ли бы турецкая вскоре прекращена не была”. Они, правда, заверяли, что на парижские козни не поддадутся и Швецию поощрять не станут. Но, полагал посол в Лондоне Мусин-Пушкин, даже “есть ли северной покой и в подлинно происками беспокойного версальского двора” не будет нарушен, “соседственные с Швецией державы” будут пребывать в заботе и “в излишних издержках по пограничным и морским приуготовлениям”⁶³.

Добрые советы государыни не могли заменить недостававшее число войск, их просто неоткуда было взять. В сентябре 1773 г. вспыхнуло Пугачевское восстание. Под знамя мнимого Петра III стекались казаки, крестьяне, рабочие уральских заводов, башкиры, татары, казахи... Движение ширилось, перекатываясь по Поволжью и Уралу. Дворянская империя переживала потрясение, невиданное со Смутного времени. Оппозиционная группировка знати, возглавляемая Н.И. Паниным, усматривала причину всего в самовласти и возмущалась: “Му-

жик, одним человеческим видом от скота отличающийся и никем не предводимый, может привести, так сказать, в несколько часов на самый край разрушения и гибели...” Чтобы стать могущественной и прочной державой, полагал Никита Иванович, России надо превратиться в конституционную монархию, сенату – обрести законодательные полномочия, а дворянству – обзавестись органами местного самоуправления⁶⁴. Вся власть аристократии! А его брат Петр жестоко подавлял “мятежников”.

Объявили шестой с начала войны набор в армию, всего” забили” 700 тыс. рекрутов.

Весной 1774 г. Совет при высочайшем дворе в наметках по мирному урегулированию дошел до предела уступок. Панин предложил отказаться от крепостей Керчь и Еникале, отдав их татарам, а самим удовлетвориться Кинбурном. В то же время и у императрицы и у вельмож созрело убеждение, что лишь на поле боя, а не за столом переговоров можно добиться успеха. Румянцеву предписали “в будущую кампанию, по взятии Варны и разбитии визиря в Шумле” не полагать “Балканы пределом военных действий”. “Даруй Боже, – напутствовала Екатерина фельдмаршала, – чтобы руки ваши, лаврами увенчанные, равномерно увенчались и ветвями мира”. Панин добавил свое пожелание: “с алчностью желать и добиваться” мира⁶⁵.

Полководец взял судьбы войны в свои руки.

¹ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 74–75.

² Сб. РИО. СПб., 1876. Вып. 19. С. 58–60.

³ Соловьев С.М. Соч. М., 1994. Кн. 14. С. 373, 374, 377, 390–391; М., 1995. Кн. 15. С. 8.

⁴ Архив Государственного совета (АГС). СПб., 1869. Т. 1. Стб. 7.

⁵ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 105; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения с Турцией. 1769. Д. 8. Л. 123.

⁶ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 131.

⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 14. С. 565.

⁸ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 102.

⁹ Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 339.

¹⁰ Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 56.

¹¹ См.: Тарле Е.В. Чесменский бой // Соч. М., 1959. Т. 10.

¹² Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 364.

¹³ АГС. Т. 1. Стб. 43–44.

¹⁴ Соловьев С.М. История России... Кн. 14. С. 299.

¹⁵ Там же. С. 355.

¹⁶ АГС. Т. 1. Стб. 60–61.

¹⁷ Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 445.

¹⁸ Сб. РИО. СПб., 1877. Вып. 20. С. 291–292, 296–300.

¹⁹ АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1770. Д. 507. Л. 50; 1771. Д. 513. Л. 2.

²⁰ Там же. 1770. Д. 503. Л. 50; 1771. Д. 513. Л. 2, 21.

²¹ Там же. 1771. Д. 293. Л. 1–2, 5–10.

²² Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 459–461.

²³ АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1771. Д. 519. Л. 61; Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 480.

²⁴ Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 382–384; Туполев Б.М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 156. Данная статья содержит

детальный анализ международной обстановки, сложившейся вокруг первого раздела Речи Посполитой.

- ²⁵ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 125, 127; Сб. РИО. Вып. 19. С. 267.
- ²⁶ Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. 15. С. 63.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 3–6.
- ²⁸ Там же. 1771. Д. 520. Л. 34–36.
- ²⁹ Сб. РИО. Вып. 19. С. 259; АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 1.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. Венская миссия. 1771. Д. 39. Л. 107; 1772. Д. 42. Л. 61.
- ³¹ Письма и записки императрицы Екатерины II к графу Н.И. Панину. М., 1863. С. 118–119.
- ³² Русский архив. 1880. Кн. 3. С. 246.
- ³³ Сб. РИО. Вып. 19. С. 165–167, 286–287, 305.
- ³⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1772. Д. 1679. Л. 58.
- ³⁵ Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 473, 521; АГС. Т. 1. Стб. 197.
- ³⁶ АВПРИ. Ф. Венская миссия. 1771. Д. 39. Л. 110–111; Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 12.
- ³⁷ АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 12–15.
- ³⁸ Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 380, 532; *Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. L., 1981. P. 225.*
- ³⁹ АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1772. Д. 532. Л. 37–38.
- ⁴⁰ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 139; АГС. Т. 1. Стб. 83–84.
- ⁴¹ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 161.
- ⁴² Цит. по: Там же. С. 141.
- ⁴³ *Arneht A. Joseph II und Katarina von Russland. Ihre Briefwechsel; Wien, 1869. Bd. I. S. 362.*
- ⁴⁴ Сб. РИО. Вып. 20. С. 318.
- ⁴⁵ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 175.
- ⁴⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1772. Д. 1678. Л. 81–82.
- ⁴⁷ Там же. Д. 1685. Л. 49–50, 53, 55.
- ⁴⁸ Там же. Д. 1678. Л. 103, 113–114.
- ⁴⁹ Там же. Д. 1688. Л. 5, 8.
- ⁵⁰ Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 523.
- ⁵¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1772. Д. 1685. Л. 128.
- ⁵² Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 200, 202–203, 215.
- ⁵³ Там же. С. 215.
- ⁵⁴ Там же. С. 209, 221, 245.
- ⁵⁵ Там же. С. 221, 245.
- ⁵⁶ Там же. С. 348.
- ⁵⁷ Там же. С. 222.
- ⁵⁸ Семенова Л.Е. Отношения Дунайских княжеств с Османской империей // Новая и новейшая история. 1986. № 5. С. 70–73.
- ⁵⁹ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 223, 238, 348; Она же. Русский дипломат А.М. Обресков // Ист. зап. М., 1952. Т. 40. С. 274.
- ⁶⁰ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. С. 245, 227, 246.
- ⁶¹ Румянцева П.А. (Документы). М., 1953. Т. 2. С. 70.
- ⁶² Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. С. 248; АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. 1773. Д. 1760. Л. 115.
- ⁶³ Переписка императрицы Екатерины II с графом П.А. Румянцевым-Задунайским. М., 1805. С. 13–14, 20, 40; АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1773. Д. 254. Л. 47, 30, 49.
- ⁶⁴ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. С. 253, 257.
- ⁶⁵ АГС. Т. 1. Стб. 270, 271; Соловьев С.М. Соч. Кн. 15. С. 74.

КЮЧУК-КАЙНАРДЖИЙСКИЙ МИР – ОКНО НА БАЛКАНЫ

Весне 1774 г. тучи на международном горизонте рассеялись. Страх, питаемые относительно вмешательства Швеции, оказались преувеличенными. “Швеция спокойною остается и лутчего не желает”, – делился своими мыслями с А.М. Обресковым Денис Иванович Фонвизин, служивший тогда по ведомству иностранных дел. Дания, довольная передачей ей гольштинских владений великого князя Павла Петровича, “в тесной с нами дружбе”; Англия “пребывает в той же диспозиции”, Австрия и Пруссия поглощены разделом Речи Посполитой. Лондон продолжал домогаться союза с Екатериной¹. Посланник А.С. Мусин-Пушкин сообщал “об уповании скорого случая к постановлению с высочайшим Е.и.в. двором того прочного союза, которого здешние министры толь усердно желают”. Кабинет подстегивали тревожные события в Северной Америке, предвещавшие восстание тринадцати колоний. Правда, в тронной речи короля Георга III при открытии осенней 1773 г. сессии парламента мелькнула фраза, показавшаяся в Петербурге подозрительной: “Продолжение войны России с Портой, с коими обеими я нахожусь в интимной дружбе, хотя и не имею обязательств ни к той, ни к другой причиняет мне много боли”. Немедленно последовал российский демарш относительно “толь непристойных и невместных изречений”, поставивших дружбу с Россией на одну доску с будто бы “ничего не значащим” для Англии “с Оттоманскою Портою сопряжением”. Со стороны Форин оффис поступили объяснения, смахивавшие на извинения: Великобритания озабочена сохранением “тишины” в Европе, турки начали подозревать “о здешнем к России пристрастии”, и король, дабы не портить с ними отношения, прибег к маневру. Объяснения происходили на фоне потоком поступающей информации о нараставшем “американском неповиновении”, предшествовавшем войне за независимость и образованию Соединенных Штатов². Дружба с Россией нужна была королю Георгу III как воздух!

Франция исчерпала лимит своих козней. Луи XV еще не испустил дух, а злокачественная опухоль кризиса уже расплзлась по стране. Усилиями мадам Дюбарри герцог Э. Шуазель, которого Екатерина называла “кучером Европы”, был удален в отставку. Сменивший его на посту министра иностранных дел герцог д’Эгильон причитал и жаловался при встречах с российским поверенным в делах Хотинским: французы допустили глупость, “позволив вашему флоту” приплыть к турецким берегам, “кто пойдет воевать на вас в такую даль?” – дипло-

мат явно намекал на судьбу Карла XII. “Если турки отступятся от Крыма, то через два года он будет в ваших руках, а Константинополь – через четыре”, – печалился он³. Стало известно, что вооружившиеся в Тулоне три корабля отправятся не в Восточное Средиземноморье, а на север, в Брест. Британское адмиралтейство было начеку, парламент вотирует кредиты на содержание 36 судов – следить за французами⁴.

Неприятность в российско-французских отношениях сохранялась. “Общая система Франции против нас состоит в том, чтобы стараться возвратить Россию в прежнее состояние державы, действующей не самостоятельно, а в угоду чужим интересам”, – доносил из Парижа новый посол князь И.С. Барятинский. Но ни сил, ни средств на крупные интриги в далеком юго-восточном углу Европы не доставало.

В мае 1774 г. скончался от оспы самый непримиримый враг Екатерины король Людовик XV. Ему наследовал внук, слабый, нерешительный Луи XVI, находившийся под сильным влиянием (многие считали – под каблуком) жены, легкомысленной красавицы “австриячки”, дочери Марии-Луизы Марии-Антуанетты, “которая уже явно супругом своим владычествует”⁵. В дипломатической среде ожидали обострения отношений лондонского и парижского дворов.

Из Стамбула в начале 1774 г. пришла отрадная для Екатерины весть – скончался султан Мустафа III. Покойный хотел передать престол сыну Селиму и загода расправился с тремя братьями. Но до четвертого, Абдул-Хамида, не добрался. Принц более сорока лет прожил в серале в окружении женщин и евнухов. Верный раб приносил ему пищу, иначе он мог быть отравленным. Ему удалось научиться читать и писать, но на том образование и закончилось. Ездить верхом потомок завоевателей не умел – на коня вновь провозглашенного султана Абдул-Хамида I сажали. “По тихому и спокойному нраву нового султана заключается, что он не оставит оказать отличную склонность к миру, тем более что и весь константинопольский народ немалое к оному имеет желание”, – полагал Д.М. Голицын⁶.

Дело заключалось не только и не столько в тихом нраве властителя; страна дошла до крайней степени истощения. Тыл османского войска пришел в полное расстройство. С 1771 г. то тут, то там вспыхивали мятежи. Вот как описывали обстановку в Стамбуле британские дипломаты, май 1771 г.: “Беспорядки в Константинополе столь велики, что лавки закрыты... Лавочникам разрешили убивать всех нападающих... Небольшие деревни покинуты из-за страха перед войсками”; сентябрь 1771 г.: 5000 дезертиров угрожают сжечь Наталию. Капудан-паша лично возглавил карателей, схваченным бунтарям отрезали носы и уши⁷.

И так год за годом. В декабре 1773 г. тайный осведомитель сообщал из Стамбула Д.М. Голицыну: “Янычары постоянно отправляются отсюда сушей и морем...” Платят им плохо, и “они творят все виды безумств, грабя людей прямо на улицах”. Порта выдохлась до того, что, по словам прусского посланника А. Цегелина, “не может поднять головы”⁸.

“Партия мира” в Стамбуле одерживала верх. А.С. Мусин-Пушкин доносил 11(22) апреля 1774 г. из Лондона: “Надежным путем проведал

я здесь нечаянно, что здешний в Царьграде посол за подлинно доносит сюда не токмо о миролюбивых нового султана склонностях, но и желании его прекратить уже настоящую толь неудачную предместнику его войну". 26 мая (7 июня) последовала новая шифрованная депеша: "Радуются здесь, милостивейший государь, что отправлено уже верховному визирю уполномочие не только возобновить переговоры о мире, но и наконец заключить, если бы кондиции были хотя несколько сходственны с тем, к чему обязывают научение Магомета и политические понятия оных. По общим здесь сопряжениям европейского положения окончание настоящей с турками войны почитается здесь тем надобнее, что от всякого продолжения оной может ныне легче прежнего отродиться новая"⁹.

П.А. Румянцев поощрял турецкое миролюбие самым надежным способом – нараставшим военным давлением. Переправив на правый берег Дуная два корпуса, он пренебрег подаваемым петербургскими стратегами советом – сосредоточить силы на осаде крепостей, полагая, что войска под ними застрянут, а двинул их к Балканскому хребту. 9 (20 июня) Суворов, имея 15 тыс. солдат и офицеров под ружьем, в битве при Козлудже обратил в бегство 40-тысячный отряд Абдул-Резака: противостоять русским в поле оказалось значительно сложнее, чем за столом переговоров. Великий везир засел в Шумле (Шумене) с малыми силами, и туда направился Румянцев.

5(16) июля в его временную ставку у деревни Кючук-Кайнарджи прискакал первый из десятка гонцов с просьбой об открытии переговоров. Поскольку Высокая Порта поручила вести их второму лицу в государстве, с российской стороны следовало выдвинуть вельможу столь же высокого ранга; выбор, естественно, пал на П.А. Румянцева. А.М. Обресков, проделавший предварительную работу, был уязвлен, фельдмаршал, как мог, утешал дипломата: "Язык и сердце мое не знают против вас двоякости, и я чужой труд, тем меньше особы, которую привык я почитать, нимало не удобен обращать единство в славу себе собственную"¹⁰. Обрескову пришлось удовлетвориться ролью второго уполномоченного.

Сосредоточение в одних руках функций главнокомандующего и миротворца оказалось удачным. Фельдмаршал наотрез отказался возобновлять бесконечную негоциацию, о чем свидетельствовала его переписка с везиром: "О конгрессе и еще менее о перемирии я не могу и не хочу слышать. Ваше сиятельство знает нашу последнюю волю: если хотите мира, то пришлите полномочного, чтобы заключить, а не трактовать главнейшие артикулы, о коих уже столь много толковано и было объяснено. И доколе сии главнейшие артикулы не утверждены будут, действия оружия нашего никак не перестанут"¹¹.

Румянцев распространил слух, будто собирается двинуться к Шумле; он дал туркам "на все про все" пять дней. Этот жесткий срок был указан не случайно – на 10 июля падала печальная годовщина Прутского договора 1711 г. и фельдмаршал хотел вычеркнуть подписанные тогда тяжелые условия мечом. Он так торопился, что не дождался вызванного на конференцию Обрескова, тот застрял на дунайской пере-

праве по причине разлития реки; его с успехом заменил генерал-поручик князь Н.В. Репнин, который успел послужить посланником в Варшаве и проявил себя там человеком крутого нрава. Миссию свою он свел к минимуму. Все, что было согласовано в Фокшанах и Бухаресте, было подтверждено; еще против 28 артикулов, как писал Румянцев великому везиру, “нет причины прекословить”. Чтобы отбить всякое желание заниматься этим делом, командующий обещал “удержать оружие и отойти из настоящего положения” в случае благоприятного ответа из турецкой квартиры¹². Османской сговорчивости способствовали успехи на фронте: крепости Шумла, Силистрия, Русук были блокированы, в окрестностях первой, где засел везир, хозяйничали казаки, выжигавшие окрестные поля.

Договор был подписан Н.В. Репниным и Ресми-Ахмедом в назначенный Румянцевым срок – 10 июля 1774 г. и утвержден Румянцевым и великим везиром. Из-за спешки и отсутствия в турецкой делегации, насчитывавшей двести человек, хотя одного, кто бы знал принятый тогда в дипломатии французский язык, обошлись без него. Договор существует в русском, турецком и итальянском варианте. Поспешностью можно объяснить и отсутствие какой-либо системы, известную хаотичность в расположении статей. Румянцев объяснял, что подписание акта совершилось “без всяких обрядов министеральных, а единственно скорою хваткою военною, соответствуя положению оружия, с одной стороны, перевозогающего, а с другой – до крайности угнетенного”¹³. Стремительный натиск фельдмаршала породил легенду о том, будто бы мир был подписан на барабане в палатке полководца, на самом деле все же успели выстроить легкий павильон, и в нем на столе, покрытом красной скатертью, и была učinена акция.

Содержание трактата сводилось к следующему: признавалась независимость Крыма под властью “хана Чингизского поколения” на обширной территории (сам полуостров, причерноморские степи, Таманский полуостров и земли на Кубани). Султан терял право инвеституры гиреев, но как “верховный правитель магометанского закона” продолжал пользоваться влиянием в “духовных обрядах” (но каким точно, не оговаривалось). К России отошли крепости Керчь и Еникале, контролировавшие выход из Азовского моря в Черное; они же вместе с Кинбурном в устье Бугского лимана устанавливали над ханством стратегический контроль России. Последняя закрепила за собой Азовский уезд и обе Кабарды, Большую и Малую¹⁴.

Статья II договора предусматривала “беспрепятственное плавание купеческим кораблям, принадлежащим двум контрактующим державам, во всех морях, их земли омывающих, и Блистательная Порта позволяет таковым точно купеческим российским кораблям, каковы другие государства в ее гаванях и везде употребляют, свободный проход из Черного моря в Белое*, а из Белого в Черное...”¹⁵. О плавании военных судов (на чем настаивала Екатерина) – ни слова. Запрета на проход па-

* Так в Турции именовалось Средиземное море.

русников под Андреевским флагом в Черное море (как то вполне четко фиксировал Белградский договор 1739 г.) трактат не содержал, а ведь разрешено все, что не запрещено. Иное дело Босфор и Дарданеллы, в них Порты осуществляла жесткий контроль и не разрешала ни одному иностранному военному кораблю входить в них. Но для торгового судоходства ворота Средиземного моря распахивались, чему способствовало приобретенное Россией право наибольшего благоприятствования, распространявшее на нее полученные ранее Францией, Англией, Голландией, Венецией по так называемым капитуляциям торговые привилегии.

Правда, для приобретения ожидаемых выгод следовало соорудить порты, обустроить гавани и обзавестись своим коммерческим флотом, который почти что отсутствовал, и некий насмешник из дипломатического корпуса сострил, что российские торговые суда – самые защищенные в мире, ибо на каждых двух “купцов” приходится по одному военному паруснику. Пункт о свободе прохода через Проливы торговых кораблей под любым флагом, помимо принципиально важного международно-правового аспекта, имел и большое практическое значение: Россия была заинтересована в сбыте своих товаров на заморских кораблях.

Важное место в Кючук-Кайнарджийском акте заняли пункты, посвященные балканским христианам. Правда, от мысли добиться независимости Дунайских княжеств пришлось отказаться, но появилась формула о восстановлении их “прав и обычаев” в том виде, как они существовали при их вступлении по власть султана (т.е. широкой автономии)¹⁶.

В договоре положению христиан отводилось шесть артикулов (1, 7, 14, 16, 17 и 25-й). В них говорилось об амнистии всем, кто поднял оружие против Порты или вообще проявил нелояльность к султану. Статья 14 предоставляла России право построить в Константинополе церковь, “которая всегда под протекциею оной империи министров^{1*}” остаться имеет и никакому притеснению или оскорблению подвержена не будет¹⁷.

Статья 7 заслуживает того, чтобы привести ее полностью: “Блистательная Порты обещает твердую защиту христианскому закону и церквам оного; равным образом дозволяет министрам Российского императорского двора делать по всем обстоятельствам в пользу как воздвигнутой в Константинополе упомянутой в четырнадцатом артикуле церкви, так и служащих в оной разные представления и обещает принимать оные во уважение, яко чинимые доверенною особою соседственной и искренно дружественной державы”. В отношении Молдавии и Валахии российские права трактовались шире: Порты “соглашается также, чтоб по обстоятельствам обоих сих княжеств министры Российского императорского двора, при Блистательной Порте находящиеся, могли говорить в пользу сих двух княжеств, и обещает внимать оные с сродственным к дружеским и почтительным державам уважением¹⁸”.

^{1*} Т.е. посланников.

Таковы были те юридические основы, на которых базировалась балканская политика России вплоть до Крымской войны 1853–1856 гг.

По логике вещей следовало повысить статус той “особы”, коей надлежало выступать в пользу “турецких христиан”. Зная, сколь болезненно Порта относилась к пребыванию в стране иностранных представителей, замахнуться на ранг посла для “особы” не решились, ограничились званием посланника (министра), и он по иерархии шел за “цезарским” (австрийским). Зато российские самодержцы в турецких документах впредь должны были именоваться “падишахами”.

А. Сорель приписывал “разбросанность” балканских статей по всему тексту трактата ловкости и проницательности российских дипломатов, усыпивших подозрительность оппонентов: “Эти положения, раскиданы по разным статьям договора в беспорядке, делающем честь дипломатам царицы. Они составили основу тех обязательств, из которых русские публицисты сделали вывод о юридическом праве России осуществлять свою цивилизаторскую миссию на Востоке и вмешиваться во внутренние дела Оттоманской империи”¹⁹.

Действительно, сумбур в расположении статей впечатляет и разумному объяснению не поддается: почему, например, важнейшим 14-му и 7-му артикулам предшествуют положения об уважении к переводчикам и о том, что, ежели служащий в миссии турок провинится, его надлежит выдать местным властям?

На мой взгляд, маститый историк слишком лестно оценил действия российской стороны. Под актом нет подписи привыкшего к протоколу дипломата, спешивший в Кючук-Кайнарджи А.М. Обресков так и не поспел вовремя прибыть на место. Генерал Н.В. Репнин являлся крупной политической фигурой и побывал посланником в Варшаве, но вряд ли он занимался деталями редактирования. В какой-то степени недостаточную “собранность” текста, отсутствие стройной системы в изложении следует приписать этому обстоятельству и той скоропалительности, которой сопровождалось заключение договора.

Однако негоциаторы в генеральских мундирах шли по наезженной дипломатами колее, основные формулировки были согласованы ранее, в ходе многомесячных переговоров, тем же Обресковым, так что “министерские обряды” все же наличествовали.

Некоторая туманность формулировок имеет и другое, более значимое объяснение. Никакого иного подхода к балканским проблемам, касающимся христиан, помимо религиозного, Высокая Порта не потерпела бы, он был просто немыслим, ибо означал бы вмешательство в ее внутренние дела. Иной вопрос – религиозное покровительство. Султан считался духовным владыкой всех мусульман, логично было распространить этот статус и на царя по отношению к православным и признать его особые права в этом плане.

В дальнейшем этот принцип толковался расширительно; российская дипломатия искусно использовала специфическую роль религии в регионе. Вера здесь никогда не замыкалась в церковных сводах или в божнице в крестьянской хате. Болгарин или грек дискриминировался не как таковой, а как “неверный”. И любой человек, принявший ислам,

считался турком. Религия, а не этническая принадлежность разделяла угнетателей и угнетенных. Коран определял жизненный уклад одних, Евангелие – других. В монастырях составлялись летописи, напоминавшие о славном прошлом, о самостоятельном государственном существовании, о величии Византийской империи, Болгарских царств, Сербского королевства, Дунайских княжеств и звавшие к его возрождению. Религия помогала сохранять язык и письменность, драгоценное достояние народа, формировала его культуру, утверждала его самобытность.

Османская империя явилась родоначальником апартеида: мусульмане и христиане жили в ней порознь. Одних евангельских заветов и основанного на них обычного права для повседневной жизни было недостаточно, существовало местное самоуправление в лице сельских старост, занимавшихся сбором налогов, поставками продовольствия в Стамбул, поддержанием в порядке дорог и мостов и многим другим. Имперские власти признавали существование православной общины (миллета) во главе с константинопольским патриархом, отвечавшим перед султаном за своих единоверцев. Патриарх имел звание везира и чин двухбунчужного паши (по-европейский – генерал-лейтенант) и входил в иерархию власти. Расчленив духовное и светское в обществе, вся жизнь которого основывалась на православной культуре, было невозможно, покровительство исключительно религиозное было немислимо: вера, право и мораль тесно переплетались, и российская дипломатия, надо отдать ей справедливость, не предпринимала ни малейшей попытки ограничиться вопросами веры. Конечной целью всех усилий покровительствующей державы являлось обретение христианами равноправия. А сие было равнозначно краху всей системы турецкого управления и господства, зиждившейся на религиозной розни. Вероятно, сами творцы Кючук-Кайнарджийского мира, прорубая окно на Балканы, не сознавали далеко идущих последствий 14-го артикула насчет права посланников “говорить” в пользу единоверцев. А уж турецкие делегаты ведать не ведали, что, подписывая трактат, они закладывают мину замедленного действия под здание своей державы.

¹ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 253.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения с Англией. 1773. Д. 254. Л. 120; Д. 255. Л. 17, 29, 31; Д. 261. Л. 15, 16–18, 22, 41, 50.

³ Соловьев С.М. Соч. М., 1994. Кн. 14. С. 557.

⁴ Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 71.

⁵ АВПРИ. Ф. Сношения с Англией. 1774. Д. 261. Л. 58, 72.

⁶ Там же. Д. 553. Л. 40, 67, 77.

⁷ Там же. 1771. Д. 580. Л. 99–100, 144.

⁸ АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1773. Д. 553. Л. 3; Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. 15. С. 78.

⁹ АВПРИ. Ф. Сношения с Англией. 1774. Д. 261. Л. 57, 68, 86.

¹⁰ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 261; Чтения ОИДР. М., 1865. Кн. 2. С. 300.

¹¹ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами. СПб., 1874. Т. 5. С. 189.

- ¹² Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 270; Петров А.Н. Указ. соч. Прил. С. 191–192.
- ¹³ Румянцев П.А. (Документы). М., 1953. Т. 5. С. 766.
- ¹⁴ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 280. Текст Кючук-Кайнарджийского мирного договора приведен в этой книге в виде Приложения. Текст опубликован: Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 24–41.
- ¹⁵ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 288.
- ¹⁶ Там же. С. 295.
- ¹⁷ Там же. С. 301.
- ¹⁸ Там же. С. 352, 355.
- ¹⁹ Sorel A. Question d'Orient au XVIII siècle: Le partage de la Pologne et la traité de Kainardji. P., 1902. P. 261; Петров Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. СПб., 1890. С. 359.

ВОЙНА 1768–1774 гг. В ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Внешнеполитическое ведомство Османской империи, представленное канцелярией реис-эфенди, не успевало сориентироваться в быстро сменявшихся друг друга союзах и коалициях европейских государств во второй половине XVIII в. К типологическим особенностям османского общества этого периода можно отнести постепенное складывание нового социально-политического режима как проявление реакции турецкой правящей верхушки на общественно-экономическое и национальное возрождение покоренных народов, на активизацию политики европейских держав в Восточном вопросе, на поражения в войнах с Россией в 60–80-е годы XVIII в. При этом реакция на сдвиги была адекватна архаичным системам управления¹.

Международно-правовые нормы и обычаи сношения между западными державами и суверенными государствами Востока строились в эту эпоху на основе прецедентов и традиций, и Османская империя не составляла исключения. Однако расширение политических связей с европейскими державами в XVIII в. требовало соответствующего дипломатического обеспечения. Отсутствие постоянного представительства Османской империи в европейских столицах не могли заменить специальные посольства, направлявшиеся по конкретным поводам к европейским дворам. Отчеты послов – скорее литературные произведения, а не строгие дипломатические документы – не давали всесторонней и постоянной информации об изменениях в политике держав. Представители западных держав в Константинополе односторонне, в выгодном для своих держав свете освещали те или иные события султану и Порте. Достаточно сказать, что английские дипломаты в Турции в 1750–1760-е годы уверяли турок в том, что у России вообще нет флота на Балтийском море, а пройти кораблям из Архангельска вокруг Европы в Средиземное море помешают северные ветры и британский флот. Каковы же были отчаяние и ужас турецких моряков, когда русская эскадра появилась в Средиземноморье и сожжением османского флота при Чесме более чем убедительно доказала свое существование. Маневрирование в весьма узких пределах профранцузской ориентации приносило Османской империи столь же мало пользы, как и участие в войне за австрийское наследство в 1740-е годы и в закулисных дипломатических комбинациях в период Семилетней войны (1756–1763)².

Пути на Восток, равно как и на рынки Леванта, Высокая Порта (так тогда называлась совокупность султанских органов управления)

держала в своих руках. Поглощенные борьбой в отдаленных колониях Вест- и Ост-Индии, Англия и Франция в конце XVIII в. заботились скорее о нейтралитете Турции и освоении путей к индийскому, персидскому, восточноафриканскому рынкам, чем о захвате Турции. Западные державы видели в Османской империи резерв для дальнейших разделов и комбинаций, своего рода коллективный колониальный резерват и одновременно – преграду ближневосточной политике России.

Отношения Порты с западноевропейскими державами и с Россией во второй половине XVIII в. развивались в рамках Восточного вопроса или, как пишут турецкие историки, Западного вопроса – с точки зрения Османского государства. Борьба с Россией трактовалась как основное направление внешней политики Порты. Ключевым был вопрос, как не допустить выхода России в Черное море, к Босфору и Дарданеллам³.

Османская империя противодействовала России на трех направлениях: через Крым с помощью Крымского ханства; через Северный Кавказ и Каспийское побережье при поддержке некоторых ногайских, кабардинских феодалов, беков и ханов Северного Кавказа и Закавказья; но самым важным направлением политики Порты в этот период было европейское. Во-первых, реальная власть Константинополя на европейских территориях империи (вблизи границ Австрии, России и других держав) была слабее, чем в Малой Азии, и для ее укрепления следовало принять решительные и срочные меры как в отношении своевольных пашей и аянов, так и в отношении бунтующей райи – христианских подданных.

Во-вторых, надо было воспрепятствовать натиску России в южном и западном направлениях; отсюда – активное участие во французском восточном барьере. Султан Мустафа III, как и его ближайшие предшественники, стремился играть если не ключевую, то по крайней мере значительную роль в Центральной и Юго-Восточной Европе⁴. Независимость и неделимость Польши, с точки зрения Порты, требовали ее защиты, что и стало главной причиной войны с Россией в 1768–1774 гг.⁵ В действительности же речь шла о частичном и временном совпадении интересов наиболее агрессивной части правящих кругов Османской империи и магнатов старшляхетской формации, участников Барской конфедерации (1768), противившихся любым преобразованиям в польских воеводствах, которые ограничили бы их “вольности”. Эти силы надеялись отторгнуть (в союзе с Францией и Турцией) часть восточноукраинских земель от России. По инициативе участников Барской конфедерации Мустафа III одобрил в конце 1768 г. секретное соглашение о передаче Подольи Порте, а части восточноукраинских земель конфедератам. Немаловажную роль в сближении султана и конфедератов сыграло также обещание Франции финансировать военные действия турецких войск против России⁶.

Верхушка духовенства, улемов, во главе с шейх-уль-исламом Пирзаде Сахиб-Моллой, особенно рьяно ратовавшим за возвращение Подольи, утраченной Турцией по Карловицкому миру 1699 г., и большинство везиров поддержали воинственно настроенного султана и от-

теснили умеренных государственных деятелей, призывавших сосредоточить внимание на внутренних проблемах страны и воздержаться от войны с Россией⁷.

4 октября (ст.ст.) 1768 г. в присутствии султана состоялось мушавере – совещание высших сановников Османской империи. Было решено объявить России войну, священной целью которой провозглашалась защита османских границ, включая Крым, грузинские земли на Кавказе и черноморские на Балканах.

Новый великий везир Хамза-паша, непримиримый противник России, назначенный по настоянию улемов, огласил перечень претензий к России, составленный незадолго до совещания с помощью посла Франции в Константинополе де Верженна, на которого оказывал большое влияние другой ярый противник России, укрывавшийся в это время в Турции, – видный польский магнат А. Потоцкий⁸.

Среди претензий (весьма неопределенно сформулированных) значились следующие: нарушения турецких границ; постройка крепостей между Днестром и Бугом (кстати, не запрещенная России Белградским договором); “подстрекательства” христианских подданных Турции и, наконец, разорение местечка Балта во владении крымского хана, убийство там нескольких мусульман⁹. Претензии эти не предназначались для обсуждения с русским правительством, некоторые были явно надуманными, но они легли в основу фетвы (манифеста) о войне с неверными москвитями, которую огласили в Константинополе.

Утром 6 октября 1768 г., когда во всех мечетях столицы читали суру из Корана “Фатиха” – “Победа”, русский дипломатический представитель А.М. Обресков был вызван в правительственную резиденцию Пашакапысы. Здесь в ультимативной форме ему было изложено требование Порты вывести русские войска из Польши и под гарантией Дании, Пруссии, Англии и Швеции взять от имени российского правительства на себя обязательство не вмешиваться в “польский вопрос”¹⁰. Просьба А.М. Обрескова, не имевшего ни полномочий, ни инструкций на случай столь резкого обострения отношений, дать ему возможность изложить требования Порты своему правительству и получить в двухмесячный срок указания была квалифицирована как стремление затянуть решение вопросов. Не переговоры с Россией, а непременно война заботили Порту. Обрескова и его сотрудников отправили в заточение, где они пробыли до мая 1771 г.

Спустя полгода после объявления войны, 22 марта 1769 г., турецкая армия, сформированная ценой огромных усилий, выступила наконец из Адрианополя – традиционного места сбора войска. В конце апреля – начале мая 1769 г. армия прибыла в район Хотина. Предполагалось, что здесь она соединится с татарско-турецким корпусом, выступившим из Крыма. Третья группа турецких войск должна была выступить из Анатолии в направлении Кизляра–Астрахани, что, впрочем, осуществить не удалось.

К концу 1768 г. Порта выяснила, что Франция поддерживает ее военные планы только в контексте своих европейских комбинаций¹¹. Вопреки ожиданиям британский кабинет холодно реагировал на претензии Порты. Австрийский интернунций в Константинополе Иоганн

Амадей Тугут выразил от имени своего правительства сожаление по поводу разрыва Турцией отношений с Россией и предложил свои “мирные посреднические услуги”¹².

Определенные надежды Порте внушала уклончивая позиция прусского посла А. Цегелина. Связанный союзным договором с Россией, король Фридрих II стремился к расширению Пруссии за счет участия в разделе Польши и тайно России противодействовал*.

Пока европейские державы обдумывали, как максимально использовать войну на Востоке в своих интересах, Османской империи приходилось самой заботиться о своих границах в Закавказье. Занятый внутренними распрями в Иране, Керим-хан Зенд не мог и не стал, несмотря на визиты нескольких турецких посольств в Тегеран с предложениями о выступлении против России, поддерживать Турцию.

Провалился замысел экспедиции через район Кизляра и Терека на Астрахань силами мусульманских правителей Закавказья и Северного Кавказа¹³ под знаменем халифа правоверных султана Мустафы III¹⁴.

Другим направлением нацеленного против России похода Турции должна была стать непокорная Грузия. Ни Ираклий II (Картлийско-Кахетинское царство), осторожно, но независимо державшийся с Турцией, ни Соломон I (Имеретия), подписавший в 1766 г. договор о формальном протекторате Турции, не считали себя обязанными придерживаться нейтралитета, а тем более оказывать помощь константинопольскому сюзерену в войне с Россией, покровительства и защиты которой они просили¹⁵. Слабость позиции Порты в Закавказье была совершенно очевидна.

Полагаться на полунезависимых правителей балканских и арабских пашалыков и вовсе не приходилось¹⁶. Из вассальных правителей, на немедленное выступление которых мог рассчитывать Мустафа III, оставался только крымский хан.

Упорное нежелание крымцев вставать под знамена присланного из Константинополя Ибрахим-паши заставило Мустафу III вернуть из ссылки и поставить во главе крымского ханства Кырым-Гирея, в прошлом не раз возглавлявшего набеги татар и ногайцев на русские земли¹⁷. В качестве военного советника при нем в поход был отправлен Ф. де Тотт. Дипломатическое представительство Франции при Кырым-Гирее осуществлял П. де Рюффен, впоследствии посол Франции в Турции. Взысканный милостями султана Кырым-Гирей, помимо разрушительного деморализующего рейда по украинским землям, должен был подавить прорусскую оппозицию среди части крымских мурз и “принцев крови”¹⁸.

Война, развязанная Турцией как превентивная в борьбе с растущим влиянием России и для решения ряда внутривосточных проблем, оказалась столь неумело и слабо подготовленной, что турецкая историография считает ее показателем упадка и разложения в янычарских (в первую очередь) и сипахийских войсках XVIII в. и “чистым безумием Мустафы III”¹⁹.

* См. раздел “Война 1768–1774 гг. – неизбежная, но несвоевременная”.

Более чем полумиллионная, по записям-дефтерам, армия весной 1769 г., когда начались военные действия, не превышала и половины ожидавшегося состава. Тем не менее это был грозный противник России, обладавший многовековыми навыками конного боя и приспособленный к климатическим и географическим условиям как Дунайского, так и Кавказского театра военных действий.

К преимуществам османов можно отнести и многочисленный (до 250 выпелов, из них 22 линейных корабля (до 1430 орудий), до 50 каравелл и галер всех типов) флот, безраздельно господствовавший в акватории Черного моря – от устьев Дуная до Керчи и Тамани – и базировавшийся в удобных гаванях Крымского полуострова²⁰.

Первый период войны, с апреля по сентябрь 1769 г., не принес решающего успеха ни одной из сторон. Войскам под командованием А.М. Голицына после ряда неудачных маневров удалось занять крепость Хотин, но только тогда, когда она была покинута гарнизоном.

Кубанский корпус И.Ф. Медема и Закавказский экспедиционный корпус Готлиба-Курта Тотлебена столкнулись с ожесточенным сопротивлением турецких войск. В действиях Кубанского корпуса перелом намечался с весны 1770 г. Несмотря на усиленную агитацию Кыргыз-Гирея, турецких эмиссаров и местных феодалов, население Кабарды отказывалось воевать под знаменами турецкого султана²¹.

Кабарда добровольно вошла в состав Российской империи. Действия корпуса И.Ф. Медема и Второй русской армии П.И. Панина, прикрывавшей южнорусские земли в направлении Азова–Таганрога, с осени 1769 г. были поддержаны ногами, отвергавшими притязания Крымского ханства.

Менее успешными были действия отряда Г.-К. Тотлебена в Грузии. Расколота турецко-иранскими соглашениями на два царства, ослабленная междоусобной борьбой феодалов, Грузия в планах правительства Екатерины II занимала второстепенное по сравнению с Крымом или европейскими владениями Османской империи место.

В Петербурге с удовлетворением воспринимали сообщения о желании населения Имеретинского и Картлийско-Кахетинского царств перейти под покровительство России. Однако это могло повлечь за собой войну с коалицией Турции и Ирана. Тегеран и Стамбул, веками сражавшиеся за господство над закавказскими территориями, как по взмаху бунчука прекращали распри и объединяли усилия (по крайней мере политического характера), чтобы не допустить Россию за Кубань. В Петербурге было решено поддержать благожелательный нейтралитет Ираклия II, а к Соломону I в Имеретию был направлен отряд Г.-К. Тотлебена (численностью около 3700 человек), чтобы вызвать у имеретинцев “охоту к подражанию”.

Предполагалось, что население обеих частей Грузии “собственный жребий свой обретет в вооруженной борьбе против Турции”²². Не исключался при благоприятных условиях и поход отряда Г.-К. Тотлебена при поддержке грузинских войск в Малую Азию. Однако неверная ориентация самого Г.-К. Тотлебена (вопреки инструкциям) на оппозиционных Ираклию II и Соломону I князей Дадияни и Гуриели, нередко объ-

единявшихся с турецкими пашами, и безуспешная осада Потти, где погиб почти весь отряд (май–октябрь 1771 г.), определили неудачу закавказского похода. Правда, относительную, поскольку ни занятие Закавказья, ни присоединение его территорий не входило в планы России, тогда как “усердие русскому духу”, выказанное населением Грузии, Северного Азербайджана, Северного Кавказа и Прикаспия, заставило Порту дислоцировать значительное войско в Закавказье, перебросив его с Дунайского театра. Запланированный поход в сторону Кизляра–Астрахани так и не начался.

Турецкая историография обходит молчанием неудачные попытки Порты поднять против России население Северного Кавказа и Закавказья. Обычно опускается последний для Руси кровавый поход Крым–Гирея совместно с турецким конным отрядом по южным землям России. В то же время добровольный переход ногаев в русское подданство, уход части татарского населения Крыма на территорию России, его участие в боях против османских войск в 1771–1772 гг. трактуются как результат “русского подстрекательства среди недалёковидных мурз и тщеславных крымских царевичей–чингизидов”²³.

Самые нетерпеливые из крымских чингизидов с вождением поглядывали на османский престол, полагая, что династия Османа (1299–1923) пресечется на Мустафе III или, по крайней мере, на Абдул Хамиде I (1774–1789), который за тщедушностью и маленьким росточком скрывал до поры силу духа. В 1783–1784 гг. Абдул Хамиду I пришлось принять беспощадные меры, чтобы пресечь в зародыше замыслы чингизидов дома Гиреев на “вливание свежей крови в вялые члены Богоспасаемого Предела”²⁴.

Освободительное движение на Балканах турецкие историки оценивают как бунт опять же подстрекаемых Россией христиан. Аналогичным образом – “уничтожение мусульманского населения как следствие военной стратегии России” – трактовались восстание греков 1770 г. в Майне, совместные действия греко-русских отрядов под Коринфом и в других пунктах Греции в период Архипелагской экспедиции русского флота в Средиземное море. Эти сюжеты выходят за рамки нашей темы и понадобились лишь для иллюстрации стандартной – “бунт-подстрекательство” – реакции Высокой Порты на принципиально новую расстановку сил, целевые и ролевые позиции субъектов столкновения в 1768–1774 гг.

По мере продвижения русских войск в глубь османских территорий и появления Андреевского флага в османских водах в ходе войны 1768–1774 гг. к России обращались не только представители христианских народов, но, в частности, мамлюкский правитель в Египте Али-бей и ливанский эмир Юсеф Шехаб. Они просили А.Г. Орлова, руководившего Архипелагской средиземноморской экспедицией в 1770–1774 гг., помощи войсками, оружием, боеприпасами в войне с Высокой Портой. Али-бей получил от Орлова ружья, порох и пули. При поддержке русского десанта в 1773 г. шейх Дагер и эмир Шехаб даже изгнали турецкий гарнизон из Дамаска²⁵.

Однако спорадические действия этих мятежных феодалов нередко выливались в местнические конфликты. Воспринимать их всерьез в Петербурге не могли, ибо положение подвластных Порте нетурецких народов в Леванте они существенно не меняли.

Исходившие от балканских народов обращения к России, особенно те, в которых выражалась готовность служить ей с оружием в руках, Екатерина оценивала весьма благожелательно, учитывая их при выработке решений накануне и в начале войны. Так, собранный ею для обсуждения вопросов войны и мира совет изучал планы военных действий с Турцией и проекты мирного договора с учетом перспективы массовых вооруженных выступлений, прежде всего в Греции и Черногории. Поход эскадры балтийских кораблей в Средиземное море и организация греческого восстания, равно как и обращения-“манифесты” к подданным Турции на Балканах и в Закавказье, содержали “разглашение” мер защиты “христианского закона” и призывали к борьбе с османами-поработителями²⁶.

Расчитывая на “учинение Турции чувствительной диверсии” восстаниями в непосредственной близости к главным театрам военных действий, Петербург не призывал к полному освобождению христианских подданных султана. Вместе с тем уже в самом начале войны манифесты Екатерины II включали обещание защитить их интересы в будущем. Таким образом, два разнородных направления антисултанских движений – народное христианское и сепаратистское – искали поддержки царского правительства.

На заключительном этапе войны поддерживать мятежных пашей царица уже не хотела и не могла. Зловещий для Екатерины II призрак мнимого Петра III (Е.И. Пугачева) побуждал внимательно относиться к сведениям о его поддержке из-за рубежа. А таковые доходили. Тексты негласных соглашений с Пугачевым о снабжении его оружием и деньгами разрабатывались в ведомстве реис-эфенди.

“Чумной бунт” 1771 г. в Москве, казачьи выступления на Дону весной 1772 г., осложнения в отношениях с великими державами после первого раздела Польши и перспектива войны не с самозванным “царем”, а с легитимным шведским монархом (август 1772 г.) отделили мысли Екатерины II от Египта, Сирии и Аравии окончательно и навсегда.

Военные действия были долгими и кровопролитными. Российская армия уже имела прочную репутацию победоносной, в том числе в глазах турок²⁷. Новостью явилась морская мощь России. Сражение при Чесме в ночь на 16 июня (7 июля) 1770 г. было вершиной славных дел российского флота в войне на Средиземноморье.

15 линейных турецких кораблей, 6 фрегатов и множество полугалер, фелуг, шебек и других малых судов под османским флагом – фактически подавляющая часть флота – перестали существовать в результате битвы, беспримерной по мужеству и трезвому расчету Орлова, Спиридова и Грейга.

Мустафа III после Чесмы занемог сердцем и головой. Устранился от дел. Надолго уединялся с любимой женой грузинкой Михри-шах и

маленьким сыном, будущим султаном Селимом III (1789–1808). Угасал. Печально повторял, обращаясь к ребенку: “Мой шах-заде, опора дома Османов, тебе надлежит изучить приемы франков^{1*} и превзойти их...”²⁸

Позора Чесмы султан не пережил...

И все же в заключении мира нуждались обе стороны. Османской империи он дал бы спасительную передышку, российскому правительству – возможность предотвратить углублявшуюся конфронтацию с европейскими державами, а с осени 1773 г. – сосредоточить силы для борьбы с ширившимся движением под руководством Е.И. Пугачева.

Мирную инициативу в сентябре 1770 г. проявила русская сторона, направив к великому везиру Халиль-паше одного из офицеров штаба П.А. Румянцева с надлежащими полномочиями.

Последующие годы, вплоть до подписания Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г., были для обеих сторон годами поиска приемлемой формулы мирного договора. России приходилось идти на определенный компромисс при выработке его окончательных условий.

Турция отчаянно боролась за статус владычицы “Белого (т.е. Средиземного. – *Авт.*) и Черного морей”, за безоговорочный суверенитет на землях, вовсе не входивших непосредственно в состав Османской империи, о них речь на переговорах не шла. Порты стремились удержать за собой населенные исламизированными народами Крым, Северный Кавказ, Закавказье, непосредственно примыкавшие к русским владениям. Эти земли постепенно входили в состав Российского государства, чаще по доброй воле населявших их народов. Султаны отстаивали свое право – как халифов всех мусульман – решать судьбы “исламских” народов Ближнего Востока и Закавказья.

В историографии неоднократно повторялась мысль, впервые высказанная Г.Л. Льюисом, что война 1768–1774 гг. не пробудила в османском правительстве чувство реального²⁹. Мне представляется, что события конца 60-х – начала 70-х годов в определенной мере способствовали формированию умеренного и осторожного внешнеполитического курса Селима III (1789–1807) и Махмуда II (1808–1839). Важно подчеркнуть, что во время переговоров в Фокшанах обе стороны отвергли как неосновательные претензии слов Австрии и Пруссии на посредничество: сказалось разочарование Порты предшествовавшими событиями. Складывался принцип прямых переговоров между Россией и Османской империей, который более других отвечал интересам сторон.

В Фокшанах и затем в Бухаресте (октябрь 1772 г. – март 1773 г.) были сформулированы основные положения будущего мира. При этом русская сторона отступила от первоначального положения о полной независимости Крыма; в свою очередь, турецкие представители пошли навстречу ее требованиям относительно обеспечения безопасности южных границ и налаживания взаимовыгодной торговли. Однако понадобилась еще одна кампания, в ходе которой турецкая армия потерпела сокрушительное поражение под Базарджиком, Козлуджи и Шуме-

^{1*} Франками в Турции называли всех европейцев.

ном (Шумлой), чтобы достичь окончательного решения. 10(21) июля 1774 г. мирный трактат был подписан. Вот некоторые комментарии к отдельным его положениям.

В формулировке общего характера оговаривалось сохранение религиозной зависимости мусульман от халифа – султана Османской империи. К России перешли Керчь, Еникале и Кинбурн, а также Азов – крепости ключевого значения с обширными прилегающими территориями. Большая и Малая Кабарда и (косвенным образом) осетинские земли, зависимые от кабардинских феодалов, утверждались в составе Российской империи. Отныне Крым и все Северное Причерноморье переставали быть плацдармом турецко-татарской агрессии на южно-русские земли, становясь объектом интенсивного хозяйственного освоения. Идеино-политическому движению османского халифа-султана Россия противопоставила последовательную военно-хозяйственную политику на новых землях, расширение связей с народами Северного Кавказа и через них с народами Закавказья.

По двум артикулам (11, 12) на Российскую империю распространялись все льготы и привилегии, которые имели другие европейские державы на основе капитуляционных актов 1535–1740 гг.

Правительство Екатерины II отступило от ранее выдвигавшегося требования военного судоходства в Проливах. Однако были обеспечены равные с Англией и Францией права на военный флаг в Средиземном море, а также узаконено строительство флота в черноморских портах и крепостях. Договор 1774 г. превращал Россию как в черноморскую, так и в средиземноморскую державу³⁰.

Отдельная группа артикулов фиксировала морально-политические аспекты отношений двух держав. Турция признавала императорскую (падишахскую) титулатуру русских царей (арт. 13). Повышался до ранга посланника (эльчи) статус русского представителя в Константинополе (арт. 5). В титулатуре царя (падишах) и ранге представителя престиж Российской империи уравнивался с престижем Австрии, Англии, Франции. Престижной была и контрибуция в 15 тыс. кошельков (4,5 млн руб. серебром), включенная в сепаративный артикул³¹.

Стороны оговаривали также ряд вопросов скорейшей нормализации отношений, включая обмен чрезвычайными посольствами. Были заложены основные международно-правовые нормы развития русско-турецких отношений.

¹ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке: черты структуры кризиса. М., 1991. С. 194–198.

² Тверитинова А.С. К истории русско-турецких отношений в елизаветинское время // Сов. востоковедение. М., 1949. Т. 6. С. 312–324.

³ Например, И.Х. Узунчаршылы, патриарх современной турецкой османистики, писал, что на протяжении всего XVIII в. османское правительство занимало резко отрицательную позицию в отношении русских судов в Черном море и появления России на его

берегах (*Uzuncarsili I.H. Osmanlı tarihi. Ankara, 1947. С. IV, V. S. 606; Derin F. Osmanlı devletinin siyasi tarih // Turk dünyası el kitabı. Ankara, 1976. S. 997–998.* Лишь в работах 1990-х годов эта “красная линия” турецких историков, исследующих русско-турецкие отношения, утратила свою “яркость”.

⁴ *Kurat A.N. Türkiye ve Rusya. Ankara, 1970. S. 11; Karal E.Z. Osmanlı tarihi. Cilt V. 3-cu baskı. Ankara, 1970. S. 112.*

⁵ *Kurat A.N. Op. cit. S. 23–25. Uzuncarsili I.H. Op. cit. С. IV. К. 1. S. 360; Derin F. Op. cit. S. 997; Meram A.K. Turk-rus ilisikleri tarihi. Istanbul, 1969. S. 120–121.*

⁶ *Юсупов P.P. Внешнеполитические планы польского господствующего класса в годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Проблемы новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 205; Scott H. France and Polish Throne 1763–1764 // Slavonic and East European Review. 1975. LIII. P. 386–388.*

⁷ *Unat F.R. Osmanlı sefirleri ve sefaretnameleri. Ankara, 1968. S. 57; Мейер М.С. Указ. соч. С. 196–198.*

⁸ *Brogie A. Le secret du roi. P., 1978. Т. II. P. 12–13.* Деятельность в Константинополе де Верженна отражала курс Франции – любой ценой предотвратить активизацию России и в европейских и в ближневосточных вопросах.

В июне 1769 г. великий везир Мухаммед Эмин-паша сумел уговорить барских конфедератов, т.е. старшляхетскую группировку польских магнатов, подписать по форме серьезное, по сути курьезное соглашение. Речь шла о передаче после победы османов над Россией в начавшейся в 1768 г. войне, кроме Подолии, всей территории Киевского воеводства (!) вместе с Киевом. При этом Мухаммед Эмин-паша всерьез (?) апеллировал к реалиям 40-х годов XVII в., когда Юрий Хмельницкий был санджак-беем и двухбунчужным пашой Османской империи, а мятежные казаки старшины “в укор Москве” на несколько лет действительно приняли османское подданство. Киев стал турецким областным центром (!). Правда, ненадолго. Чигиринские походы и Бахчисарайский (1681) мир положили конец заведомой авантюре. По соглашению 1769 г. конфедератов с Портой население Киевского воеводства (так в тексте) подлежало переселению. Куда? Кроме того, предполагалось расселение крымских татар – участников войны с Россией – на территории Польши по договоренности с конфедератами. И вновь упоминалось Киевское воеводство... См.: *Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. СПб., 1866. Т. 1. С. 185–187; Шеремет В.И. Борьба с турками-османами на суше и на море // Военная история отечества. М., 1995. Т. 1. С. 175–176; Он же. Русско-турецкие войны XVI–XVII вв. М., 1996. С. 48.*

⁹ *Uzuncarsili I.H. Op. cit. S. 369.*

¹⁰ *Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 87–89.*

¹¹ *Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968. С. 56–69.*

¹² *Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 91.*

¹³ *Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII в. и его взаимоотношения с Россией. Баку, 1965; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М., 1966; Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XX вв. М., 1958, и др.*

¹⁴ *Абдуллаев Г. Указ. соч. С. 492–511; Маркова О.П. Указ. соч. С. 135–138.*

¹⁵ К октябрю 1768 г. в Турции стало известно, что еще в июне Соломон I обращался к России с просьбой о “покровительстве”. См.: *Цагарели А. Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. СПб., 1891. Т. 1. С. 7, 9, 18–19; Абдуллаев Г. Указ. соч. С. 504; Маркова О.П. Указ. соч. С. 135–138.*

¹⁶ См.: *Ари Г.Л. Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. М., 1963. Гл. II–III; Салиби К.С. Очерки по истории Ливана. М., 1969. С. 64–65.*

¹⁷ *Uzuncarsili I.H. Op. cit. S. 374, 405.*

¹⁸ Об этих планах поведал в своих мемуарах Ф. де Тотт. См.: *Memoires du baron de Tott. Amsterdam, 1785. Т. II. P. 109, 144–193.*

¹⁹ *Kemal Yahya. Tarih musahabeleri. Istanbul, 1975. S. 6; Meram A.K. Op. cit. S. 122–125; Пет-*

- росян И.К., Петросян Ю.А. Османская империя: Реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX в.). М., 1993. С. 9–21.
- ²⁰ Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 112. Ср.: Запорожец В.М. Турция: проблемы военно-политического развития. М., 1991. С. 83. При всей слабости османской армии нет оснований для представлений о Турции как “всеобщем хаосе”. См.: Синица В.И. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. и восточный вопрос // Проблемы новой и новейшей истории. Минск, 1977. С. 6.
- ²¹ Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 220–223; *Uzuncarsili I.* Op. cit. S. 381–383.
- ²² Феофилактова Т.М. Кубанский вопрос в русско-турецких отношениях в 1768–1774 гг. // Сб. Ростовского-на-Дону ун-та: Вопросы истории и филологии. Ростов-на-Дону, 1974.
- ²³ Подробнее этот сюжет развит в документальном повествовании: [Селим-челеби]. Султанша – сестра императрицы // Геополитика и безопасность. М., 1993–1994. № 1–3.
- ²⁴ *Uzuncarsili I.H.* Op. cit. S. 383–384, 392, 395.
- ²⁵ Архив Государственного совета. Т. 1, ч. 1. С. 10.
- ²⁶ Турецкая историография отдаст должное военному искусству противника, отмечает полководческий талант П.А. Румянцева. Вина за поражение при Ларге, Кагуле, Рябой Могиле обычно возлагается на некомпетентных турецких командующих. Как писал И.Х. Узунчаршылы, при Кагуле горсточка русских солдат в 17 тыс. человек победила 100-тысячную армию необученных и недисциплинированных турок. Третья часть обратившейся в беспорядочное бегство османской армии пала, в руки победителей попали более 140 пушек и огромный обоз с продовольствием (см.: *Uzuncarsili I.H.* Op. cit. S. 386–387; Ларга и Кагул // Красный архив. М., 1940. Т. 6).
- ²⁷ “О сожжении турецкого флота при Чесме” (из историографа Оттоманской империи Ахмеда Васыфа-эфенди) // Труды и летописи Общества истории и древностей... М., 1837. 4. VII; Шеремет В.И. Генерал-аншеф А.Г. Орлов: “На кону стоял весь европейский политик России” // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 50–60.
- ²⁸ Lewis G.L. Turkey. N.Y., 1960. P. 3.
- ²⁹ *Uzuncarsili I.H.* Op. cit. S. 414–415; Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 173–175.
- ³⁰ Дранов Б.А. Черноморские проливы (международно-правовой режим). М., 1948. С. 12–13; Зеленина Л.В. Проливы – живые деньги... Россия и Турция: 500 лет соседства // Родина. 1998. № 5–6.
- ³¹ Расходы России в войне с Турцией оценивались в 1771 г. в 25 млн руб. серебром А.М. Обресков в 1773 г. называл турецким представителям сумму контрибуции в 40 млн руб. (см.: Сб. РИО. Т. 97. С. 252; ср.: Соловьев С.М. Европа в конце XVIII в. // Русский вестник. 1862. № 5. С. 37–38).

Источники дают несколько отличающиеся цифры потерь в боях, численности войск и т.п., не меняющие общей картины, но отражающиеся в тексте. – *Примеч. редактора.*

БАЛКАНЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ: ПОИСКИ ПУТЕЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА

Начавшаяся в 1768 г. русско-турецкая война возродила надежды жителей Дунайских княжеств на освобождение от османской зависимости. Появление весной 1769 г. русской армии на Днестре вызвало подъем освободительного движения в Молдавии. Духовенство направило к русскому командованию своего посланца с заверением о готовности доставлять сведения о неприятеле и собрать продовольственные запасы¹. Крестьяне и горожане стекались в отряды волонтеров, которые активно действовали в различных частях княжества. В частности, нападая на османские части, они уничтожали их провиантские склады, т.е. создавали благоприятные условия для операций русских войск².

В Валахии группа бояр и духовенства во главе с Пырву и Михаилом Кантакузино ждала прихода русских войск, чтобы начать восстание в Бухаресте, о чем была достигнута договоренность еще в 1768 г. во время пребывания в Валахии майора Назария Каразина с поручением российского правительства³. Письмо Екатерины II к Пырву Кантакузино и манифест к жителям Валахии с призывом к борьбе против османов, доставленные Каразиным в мае 1769 г.⁴, способствовали активизации деятельности патриотов в княжестве. Пырву Кантакузино сообщал командующему русской армией А.М. Голицыну о планах и дислокации султанских войск⁵.

В конце сентября 1769 г. русские войска под командованием П.А. Румянцева вступили в Яссы. Жители молдавской столицы встречали их с энтузиазмом. Духовенство во главе с митрополитом Гавриилом устроило в соборной церкви торжественный молебен и стали приводить народ к присяге императрице⁶. 31 октября Румянцев обратился к жителям Молдавского княжества с манифестом, призывавшим оказывать помощь русским войскам в операциях против османов⁷. В ответ на этот призыв молдавские волонтеры начали вступать в русскую армию и участвовать в сражениях. К январю 1770 г. в ней насчитывалось 6300 молдаван⁸.

С русскими соединениями, дислоцированными в Фокшанах, взаимодействовали волонтеры под командованием Илие Лэпушняну; их операции осуществлялись еще в четырех уездах Валахии⁹. В Фокшаны прибывали все новые валашские добровольцы. К Илие Лэпушняну из

Бухареста бежал капитан Згурали с частью господарской гвардии (более 100 человек)¹⁰. Пырву Кантакузино сообщил русскому командованию планы османов относительно захвата Фокшан¹¹.

Чтобы сорвать эти планы, решено было овладеть Галацем и Бухарестом. Русские части и отряды молдавских и валашских волонтеров при содействии восставших горожан вошли в Галац¹². Одновременно Илие Лэпушняну с отрядом волонтеров по договоренности с Пырву Кантакузино атаковал Бухарест. Население валашской столицы поднялось против османов. Господарь Григорий Гика был схвачен и передан русскому командованию. Правящая верхушка из крупных бояр бежала в Трансильванию¹³.

Власть в Бухаресте перешла в руки группировки бояр прорусской ориентации во главе с Пырву Кантакузино. В манифесте от 4 декабря 1769 г. Румянцев призвал жителей Валахии к совместной борьбе против султанских войск¹⁴. Под руководством Пырву Кантакузино население начало готовить обмундирование и оружие¹⁵. Из уездов Валахии в Бухарест прибывали добровольческие отряды. При поддержке населения и волонтеров русские войска в декабре 1769 г. не только предотвратили попытку османов вернуть Фокшаны и Бухарест, но и нанесли им ощутимые удары в районе Брэилы и Джурджу (Журжево).

В ходе военной кампании 1770 г. после решающих побед П.А. Румянцева в сражениях при Рябой Могиле, Ларге и Кагуле, в которых участвовали отряды молдавских и валашских добровольцев¹⁶, территория Дунайских княжеств была освобождена от власти султана.

Русская военная администрация стала принимать меры по организации управления в княжествах. По просьбе бояр верховную власть в них оставили за Диванами. В качестве председательствующих в них были назначены представители русского военного командования, призванные решать дела по управлению только с согласия всех наличных членов Диванов. Руководитель администрации П.А. Румянцев в своих рескриптах неоднократно подчеркивал необходимость соблюдать местные законы и традиции¹⁷. Денежные поборы с населения заменили натуральными поставками, при чем запрещалось какое-либо насилие при их взимании¹⁸. Были приняты меры по упорядочению работы Диванов, организации финансов, местного управления, юстиции, санитарного обслуживания населения. Проводились также мероприятия по восстановлению городов и сел, поддержанию ремесла и торговли, функционированию школ¹⁹.

Деятельность русской администрации осложнялась жалобами бояр на антифеодальные выступления крестьян и просьбами о расформировании вооруженных отрядов волонтеров. Добровольческое движение крестьян в период войны сочеталось с борьбой против притеснений бояр. Крестьяне бежали из поместий, отказывались выполнять повинности, прогоняли исправников. Нередко эти формы протеста выливались в организованные выступления. Максимальный размах крестьянское движение приняло в Молдавском княжестве в 1773–1774 гг.²⁰ Солидаризируясь с местным боярством в защите их социальных привилегий, русское командование стремилось, однако, сохранять добровольческие

отряды, игравшие определенную роль в военных действиях против османских войск. В 1771–1772 гг. на эти отряды в составе войск Первой армии была возложена задача по охране левого берега Дуная.

Вопрос о будущем статусе княжеств играл немаловажную роль при составлении программы мира, и Государственный совет не раз уделял ему внимание. Оптимальным для интересов России считалось предоставление им независимости*. Но опасение открытого перехода Австрии на турецкую сторону и удара ее войск во фланг армии П.А. Румянцева побуждало действовать с сугубой осторожностью.

Коллегия иностранных дел поддерживала контакты с молдавским и валашским боярством и высшим духовенством. В марте 1770 г. депутации от двух княжеств прибыли в Петербург²¹. 8 марта Екатерина дала им аудиенцию, приняла привезенные грамоты и выслушала просьбы о покровительстве России. В грамоте от 10 декабря 1769 г. молдавские духовные чины во главе с митрополитом Гавриилом просили: “Да всегда будем под высоким защищением и покровом Вашего императорского величества... и охранены непобедимым оружием Вашего императорского величества”²². Бояре в своей грамоте выражали благодарность российскому правительству за то, что “по давнему желанию нашему удостоились быть под державным покровительством вашим”. Просьба о покровительстве России высказывалась и депутатами Молдавии. Представители правящего валашского боярства от имени жителей всего княжества в грамоте от 18 ноября 1769 г. писали: “Всеусерднейше же молим, да примет ваше величество места наши под неотъемлемое покровительство и утвердит нас непобедимую защитою, присоюкупя к пространству империи Вашего Величества”²³.

В произнесенной депутатами речи перед Екатериной II выражалась надежда: “...да поживем вечно под Богом хранимым вашего императорского величества самодержавством”²⁴. В ответ по решению императрицы депутаты получили на аудиенции заверение о “принятии под высочайший покров” обоих княжеств. В подготовленной для посылки в Молдавию грамоте Екатерины II говорилось: “...утвердил теперь себя весь благочестивый молдавский народ торжественною присягою нам и оружию нашему. Охотно обнадеживаем оной через сие, что не только обывателей всех и каждого из них, яко единоверных с нами, при всех их христианских правах и преимуществах цело и невредно сохранять намерены, но и хотим еще всем нам от Бога дарованными силами стараться о защищении их”²⁵.

Несмотря на заверения о защите и покровительстве в ответ на поступавшие из Молдавии и Валахии просьбы, российское правительство занимало осторожную позицию в отношении княжеств. Государственный совет и сама императрица с трудом отказались от идеи провозглашения их независимости и долго не могли выработать окончательного решения, ибо венский двор не хотел допускать отторжения Молдавии и Валахии от Османской империи. Этим объяснялось постановление

* См. раздел “Война 1788–1774 гг. – неизбежная, но несвоевременная”.

Совета от 21 июня 1770 г. относительно депутатов: “их отсюда не отпустить и сделать о них какое-либо определение”²⁶. Такое решение, надо полагать, отвечало и намерениям самих депутатов, стремившихся повлиять на позицию России в вопросе о судьбе княжеств. Молдавские духовные чины и бояре по возвращении своих депутатов из Петербурга писали Екатерине II в январе 1771 г. о получении императорской грамоты и так выражали надежду на будущее: “мы не будем никогда подвержены под варварское и тиранское иго... но пребывать всегда под одним и тем же правлением и покровительством... российского самодержавия”²⁷.

Но, исходя из реалий международной обстановки и задач своей балканской политики, российское правительство сочло целесообразным оставить Дунайские княжества в подчинении султану. Очевидно, находившиеся в 1770 г. в Петербурге молдавские и валашские депутаты знали о возможности такого решения их судьбы. Именно этим объяснялась настойчивость их просьб о российском покровительстве. Вполне вероятно, что депутаты в беседах с представителями российских правительственных кругов просили, в случае возвращения княжеств под власть султана, улучшения их положения, ссылаясь на прежние права и привилегии. Во всяком случае, надо полагать, не без влияния молдавских и валашских депутатов российское правительство выдвинуло определенные условия, на которых соглашалось оставить Дунайские княжества в зависимости от Порты.

На заседании Государственного совета 24 октября 1771 г. было формально решено отказаться от требования о предоставлении независимости Молдавии и Валахии, но настаивать на укреплении их автономии²⁸. В письме к графу А.Г. Орлову от 12 ноября Н.И. Панин писал: “Всемиловитивейшая государыня соизволила отступить от требования своего об отторжении Молдавии и Валахии от Турецкой империи, с тем, однако, чтобы сии два княжества остались навсегда с теми правами и привилегиями, с которыми они вошли в турецкое подданство”²⁹.

Решение российского правительства ускорило русско-турецкие переговоры. Хотя Россия и отказалась от требования независимости Молдавии и Валахии, султанская делегация уклонилась от обсуждения вопроса о княжествах. Заинтересованность сторон в мире привела к продолжению переговоров осенью 1772 г. в Бухаресте.

Российские представители придавали особое значение условиям возвращения княжеств под власть османов. В инструкции Екатерины II от 21 апреля 1772 г. чрезвычайным и полномочным послам на мирных переговорах с Портой А.Г. Орлову и А.М. Обрескову предписывалось, “чтобы при уступке Молдавии и Валахии, имянно выговорить в пользу обоих сих княжеств и всех в них без изъятия жителей ... совершенную и полную амнистию, с содержанием их впредь от Порты неотменно при всех тех правах, вольностях и преимуществах, с коими каждое из них пришло под власть турецкую...”³⁰. Таким путем российское правительство стремилось ослабить влияние Порты и укрепить свои позиции в княжествах.

При обсуждении вопроса о возвращении княжеств в османскую зависимость с условием восстановления их внутренней автономии и привилегий российская дипломатия учитывала просьбы представителей валашского и молдавского боярства и духовенства. Во время работы мирного конгресса в Фокшанах в июле–августе 1772 г. А.Г. Орлов и А.М. Обресков получали такие просьбы из княжеств, в которых говорилось о погранных османами их правах и привилегиях³¹. Видя реальную возможность оставления княжеств в османской зависимости, представители молдавского и валашского боярства и духовенства надеялись с помощью России добиться у Порты утверждения автономных прав и привилегий княжеств. Так, обращаясь 30 января 1774 г. к Екатерине II с такой просьбой, молдавские духовные чины во главе с митрополитом Гавриилом писали: “Отечество наше на правах самоуправления или независимости покровительству, а не тиранству, Оттоманской Порты самопроизвольно предалось”³².

Несмотря на изменение позиции России в вопросе о Дунайских княжествах, султанские послы на переговорах в Бухаресте под давлением австро-французской дипломатии отклонили предложения А.М. Обрескова об условиях возвращения княжеств османам. Переговоры были сорваны, военные действия продолжались.

Последовавшие после Бухарестского конгресса успешные операции русских войск за Дунаем 1773–1774 гг., поставившие османскую армию на грань катастрофы, заставили Порту просить мира. 10 июля 1774 г. в Кючук-Кайнарджи был подписан русско-турецкий мирный договор, основу которого составили условия, подготовленные российской стороной. В его текст была включена специальная статья (16), определявшая статус Молдавии и Валахии в подчинении султану. Порта обязывалась вернуть княжествам территории, приписанные к райям в районе крепостей Хотин, Бендеры и других. Жителям Молдавии и Валахии разрешалось беспрепятственно исповедовать христианскую религию. Участникам войны предоставлялась полная амнистия и право переселиться в течение года в другие страны. Княжества освобождались от недоимок за военное время и от уплаты налогов за два послевоенных года. По истечении этого времени вместо многочисленных тяжелых повинностей они должны были платить султану только денежную подать раз в два года “посредством присылаемых депутатов”. Господарям разрешалось иметь при Порте своих поверенных в делах, которые защищали бы в Стамбуле интересы княжеств. Важное значение имел пункт статьи, по которому российские представители в Турции “могли говорить в пользу сих двух княжеств”³³.

Таким образом, Кючук-Кайнарджийский договор не только предусматривал ряд условий, улучшавших экономическое и политическое положение Молдавии и Валахии в системе Османской империи, но и предоставлял России право им покровительствовать, выступать в защиту их привилегий, провозглашенных договором, оказывать давление на Порту, делать представления в пользу жителей княжеств.

На основе этого права российская дипломатия добилась издания султаном 15 декабря 1774 г. отдельных для Молдавии и Валахии хатти-

шерифов (указов), вносивших изменения в положение княжеств соответственно условиям Кючук-Кайнарджийского мира. Ограничивался размер дани Порте; население освобождалось от обязательных поставок в Стамбул овец, хлеба и другого продовольствия, запрещалось практиковавшееся ранее произвольное занижение закупочных цен на поставляемую сельскохозяйственную продукцию. Возвращались земли, входившие в состав турецких райя. Османским феодалам и купцам запрещалось селиться на территории княжеств и чинить насилия местным жителям. Султан брал на себя обязательство не смещать господарей, исключение составляли случаи, когда они совершат явное преступление против Порты. Господарям разрешалось иметь своих поверенных в Стамбуле³⁴.

Общие формулировки статей хаттишерифов и статьи 16 Кючук-Кайнарджийского договора о покровительстве России Молдавии и Валахии предоставляли российской дипломатии возможность толковать и использовать их содержание для предъявления требований Порте в случае нарушения зафиксированных в них привилегий княжеств и их статуса. Ограничение возможности беспрепятственного ограбления Молдавии и Валахии, обретение ими частичной политической автономии создавало предпосылки для их прогрессивного развития.

- 1 Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 г. СПб., 1866. Т. 1. С. 144, 152.
- 2 Котенко И.А. Из истории освободительного движения в Молдавии в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Учен. зап. Тираспольск. пед. ин-та. 1957. Вып. 3. С. 25–28.
- 3 Vianu S. Din lupta poporului român pentru scutirea jugului otoman și cucerirea independenței // Studii. Revistă de istorie. 1953. N 2. P. 66–68.
- 4 Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883. Прил. 32. С. 11.
- 5 Genealogia Cantacuzinilor de banul Mihai Cantacuzino / Publ. de N. Lorga. Buc., 1902. P. 428–438.
- 6 П.А. Румянцев: Документы. М., 1953. Т. II. С. 148.
- 7 Там же. С. 174–175.
- 8 Боев Р. Военно-политическое сотрудничество между балканскими народами и Россией в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 // Etudes balkaniques. 1975. № 2. С. 120–121; Котенко И.А. Указ. соч. С. 33.
- 9 Genealogia Cantacuzinilor. P. 169–171.
- 10 Vianu S. Op. cit. P. 72.
- 11 Genealogia Cantacuzinilor. P. 445–447.
- 12 Vianu S. Op. cit. P. 73.
- 13 Genealogia Cantacuzinilor. P. 171–176.
- 14 П.А. Румянцев: Документы. Т. II. С. 189–191.
- 15 Vianu S. Op. cit. P. 75.
- 16 П.А. Румянцев: Документы. Т. II. С. 315, 332, 359.
- 17 Там же. С. 157.
- 18 Там же. С. 162–163.
- 19 Bezviconi G. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse. Buc., 1962. P. 152, 153.
- 20 Mircea M. Lupta țăranilor împotriva exploatării în timpul războaielor ruso-turce din a doua jumătate sec. XVIII-lea // Studii și referate privind istoria României. I. Buc., 1954. P. 931; Дми-

триев П. Г. Из истории крестьянского движения Молдавии во второй половине XVIII – начале XIX в. // Изв. Молдавск. ф-ла АН СССР. 1959. № 2. С. 50–77.

- ²¹ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1: Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). С. 47.
- ²² АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 2. 1769. Д. 2. Л. 3–6; опубли.: Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии: Документы и материалы. М., 1996. С. 60–65.
- ²³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 2. 1770. Д. 1. Л. 34–35 об.; Л. 32–33 об.
- ²⁴ Там же. Л. 2–3; опубли.: Бессарабия... С. 65.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Молдавией и Валахией. Оп. 2. 1770. Д. 1. Л. 2–13; 1769 г. Д. 4. Л. 1–2.
- ²⁶ Архив Государственного совета. Т. 1. С. 50.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. 1771. Д. 100. Л. 3–4 об., 7–8 об.; опубли.: Бессарабия... С. 67–70.
- ²⁸ Архив Государственного совета. Т. 1. С. 115.
- ²⁹ Русский архив. М., 1880. Кн. 3. С. 240.
- ³⁰ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. 1772. Д. 1671. Л. 20.
- ³¹ Там же. Д. 1680. Л. 9, 9 об., 53–54; Д. 1681. Л. 13–14 об.
- ³² Там же. 1774. Д. 103. Л. 1–4 об.
- ³³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XIX. С. 962–963; см. также: Бессарабия... С. 74–75.
- ³⁴ Тексты хаттишерифов см.: Чтения Общества истории и древностей российских. М., 1886. Кн. 1, отд. II. С. 51–56.

ЮГОСЛАВЯНСКИЕ НАРОДЫ

Слухи и вести о начавшейся русско-турецкой войне распространялись по разным землям среди югославян прежде всего православные монахи, свободно передвигавшиеся для сбора “милостыни” в пределах “своих” государств, и, как правило, хорошо информированные торговцы. Война была встречена сербами с волнением, пробудив у них надежды на освобождение от турецкой власти.

Захария Орфелин в предисловии к труду “Житие и славные дела... Петра Великого” под влиянием побед российского оружия на суше и на море охарактеризовал действия России как “предприятие”, “которое ныне всю вселенную в несказанном удивлении, а Малую Азию и всю Турецкую империю в крайнем трепете и ужасе содержит”. Далее он писал, что “все единоверные хотя в неволе не явно, однакож в тайне, а паче сердечныя свои молитвы к богу о успехе оружия благочестиваго государства над злочестивыми и человекопоклонниками, ради освобождения своего и своего утесненного благочестия непрестанно возсылают”¹. Кроме того, Орфелин отметил масштабность успешной политики Екатерины II на Балканах и широкий резонанс, этой политикой вызванный.

В российской армии сражались полки, состоявшие из сербов и черногорцев. Они участвовали в битвах за Хотин, Каменец-Подольский, Фокшаны, Браилов (Брэила), в широкомасштабной кампании в Валахии и во взятии Бухареста.

Особенно отличились сербские воинские формирования, которыми командовал генерал-майор И.М. Подгоричани (Подгоричанин). Черногорец по происхождению, он поступил на российскую военную службу в 1759 г. в чине полковника. В ходе Семилетней войны Подгоричани проявил себя при взятии Берлина. В 1766 г. он был произведен в генерал-майоры и пожалован земельными владениями. Через два года за участие в войне с конфедератами Подгоричани получил польский орден Св. Станислава. В 1769 г. он был признан в графском достоинстве. Екатерина II неоднократно отмечала в письмах к разным лицам его доблесть. В частности, она писала А.Г. Орлову: “Что же касается до его усердия и храбрости, также и искусства в военном деле, о том все не сомневаются”².

В бою при Фокшанах (4(15) января 1770 г.) гусарские полки Подгоричани – Ахтырский, Сербский и Харьковский – разбили 10-тысячный турецкий отряд. Его части блестяще проявили себя в сражениях у Рябой Могилы (17(28) июня 1770 г.), на реке Ларге (7(18) июля), на реке Кагуле (21 июля (1 августа)), где потерпела поражение 150-тысячная армия турок³. За мужество, проявленное Подгоричани на Кагуле, Екатерина II выразила ему в рескрипте “удовольствие свое и признательность”⁴. Полки генерал-майора участвовали также в осаде и штурме Браилова. В 1770 г. Подгоричани вышел в отставку в чине генерал-поручика⁵.

Ахтырским полком в кампании 1770 г. командовал полковник С.С. Пишчевич. Граничарский офицер, он, преодолев большие трудности, переехал из Австрийской монархии в Россию в 1754 г. С.С. Пишчевич неоднократно выполнял секретные поручения российских властей, в частности по организации переселения южных славян в Россию, участвовал в польской кампании. В ходе русско-турецкой войны полковник-серб неоднократно был отмечен командованием⁶. В дальнейшем Пишчевич получил чин генерал-майора. Он оставил воспоминания, занявшие достойное место в истории сербской литературы XVIII в.

Ряд югославян за мужество и отвагу удостоились представления к наградам и производства в чины, в их числе полковник Н.И. Чорба, премьер-майоры Г. Подгоричани, П. Вуич, П. Вукоти, секунд-майоры М. Губер, М. Чалинович, поручик М. Чернич и др.⁷

Югославяне, вынужденные в силу сложившихся обстоятельств покинуть родительский край и нашедшие в России вторую родину, сражались против поработителей своего народа под российским флагом.

Как уже отмечалось, Екатерина II издала 29 января (9 февраля) 1769 г. грамоту греческому и славянским народам Балкан, в которой призывала их сбросить турецкое иго, защитить святую веру и восстановить былую “вольность” вооруженным путем при поддержке России. Императрица торжественно объявила “верными и неложными друзьями” России “все те народы, кои в настоящей войне составят ради собственной своей пользы, вольности и благополучия общее с нами дело”. Она обещала защищать их интересы при заключении мира с Турцией⁸.

В ходе войны командующий Первой армией П.А. Румянцев и адмирал Г.А. Спиридов обращались к сербским князям и к христианским народам Балкан в целом с призывами вступать добровольцами в российскую армию и подниматься на борьбу против турок, “чтоб возстановить в прежнее достоинство свое отечество”⁹.

Балканский план Екатерины II возник не случайно. Она опиралась на общность интересов России и подвластных Порте христианских народов Балкан в ослаблении Турции. С началом русско-турецкой войны на имя Екатерины II и российских официальных лиц поступали предложения об освобождении христиан в ходе войны, как дельные, так и авантюрные. Генерал-майор князь Ю.В. Долгоруков (Долгорукий), сподвижник в те годы А.Г. Орлова, в мемуарах отмечал, что граф, находившийся в начале войны в Италии, “разговаривая с славянами, венецианскими подданными и нашими единоверцами, уверился, что они недовольны своим правлением; также их соседи черногорцы, турецкие подданные, и все греки в Архипелаге преданы двору российскому. Посему граф Орлов писал ко двору, дабы на сии народы и обстоятельства делать свое внимание, и он представляет свои услуги, если прислан будет флот и войско...”¹⁰. Информация подобного рода создавала у Екатерины II и ее окружения впечатление готовности югославян и греков к борьбе за освобождение от власти Турции вместе с Россией.

Петербургское правительство располагало сведениями общего характера о психологической обстановке в балканском регионе, заслуживающими внимания предложениями. Однако ему не хватало конкретных знаний о положении дел на местах, данных о населении и даже карт, что сказалось на развитии событий.

Одной из важных задач прибывшей в Средиземное море эскадры Г.А. Спиридова была поддержка вооруженного выступления славян и греков. А.Г. Орлов сообщал Екатерине II, что предполагается выступить одновременно в трех местах – Майне, Акарнании и Черногории. Орлов располагал сведениями, что число повстанцев составляло соответственно 25 000, 20 000 и 150 000 человек¹¹. Екатерина II торопила Спиридова.

Первоначально российское правительство отводило Черногории основную роль в борьбе балканских народов против Порты. Но отношения с ней осложнились самозванством Степана Малого. В преддверии войны Екатерина II специальным манифестом объявила его “обманщиком”. Но теперь, учитывая большое влияние Степана Малого на черногорцев, в Петербурге решили его “употребить” при условии отказа от императорского достоинства.

Уже в декабре 1768 г., тотчас после объявления Портой войны России, в Черногорию были направлены эмиссары: черногорцы Е. Белич, поступивший на российскую службу в чине поручика, и гусарский полковник Я. Ездимирович¹². Оба оказались неподготовленными для столь сложной миссии. Императрица расценила их отправку как “неосторожный поступок”.

В начале 1769 г. И.М. Подгоричани представил двору проект (с картой) вовлечения Черногории в военные действия. При этом он

выразил готовность туда отправиться¹³. Екатерина II с вниманием отнеслась к его плану.

Летом 1769 г. Черногорию посетил высокопоставленный представитель России Ю.В. Долгоруков. По просьбе А.Г. Орлова, занимавшегося по поручению Екатерины II балканскими делами, он приехал сначала в Италию под видом российского купца с группой переодетых офицеров. Орлов и Долгоруков встретились в Пизе и стали дожидаться эскадры Г.А. Спиридова. Но, поскольку прибытие флота задерживалось, граф направил Долгорукова морем в Черногорию в сопровождении офицеров и отряда из 26 славян-добровольцев, пообещав прибыть к нему на помощь с эскадрой. С огромным трудом экспедиция Долгорукова добралась до цели, привезя с собой “деньги, медали, порох, свинец и прочее”. По прибытии в Цетине князь собрал черногорцев и пригласил их к присяге Екатерине II¹⁴.

Узнав о появлении в Цетине российской миссии, сюда вернулся Степан Малый, скрывавшийся в течение девяти месяцев в горах от турок. При виде его черногорцы пришли в волнение. Но Долгоруков перехватил инициативу и вынудил Степана Малого публично признаться в том, что он не являлся Петром III. В мемуарах Долгорукова этот эпизод описан следующим образом: “Тут с превеликою робостью, даже что мы его водой отпаивали”, признался в самозванстве¹⁵. Черногорцы, подверженные быстрой смене настроения, пришли в неистовство от признания Степана Малого. Долгорукову ничего не оставалось, как арестовать черногорского правителя, чтобы спасти его от разгневанной толпы и изолировать на случай непредвиденной ситуации. Впрочем, этот арест был формальным: Степана Малого поместили в келью, находившуюся по соседству с кельей Долгорукова.

Князь доставил в Черногорию грамоту Екатерины II, деньги, военное снаряжение. В течение лета он тщетно дождался прибытия российской эскадры. Остаться далее в Черногории было опасно. Венецианские и турецкие власти принимали меры для расправы с Долгоруковым и его спутниками. Приближалась зима, неизменно влекущая полную изоляцию Черногории. В этой ситуации Долгоруков решил ее покинуть. Накануне тайного отъезда он вручил Степану Малому патент о присвоении ему чина российского офицера и уполномочил его управлять Черногорией. Всю ночь Долгоруков с отрядом пробирался по горам к морю. Их вел Степан Малый. На ветхом суденышке российская миссия вернулась в Италию¹⁶. “Впрочем, что можно было, то моя экспедиция произвела, – вспоминал Долгоруков, – паши окрестностей Черной горы в армию не пошли, даже и босняки отговаривались, что неприятель при их границах”¹⁷. Хотя эта миссия не принесла ожидаемых результатов, Екатерина II высоко оценила деятельность Долгорукова в Черногории, наградив его орденом Св. Анны.

В 1770 г. П.А. Румянцев на основе мандата императрицы, выданного бывшему сподвижнику Степана Малого черногорскому архимандриту Григорию Дрекаловичу, направил его на Балканы¹⁸. Здесь действовали и другие российские эмиссары, на них возлагалась пропагандистская и организационная работа на местах. Они были призваны озна-

комить население с грамотой Екатерины II, привлечь добровольцев в российскую армию, поднять народ на вооруженную борьбу с турками.

Отклик сербского народа на русско-турецкую войну был неодинаковым в разных землях. В Белградском пашалыке еще в преддверии войны было неспокойно. С началом военных действий турки, не без оснований опасаясь волнений христиан, приняли меры для разоружения населения, которое сопровождалось насилиями и грабежами. Передвижения турецких войск приносили сербам неисчислимые бедствия. Сербские крестьяне, монахи, священники искали прибежища на австрийской стороне¹⁹.

В январе 1770 г. старорашкский кнез А. Рашкович и боснийский кнез И. Хаджилазаревич, узнав о намерении Екатерины II освободить христианские народы от “тиранства поганскаго”, обратились от имени сербского народа к ней с просьбой ввести российские войска на территорию проживания сербов. Они выражали готовность не только обеспечить армию провиантом, но и пролить “последнюю каплю крови” за церковь, православную веру и императрицу²⁰.

Известия о победах русского оружия радовали сербов и укрепляли веру в Россию. Однако присутствие повсюду турецких войск, проведенное властями разоружение райи, отдаленность театра военных действий от районов проживания сербов – все эти факторы мешали им включиться в борьбу против Турции. К тому же Сербию в 1772 г. поразила эпидемия чумы.

Прорусские настроения проявляли православные монахи, священники, даже граничары в пограничных с Турцией районах Австрийской монархии, в частности в далекой от театра военных действий Лике в хорватской части Военной Границы. Связи с русскими православные монахи поддерживали через Триест и Котор. Австрийские власти, опасаясь усиления влияния России на своих подданных и их политической активизации, сурово карали за “бунгарские речи”. В Среме, расположенном в соседстве с Белградом, сербы с воодушевлением встречали вести о победах русского оружия. Имели место случаи бегства граничар из Срема и Баната, а также жителей Земуна в Сербию и далее в российскую армию в Валахии. В целях предотвращения дезертирства из граничарских частей австрийские власти ужесточили контроль на границе с Турцией и Валахией, расквартировали в Банате регулярные немецкие и венгерские части и приняли меры по усилению надзора за православным населением на Военной Границе. Пойманных перебежчиков сурово наказывали²¹.

Сербы, проживавшие на северо-восточном побережье Адриатики, особенно в Боке Которской, несмотря на противодействие венецианских властей, пришли в движение после прибытия в феврале 1770 г. к греческим берегам российского флота. Участие славян-добровольцев в десантных операциях и морских сражениях российского флота стало массовым. Некоторые из них поступили на русскую службу.

Прибывшую в порт Витуло на Майне эскадру Г.А. Спиридова ожидал стоявший на якоре купеческий корабль, его капитан славянин Палекутий (Паликути) по приглашению А.Г. Орлова перешел на россий-

скую службу. Корабль с 20 орудиями на борту получил название “Св. Николай”²².

Командирами в морских сражениях нередко были перешедшие на русскую службу славяне. В 1770 г. аттестаты российских офицеров получили Иван Войнович, капитан фрегата “Победа”, Марко Войнович, Иван Чувлич на фрегате “Слава”, Николай Кужавац на судне “Михаил Архангел”²³. Славяне встречались среди командиров галер.

Блестяще проявили себя в морских операциях черногорцы Иван и Марко Войновичи, выходяцы из Боки Которской. Майор И. Войнович во время кампании 1771 г., будучи капитаном фрегата “Св. Николай”, участвовал в сражениях в Эгейском и Средиземном морях и был награжден орденом Св. Георгия IV степени. В 1772–1774 гг. он командовал небольшой эскадрой. Лейтенант М.И. Войнович отличился в сражениях 1771 г. на своем фрегате “Слава”. В следующем году он также был отмечен орденом Св. Георгия IV степени²⁴. В дальнейшем М.И. Войнович стал адмиралом русского флота.

Рядом с регулярными российскими частями сражались отряды славянских добровольцев. В 1770 г. капитаны И. Войнович (Кнежевич) и И. Белич проявили готовность привезти на двух кораблях из Боки Которской волонтеров, пожелавших сражаться против турок. В 1769 г. на русскую службу поступил Марко Ивелич, собрав 900 добровольцев в городе Рисане в Боке Которской. Однако венецианцы рассеяли этот отряд и разорили дома его участников. В 1773 г. неутомимый Ивелич вновь набрал 100 человек. На этот раз купленное им судно венецианцы отобрали. Тогда Ивелич нанял венецианское судно и тайно прибыл с волонтерами в эскадру Г.А. Спиридова. Добровольцы под командованием Ивелича участвовали в высадке десантов и в тяжелейших сражениях с турками, в том числе при Станчио и Будруме²⁵.

Черногория на рубеже 60–70-х годов оказалась в сложной ситуации. Еще в сентябре 1768 г., накануне русско-турецкой войны, она подверглась нападению 60-тысячной армии турок под командованием румелийского бейлербегея. Поход не принес османам желаемого результата – Цетине им взять не удалось. Но Черногория пережила жесточайшее опустошение. К тому же венецианцы заняли ряд мест на юге страны. Тем не менее во время русско-турецкой войны черногорцы провели экспедицию в Герцеговину и Северную Албанию, заняв Подгорицу, две крепости и несколько населенных пунктов в Албании²⁶. Они сковали османские силы на своих границах, но полностью возлагавшихся на них Петербургом надежд не оправдали.

В 1773 г. Степан Малый, к тому времени ослепший в результате несчастного случая, был убит греком-слугой, подкупленным турками. В Черногории развернулась борьба группировок за власть.

Русско-турецкая война всколыхнула сербский народ на всей территории его проживания. Наибольшую активность проявили жители Северо-Восточной Адриатики. Их участие в русско-турецкой войне выразилось как в поступлении на российскую военную службу, так и в развертывании добровольческого движения. Сербь внесли посильный вклад в сокрушение военной силы Турции на суше и на море. В совме-

стных действиях российских регулярных частей и сербских добровольцев крепло понимание сербами важности союза с Россией для их освобождения от власти Турции.

Немаловажное значение имела моральная поддержка сербским народом России. Екатерина II в обосновании своей балканской политики уделяла серьезное внимание тому, как выглядела Россия в глазах Европы. Императрица использовала почерпнутый из арсенала Просвещения принцип справедливости для утверждения геополитических интересов Российского государства.

¹ Житие и славныя дела... Петра Великаго. Венеция, 1772. Т. I. Предис., б/с.; Т. II. С. 22.

² Сб. РИО. СПб., 1867. Т. 1. С. 18–19.

³ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 293 и сл.

⁴ Русский биографический словарь СПб., 1905. Т. XIV. С. 188.

⁵ Об И.М. Подгоричани см.: *Петров А.* Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. СПб., 1866. Т. 2. С. 41, 103, 118, 127, 175, 178; *Соловьев С.М.* Соч. М., 1994. Кн. 14. С. 222–223, 225.

⁶ Политические и культурные отношения... С. 320–322.

⁷ Там же. С. 298, 302–303.

⁸ Там же. С. 292.

⁹ Там же. С. 296–297, 300–301.

¹⁰ Отрывки из записок князя Юрия Владимировича Долгорукова // Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1840. С. 301.

¹¹ *Соколов Ал.* Архипелагские кампании 1769–74 года // Зап. Гидрограф. деп. Морского мин-ва. СПб., 1849. С. 240; Собственноручный журнал капитан-командора (впоследствии адмирала) С.К. Грейга: В Чесменский поход // Морской сборник. СПб., 1849. Т. II, № 10. С. 653.

¹² Сб. РИО. Т. 1. С. 5, 16.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Сказания... С. 302–304.

¹⁵ Там же. С. 307.

¹⁶ Там же. С. 310.

¹⁷ Там же. С. 309.

¹⁸ Политические и культурные отношения... С. 295, 299.

¹⁹ *Гаврилович С.* Вести о руско-турском рату 1768–1774. и његови одједи међу православнима на Балкану и у Хабсбуршкој монархији // Југословенске земље и Русија у XVIII веку. Београд, 1986. С. 144–147, 159.

²⁰ Политические и культурные отношения... С. 295–296.

²¹ *Гаврилович С.* Указ. соч. С. 151 и сл.

²² Собственноручный журнал... С.К. Грейга. С. 655.

²³ Морской сборник. СПб., 1853. Т. IX, № 3. С. 286–287.

²⁴ *Соколов Ал.* Указ. соч. С. 343, 356, 397–398.

²⁵ *Хитрова Н.И.* Черногорцы в России во второй половине XVIII в. // Југословенске земље... С. 70; Политические и культурные отношения... С. 305, 318.

²⁶ *Петровић Р.* Односи између Русије и Црне Горе у доба владике Василија Петровића и Шћепана Малог (1750–1773) // Југословенске земље... С. 102–103.

БОЛГАРЫ

Продвижение русских войск к черноморским берегам и Крыму вновь разбудило надежды балканских народов на избавление от османского ига. Со своей стороны правительство России искало пути политической активизации христианских подданных Османской империи. Еще в преддверии войны по приказу Екатерины II в Валахию, Молдавию и земли к югу от Дуная были отправлены русские эмиссары, которые распространяли среди местного населения воззвания, призывавшие к вооруженному выступлению против турок.

В два дунайских княжества и болгарские земли был направлен подполковник русской армии, болгарин по происхождению Назар Каразин. Его дядя, софийский епископ, еще в начале XVIII в. переселился в Россию вместе с семьей. Н. Каразин долго служил в армии, отличился как командир военно-инженерной части во время Семилетней войны (1756–1763)¹. В 1764 г. он вышел в отставку в чине секунд-майора и поселился с семьей в своем имении в Киевской губернии.

Ухудшение отношений с Турцией и приближающаяся война заставили офицеров русского Генерального штаба вспомнить о Н. Каразине. Знание славянских и греческого языков, репутация отличного специалиста в области фортификационного искусства предопределили выбор его кандидатуры для той миссии, которую решил поручить Каразину граф Г. Орлов. Н. Каразин был возвращен в армию уже в чине подполковника и охотно согласился “путешествовать до своего отечества Болгарии”. Основная цель его миссии – подготовка восстания в тылу турецкой армии, изготовление чертежей и зарисовок наиболее важных турецких укреплений в Подунавье и зондаж относительно возможности привлечения болгарских добровольцев в русскую армию². Кроме того, Н. Каразин должен был распространить среди населения воззвание Екатерины II. Впервые со времен меморандума Петра I к болгарам адресовались отдельно от других поработанных балканских народов.

Летом 1768 г. Каразин направился через Молдавию в болгарские земли под предлогом поездки в Софию, где якобы намеревался распорядиться наследством. Однако подозрительный князь Гика его задержал и несколько недель продержал “под наблюдением” в монастыре Куртя де Арджеш. Но вопреки строгому режиму и при помощи архимандрита Дамаскина Каразину удалось связаться с одним из руководителей боярской партии прорусской ориентации, П. Кантакузино, что ему предписывалось сделать еще в Петербурге. По возвращении Н. Каразин должен был доложить императрице о настроениях оппозиции и о размерах ожидаемой от нее вооруженной и экономической помощи. Каразин передал Кантакузино манифест Екатерины II к жителям Молдавского княжества и выработал план совместной борьбы с османскими угнетателями³.

После “освобождения из молдавского плена” Каразин отправился по первоначальному маршруту. Путь был полон опасностей, и ему с большим трудом удалось добраться до Журжево (Джурджу). При помо-

щи болгарских рыбаков он переправился на противоположный берег и несколько дней находился в Русе. Продолжить путь дальше не удалось. Лихорадочные приготовления турок к войне и банды разбойников на дорогах были серьезной тому помехой. Обратный путь Н. Каразин завершил в Куртя де Арджеш, а оттуда направился в Киев и затем в Петербург, где результаты его поездки получили одобрение и где ему поручили снова посетить болгарские земли.

Вторую миссию Н. Каразин осуществил уже в условиях начавшейся войны с Турцией. Вначале он отбыл в Киев со специальным рескриптом Екатерины II от 3(14) января 1769 г. и двумя ее личными письмами П.А. Румянцеву и начальнику его штаба генералу Боткову, в которых излагались возложенные на Каразина задачи⁴.

В Киево-Печерской лавре его снабдили документами на имя далматинского монаха Симеона Путника, а в штабе выдали сотни воззваний к балканским христианам. Эти воззвания были тщательно спрятаны в полости посоха, в обложках и корешках церковных книг. Чтобы избежать опасностей во время путешествия по долине Дуная, тайный посланник направился сначала в Польшу, а затем с помощью тамошних русских властей через Валахию попал в Калафат. Судя по многочисленным сведениям, можно с достаточным основанием предположить, что путь Каразина лежал через Видин–Варну–Софию–Ниш, затем эmissар неожиданно направился в Адрианополь. Но добраться до конечной точки намеченного маршрута – Константинополя ему не удалось. Рано утром, когда на окраине Адрианополя Каразин снимал план местности, он был схвачен турками и брошен в тюрьму. Ему грозила смертная казнь. Однако при помощи надежных людей Каразину удалось не только бежать, но и захватить сделанные им ранее и спрятанные планы и схемы турецких укреплений. С несколькими болгарами он переправился на левый берег Дуная. Вскоре в штаб русских войск в Валахии прибыло около 3000 болгар-добровольцев⁵.

В Валахии Н. Каразин в качестве русского эmissара вновь встретился с представителями местного боярства и высшего духовенства, которые заявили ему о готовности к более тесному военному сотрудничеству с Россией. Кроме того, они не упустили случая повторить свою прежнюю просьбу относительно присоединения княжества к “владениям благочестивейшей и боговенчанной государыни”⁶.

Позднее Каразин был назначен командиром одного из добровольческих отрядов, в котором насчитывалось 1000 человек, в том числе 200–300 болгар⁷. Военная карьера подполковника русской армии окончилась весьма неожиданно во время осады Журжево в декабре 1769 г. По неизвестным причинам (одни современники называют болезнь, другие – результаты затеянных против него интриг) он был отправлен в отставку и уехал в подаренное ему Екатериной II имение с 500 “душами” крепостных в Харьковской губернии. Род Каразиных вошел в историю России еще и тем, что сын Н. Каразина стал основателем Харьковского университета⁸.

Организовать “общее восстание христианского народа” против турок, к которому призывала русская императрица, не удалось. В самой

Болгарии этот призыв не нашел отклика среди основной массы населения. Болгары участвовали в войне по преимуществу стихийно и спонтанно. Их национальное и политическое сознание не было еще достаточно зрелым, борьба в этот период велась под лозунгом “Крест против полумесяца”, который для южных славян имел сугубо национальное значение.

Наиболее активно болгары воевали в тех краях, которые превратились в театр военных действий. Многие из них участвовали в добровольческих отрядах на стороне русской армии в ее составе, а также оказывали существенную помощь в качестве разведчиков или поставщиков провианта. В образованном в 1769 г. Молдавском гусарском полку служили болгары Яков Тодоров, Юрко Стефанов, Андрей Танасиев и многие другие. Они участвовали во взятии Бендер в сентябре 1770 г. Черносербский гусарский полк, более половины которого составляли болгары, в январе того же года сражался при Фокшанах. Сотни болгар участвовали в битвах при Кагуле, Журжево⁹.

Когда в результате военных действий весной–летом 1770 г. Первая русская армия под командованием П.А. Румянцева заняла позиции на левом берегу Дуная, в Измаиле, жители Несебра установили связи с русскими. Кораблевладелец Константин Желев и сын местного коджабашия (сельского старосты) Янаки организовали сбор продовольствия для нужд русской армии и привлекли к участию в нем многих несебровцев, даже местного владыку Макария. Их деятельность достигла такого размаха, что османские власти издали специальный фирман, предусматривавший тюремное наказание для каждого христианина, уличенного в сборе и хранении продуктов для русской армии¹⁰.

Успешные действия русской армии на левом берегу Дуная, порожденная ими надежда на скорое освобождение от османского ига вызвали попытку восстания во Враце в 1769 г. Его руководители – Хаджи Никола, золотых дел мастер Цветко, его сын Николай и иеромонах Рильского монастыря Нифон были “в назидание другим” зверски убиты¹¹.

В Видине и Видинской области в феврале–марте 1773 г. тоже готовилось вооруженное восстание. Но заговор был раскрыт, и 26 марта у стен Видинской крепости были казнены 34 человека, являвшиеся, по видимому, его вдохновителями. Какие цели преследовали восставшие, каковы были их планы, неизвестно. Болгарский ученый Хр. Гандев связывает восстание с готовившейся переправкой русских войск через Дунай, с планом русского командования начать “обеспокоительные действия” в тылу турок, чтобы отвлечь их внимание от Дуная. Эти акции начались ранней весной 1773 г. Местные болгары вошли в контакт с русскими отрядами, действовавшими на линии Крайова–Калафат–Оршова, и получили одобрение своему плану восстания. По видимому, они надеялись поднять восстание в подходящий для них момент – во время форсирования русскими войсками Дуная, когда турецкий гарнизон Видина должен был покинуть крепость и отправиться либо в направлении к Дунаю, либо в направлении к Шумену. Действительно, гарнизон Видина уже получил к этому моменту приказ пересечь Дунай

при Калафате. Поэтому план имел шансы на успех. Однако, по-видимому, до турецких властей дошли слухи о готовившемся восстании, начались неожиданные для заговорщиков расправы сначала в округе, а затем и в самом городе¹².

В 1774 г. значительные силы русской армии появились на болгарских землях. Многие болгары из Подунавья записались в добровольческие отряды, а жители Силистры, Тутракана, Хырсово, Русе и других городов воевали в рядах русской армии. Около 800 болгар-добровольцев участвовали под командованием А.В. Суворова в крупном сражении при селе Козлуджа. За проявленный в борьбе против общего врага героизм многие из них были награждены. Командирами добровольческих отрядов наряду с Н. Каразиным были капитан Манолаки, майор Вунч, Ив. Страцимирович и др.¹³

Болгары-добровольцы воевали не только на Дунайском фронте, но и в составе добровольческих батальонов российского флота¹⁴.

Активизировали свои действия и многие гайдуцкие четы из Подунавья. У Никополя, Свиштова, Видина болгарам было роздано русское и трофейное оружие, которое они использовали против нерегулярных частей противника, турецких караванов с продовольствием и оружием. Наиболее активно гайдуки действовали в Видинском крае и в соседних казах и нахиях. Они оккупировали Драгоманский проход и окрестности Вакарела, совершали набеги на окрестности Софии. Их акции вынудили османские власти выделить регулярные части "для охраны румелийских проходов". Успешными операциями прославились четы Видула в Карловской области, Ненчо – в Габровской и Тырновской, Златю Кокрчооглу – в Сливенской; в Силистрийской казе – поп Марин, Вичо, Недялко, во Врачанской и Видинской действовали четы Иванчо, Флоро, Ивана и Добрича. Кроме того, известно о множестве дерзких нападений на вспомогательные и регулярные османские части к югу от Балкан – в Карловской, Калоферской, Панагюрской и Клисурской округах¹⁵.

Надежда на то, что великая славянская держава избавит их от векового угнетения, прочно утвердилась в сознании болгар. Война стала настоящей боевой школой для многих болгарских патриотов, которые продолжили борьбу в ходе последующих русско-турецких войн. В народе их с уважением называли "капитанами". Этот термин, заимствованный из лексикона греческого национально-освободительного движения, утвердился после побед русского оружия над османами и означал известный прогресс в болгарской политической мысли. В отличие от старых гайдуцких "воевод" "капитанами" называли тех, кто участвовал в русско-турецких войнах и перенял лучшие русские боевые традиции.

Многие из пунктов Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. напрямую затрагивали интересы христианских народов Балкан, в том числе болгар. Россия завоевала право покровительствовать православной церкви, ее служителям и прихожанам в пределах Османской империи, а кроме того, право христиан переселяться в другие страны. Договор предусматривал амнистию для тех христиан, которые так или

иначе участвовали в войне на стороне России. Особое значение акт имел для развития русско-болгарской торговли и хозяйственных связей. Договор разрешал русским торговым кораблям свободно плавать по турецким морям, а русские подданные получали право свободно торговать в землях, подвластных Османской империи. Благодаря этому договору болгары также могли спокойно торговать за границей, в том числе в России.

- ¹ Дружинина Е.И. 200-летие Кючук-Кайнарджийского мира // *Etudes balkaniques*, 1975. 2. Р. 85; Семенова И.В. Участие болгар в русско-турецких войнах XVIII в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1974. Т. 2. С. 347.
- ² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Т. 27/28. С. 282; Дойнов Ст. Българите и руско-турските войни 1774–1856. С., 1987. С. 14.
- ³ Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII в. М., 1883. Прил. 32. С. 11.
- ⁴ Дойнов Ст. Указ. соч. С. 15–16.
- ⁵ Там же; Снегаров И. Культурни и политически връзки между България и Русия през XV–XVIII в. С., 1953. С. 94–95. Болгарский ученый Ц. Генов называет другую цифру – 2000 человек (см.: Генов Ц. Българите и руско-турските войни XVIII–XIX век. С., 1987. С. 39).
- ⁶ См. разделы книги о Дунайских княжествах.
- ⁷ Грозданова Е. Българите в руско-турските войни от втората половина на XVIII в. // България в света от древността до наши дни. С., 1979. Т. 1. С. 361; Дойнов Ст. Указ. соч. С. 28.
- ⁸ Дойнов Ст. Указ. соч. С. 29; Сохань П.С. Очерки истории украинско-болгарских связей. Киев, 1976. С. 50.
- ⁹ Семенова И.В. Указ. соч. С. 343.
- ¹⁰ Грозданова Е. Указ. соч. С. 360, 363.
- ¹¹ Там же. С. 361.
- ¹² Гандев Хр. Един опит за въстание във Видин // Проблеми на българското Възраждане. С., 1976. С. 39–52.
- ¹³ Дойнов Ст. Указ. соч. С. 349; Семенова И.В. Указ. соч. С. 349.
- ¹⁴ Боев Р. Военно-политическое сотрудничество между балканскими народами и Россией в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 годов // *Etudes balkaniques*. 1975. 2. Р. 118–127.
- ¹⁵ Цветкова Б. Хайдутството в българските земи през 15–18 век. С., 1975. С. 63; Дойнов Ст. Указ. соч. С. 36.

ГРЕКИ И АЛБАНЦЫ

С восшествием на престол Екатерины II контакты России с балканскими народами значительно активизировались. Много внимания в политических замыслах императрицы уделялось грекам. В 1763 г., когда русско-турецкие отношения обострились, могущественный фаворит царицы генерал-фельдцейхмейстер (командующий артиллерией) Г.Г. Орлов отправил в Грецию двух эмиссаров – М. Саро и артиллерийского поручика Папазоли. Объехав Пелопоннес, Акарнанию, Эпир,

Саро в мае 1765 г. вернулся в Петербург. Беседы с греческими капитанами и другими видными лицами создали у него впечатление, что в случае русско-турецкой войны греки единодушно поднимутся на восстание. “По моему усердию, – писал Саро в донесении, – смею представить о том, чтоб отправить в Средиземное море против турок 10 российских военных кораблей и на них нагрузить пушек довольно число: завидевши их, греки бросились бы на соединение с русскими; у греков есть свои немалые суда, но их надобно снабдить пушками; сами же греки – народ смелый и храбрый”¹. Миссия Папазоли, побывавшего в Греции в 1766 г., также была успешной.

В Каламе Папазоли встретился с П. Бенакисом и другими крупнейшими коджабаши Мореи и сообщил им о скором прибытии к берегам Греции русских кораблей с тысячами солдат. Он обещал, что царица сделает Бенакиса правителем Мореи и даст различные чины и другим коджабаши. В свою очередь, коджабаши обещали, что при появлении русского флота поднимут греков на восстание, если им будет предоставлено военное снаряжение². Таким образом, еще до начала войны 1768–1774 гг. российское правительство знало о готовности греков (при условии внешней поддержки) поднять восстание против турецкого господства.

В ноябре русско-турецкая война началась. Тогда же Екатерина II решила отправить в Средиземное море экспедицию под руководством А.Г. Орлова. Ее военная цель состояла, по выражению царицы, в “учинении неприятелю чувствительной диверсии со стороны Греции”³.

У Екатерины II в те годы еще не было каких-либо планов политического переустройства Балкан после их освобождения от османского ига⁴. Сама же идея “освобождения” присутствовала в обращениях и манифестах царицы к грекам и другим балканским народам уже с первых лет ее правления. Естественно, что в период русско-турецкой войны освободительным устремлениям Екатерины II придавалась значительная определенность. Так, в манифесте от 19(30) января 1769 г. говорилось: “Наше удовольствие будет величайшее видеть христианские области из поносного порабощения избавляемые и народы, руководством нашим вступающие в следы своих предков, к чему мы и впредь все средства подавать не отречемся, дозволяя им наше покровительство и милость, для сохранения всех тех выгодностей, которые они своим храбрым подвигом в сей нашей войне с вероломным неприятелем одержат”⁵.

В устной пропаганде эти обещания, как это обычно бывает, звучали еще определеннее, а посему способствовали созданию в Греции атмосферы революционного возбуждения.

В начале августа 1769 г. русская эскадра под командованием вице-адмирала Г.А. Спиридова вышла из Кронштадта. Обогнув Европу, она 18 февраля (1 марта) 1770 г. прибыла в порт Витула (южная оконечность Мореи). Эскадра состояла к этому времени из 6 кораблей, на которых находилось около 600 пехотинцев⁶. Несмотря на малочисленность русских сил, их появление в Мореи вызвало большой энтузиазм у местного населения. К базе русского флота стали стекаться добро-

вольцы. Из них были сформированы два легиона – западный и восточный. Западный легион, которым командовал майор князь Петр Долгорукий, состоял из 200 греков и 12 русских солдат, восточный под командованием капитана Баркова – из 1200 греков и 20 русских⁷. Западный легион овладел Каламе, Аркадией и очистил от турок всю Мессинию. 10(21) апреля 1770 г. объединенными силами западного легиона и морского отряда под командованием деда А.С. Пушкина бригадира И.А. Ганнибала был взят Наварин. Успешно действовал и восточный легион. 8(19) марта 1770 г. Баркову сдался Мистра (Лакония), гарнизон которой состоял из 2000 человек. После этой победы к Баркову присоединились многие предводители клефтов со своими отрядами⁸.

Первые успехи греко-русских отрядов имели большой резонанс в Морее и по всей Греции. В различных районах Морее началось восстание, которое возглавили коджабаши и епископы. На помощь мореотам прибыли отряды добровольцев с Ионических островов, осадившие Патры. Очаги восстания возникли и в других областях Греции. В руках повстанцев оказался портовый город западного побережья – Месолонги. Эхо восстания докатилось до Крита, где против турок выступили горцы Сфакьи⁹.

Но успехи эти оказались непрочными. Повстанцы, несмотря на их многочисленность, были плохо организованы и вооружены. Главкомандующий морскими и сухопутными силами на Средиземном море А.Г. Орлов, прибывший в Морее из Ливорно 14(25) апреля 1770 г., чтобы воодушевить греков, обратился к ним с воззванием, пообещав в награду “царство небесное”, если они будут сражаться “за свою веру, отечество и свободу”¹⁰. Но греки нуждались не в увещеваниях, а в оружии, боеприпасах, опытных инструкторах и контингентах регулярных русских войск. Почти ничего из этого они не получили. Немногочисленные десантные войска использовались неправильно. Им бы поддерживать действовавшие во внутренних районах Морее отряды греков, а они вместе с наиболее боеспособными из греков – маниятами безуспешно осаждали турецкие крепости на юге этой провинции¹¹.

Тем временем значительная турецкая группировка сосредоточивалась уже в центре полуострова. Ей в помощь Порты направила отряды албанских беев численностью в 15 тыс. Корпус Баркова, состоявший в основном из иррегулярных греческих отрядов, 29 марта (9 апреля) 1770 г. был разбит турками под Триполисом. 4(15) мая 2000 янычар атаковали отряд генерал-майора князя Ю. Долгорукого, осаждавший Модон¹². Лишившись в бою большей части солдат и всей артиллерии, Долгорукий с остатками своего отряда вернулся на кораблях в Наварин, последний опорный пункт в Морее, остававшийся в руках русских¹³. Но 27 мая (7 июня) 1770 г. эскадра Спиридова, к которой присоединилась прибывшая эскадра Эльфинстона, отплыла в Эгейское море, навстречу турецкому флоту.

Вину за провал операции в Морее А.Г. Орлов пытался взвалить на греков, обвинив их в “трусости” и “непостоянстве”¹⁴. Между тем есть все основания утверждать, что российское правительство, подвигнув мореотов на восстание, не имело достаточно сил и средств для оказа-

ния им эффективной поддержки¹⁵. Расплачиваться за эту авантюру пришлось жителям Морей. Эта богатая греческая провинция подверглась опустошению, многие ее обитатели пали жертвами насилий и террора. Были разрушены и разграблены многие города, сожжены тысячи оливковых и тутовых деревьев, остались необработанными поля. Спасая свою жизнь, тысячи мореотов укрылись в горах, бежали на острова и даже в Малую Азию. В целом, по подсчетам греческого исследователя М. Сакеллариоса, были убиты, проданы в рабство или покинули страну 40 тыс. человек, т.е. одна седьмая часть всего греческого населения Морей¹⁶.

Операции русских сил на море были успешнее. В результате победоносного Чесменского сражения (24–26 июня (5–7 июля) 1770 г.), в котором активно участвовали греки, русский флот добился господства в Восточном Средиземноморье. После этого более 20 островов Архипелага отложились от Порты и приняли подданство России¹⁷.

Базой русского флота, подкрепленного прибывшими из России еще тремя небольшими эскадрами, стал остров Парос. Более трех лет русские корабли осуществляли блокаду Дарданелл, вели успешные операции на побережье Малой Азии, Греции, Сирии и Ливана. Во всех сражениях русской эскадры активно участвовали многочисленные греки-добровольцы. Под русские знамена их влекло желание содействовать освобождению родины.

В воззвании адмирала Г.А. Спиридова от 12(23) марта 1771 г., обращенном к балканским народам, говорилось, что “наступило время последний им туркам удар сделать и тем всех христиан освободить из-под ига агарянского”. Адмирал призывал “к сему славному делу храбрых всегда в военных делах христианского закона славян, греков, македонцев, албанцев и румелиотов, которые серебро и золото за малое дело ставят, а предпочитают больше всего военную свою славу и вольность”¹⁸. Призыв этот нашел большой отклик в Греции и других балканских странах. Уже к 1771 г. число добровольцев, воевавших вместе с русскими, достигло 4000¹⁹. Из них были сформированы специальные подразделения. Кроме того, более 50 греческих каперских судов действовали против турок на море²⁰.

10(21) июля 1774 г. в деревне Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор, завершивший русско-турецкую войну. 23 мая (4 июня) 1775 г. последние русские корабли покинули базу на Архипелаге и отплыли в Кронштадт²¹.

Попытка греков освободить родину, воспользовавшись русско-турецкой войной 1768–1774 гг., оказалась безрезультатной. Но восстание и сама русско-турецкая война 1768–1774 гг. явились важной вехой в истории борьбы Греции за освобождение. Война серьезно ослабила Османскую империю, создав благоприятные предпосылки для дальнейшей освободительной борьбы поработанных ею народов. Успешные боевые операции русских войск, в которых греки непосредственно участвовали, развеяли миф о непобедимости османской армии. Вера греков в собственные силы, в возможность самостоятельной успешной

борьбы за освобождение возросла. Русско-турецкая война способствовала созданию и некоторых материальных предпосылок для успешной национально-освободительной борьбы балканских народов.

* * *

Не осталась в стороне от событий русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и Албания. Еще до войны, как уже говорилось, у России завязались связи с южноалбанской православной областью Химара. 10(21) мая 1770 г. главнокомандующий русскими силами на Средиземном море А.Г. Орлов обратился со специальным воззванием к химариотам, в котором призвал их послужить императрице, а значит, и “нашей святой вере и вашей отчизне”²². Многие химариоты откликнулись на этот призыв. В составе российской эскадры они сражались в Эгейском море в 1770–1774 гг.

Судьба же албанцев-мусульман, участвовавших в подавлении Морейского восстания, была незавидной. После окончания русско-турецкой войны отряды мусульманских беев, главным образом из Южной Албании, остались в Морее и, выйдя из повиновения, занялись грабежами. В 1776 г. султан приказал Мустафе Бушати, паше Шкодры, очистить эту греческую провинцию от непослушных беев. Прибыв в Морею с трехтысячным корпусом, североалбанский правитель добился определенных успехов в наведении там порядка. Но затем шкодринцы, не получая в течение долгого времени жалованья, сами занялись грабежами. В 1779 г. Порты послала против них в Морею армию и флот во главе с капитан-пашой* Хасаном, который учинил там резню албанцев.

В Албании долго не могли забыть эту резню. Мусульманские феодалы, бывшие до того самой надежной опорой Порты, вошли с ней в острый конфликт. Власть в Шкодринском пашалыке взял в свои руки в 1776 г. брат Мустафы-паши Махмуд, вставший вскоре на путь открытого неповиновения султану²³.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 14. С. 285.

² Σάββα Κ. Τουρκοκρατούμενη Ελλάς, 1453-1821. Αθήναι, 1962. Σ. 463.

³ Материалы для истории русского флота. СПб., 1886. Ч. XI. С. 358.

⁴ См.: Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. 109–113.

⁵ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769 по 1774 год. СПб., 1866. Т. 1. С. 106. Такой же смысл имело и письмо президента Коллегии иностранных дел Н.И. Панина от 22 января (2 февраля) 1769 г. одному из вождей маниотов, Мавромихалису (см.: Сафонов С. Остатки греческих легионов в России // Зап. Одесск. об-ва истории и древностей. Одесса, 1844. Т. 1. С. 206).

⁶ Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 363, 365.

* Капитан-паша – главнокомандующий турецким флотом.

- ⁷ Σακελλαρίου Μ. Η Πελοπόννησος κατά την δευτέραν Τουρκοκρατίαν. Αθήναι, 1939. Σ. 168.
- ⁸ Στο ίδιο. Σ. 178.
- ⁹ Κορδάτου Γ. Ιστορία της νεώτερης Ελλάδας. Αθήναι, 1957. Τ. 1. Σ. 239.
- ¹⁰ Στο ίδιο. Σ. 235.
- ¹¹ Ошибочность тактики русского командования признал и сам А.Г. Орлов. По его словам, “нужно было начать с того, чтобы утвердиться во внутренности Мореи; береговые крепости пали бы тогда сами собою, ибо русский флот преграждал бы им сообщение с морем, а турецкий флот не был еще снаряжен и находился в Константинополе и Дарданеллах” (Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 371).
- ¹² Он состоял из 500 русских солдат и 900 добровольцев: 800 греков и 100 албанцев и славян (см. Там же. С. 368).
- ¹³ Там же. С. 371–373.
- ¹⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 14. С. 377.
- ¹⁵ О плохой подготовке Морейской экспедиции писали уже некоторые русские дореволюционные историки (см.: Ари Г.Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 81).
- ¹⁶ Σακελλαρίου Μ. Ο.π. Σ. 282–283.
- ¹⁷ История русской армии и флота. М., 1912. Вып. 8. С. 72.
- ¹⁸ Уляницкий В.А. Указ. соч. С. ХСVІІІ.
- ¹⁹ Петров А. Указ. соч. Т. 3. С. 281.
- ²⁰ Бумаги князя Николая Васильевича Репнина // Сб. РИО. СПб., 1875. С. 432.
- ²¹ Материалы для истории русского флота. СПб., 1888. Ч. ХІІ. С. 301.
- ²² Pappas N. Greeks in Russian military service in the late 18th and early 19th centuries. Thessaloniki, 1991. P. 73.
- ²³ Naçi S. Pashalleku i Shkodrës nën sundimin e Bushatllive në gjysmën e dytë të shekullit të XVIII. Tiranë, 1964. Fq. 124–126.

“НЕ ДОРОЖА СВОИМ ПОКОЕМ, ЧИТАЕШЬ, ПИШЕШЬ ПРЕД НАЛОЕМ...”*

Время Екатерины однозначной оценке не поддается. Бурная история вовне, две войны с Турцией, по одной со Швецией и Персией, три раздела Польши, сопровождавшиеся боями. Внутри страны – великое крестьянское восстание Пугачева и неуклонный, не прерывавшийся даже в военное лихолетье прогресс во всех областях экономической, политической и культурной жизни. Слово “стабильность” еще не существовало, но оно, пожалуй, больше, чем какое-либо иное определение, характеризует правление Екатерины.

Сочинение Наказа – единственный романтический прорыв молодой императрицы, в дальнейшем – тщательно выношенные неторопливые реформы. Царица постоянно подчеркивала, что считает себя приемницей Петра I, носила даже табакерку с его изображением, но революционный дух в проведении политики, свойственный четвертому Романову, был ей чужд. Правда, она тоже являлась “вечным работником” на троне и сама тому изумлялась: “Я тружусь точно за деньги: так корплю, так стараюсь, кладу в дело весь свой ум и сообразительность...”¹

Статистика не была тогда в почете, но и имеющиеся разрозненные данные показательны. Численность населения державы за 30 лет увеличилась с 20 до 37 млн человек, и объяснить это одними территориальными приращениями (что дало 7 млн подданных) невозможно. Доходы казны учетверились, так же вырос бюджет, достигший к концу правления 70 млн руб. (при дефиците в 20%). Внешняя торговля процветала, ее общий объем составил 46 млн, активное сальдо – 15 млн руб. В 1768 г., с началом войны с Турцией, впервые были выпущены бумажные деньги, ассигнации, ничем не обеспеченные, кроме доверия правительству, и они “заработали”. Удержать их по курсу рубль бумажный = рублю серебряному не удалось, но за три десятилетия ассигнации обесценились всего в 1,5 раза².

Крепостное право сковало цепями не только крестьян, но и в определенной степени помещиков, оно их развращало даровым и бездумным получением доходов; не нужно было заводить собственное хозяйство, иметь оборотный капитал, приобретать деловую сноровку, достаточно написать в контору, и сноровистый приказчик выжмет деньги из “холопов”. Личная зависимость, прикрепление к земле препятство-

* Державин Г.Р. Ода “Фелица”.

вали переселению в города – даже в конце XVIII в. в них проживало лишь 5% населения – и развитию промышленности. Это отмечали наблюдательные современники, например посол в Париже князь Д. Голицын.

Но все же возможности хозяйственного роста оставались, и немалые. Выплавка чугуна “при Екатерине” утроилась, и его поставляли даже в Великобританию. Не стояла на месте и легкая промышленность, число текстильных предприятий (полотняных, суконных, шелкоткацких) увеличилось со 146 до 1080, в стране образовался даже излишек тканей отечественного производства. Возникли новые промышленные районы на Южном Урале, Украине, в Прибалтике. Экономический прогресс принимал порой уродливые формы, появились крепостные, сосредоточившие в своих руках крупные земельные угодья, формально записанные за баринном.

Эксплуатация крестьянства шла по нарастающей, причем самая тяжелая ее форма – барщина законом не ограничивалась. Увеличивался и оброк – с 2 руб. в 60-е годы до 4–5 руб. в 90-е (правда, и деньги обесценились в 1,5 раза). Все же оброк давал крестьянину гораздо больше простора для проявления хозяйственной инициативы (вспомним Пушкина: Ярем он барщины старинной // Оброком легким заменил). У государственных крестьян он был меньше, нежели у частновладельческих (3 руб. в год, хотя в некоторых местах достигал 5 руб.). Повинности в пользу казны, по признанию даже суровых критиков режима, несколько уменьшились, подать с “души” составляла 1 руб.³

Всем на удивление площадь обрабатываемых земель в годы войны (1787–1791) в Московской губернии увеличилась в 1,5 раза, в Псковской даже удвоилась.

Бурно развивалась Новороссия. В 1784 г. в ней насчитывалось 350 тыс. жителей мужского пола, через десять лет – 800 тыс. Каждому переселенцу полагался надел в 26–30 дес. земли и 12 руб. на обзаведение (сумма по тем дням немалая). Нужда в воинской силе побуждала создавать иррегулярные войска, порубежные селения превращались в военные, крепостных выкупали у помещиков и переводили в казаков. Г.А. Потемкин сам продал в казну два своих имения. Поскольку первой задачей являлось прочное, на века, освоение новых территорий, что было мыслимо лишь на семейной основе, стали платить по 5 руб. за каждую привезенную в край девицу.

К ярым крепостникам князя Потемкина отнести было нельзя. На юг стекались массы беглых, и он не проявлял особого усердия в их розыске и возвращении. В ордере от 11 августа 1775 г. Потемкин “разъяснил” помещикам, что беглецы вступали “в военное правление и общество”, и, значит, “не может ни один из оных возвращен быть”. Не по доброй воле, а по необходимости дворянам приходилось сдерживать свои аппетиты: барщинным трудом обрабатывалось, как правило, не больше десятой части окружавших село угодий. В 1784 г. в Новороссии крепостных числилось 6 тыс. “душ”, поселенцев закрепощать запрещалось. Даже в середине XIX в. крепостные крестьяне составляли в Южной Украине четверть населения⁴.



Князь Г.А. Потемкин-Таврический.

Портрет работы И. Б. Лампи Старшего (копия с оригинала Д.Г. Левицкого?), 1791. ММС

В своих планах светлейший порой удалялся в заоблачные выси. Так, в столице края, Екатеринославе, собирались открыть университет, театр, музыкальную академию, биржу, дом призрения. Заложили собор – просторнее храма Святого Петра в Риме; в дальнейшем замысел, конечно же, поскромнел, хотя у Потемкина склонность видеть будущее сквозь розовые очки не исчезла: повсюду – стада “руноносного скота”, “хлебонашество год от года усиливается, виноград венгерский дал уже первоплод, вино делают лутче прежнего”, “прежде десяти лет, конечно, шелку будет больше, чем пеньки”. Много было показного, даже показушного, но много было и дела. В 1793 г. в Екатеринославе торжественно открыли народное училище, съехалась вся местная элита, осмотрели “библиотеку, архитектурные чертежи, глобус, ландкарты, рисунки и фигуры, к естественной истории принадлежащие”⁵. А учеников удалось набрать всего 25.

В екатерининскую эпоху только еще создавались предпосылки для торгового бума через Проливы. В 1793 г. стоимость вывоза из Евпатории, Херсона, Таганрога, Очакова, Феодосии составила всего 650 тыс. руб., а уже через три года – 1,9 млн. Одесса среди портов еще не числилась: в селении Хаджибей жителей мужского пола значилось восемь, женского – два. В 1817 г. из Одессы было вывезено товаров на 11 млн руб.

Серьезные западные исследователи уже не сводят рынок России на юг к ее неумной агрессивности. По словам А. Грея, “причерноморские земли были существенно необходимы для экономического развития России, завоевание Крыма было столь же важно для избавления богатых черноморских районов юга от хищнических набегов татар, которые многие годы убивали поселенцев, опустошали их селения, продавали сотни юношей и девушек в рабство. Екатерина таким образом реализовала национальные чаяния...”⁶.

Несть числа преступлениям крепостников, и Екатерина с ними смирилась. Кое-какие косметические меры принимались (запрет на продажу людей с аукциона без земли, на закрепощение найденных, детей из сиротских приютов, незаконнорожденных, пленных). Сама императрица свидетельствовала: в не любимой ею Москве “нет дома, где не было бы железных ошейников, цепей и разных инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в тот несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи без преступления”⁷.

Ограничительные меры оставались на бумаге. Крепостных продавали семьями и поодиночке, меняли на собак, проигрывали в карты, случалось, ими выплачивали гонорар врачу. Оскудевшему дворянину, говорили защитники системы, долг свой нечем отдать, помимо “раба”. Непокорных и неугодных помещики ссылали в Сибирь, получая за них денежную компенсацию. Такова была участь десятков тысяч семей. Парадоксально, но подобным способом шло заселение обширного региона, при этом крестьяне обретали личную свободу. Екатерина очерствела душой; а Пугачевское восстание нагнало такого страха на дворян, так их ожесточило, что власть не решалась даже на полумеры. Например, когда губернатор Я.Е. Сиверс представил записку об ограничении повинностей, узаконении выкупа крестьян и разрешении им вступать в брак по своей воле, государыня отправила в Государственный совет бумагу, где она и затерялась⁸.

Но то же восстание заставило поторопиться с принятием ряда законов по упорядочению системы управления. В 1775 г. появилось “Учреждение для управления губерний”. Существует 6 проектов акта, некоторые написаны рукой самой Екатерины: она не просто утверждала подготовленное советниками, а размышляла и творила сама. Все вводимые названия и термины звучали по-русски. Число губерний постепенно быдо доведено до 50, губернаторы получали право личной переписки с императрицей. Чиновников окончательно посадили на жалованье (после смерти Петра I Александр Данилович Меншиков уговорил Екатерину I отменить государственное содержание чиновникам, слу-

жившим по административной части). Учреждаемые Казенные палаты ведали промышленностью, сбором налогов, доходами и расходами. Приказ общественного призрения занимался больницами, сиротскими приютами и прочими богоугодными заведениями. В больницах вводились отдельные палаты для мужчин, женщин и заразных, помещения предписывалось отводить под них светлые и проветриваемые.

Было упорядочено и отделено от администрации судопроизводство, образованы палаты уголовных и гражданских дел и сословные суды (верхний земский – для дворян, губернский магистрат – для горожан, верхняя расправа – для государственных крестьян). Эта система распространялась и на уезды. Любопытным учреждением стал Совестью суд, в задачу которого входило примирение тяжущихся. В течение трех дней требовалось предъявить обвинение арестованному; в противном случае полагалось (но не делалось) освободить задержанного. Екатерина явно подражала британскому хабеас корпус акту, но закон в этой части остался мертвой буквой. Тихо скончался Совестью суд, случилось, что просителей гнали от “парадного подъезда”.

Уезды отдавались во власть дворянам, избравшим капитан-исправников; в городах вводилась должность городничего, чисто административная (в обеих столицах появились обер-полицейстеры).

В дополнение к ранее существовавшим дворянским собраниям в уездах учреждались губернские, занимавшиеся выборными делами и опекой.

Частичная децентрализация власти, перенос многих ее функций на места привели к ломке и упрощению центрального управления. Из учрежденных Петром 12 коллегий сохранились три – военная, адмиралтейство и иностранных дел. Укоренился Совет при высочайшем дворе, превратившийся если не по названию, то по сути в государственный, наделенный, правда, лишь совещательными функциями. Британский посол Ч. Кэткорт не без основания полагал, что деятельность Совета ограничена и что в важнейших делах “мнение императрицы известно ему прежде, чем он приступает к обсуждению”. Пока Григорий Орлов находился “в случае”, он служил рупором государыни. Помимо привычки вельмож к повиновению, сказывалось и то обстоятельство, что, кроме Потемкина и Панина, на политической авансцене не появлялось фигур масштаба Екатерины. Хорошо знавший ее принц Ш. де Линь заметил, что петербургский кабинет самый маленький в мире, он простирается “от одного виска до другого и от кончика носа до корней волос” императрицы⁹.

Продуманный и взвешенный курс проводился в отношении элиты нерусских народов, ее представителей постепенно включали в состав дворянства, что повышало их социальный статус и во многих случаях расширяло возможности эксплуатации соплеменников. Все это способствовало образованию единого в масштабах империи правящего сословия и укрепляло позиции самодержавия в национальных регионах. Так, без особых потрясений произошли ликвидация гетманства, отмена автономии Украины, роспуск Запорожской Сечи, в то время как шляхта обряжалась в дворянские мундиры и переводила вольных казаков в крепостных.

В 1785 г. “благородному российскому дворянству” была жалована грамота – своего рода свод прежних и новых привилегий: исключительное право на владение крепостными и землей, освобождение от податей, постоя войск, обязательной службы, телесных наказаний, подтверждение ранее принятых указов о дворянских собраниях.

В том же году своего рода свод законов в виде грамоты получили города. Горожан поделили на шесть разрядов, включая дворян и чиновников, владевших домами. Купечество подразделялось на три гильдии в зависимости от капитала; рекрутская повинность для него заменялась денежным взносом, а вместо подушной подати вводился ежегодный 1%-ный налог с состояния. Тогда экипаж служил таким же признаком респектабельности, как ныне лимузин. Лишь негоциантам, принадлежавшим к первой гильдии, разрешалось разъезжать в карете, запряженной парой лошадей; лицам второй категории полагались дрожки, а числившимся в третьей приходилось трястись на телеге.

Появилось новое сословие – мещане, мелкие торговцы и ремесленники. Последние входили в цеха, имевшие представительство в городской думе. Был ограничен срок пребывания в учениках и подмастерьях. Грамота предусматривала свободу занятия промышленной деятельностью: каждый мог производить “всякого рода рукоделия без иного на то дозволения”. Закон поощрял создание отечественного капитала, но без посягательства на крепостную систему. Тому же способствовала отмена торговых монополий, закрытие Мануфактур-коллегии, указ о “свободном заведении станом”. Отмена мелочного контроля над предпринимателями являлась частью целенаправленного курса: “собственная каждого польза есть лучшее и надежнейшее поощрение”, полагала императрица, озабоченная формированием “среднего рода людей”, т.е. третьего сословия. Кое-что удалось сделать, число мануфактур и фабрик в годы ее правления увеличилось с 500 до 2 тыс.

И еще: в жалованной грамоте городам впервые законодательно объявлялись нерабочими днями воскресные и 12 православных праздников, а продолжительность рабочего дня ограничивалась 12 часами.

Городскими делами ведали голова и дума, имущественный ценз обеспечивал в последней решающий голос самостоятельной верхушке жителей.

Императрица готовила и третью грамоту, “сельские положения”, предназначенную для государственных крестьян. Она предусматривала право “мира” на коллективную петицию и на суд, запрещала передачу казенных крестьян в частные руки, предоставляла им право свободной торговли и обзаведения “станами”. Зажиточная часть деревни (“души” с капиталом более 500 руб.) освобождалась от телесных наказаний и рекрутских поборов.

Издать грамоту Екатерина не решилась: подобный указ зримо и резко прочертил бы рубеж между государственными и крепостными и мог бы подвигнуть последних на новую пугачевщину.

Все же, не впадая в идеализацию самодержавия, не хотелось бы повторять прошлые клише: правительство только тем и занималось, что подавляло, разоряло, угнетало и обирало верноподданных.

К двадцатилетию царствования Екатерины II А.А. Безбородко подал записку: городов построено 144, устроено губерний по новому образцу 29, договоров заключено 30, важных указов издано 88, а всего значительных деяний почти полтысячи¹⁰.

Крылатая фраза “Хотели как лучше, а вышло как всегда” родилась в наши дни, но отражает то, что давным-давно происходило в отечестве: добрые намерения, заложенные в законодательстве, оставались на бумаге или искажались при воплощении их в жизнь. Своеволие местных властей, доходившие до произвола, взяточничество и казнокрадство чиновников, лихоимство судей, инертность и покорность обывателей способны были дискредитировать самые благие распоряжения “сверху”. “Алчное корыстолюбие довершает общее развращение, – печалился Денис Иванович Фонвизин. – Головы занимаются одним промыслом средств к обогащению. Кто может – грабит, кто не может – крадет...” Спустя 200 лет “в России берут все – от депутатов до прокуроров”, – констатируют “Известия”¹¹. Ни один монарх, ни один правитель не сумел пресечь зло, включая Екатерину.

Прекрасен был замысел учреждения Совестного суда. Весть о его создании, не без содействия самой императрицы, дошла до Франции и вызвала восторг. А по признанию уфимского губернатора, его лакей гнал просителей в шею.

В народных училищах воспитанников драли как сидоровых коз – вспомним переживания Сережи из повести С.Т. Аксакова “Детские годы Багрова-внука”.

В граде Севске архиерей велел в одном из храмов ободрать с иконы Николая Чудотворца украшенный жемчугом оклад, так что святой остался “в чем мать родила”, печалились прихожане вечно пьяного, склочного и вороватого пастыря¹². И так далее...

Просветительские порывы не оставляли Екатерину ни в зрелые годы, ни в старости: усовершенствование человечества путем воспитания и образования отвечало лучшим канонам общественной мысли того времени и не сулило тех бед, которыми грозила ломка социальных устоев. И государыня, и ее советник Иван Иванович Бецкой, изучивший педагогические теории Локка, Руссо и Гельвеция, склонялись к английской системе воспитания, предусматривавшей отрыв от семьи и проживание в закрытом учебном заведении. Экстремисты доходили до утверждения, будто “ребенок, оставленный на воле, уже на третьем году есть фурия”. Екатерина смолоду мечтала об учреждении “пенсионных домов” (не в нашем понимании!) и “воспитательных академий”, где и следовало взращивать новую породу людей. Она всей душой отдалась созданию Смольного института (тогда его чаще называли монастырем). Поступавшие в него девочки поручались начальнице “яко драгоценный для нее, для государства и отечества залог”; душа ребенка хрупка и ранима, жестокое обращение может привести его к “упорству и бесчувствию”; главной считалась забота о его духовном развитии; телесные наказания запрещались. Предусматривались полная изоляция смолян от семьи, обучение широкому кругу предметов, а в старших классах – домоводству (шитью, вязанию, занятиям с детьми,

подсчету семейных расходов). Девиц воспитывали в духе “пристойности и благородной скромности”. Многие воспитанницы прославили Смольный. Менее известно, что при нем было открыто “особливое училище” для дочерей чиновников-недворян, купцов и мещан и даже крепостных (с разрешения помещика). Сословность сохранялась в раздельности обучения и в том, что “неблагородные девицы” и одевались похуже, и курс наук у них был попроще. И все же забота государыни о достойных подругах жизни для “среднего рода людей”, которые станут “хранить в цветущем состоянии фабрики, купечество, ремесла, способность к заведению оных”, сомнений не вызывала¹³.

Воспитательным домом для сирот и подкидышей в Москве ведал лично И.И. Бецкой, содержался он на государственные дотации, на пожертвования вельмож и купцов, на доходы с принадлежащей ему земли и с мастерских. Окончившим его мальчикам был открыт доступ в университет и Академию художеств. Существовали артиллерийская и инженерная школы, коммерческое и горное училища.

Но все это было каплей в море необразованности и просто неграмотности. Система закрытых учебных заведений в идеале превосходная (о чем свидетельствует Царскосельский лицей), на деле полностью расходилась с российским обычаем воспитания в семье и так и не привилась. Даже гимназия при Московском университете страдала от недокомплекта. Несмотря на хорошее содержание, недорослей с трудом вырывали из родительских гнезд. Преподавание оставляло желать лучшего. Д.И. Фонвизин окончил гимназию с медалью, хотя на выпускном экзамене не смог ответить, куда же впадает Волга. Далек был от процветания и сам университет: так, при открытии (1755) в нем числилось сто студентов, а через тридцать лет – восемьдесят¹⁴. Были годы, когда на медицинском и юридическом факультетах числилось по одному (!) студенту. Лекции долгое время читались на латыни, французском и немецком, и лишь в 80-е годы стали преподавать на русском.

Высшее общество охватила галломания, выражившаяся не в осмыслении достижений общественной мысли и не в погружении в глубины культуры, а в умении бегло болтать по-французски и опустошать родительский кошелек выписанными из Парижа туалетами. Появились даже словечки “петиметр” и “кокетка” для обозначения юнцов и девиц подобного рода, “модных щеголей и светских вертопрашек”. Постепенно этот “легкий жанр” в освоении уроков из Франции изживался. Революция привела к оттоку из этой страны многочисленной высокообразованной эмиграции, и бывших лакеев и парикмахеров, служивших в качестве учителей и гувернеров в российских дворянских семьях, сменили люди с дипломами Сорбонны. Сама Екатерина определила воспитателем к старшим внукам швейцарца Ф.Ц. Лагарпа, убежденного республиканца. Образованию обожаемых ею Александра и Константина она придавала чрезвычайное значение и сочинила на эту тему трактат. В инструкции графу Н.И. Салтыкову, которому она их доверила, предлагалось “поваживать детей, чтоб обходились учтиво словами и поступками со служителями и простолюдинами, чтоб с ними не говорили повелительно, или с пренебрежением, или возвышая голос,

или со спесью, но с благоволением, пристойным человечеству вообще". Какое там! Константин унаследовал буйный нрав отца и деда, и бабке пришлось давать указания – “унять вертопраха Константина” в связи с его “злословием, сквернословием и безпутством... наглым, постыдным и безсовестным поведением”. “Я не понимаю, откуда в нем вселилось таковой подлой санкюлотизм”, – печалилась императрица. Ненавистное ей “капральство” обосновалось в собственной семье у внуков: “Не рождению, не сану, не достоинству их неприлично, чтоб отправляли капральскую должность и в забаву ставили бить и мучить людей...”¹⁵

Лишь в 80-е годы удалось развернуть сеть бессловных училищ, двухклассных в уездных и четырехклассных в губернских городах. За основу приняли австрийскую систему. Всего образованием тогда было охвачено чуть более 60 тыс. человек, ничтожно мало по нашим меркам, но ведь первый шаг – он трудный самый!

Немка на престоле (впрочем, сама она считала себя русской) всячески содействовала утверждению русского литературного языка. Указом императрицы учреждена Российская академия, президентом ее стала княгиня Е.Р. Дашкова, та самая, которая в памятный день 28 июня 1762 г. гарцевала на коне рядом с только что возведенной на престол императрицей. “Никогда не были столь нужны для других народов обогащение и чистота языка, столь стали они необходимы для нас, несмотря на настоящее богатство и красоту и силу языка российского, – писала президент. – Сочинение грамматики и словаря да будет нашим упражнением”¹⁶. В числе академиков значились видные ученые и писатели – Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, М.М. Херасков, Я.Б. Княжнин, С.А. Котельников, А.А. Барсов, Е.Е. Десницкий. Честью для себя считали участие в ее заседаниях вельможи – И.П. Елагин, А.С. Строганов, А.А. Безбородко. Вышел в свет “Словарь Академии Российской” на 40 тыс. лексических единиц.

В конце царствования попадавшие в Россию французы свидетельствовали: “Здесь образованная молодежь самая просвещенная и философская в Европе”¹⁷, жаль только, что было ее мало.

На годы екатерининского правления падает зарождение в недрах нации той уникальной прослойки, что именуется русской интеллигенцией. При ней творили такие видные представители дворянской мысли либерального и консервативного направления, как Д.И. Фонвизин и князь М.М. Щербатов.

Знаменитый драматург служил по ведомству иностранных дел, был близок к Н.И. Панину и разделял его воззрения. Он всерьез обдумывал проблему ограничения абсолютизма, полагая, что “прямое самовластие тогда только вступит в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к содеянию какого-либо зла”, иначе государство станет “жертвою насильств и игрищем прихотей его”. Российские порядки он подвергал сокрушительной критике: престол “зависит от творения кабаков для зверской толпы буян”, “мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся” (Пугачев) смог привести державу “в несколько часов на самый край конечного разруше-

ния и гибели”, “знатность сия, единственная цель благородной души... затмевается фавором”, “почтеннейшее из всех состояний... дворянство уже именем только и существует и предается всякому подлецу, ограбившему отечество”. Звучали ноты критики системы, при которой “люди составляют собственность людей... человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьей над человеком другого состояния”, верховное правление “есть бездушная машина, движимая произволом государя”, а “народ пресмыкается во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя рабства”¹⁸.

Свои мысли Фонвизин изложил в трактате, озаглавленном “Рассуждение об истреблении в России всякой формы государственного правления”, появившемся в обстоятельствах специфических. Умиравший Никита Иванович Панин попросил Д.И. Фонвизина сочинить что-то вроде политического завещания для наследника престола, своего воспитанника Павла Петровича. Труд остался незавершенным, по идее в него должно было войти “Особенное начертание” с изложением фундаментальных законов государства. В неполном же виде программная часть сочинения не идет ни в какое сравнение с разоблачительной, и представляется поверхностным объяснением это одним лишь уходом из жизни вельможи. Вероятно, сказалось и другое: внушать авторитарному по натуре и взглядам Павлу мысли о законодательном ограничении абсолютизма было по меньшей мере бесполезно. Допустимо и иное предположение: замысел Панина относительно раздела власти между монархией и аристократией потерпел фиаско, страшные уроки Пугачевского восстания сплотили дворянство вокруг трона, и было негже вносить раскол в его ряды. Оставалось уповать на просвещенность и гуманность государя, что и делал Д.И. Фонвизин по поручению своего покровителя: “Здравый рассудок и опыты всех веков показывают, что одно благонравие государя образует благонравие народа. В его руках пружина, куда повернуть людей: к добродетели или к пороку... Государь, добрый муж, добрый отец, добрый хозяин, не говоря ни слова, устрояет во всех домах внутреннее спокойство, возбуждает чадолюбие и самодержавнейшим образом воспрещает каждому выходить из своего состояния”¹⁹. Ни ушедший министр иностранных дел, ни его друг и секретарь не посягали на основы крепостного права, осуждая лишь связанные с ним злоупотребления. Известно, что Панин из пожалованных ему 9 тыс. “душ” 4 тыс. подарил помощникам, включая Фонвизина, и тот лестно отзывался о поступке своего покровителя²⁰.

Сторонники ветхозаветных устоев имели глашатая в лице высокообразованного и талантливого князя М.М. Щербатова, автора многотомной “Истории российской с древнейших времен”, красноречивого оратора в комиссии по составлению нового Уложения, острого полемиста и во всех своих ипостасях поборника интересов дворянства, в первую очередь родовитого. Выбившихся из чиновников он не жаловал, отстаивал привилегии помещичьего сословия, полагая даже, что лишь оно может владеть предприятиями по переработке сельскохозяйственного сырья. Щербатов был сторонником передачи частным владельцам государственных крестьян, считая, правда, что им следует разрешить занятия ремеслами и

торговлей, но только зимой, по окончании полевых работ. Как человек образованный, князь выступал против “излишеств” в эксплуатации крестьян, уверяя, что это – редкое явление, как правило, барин по-отечески любит своих крепостных: “Мы – люди, и подвластные нам крестьяне суть подобные нам”. “Какое сердце не тронется, глядя на истекающие слезы несчастного проданного, оставляющего и место своего жилища, и тех, кем рожден, и кем воспитан, и с кем всегда привык жить...” Но все это говорилось в порядке благого пожелания.

Широкою известность М.М. Щербатову принесли его изболочительные произведения, ходившие по рукам в рукописях. Его памфлет “О повреждении нравов в России” принадлежит к шедеврам подобного жанра – недаром А.И. Герцен издал его наряду с радищевским “Путешествием из Петербурга в Москву”. Щербатов громил все и вся: мораль Екатерины основана на философских учениях, а не на “твердом камени закона Божьего”; царица “упоена безразмыслительным чтением новых писателей, закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что не почитает”; все плохо – “торговля впала в презрение, недостойные вышли в дворяне, воры и злонаравные награждены, развратность ободрена – и все под очами государя”. Зря “приобрели или, лутче сказать, похитили Крым, страну по разности своего климата служащую гробницею россиянам” (вот как!!)²¹. Впрочем, критический настрой не мешал Михаилу Михайловичу продвигаться по служебной лестнице, получать чины и ордена, одному-единственному иметь доступ ко всем архивам, носить высокое звание герольдмейстера.

Екатерина увлекалась российской историей (“я люблю эту историю до страсти”), показав, правда, пример конъюнктурного подхода к сему предмету: устами Олега и Рюрика в своих пьесах (якобы из жизни Древней Руси) она высказывала собственные мысли о самодержавии, в учебных курсах, написанных для внуков Александра и Константина, такие неприятные эпизоды, как расправа княгини Ольги с древлянами или убийство киевских князей Аскольда и Дира, были опущены. Но она же поощряла, в том числе материально, научные изыскания. Уместно здесь привести пушкинскую оценку: “Екатерина II много сделала для истории, но Академия – ничего. Доказательство, что правительство у нас всегда впереди”²².

В лучах славы литературы XIX столетия как бы померк его предшественник. А ведь тогда творили М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков, Я.Б. Княжнин, В.В. Майков, И.Ф. Богданович, Н.И. Хемницер, А.Н. Радищев, Г.Р. Державин, Д.И. Фонвизин. Екатерина и сама была плодовитым литератором, ее перу принадлежат пьесы нравоучительного и исторического содержания, аллегорические сказки, комедии и даже “народные” песни (!). Увы, плодовитость еще не означает таланта, трудолюбие и преданность делу его не заменяют. Секретарь императрицы на рубеже 80–90-х годов А.В. Храповицкий ночи напролет проводил, редактируя ее пьесы и сочиняя стихотворные вставки: с рифмой у царицы ничего не получалось. Но монаршее вторжение в область изящной словесности имело тот положительный эффект, что занятие ею обрело статус уважаемого и почтенного.

Екатерина стояла у колыбели отечественной журналистики. В 1764 г. она анонимно приступила к изданию “Всякой всячины”, щедро снабжая журнал комедиями и очерками, в которых по-матерински журнула верноподданных за косность, лень, невежество, грубость нравов и равнодушие к знаниям, а то и просто к грамоте. Хотя разве что рыбы в Неве не знали, кто скрывался под именем “госпожа Всякая всячина”; у царицы появились оппоненты и справа (М.М. Щербатов), и слева (Д.И. Фонвизин, Н.И. Новиков), в пылу полемики утрачивавшие порой и такт, и даже элементарную вежливость. Новиков так изобличал императрицу (то бишь госпожу Всякую всячину): “Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуместь не может”, а совсем уж разойдясь, писал: “она забывается и так мокротлива, что часто не туда плюет, куда надлежит” и потому “для очищения ее мыслей и внутренности не бесполезно ей и полечиться”. Д.И. Фонвизин вздумал задавать царице злокозненные вопросы: “Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?” Екатерина бойко отвечала. Впрочем, Денис Иванович спохватился, что дерзит выше меры, и, не унижая своего достоинства, слегка покаялся.

В конце столетия Россия переживала своего рода издательский бум: 7 тыс. книг за тридцать лет общим тиражом 7 млн экземпляров, 100 периодических изданий²³.

Императрица признавалась, что обуреваема манией строительства. В ее время творили зодчие В. де ла Молль, Ю. Вестман, В. Баженов, И. Старов, Ч. Камерон, Д. Кваренги; многочисленные дворцы и храмы, Академия художеств, “береговой гранит” Невы, Воспитательный дом в Москве запечатлели эпоху в камне. Случалось государыне не только поощрять, но и пресекать впадавших в творческое излишество гениев. Так, она остановила постройку Кремлевского дворца, когда начался подкоп под Архангельский собор, дай она волю зодчему – и Кремль исчез бы как памятник прошлых веков! Жаль, что Н.С. Хрущев не последовал ее примеру.

В 1763 г. сгорела Тверь. Специальная комиссия под председательством И.И. Бецкого утвердила проект застройки города, и сейчас его центр впечатляет красотой, гармонией, вкусом – это чисто русский город.

Заботами Екатерины заложены основы великолепной коллекции Эрмитажа. Всю жизнь она со страстью занималась собирательством: по ее поручению были куплены 1400 картин, 80 тыс. гравюр, 7 тыс. рисунков, коллекция камней у лорда Х. Уолпола; она проводила часы, любясь своими “камнями”²⁴.

Екатерине пришлось еще столкнуться с религиозной нетерпимостью. При ней прекратились преследования староверов, они получили право свидетельства в суде. В Москве и других местах староверческие общины стали влиятельной и зажиточной частью населения. Частный случай – строительство мечети в Казани – привлек ее внимание к положению мусульман, и она молвила замечательные слова: “Как Всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и вероисповедания, то и она,

исходя из тех же правил, следствуя Его святой воле, и всем поступает, желая только, чтобы между подданными ее всегда любовь и согласие царствовали...”²⁵

Разделы Польши привели под ее скипетр множество иудеев и католиков; только в России было узаконено (1786) гражданское равноправие евреев, им и католикам предоставлялась свобода отправления культа. Но никаких привилегий, никакой исключительности. Прошение иудеев об особом суде было решительно отвергнуто, та же участь ожидала попытки римского папы вмешаться в религиозную жизнь России. Все бы хорошо, но императрицу обуревали опасения сепаратизма окраин. Поэтому, полагала она, “надлежит легчайшими способами привести к тому, чтобы они обрусели и перестали бы глядеть как волки в лесу”²⁶. А местные власти, чуждые тонких понятий государыни, оказывали ей медвежью услугу в сложном деле управления многонациональной, разноязыкой и разноликой империей.

Лучи прогресса осеняли лишь верхушку общества, “внизу” же по-прежнему царил мрак. Убожество деревень производило удручающее впечатление на мыслящих современников. Н.И. Новиков описал его задолго до Радищева: “Бедность и рабство повсюду повстречались со мной в образе крестьян. Невспаханные поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие, покрытые соломою хижинки из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие одоньи хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны... О, человечество! Тебя не знают в сих селениях”²⁷. Но и Новиков отмены крепостничества не требовал. Его описание дано вне времени: так было и до и после Петра, и до и после Екатерины...

Несоответствие теоретических постулатов Просвещения и жестокой действительности делает XVIII век загадочным, и одной из самых труднообъяснимых личностей выступает Екатерина. Семьдесят советских лет разве что затруднили ответ упрощенностью подхода с классовых позиций: императрица – глава дворян-крепостников, отсюда – набор нелестных эпитетов по ее адресу. Если же она дружила с корифеями Просвещения, то это объяснялось выходящими за всякие рамки приличия лицемерием и саморекламой: “Общественно-политические взгляды Екатерины отличались от щербатовских не столько целями и содержанием, сколько тактикой и формой защиты крепостничества”. Она и другие идеологи правящей группы дворянства “рядились в одежды последователей и учеников французских просветителей”, но извращали их теории. Эта разоблачительная струя не иссякла и сейчас, хотя и превратилась в тоненький ручеек: “Екатерина II сразу же сбросила маску либерализма, как только поняла объективные последствия просветительских учений”²⁸.

Царице не нужно было “сбрасывать маску”, ибо она никогда к либералам не принадлежала. Выражаясь современным языком, она мечтала об абсолютизме с человеческим лицом; философ на престоле должен был способствовать достижению благородной, но утопической цели. О том же помышляли Н.И. Панин и Д.И. Фонвизин, правда, при ус-

ловии участия дворянской элиты. Тезис о предательстве Екатериной идеалов Просвещения игнорирует одно немаловажное обстоятельство: наличие в нем разных течений. Ни Монтескьё, ни Вольтер о революции не помышляли, нравственное усовершенствование трактовалось ими как средство лечения социального зла. И с ними, а не с радикальным Руссо, взгляды которого Екатерина никогда не разделяла, она солидаризировалась.

Кошмарный урок пугачевщины убедил царицу в двух вещах: дворянство на крови утвердило крепостнический строй и свои привилегии; крестьянство готово на “русский бунт, бессмысленный и беспощадный”, который, по словам А.С. Пушкина, “не приведет Бог видеть”.

База для кардинального преобразования общества и государства отсутствовала. Совести у помещиков крестьянская война не пробудила, голос А.Н. Радищева прозвучал трагически одиноко. Антифеодального третьего сословия, способного на революционные свершения и установление буржуазного строя, не существовало. Единственным мало-мальски образованным или хотя бы грамотным сословием, способным выполнять функции управления в государственном аппарате, являлось дворянство.

Екатерина принялась латать порядком обветшавшую государственную систему, не посягая на ее основы. Отсюда – каскад реформ 70–80-х годов, призванных искоренить наиболее вопиющие последствия социального зла, упорядочить дела, поощрить купцов и мануфактуристов, создать условия для зарождения “среднего класса”. Прогресс в экономике и культуре показал, что определенный простор для деятельности в этом направлении существовал.

В последние годы наблюдается стремление к взвешенному, без шор классового подхода, пересмотру сложившихся взглядов. При этом не обходится и без идеализации образа Екатерины.

А.Б. Каменский подчеркивает ее однозначно-негативное отношение к крепостному праву: она инициировала обсуждение проблемы в Вольном экономическом обществе, уклонила от законодательного оформления прав помещиков на “души”, пыталась, хотя и без успеха, запретить продажу людей поодиночке, наложила вето на закрепощение сирот, подкидышей, пленных, освобожденных крестьян. Все – правда. Но было же и другое – раздача сотен тысяч людей в частные руки, в том числе фаворитам, что способствовало расширению ареала крепостничества и ставило под сомнение наличие у нее принципиальной позиции.

Но мы вполне согласны с А.Б. Каменским в том, что руки у царицы были связаны, а власть – вовсе не абсолютной. Дерзны она выступить с открытым забралом против крепостничества – и участь ее нетрудно предугадать, опыт свержения монархов гвардия накопила большой. Сравнение ее с австрийским кайзером Иосифом II, который отменил личную зависимость крестьян, неуместно: у того за плечами династическая легитимность, полтысячелетия правления Габсбургов; Екатерина же – узурпаторша, волею случая занесенная в Россию, утвердиться на престоле она могла лишь с санкции и по воле дворянства.

К интересным умозаключениям пришел А.В. Гордон: “Наказ” Екатерины он считает Декларацией прав подданных, “императрица вступила на тот путь, который с непреложностью вел к введению конституции”²⁹. История ответила на это утверждение отрицательно.

Несколько экзальтированным представляется мнение относительно личной драмы царицы, раздираемой противоречием между велением совести и подчинением суровой действительности, ее трагической судьбы. Станный это был век – XVIII. Он не знал ни Онегиных, ни Печориных, ни иных “лишних людей”, не метался в поисках самореализации, как чеховские герои. В умах и сердцах людей мирно уживались высокие мечты и примирение с заземленными порядками. Учитель Александра, любимого внука царицы, республиканец Лагарп убеждал воспитанника в природном равенстве людей, гнусности рабства, вреде деспотизма. Не рассчитывала ли бабка на то, что внук дерзнет посягнуть на сие зло? А сама раздавала крепостных... А.С. Строганов, обычный партнер императрицы за карточным столом, взял сыновьям в гувернеры будущего якобинца Ш.Ж. Ромма, покончившего жизнь самоубийством на пути к гильотине после термидорианского переворота 1794 г. Молодые Строгановы 14 июля 1789 г. приняли участие во взятии Бастилии, а затем вступили в Якобинский клуб. А закончил П.А. Строганов дни свои в тайном браке с одной из дочерей Николая I. Что же касается отца, то все усилия Екатерины найти поддержку скромной попытке ограничить произвол помещиков у добрейшего А.С. Строганова успехом не увенчались.

П.А. Демидов, горнозаводчик и ученый-биолог, в личной жизни выступал как чудак-самодур. Он заставил всю свою дворню поголовно носить очки, мало того, очками он украсил лошадей и собак...³⁰

Прославленный пиит А.П. Сумароков написал впечатляющие строки:

Какое барина различье с мужиком?
И тот, и тот – земли одушевленной ком.
И если не ясней ум барский мужикова,
То я различия не вижу никакого.

Это – полет мысли, теория. Тот же Сумароков, в земной своей ипостаси – убежденный защитник системы, превращавшей один “земли одушевленной ком” в повелителя себе подобных.

Прагматик до мозга костей, Екатерина не помышляла о том, чтобы пересечь грань дозволенного. Дав толчок полету мысли, она сама увязла в сопротивлении и не делала попыток выбраться из трясины. Когда каратель пугачевцев граф П.И. Панин предложил особым указом, без широкой огласки, определить повинности крепостных, императрица отмахнулась.

Очевидно, все же неправомерно говорить о системном кризисе в России конца XVIII столетия в отсутствие третьего сословия, способного подготовить и возглавить переворот. В России купцы и мануфактуристы, даже духовенство и казаки требовали себе крепостных, т.е. мыслили развитие производства на прежней поднёвольной

основе. Ни один из 564 членов Уложенной комиссии не требовал отмены крепостного права как такового, раздавались голоса лишь в пользу его смягчения.

Пугачевское восстание смерчем прокатилось по стране. Однако можно ли рассматривать его как выступление против системы, как стихийный, грубый и насильственный способ достижения прогресса? Изабель Мадариага называет его казачьей утопией. Так было ли мыслимо “оказачивание” всей державы после многомесячной Варфоломеевской ночи в общеимперском масштабе? Не привело бы это к вырыванию страны из контекста исторического процесса, к откатыванию лет на триста назад? А затем к повтору развития через постепенное закрепощение крестьян? Ведь “двор” Пугачева в карикатуре имитировал царский, свирепые атаманы именовали себя Чернышевскими, Воронцовыми и прочими “графами”. Серьезного внимания заслуживает мнение А.Б. Каменского, согласно которому системный кризис еще не обозначился, но его вывод “До кризиса было еще далеко”³¹ представляется слишком категоричным. Указ о “свободных хлебопашцах” последовал в 1803 г., через семь лет после смерти Екатерины, и предусматривал добровольное освобождение крепостных помещиками. Николая I, не отличавшегося широтой кругозора своей бабки, проклятый вопрос преследовал всю жизнь; по словам В.О. Ключевского, Николай Павлович “предпринимал против рабства минную войну медленным потаннным подкопом”³². Он учредил несколько комитетов, столь же секретных, сколь и бесплодных, и даже получил “отпор” со стороны смоленских дворян, когда осторожно и окольным путем заговорил с ними о необходимости подступить к наболевшей проблеме. Так что указ Александра II имел, хотя и скрытую от общественности, длительную предысторию. Но вправе ли мы требовать от Екатерины то, что произошло сто лет спустя и после крымской катастрофы, когда все, за исключением крайних ретроградов, пришли к убеждению, что так дальше жить нельзя? К истории не следует подходить как к трамплину для головокружительных прыжков. Пушкин молвил: “Что нужно Лондону, То рано для Москвы”. Выпрыгнуть из эпохи не дано ни монарху, ни революционеру.

Повторяю, основополагающей чертой царствования Екатерины являлось то, что мы ныне определяем понятием “стабильность”; не случайно императрица писала о благополучии, покое и блаженстве (!!) подданных. Всякий знал, что его жизнь, семья и имущество будут в целости и сохранности завтра, через год и через десятилетие. Несмотря на семь войн, пугачевщину, недороды и множество местных эпидемий, страна находилась на подъеме.

Екатерина придерживалась принципов управления, с которыми не худо было бы ознакомиться и ныне власть имущим. На первом месте значилась тщательная продуманность любой принимаемой меры: “Остерегайтесь издать закон, а потом отменить... Это означает вашу нерассудительность и вашу слабость и лишает вас доверия народного”. Не городить законы друг на друга, а воспитывать в обществе к ним уважение: “Снисхождение, примирительный дух государя сделают больше, чем миллионы законов, и политическая свобода даст душу всему.

Часто лучше внушить преобразования, чем вводить их властью". Политика должна проводиться твердо и последовательно: "Воля моя, раз высказанная, остается неизменной". Важное место в системе гражданской жизни отводилось суду, но отнюдь не чрезвычайному: "Мне кажется, всю жизнь я буду чувствовать отвращение к чрезвычайным судебным комиссиям, особенно секретным. Зачем отнимать у обыкновенных судов дела?" И далее: "Власть без доверия народного ничего не значит для того, кто хочет быть любимым и славным"³³.

Постепенно вырабатывался стиль управления. В отличие от многих властителей Екатерина не играла на слабостях, а использовала сильные стороны сподвижников. Она окружила себя плеядой выдающихся людей и, особенно в первые годы царствования, умела их слушать. В записке генерал-прокурору А.А. Вяземскому императрица сочла нужным подчеркнуть: "Я весьма люблю правду, и Вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить против меня без всякого опасения, лишь бы только то благо произвело в деле". Со временем волны лести почти затопили правдолюбие императрицы, она же замечала, что соглашается с мнением Совета, "если он разделяет мое"³⁴.

Екатерина завещала преемникам ценить ум, опыт, преданность сотрудников и не заниматься кадровой чехардой: "Кто не ищет заслуг и кто их не открывает, недостоин и неспособен царствовать". С людьми надо обращаться бережно, поощряя их и избегая разносов: "Я хвалю громко, а ругаю на ушко". В гневе царица засучивала рукава, мерила шагами комнату, пила воду, но никогда не рубила сплеча и не принимала решений под горячую руку. Как-то на закате ее дней секретарь Потемкина В.С. Попов наивно изумился: почему ее приказания выполняются беспрекословно и даже с готовностью? В ответ Екатерина разъяснила механизм "самодержавства": "Ты сам знаешь, с какою осмотрительностью, с какою осторожностью поступаю я в издании моих узаконений. Я разбираю обстоятельства, советуюсь, уведывая мысли просвещенной части народа, и потому заключаю, какое действие указ мой произвести может"³⁵.

Жизнерадостный темперамент Екатерины Алексеевны, без которого она не прошла бы восемнадцатилетнего чистилища, предшествовавшего воцарению, наложил отпечаток на ход государственных дел. Ее самоуверенность доходила до самоуспоения. Ивану Чернышеву она писала: "Послушай, барин! Когда ты узнаешь все, что я сделала и затеяла против Российской империи неприятеля, тогда ты скажешь, что после Ивана Чернышева никто более Катерины не любит шум, гром и громаду; не изволь принимать сие за бредню..." А дальше царица разгулялась совсем: "Если нужда потребует, и со шведами управлюсь, как с клопами, кои кусают с опасностью быть раздавленными". Так она собиралась обойтись с подданными собственного дяди, короля Адольфа-Фредрика. Досталось и британцам, при коих Чернышев состоял послом: "Твои же англичане ужесть радость как не важны, и, я чаю, таковыми будут до тех пор, пока французы с гишпанцами на них нападут, чего дай Боже хотя на завтра получения сего письма"³⁶. Знай наших!

На жалобы Румянцева по поводу нехватки солдат царица отвечала: “Не спрашивали римляне... в коликом числе против них неприятель, но где он... а мы, русские, милостие Божие за правость нашу в сей войне с нами”. “Отважно выдержать невзгоду – доказательство величия души”, – полагала она и неизменно следовала этому правилу. Лишь однажды ее видели упавшей духом – при вести об объявлении войны туркам в августе 1787 г. Но на другой день она появилась как всегда подтянутая, приветливая, сдержанно улыбающаяся: “В моей голове война бродит, как молодое пиво в бочке”³⁷.

Можно сказать без гаданий, что принявшая Екатерину страна стала для нее не второй, а единственной родиной. Никаких сношений с родственниками, которым было запрещено приезжать в Петербург. Ни разу за 52 года жизни в России Екатерина II не переступала ее грани. Она отказалась от модного тогда обычая – заводить слуг-иностранцев. Когда во время поездки в Прибалтику немецкое рыцарство вздумало приветствовать ее на родном языке, Григорий Орлов отвечал, по распоряжению императрицы, и по-русски.

“Русский народ есть особенный народ в целом свете, который отличается догадкою, умом, силою”³⁸. Критика в его адрес отвергалась.

Когда пришло время женить сына, Екатерина сочинила специальную инструкцию для будущих великих княгинь. Наставление включало три пункта: послушание мужу, покорность свекрови, преданность России. Юная принцесса “должна чтить нацию, к которой будет принадлежать, никогда не должна худо говорить о ней как в целости, так и по отношению к отдельным лицам”; от прибывшей к венцу девицы требовались “величайшее старание соображаться с обычаями страны и решительная охота говорить на языке этой обширной монархии”; “с самой минуты прибытия своего в Петербург она непременно должна учиться говорить по-русски”³⁹.

Одна Россия, только Россия, Россия превыше всего! Железная в служении ей дисциплина!

В середине 70-х годов незаметно промелькнула дата, которая в иных обстоятельствах таила бы в себе опасность серьезных осложнений: Павел достиг совершеннолетия и, стало быть, мог выступить соправителем матери. Благо пример был налицо: императрица-королева Мария-Терезия разделила трон со своим первенцем Иосифом. Но Екатерина сделала вид, что не заметила особой значимости даты. Авторитет ее после победоносного завершения войны с Турцией и подавления Пугачевского восстания в дворянстве представлялся незыблемым, оппозиция не посмела выступить с открытым забралом, ограничившись шушуканьем в дворцовых закоулках. Н.И. Панин отказался в ней участвовать ввиду полной безнадежности самого замысла выступить против царицы!^{1*}

^{1*} Позднейшее свидетельство декабриста М.А. Фонвизина, племянника драматурга, о “заговоре” Паниных, Н.В. Репнина, Е.Р. Дашковой в целях возведения Павла на престол не представляется убедительным (см.: В борьбе за власть. М., 1988. С. 317). Эту версию отвергает такой знаток источников эпохи, как В.С. Лопатин (см.: Екатерина II и Потемкин: Личная переписка. М., 1997. С. 660).

Отношения матери и сына складывались ненормально с самых его детских лет. Нервный, впечатлительный мальчик, он фактически не видел детства. Воспитатель, Никита Иванович Панин, был к нему по-своему привязан, но в то же время сух, строг и вечно занят. Мальчика окружали взрослые, за обедом велись разговоры не для детских ушей. Павел не забыл и не простил матери расправу с отцом, ненавидел и презирал ее фаворитов, твердо помнил, что легитимным императором должен стать он. Общение его с императрицей ограничивалось официальными поводами: выхватив саблю из ножен, он скакал перед нею в рядах конной гвардии, принимал вместе с ней морской парад. Но на увеселительную прогулку по морю его уже не приглашали. Екатерина с тревогой наблюдала увлечение сына отвратительной в ее глазах казарменной муштрой. Точек соприкосновения в политике у матери с сыном не было. По случаю совершеннолетия Павел отправил царице записку, озаглавленную “Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребных для защиты оногo, и касательно оборонныx всех пределов”. В ней предусматривались централизация и субординация сверху донизу. Рисуемые порядки слегка напоминали казарму: прекратить наступательные акции вовне, отгородиться от мира цепью крепостей, создать наследственную касту солдат, бороться с продажностью и разболтанностью с помощью иерархической субординации⁴⁰. Царица видела в сыне будущего могильщика своих начинаний.

Раздумьям о судьбе трона предавались и в дипломатическом корпусе. “Императрица стареет”, – размышлял английский посол Ч. Кэткорт (это в сорок с небольшим лет!). А Павел уж больно ненадежный, изменчивый и вспыльчивый, весь в незадачливого и несчастного отца. На всякий случай ему оказывали знаки внимания в виде преподнесения подарков – кареты, лошадей⁴¹.

В 1776 г. Павел поехал в Берлин свататься. Скуповатый король Фридрих не жалел на сей раз денег – парады, смотры, приемы... Великий князь не скрывал своего восторга перед Пруссией и ее монархом. Между тем Екатерина собиралась сменить прусскую дружбу на австрийскую.

В 1780 г. Павел, уже со второй женой, Марией Федоровной (первая скончалась родами), под именем графа Северного отправился в вояж по Европе; чета посетила Саксонию, Австрию, Швецию, Италию и Францию. Заезжать в Берлин императрица запретила, пропрусские склонности наследника ее всерьез тревожили. Павел отводил душу, критикуя российские порядки и обещая изменить их с приходом к власти. За супругами следили и докладывали Екатерине. К государственными делам она сына не допускала, в заседаниях Совета он не участвовал. В 1788 г. на утеху ему позволили завести пять рот в Гатчине, и он муштровал солдат до изнеможения. “Гатчинцы” в отличие от прочих русских солдат, одетых свободно и удобно, маялись в мундирах прусского образца. Выехать на театр второй “екатерининской” войны с Турцией мать Павлу не позволила, опасаясь, что он явится помехой командованию. Предлог был найден: “Великая княгиня брюхата... и он до ее родин не поедет уже”, – успокаивала императрица фельдмаршала

Потемкина. Первый и единственный выезд Павла Петровича “на войну” против шведов состоялся в 1789 г. и закончился быстро: все было не так, как надо; ни дисциплины, ни строгих линий, ни чеканного шага. Павел рассорился с генералами, отбыл восвояси и затаился в Гатчине. Императрица провела о его связях с ненавистными масонами и о тайных сношениях с лютым врагом, прусским королем Фридрихом-Вильгельмом II, и потеряла к сыну всякое доверие. Павел Петрович застыл в ненависти к очередному фавориту, резко отзывался о вольных нравах при “большом дворе” и со страхом ждал – не отстранят ли его мать от престола, передав трон непосредственно обожаемому внуку Александру.

Распущенность при Екатерине в высших сферах вошла в поговорку; ей предавались люди и тонкого ума, и высокого образования. Век Просвещения полагал, что все естественное прекрасно, а что может быть естественнее земной любви во всех ее проявлениях, в том числе и в виде легкого увлечения! Именовалось это “наслаждением натуральным”⁴².

У Екатерины Алексеевны было не больше любовников, чем у Елизаветы Петровны. Но она в отличие от предшественницы придавала им статус фаворитов, ввела даже звание флигель-адъютанта, предоставляла им апартаменты в Зимнем дворце. Первым среди них значился Григорий Григорьевич Орлов, от которого у нее был сын Алексей (Бобринский). Заслуги Григория в возведении полуопальной супруги Петра III на престол неоченимы. Екатерина, видимо, всерьез помышляла о замужестве, но последствия страшили. Приписываемое Н.И. Панину суждение: “Госпожа Орлова не может быть императрицей” – заставило ее оставить мысль о браке.

Серьезного влияния на государственные дела генерал-фельдцейхмейстер (т.е. начальник артиллерии) не оказывал – не того масштаба была личность. Но и вреда Григорий Григорьевич не наносил. Особым честолюбием он не отличался, врагов (Паниных, Чернышевых) не преследовал, в Вольном экономическом обществе высказался за напечатание трактата, осуждавшего крепостничество; в собственных обширных имениях “ярем он барщины старинной оброком легким заменил” (по полтора рубля в год со двора). Даже такой беспощадный разоблачитель, как М.М. Щербатов, отзывался о Григории Григорьевиче скорее с симпатией: хотя тот и взрос “в трактирах и неблагопристойных домах” (что было, то было!), “но сердца и души добрейшей”, “не льстил своей государыне, к которой не ложное усердие имел”, никому не мстил, оставляя “каждому месту и человеку непрерывное исполнение их должностей”. Единственно, в чем добродетельный Михаил Михайлович укорял фаворита, так это в неутомимом “любострастии”; впрочем, попрекал он и дам, старавшихся “учиниться его любовницами”⁴³.

В 1771 г. Григорий Орлов сам вызвался ехать в охваченную чумой Москву, где разразился бунт, – отваги ему было не занимать. Через год его “случай миновался”; он путешествовал, вступил в брак с красавицей Зиновьевой, а после ее ранней смерти лишился рассудка. Полагают, что припадки безумия случались с ним и раньше, но все, что проис-

ходило за плотно закрытыми дверями царицыных покоев, покрыто тайной; Екатерина никогда не молвила ни слова в порицание бывших возлюбленных.

Григорий Александрович Потемкин – особый случай. Слова “фаворит”, “временщик” неприменимы к этому великому государственно-му мужу, слишком мелок масштаб. Советник и соправитель императрицы. А начался роман по почину Екатерины.

В декабре 1773 г. он, будучи в чине генерал-поручика, находясь на театре военных действий с Турцией, получил от императрицы письмо, хотя и в эзоповом стиле, но кривотолков не допускавшее: “Вы, я чаю, столь упреждены глазами на Силистрию, что вам некогда письма читать”. Потемкин немедленно прекратил “глазение” и поспешил в столицу. Начался бурный роман. Сошлись две личности, не столкнулись, а объединились два темперамента – Потемкина, склонного к масштабному мышлению и порывам, способного из заоблачных мечтаний погружаться в пучину меланхолии, и Екатерины, трезвой, чуждой мечтательности, заземленной, прагматичной и предсказуемой. Потемкин и в могилу сошел неразгаданным: “Не бывало царедворца более великолепного и дикого, министра более предприимчивого и более трудолюбивого, полководца более храброго и вместе нерешительного” (французский посол Л.Ф. Сегюр).

К счастью для потомков, сохранилось более тысячи писем, записок, весточек, которыми она и он обменивались даже тогда, когда жили под одной крышей и общались ежедневно. Потемкин не сжег писем Екатерины, личных и интимных, хотя такая договоренность между ними существовала. Нигде душевный мир Екатерины-женщины не раскрывается с такой полнотой, с такой степенью доверия, тепла, страстности, как в наспех набросанных весточках; в них – нетерпение, нежность, порыв, стремление опереться на сильную и преданную руку и вырваться из золоченой клетки дворцового одиночества, на которое обречены все монархи. И все это языком прелестным в своей выразительности, хотя и с огрехами по части грамматики. Встречаются среди них забавные: самодержице не терпелось повидать дружка, но помешала встреченная по пути прислуга: “Батинька, три раза старалась я приходиться к тебе, но всякий раз я нашла лакеи и истопники”.

Подсчитано: Екатерина тридцать раз назвала Потемкина мужем или супругом, сопровождая такими эпитетами, как дорогой, любимый, милый и даже “собственный мой”: “Гришенок бесценной, беспримечной и милейший на свете, я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милой, цалую и обнимаю душою и телом”. Мы не разделяем точку зрения А.Б. Каменского, будто Екатерина занималась модной в то время куртуазной игрой, “маскарадом, шутовством, характерным для любовного этикета того времени”. Сейчас в научных кругах утвердилась мысль, что Потемкин и Екатерина вступили в церковный брак, которая представляется обоснованной, – и вечание состоялось в церкви Святого Самсония на Выборгской стороне в Петербурге.

Всепоглощающая и испепеляющая страсть длилась два года. Затем начались ссоры, Потемкин ревновал и устраивал бурные сцены; Екате-

рина плакала и клялась в преданности и верности: “душу в душу я жить готова”. Разъединило их то, в чем они сходились, – властолюбие, Петербург стал тесен для двух честолюбцев. Екатерина со свойственными ей пронизательностью и откровенностью писала: “Мы ссоримся о власти, а не о любви”. Они расстались, Потемкину поручался юг страны, куда он и отправился – обустроить Новороссию. Его не увенчанное короной владычество над четвертью империи продолжалось пятнадцать лет. Но политический дуэт Екатерины и Потемкина не распался, князь оставался опорой и ближайшим советником императрицы, ни одно крупное событие не обходилось без его участия. Ему поступали нежные письма: “Мне кажется, год как тебя не видала. Ау, ау, сокол мой дорогой”. Врагов и интриганов было множество, но царица отметала козни и наветы недоброжелателей светлейшего⁴⁴.

Остальные избранные не шли ни в какое сравнение ни с Потемкиным, ни даже с Орловым. На государственные дела они влиять не могли по своей мелкокапитальности, временщиками не были. Разве что разоряли казну и дискредитировали императрицу. Она питала особенно нежные чувства к юному А.Д. Ланскому, искренне к ней привязанному. Его ранняя смерть повергла монархиню в глубокое горе, она удалилась от дел и уединилась в Царском селе. Потемкин и Федор Орлов явились ее утешать. Время было сентиментальное, мечтательное, двое здоровых мужчин и царица выплакались, и она почувствовала облегчение⁴⁵. Забвения она, по обычаю, искала в чтении. На сей раз ее внимание устремилось к сравнительному языкознанию. Императрица увлеклась идеей существования у человечества некоего праязыка. Она затормозила Академию наук, своих корреспондентов за границей и даже послов. В 1787 г. вышел в свет первый том под заглавием “Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы”. На этом широковещательный замысел заглох; вряд ли было разумно брать за основу всех наречий русский язык.

С А.М. Дмитриевым-Мамоновым случился казус иного рода: он влюбился во фрейлину Д.Ф. Щербатову и испросил у Екатерины разрешения на брак. Та была оскорблена в лучших чувствах и жаловалась Потемкину: “Я как с неба упала от этой неожиданности... Беда та, что сердце мое не хочет быть ни на час без любви”, – а тут такой пассаж. Фельдмаршал, как мог, утешал своего друга: “Ох, матушка, плюнь ты на него!”⁴⁶

Екатерина смирилась и, по обычаю, сама убрала волосы невесты-фрейлины; злые языки утверждали, что, мстя сопернице по-мелкому, она во время этой процедуры якобы не случайно уколола ее булавкой.

Последний фаворит дряхлеющей императрицы, П.А. Зубов, использовал свой “случай” для беззастенчивого обогащения себя и родственников, по ходу дел сочиняя бредовые завоевательные планы. С ним мы еще встретимся на страницах нашего повествования.

К концу жизни Екатерины по Европе стали расползаться слухи о разнузданных нравах при российском дворе, умело использовавшиеся политическими противниками и завистниками, особенно во Франции после начавшейся там революции. Однажды петербургский обер-поли-

цеймейстер положил императрице на стол номер газеты “Монитор” с описанием “оргий”, происходивших якобы в подвалах Зимнего дворца. Екатерина изумилась и заметила, что в оных подвалах вообще никогда не бывала, и разрешила публикацию к распространению.

На самом деле в повседневной жизни царица воплощала умеренность. Вставала в пять утра, лишь в старости позволяла себе нежиться в постели до шести. Занятия начинались с чтения корреспонденции и сочинения писем, до чего государыня была большой охотницей. В восемь часов на пороге появлялся секретарь. Его встречали приветливая улыбка, протянутая для поцелуя рука и просьба густым и протяжным голосом: “Садитесь”. После распоряжений – чашка крепчайшего кофе с сухариком. Однажды посетитель пришел с мороза, у него зуб на зуб не попадал от холода. Царица угостила его любимым напитком, и с тем приключился обморок.

Затем – неизменная прогулка, почти всегда с любимыми собачками, часто в сопровождении доверенной особы, Марии Саввишны Перекусихиной. Обычный (не парадный) обед в узком кругу изысканностью не отличался; любимое блюдо – вареная говядина с огурцами. По средам и пятницам соблюдался пост. Обычный напиток – клюквенный морс, из фруктов к столу подавали яблоки и вишни. Вина императрица почти не пила, разве что в поздние годы, ради пищеварения, рюмку рейнвейна или мадеры. Один из поваров в Зимнем готовил плохо. Царице предложили его уволить, но она наотрез отказалась: служит верой и правдой много лет. В дни его дежурства она утешала сотрапезников: завтра отведаем блюда лучше приготовленные. Случалось, любители вкусно поесть, встав из-за царского стола, отправлялись к кому-либо из обитателей дворца, державших повара, чтобы вкусить яств поизысканнее.

Распушенность при дворе не являлась уделом одной лишь России. Но и здесь произошли перемены: исчезли шуты и карлицы, непристойным считалось напиваться до бесчувствия, за грубое словцо, срывавшееся с языка, полагалось платить штраф, правда символический. Увлечение маскарадами, которому без устали предавалась царица Елизавета Петровна, обряжаясь в мужской костюм и демонстрируя красивые ноги, прошло; зато процветали театральные представления. Блеснуть можно было не скабрзным анекдотом, а изящной шуткой и знакомством с зарубежной литературой. Лет до сорока пяти Екатерина с увлечением танцевала на балах, позднее любила играть в карты. Партнерам было не обязательно проигрывать ей червонцы; когда же это случалось, не один вельможа с досадой бросал карты на стол и шумно удалялся. В “малом Эрмитаже” (так назывались вечера для избранных) обходились “без чинов”. Императрица просила не вставать с ее приближением и даже предложила обращаться ко всем “на ты”. Последнее как-то не привилось, остроумный принц Ш. де Линь приветствовал ее словами: “Ты, Ваше императорское величество...” Входя в зал, Екатерина отвечивала три поклона. Даже Григорий Орлов, ранее ничем, кроме пирушек, женского пола и охоты, не увлекавшийся, почувствовал тягу к чему-то умственному, затеял переписку с Ж.-Ж. Руссо и ре-

шил заняться астрономией. Он установил телескоп на крыше Летнего дворца, но звезд не открыл.

Музыкой Екатерина не увлекалась, признавая, что для нее волшебные звуки – просто шум. Исключение делалось для комической оперы, которую она жаловала, будучи по природе жизнерадостной и смешливой.

Двор обычаями и нравами на монастырь не походил, но и оргий там не происходило.

- ¹ Брикнер А.Г. История Екатерины II. М., 1991. Т. 2. С. 734–735.
- ² Ключевский В.О. Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 355, 480; *Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great*. L., 1981. P. 481; Екатерина Великая – эпоха российской истории. СПб., 1996. С. 31; Брикнер А.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 636.
- ³ Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 328, 335; История СССР. М., 1967. Т. 3. С. 409, 435; Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. М., 1997. С. 211; Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1960. С. 188–190, 200, 260, 262.
- ⁴ *Madariaga I.* Op. cit. P. 367, 550.
- ⁵ Цит. по: Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 259, см. также С. 256, 258; Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 480.
- ⁶ *Grey I. Catherine the Great*. Westport, 1975. P. 219; Чайковская О.Г. “Как любопытный скиф”. М., 1990. С. 156.
- ⁷ Записки императрицы Екатерины Второй. М., 1989. С. 653.
- ⁸ Сб. РИО. СПб., 1876. Вып. 19. С. 159.
- ⁹ Екатерина II и ее окружение. М., 1990. С. 390.
- ¹⁰ История СССР. М., 1967. Т. 3. С. 489, 491–492; Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 480.
- ¹¹ Хрестоматия по русской литературе XVIII века. М., 1952. С. 348; Известия, 1996. 15 дек.
- ¹² Чайковская О.Г. Указ. соч. С. 87, 105.
- ¹³ Бобринский Н.Н. И.И. Бецкой – фактический отец Екатерины // Екатерина Великая – эпоха российской истории. С. 120–123; Любавский М.И. История царствования Екатерины II. М., 1911. С. 181–183, 191; Чайковская О.Г. Указ. соч. С. 119–122.
- ¹⁴ Любавский М.И. Указ. соч. С. 176; Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 343.
- ¹⁵ Екатерина II. Соч. М., 1990. С. 525; Записки императрицы Екатерины Второй. С. 707–709.
- ¹⁶ Коломинов В.В. Основание Российской академии // Екатерина Великая – эпоха российской истории. С. 34–35.
- ¹⁷ *Madariaga I.* Op. cit. P. 502; Коноплина Е.Д. Научная книга екатерининской эпохи // Екатерина Великая – эпоха российской истории. С. 37; Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 351.
- ¹⁸ Хрестоматия по русской литературе XVIII века. С. 346–347, 354–355.
- ¹⁹ Эйдельман Н.Д. “Грань веков” // В борьбе за власть. М., 1988. С. 317–318.
- ²⁰ Там же. С. 285.
- ²¹ Брикнер А.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 578; Хрестоматия по русской литературе XVIII века. С. 264, 272, 275.
- ²² Валишевский К. Роман императрицы. М., 1989. С. 246; Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 4-е изд. Л., 1978. Т. 8. С. 103.
- ²³ Хрестоматия по русской литературе XVIII века. С. 233, 342; В борьбе за власть. С. 291.
- ²⁴ Каменский А.Б. “Под сению Екатерины...”. М., 1992. С. 364.
- ²⁵ Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. 15. С. 108.
- ²⁶ Брикнер А.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 261.

- ²⁷ Хрестоматия по русской литературе XVIII века. С. 241.
- ²⁸ История СССР. Т. 3. С. 555–556.
- ²⁹ Екатерина Великая – эпоха российской истории. С. 68–69, 138.
- ³⁰ Чайковская О.Г. Указ. соч. С. 81.
- ³¹ Madariaga I. Op. cit. P. 270; Екатерина Великая – эпоха российской истории. С. 139.
- ³² Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 531.
- ³³ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 229, 680; Соловьев С.М. Соч. М., 1994. Кн. 13. С. 473–474; Валшиевский К. Указ. соч. С. 363.
- ³⁴ Брикнер А.Г. Указ. соч. Т. 2. С. 621.
- ³⁵ Каменский А.Б. Указ. соч. С. 413.
- ³⁶ Соловьев С.М. Соч. М., 1994. Кн. 14. С. 338.
- ³⁷ Записки императрицы Екатерины Второй. С. 639; Елисеева О.И. Переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны (1787–1791). М., 1997. С. 39; Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. С. 225.
- ³⁸ Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. С. 537.
- ³⁹ Сб. РИО. СПб., 1874. Вып. 13. С. 334–335.
- ⁴⁰ В борьбе за власть. С. 318; Madariaga I. Op. cit. P. 85, 290.
- ⁴¹ Сб. РИО. Вып. 19. С. 165, 340, 405; Madariaga I. Op. cit. P. 353; Елисеева О.И. Указ. соч. С. 56.
- ⁴² Чайковская О.Г. Указ. соч. С. 174.
- ⁴³ Екатерина II и ее окружение. С. 265–266.
- ⁴⁴ Брикнер А.Г. Потемкин. СПб., 1891. С. 22–23; Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. С. 81, 31, 514; Лопатин В.С. Тайный брак Екатерины Великой // Екатерина Великая – эпоха российской истории. С. 144–146; Каменский А.Б. Указ. соч. С. 294.
- ⁴⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 490.
- ⁴⁶ Екатерина II. Соч. С. 502–504.

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОЙНАМИ

ВЫСОКАЯ ПОРТА

Один из принципиальных итогов войны 1768–1774 гг. – крайнее недовольство могущественных местных правителей столь очевидной слабостью центра перед внешним врагом и бесчисленными восстаниями.

В 1778–1779 гг. политическая и административно-хозяйственная жизнь Европейской Турции, как писал русский наблюдатель, начала свои колебания под воздействием высвободившихся на фронте и неприкаянных аянских армий и бунтарей всех мастей. Настала эпоха жесточайших бунтов на уровне “власть–аян”.

Как показал М.С. Мейер, в конце 1770-х годов в русских дипломатических документах появился термин *деребей* – местный всесильный правитель, – содержащий оттенок конфронтации по отношению к султанской власти.

Таковым хорошо известным в России деребеем (поскольку он одно время скрывался в русских землях от преследования правительства) был Джаникли Хаджи Али-паша. Повелитель – иначе не скажешь – Трабзона (Трапезунда) и Самсуна, он отменно воевал с русскими в 1769–1774 гг. Боевой опыт, приобретенный на кавказском и дунайском театре военных действий, и личные контакты с некоторыми высокими военными чинами русской армии – выходцами из мусульманских семей – он в последующие годы сумел использовать для установления прямых связей с русской администрацией в Прикубанье¹.

Независимую линию деребеев и аянов в армии и на местах, отчетливо проявившуюся после Кючук-Кайнарджийского мира, Порта попыталась пресечь, ужесточив контроль над боеспособными “частными армиями”. Не удалось. Тогда Порта попыталась ограничить круг лиц, претендующих на звание “первого аяна”. Неучастие (или недостаточное участие) аяна или деребея в “русской войне” являлось весомым поводом в акциях центра против “уклониста”. Так было, например, с Махмудом Бушатлы, захватившим массу земель в Западной Греции. Военную экспедицию против него возглавил в 1779 г. сам капудан-паша, а среди выдвинутых против него обвинений значилось уклонение от помощи трону в войне с Россией. Своеобразная борьба за аяна, за его войска, за использование его сил и влияния в интересах центра продолжалась еще несколько лет. В канун войны 1787 г. уже в окружении Селима III оформилась идея закрепить за крупными аянами, они же – командующие частными армиями, функции посредников между властями

и местными жителями. Только новое поражение в войне 1787–1791 гг. заставило Селима III отказаться от реализации этой идеи.

Деребен и аяны, не воюя с повстанцами по приказу центра или не сражаясь с Россией в составе войск империи, существенно окрепли. Итогом этого процесса позднее, в 1807–1808 гг., явилось падение неудачливого султана-реформатора Селима III.

После 1774 г. местную анархию стало невозможно контролировать. Поэтому глубокие и принципиально новые реформы в армии, отрыв ее от ленного держания были продиктованы не только задачами борьбы с внешним врагом, но и развалом в стране. Война 1768–1774 гг. побудила центр ускорить принятие спасительных мер, в частности решиться на переход к регулярной и, естественно, по-европейски обученной армии, которая была бы полностью под его контролем.

Отсталость османской армии с точки зрения военной подготовки, материально-технического обеспечения, уровня компетентности и ответственности командования отражала, как признано в историографии, уровень застоя османской государственной и – шире – политической системы.

Абдул Хамид I предпринял массивные акции *по укреплению системы в целом, по овладению ситуацией*. Времени ему было отпущено мало, а инерция развала была слишком велика.

И все же! Финансовый крах начали выправлять в первую очередь не с помощью чеканки “облегченных” курушей, а путем проверки правильности записей на ленные держания. Расширилась практика только краткосрочных (сам Абдул Хамид I на этом настаивал!) откупов богатейших таможен Стамбула, Измира, Салоник. Это приносило казне до 5 млн курушей, или 1/6 всех доходов бюджета.

Были проверены и конфискованы бераты – патенты на право состоять в янычарском войске. Лица, незаконно их получившие, либо шли в армию без льгот, либо платили в казну огромные штрафы. Увеличились суммы откупов на табак. При этом султан жестко урезал расходы двора. Началась продажа заемных билетов – своеобразных облигаций Высокой Порты без права передачи их по наследству. Были пересмотрены ставки и виды всех налогов. Часть из них отменили, несколько мелких налогов объединили, собираемость налогов стала главным показателем лояльности аянов и деребеев².

Появилось несколько хаттов – указов о справедливом налогообложении среди всех подданных. Это было делом вовсе неслыханным! Европейские газеты изумлялись: уж не Вольтер ли пробрался на османский престол?.. Один усердный русский наблюдатель нашел полное (!) внешнее сходство между Вольтером (1694–1778) и Абдул Хамидом I (1725–1789). Заметим, что этот сюжет был предметом множества забавных разговоров в серале между вдовой Мустафы III Михри-шах и последней и любимой женой Абдул Хамида I креолкой Эме де Ривери. Как писала Эме своей кузине Жозефине де Богарне, впоследствии императрице Франции, султан сохранил все зубы, был “приятно настойчив в восходящих фазах Луны. Наш чудесный Махмуд – тому свидетельство, дорогая...” Внедрение достижений европейской военной нау-



Князь Н.В. Репнин.

Портрет работы неизвестного художника (копия с оригинала Д.Г. Левицкого), 1780-е. ММС

ки и привлечение европейских специалистов после 1770 г. (Чесма) и в 1774 г. способствовали обновлению армии и флота, причем привлекали не только ренегатов – лиц, принявших ислам, но и настоящих советников. Дело касалось пушечного парка, флота, военных учебных заведений. Правда, приходилось считаться с традициями: один осман с ятаганом одолест пять-шесть франков с ружьями. Двор и улемы не могли идти на прямой с ними разрыв – потребовалась фетва шейх уль-ислами на введение в османских войсках штыка-багинета³.

После заключения Кючук-Кайнарджийского мира обе стороны, Турция и Россия, приступили к выполнению основных статей договора. В том, как это началось, проявились два разных подхода к перспективе дальнейшего развития русско-турецких отношений. Османская империя стремилась отсрочить или утопить в оговорках главные артикулы трактата, Россия активно боролась за сохранение мира, скорейшую и беспосредственную торговлю с Турцией и освоение новых территорий, за выполнение условий договора о Крыме и Дунайских княжествах.

Произошел обмен чрезвычайными посольствами с целью доставления ратификационных грамот. Миссия в Петербурге назначенного послом в Россию бейлербея Румелии Абдул Керим-эфенди была чисто протокольной, так как обмен ратификационными грамотами уже состоялся в Константинополе.

Иными были задачи у чрезвычайного русского представителя, участника недавней войны генерала Н.В. Репнина, получившего 24 апреля 1775 г. пространные инструкции для посольства в Константинополе⁴.

Их характер и содержание отражали основные направления турецкой политики России на десятилетие – вплоть до новой войны. Главное внимание уделялось двум проблемам этих лет: независимости Крыма и свободе торгового судоходства в Черном море.

Проблема “вольности крымских и ногайских татар” трактовалась как невмешательство обеих сторон в дело “татарской вольности”. Особо подчеркивалось, что Россия и Турция должны решать этот вопрос так, чтобы оградить себя “навсегда от всяких впредь между собой... споров и хлопот”. Отмечалось, что способом урегулирования конфликтов должны стать двусторонние, без иностранного посредничества, переговоры на основе Кючук-Кайнарджийского договора.

Свобода русского торгового судоходства в Черном море и возможный проход судов под торговым флагом России через Босфор и Дарданеллы были представлены Порте как наилучшая возможность укрепления добрососедских отношений, источник доходной торговли, прежде всего между подданными обеих держав.

Н.В. Репнин должен был настоятельно подчеркивать, что Черное море следует рассматривать как закрытое для любых судов третьих держав⁵. Кроме того, ему предписали разузнать “взаимное между собой соображение турецких продуктов с российскими... которые из них той или другой стороне надобны и удобнее заимствованы быть могут”. Примечание Екатерины II гласило, что от выполнения этой части инструкций Н.В. Репнина “польза может быть великая и обширная на все части отечества”⁶.

Впервые в инструкциях полномочного представителя правительства России появился особый пункт. Более ста лет он будет присутствовать в аналогичных документах: внимательное наблюдение, “дабы единоверные наши нигде утесняемы не были по причине их [веро]исповедания, и чтобы Вы во всяком случае ходатайствовали за оное и за православные церкви при Порте вследствие мирных артикулов VIII, XIV, XVI и XVII, требуя скорого поправления в беспорядках”. В общей форме говорилось о защите интересов балканских подданных Турции, о строительстве портов и крепостей на новых границах России. Осторожно и деликатно Н.В. Репнин должен был нейтрализовать влияние Франции, Швеции, Австрии, действуя в согласии с представителями Пруссии, Англии и Венеции в Константинополе. Ориентация на двусторонние контакты во всем, что касалось собственно России и Турции как суверенных черноморских держав, отнюдь не означала искусственной изоляции Порты в европейской политике и создания в Константинополе нового центра силового воздействия на поверженного противника в свете обретенных прав протектората христианским подданным султана⁷.

Реально ли было выполнить эти столь масштабные задачи? Весьма трудно. Помимо того что Османская империя переживала сильнейшее после поражения под Веной (1683) социально-психологическое потрясение, осложнялось ее внешнеполитическое положение. Кючук-Кайнарджийский трактат в такой же мере ослабил международные позиции Порты, в какой повысил уровень авторитета екатерининской дипломатии в Европе.

Австрия при поддержке Венеции укрепляла свои крепости вблизи Хотина, стягивая войска к границам балканских пашалыков. Перманентная напряженность сохранялась на тысячах километров ирано-турецкой границы. Некоторую помощь (инструкторы в армии, продажа кораблей для воссоздаваемого турецкого флота) оказывала Франция, но по мере нарастания социальной напряженности внутри самой Франции и сближения России с Австрией она сокращалась.

Лишенные по существу поддержки извне, без надежной армии султан и его окружение были вынуждены считаться с мощной оппозицией договору столичных улемов, выступавших вместе с дервишскими орденами, верхушкой эснафов (цехов) и, как правило, опиравшихся на толпы константинопольского люмпена. Сюда же примыкали феодалы-тимариоты, аяны всех рангов, недовольные Мустафой III и его преемником Абдул Хамидом⁸. Все они требовали сохранения Крыма османским владением, не считаясь ни с реальным положением империи, ни с обстановкой на самом Крымском полуострове. Итогом в связи с этим длительных (до 1779 г.) переговоров Н.В. Репнина, затем А.С. Стахиева и А.В. Моркова с великими везирами и высшими должностными лицами при участии самого султана явилось подписание 10 (21) марта 1779 г. Айналы-Кавакской изъяснительной конвенции⁹.

Все основные статьи Кючук-Кайнарджийского договора были подтверждены. В свою очередь, главные артикулы конвенции подтвердили полную административную независимость Крыма. В августе 1779 г. представитель прорусской группировки правящих кругах Крымского ханства Шагин-Гирей получил “благословительную грамоту” халифа-султана. Представителем ханства при Высокой Порте стал бывший посол в России Абдул Кадыр, назначенный реис-эфенди.

Турецкая сторона отказалась от противодействия независимости Крыма “как несовместной с шариатом”, прекратила поддерживать наследственный принцип престолонаследия в ханстве, что прежде давало Порте возможность существенно влиять на выбор хана.

Однако и Турция добилась от России серьезных уступок. Режим торгового судоходства в проливах и тоннаж русского флота устанавливались на уровне таковых Англии и Франции, что не отвечало интересам России. Самое существенное достижение османской дипломатии заключалось в юридическом признании халифата как основы идейно-политической зависимости татарского населения Крыма и прилегающих районов от турецких султанов.

Провозглашенная в конвенции (ст. 2) обязанность крымского населения посылать в Константинополь арз-и махзар (прошение к султану) с просьбой “духовного его благословления как хану, так и всей нации татарской” использовалась протурецкими кругами в ханстве как повод для бесчисленных посольств к “Высокому Порогу” от мулл, улемов и от соперничавших чингизидов, несмотря на то что конвенция устанавливала образец таких арз-и махзаров, ограничивая их сугубо религиозным содержанием¹⁰.

Взятое на себя Портой обязательство по договору 1774 г. “не препятствовать каким бы то ни было образом исповеданию христианско-

го закона совершенно свободно” в пределах Османской империи по Конвенции 1779 г. определенным образом уравновешивалось обещанием России “не прекословить и не противиться всему тому, что необходимо нужно или свойственно быть может их (татар с турками. – *Авт.*) единоверию...”

Клерикальные османские круги иной, кроме основанной на принципах подчинения исламу, договоренности с “неверными” не допускали, следовательно, независимость Крыма, утвержденную трактатом 1774 г., улемы при желании всегда могли объявить противоречащей шарияту, значит, несуществующей, что и делали вплоть до Крымской войны 1853–1856 гг.

Решение вопроса о Крыме на международно-правовом уровне содержало в себе элементы самых острых разногласий ввиду обращения турецкой дипломатии к полузабытому с XVI в., но возрожденному и весьма действенному в борьбе с немусульманами, в политическом и военном отношении более сильными противниками, идейному оружию “халифата” – верховной безоговорочной власти турецкого султана над миллионами мусульман от Днестра до Енисея.

Что касается интересов России, то они были ограждены подтвержденным договором, а конвенция давала возможность завершить подготовку к окончательному воссоединению Крыма и южно-русских земель.

Стороны обязались согласованно решать острые вопросы (Крым, новый торговый тариф и т.д.), по которым занимали особые и, как оказалось, непримиримые позиции. Турция возрождала флот, армию и укрепляла пограничные крепости, о чем постоянно сообщали А.С. Стахийев из Константинополя и корреспонденты Санкт-Петербургских и Московских ведомостей в 1778–1783 гг.¹¹ Порта затягивала вывод своих войск из Крыма и использовала в своих интересах острейшую борьбу за власть среди царевичей дома Гиреев, поддерживала непрерывные нападения отдельных отрядов крымского хана на сопредельные Крымские русские территории.

Когда в апреле 1783 г. Крым, Тамань и Прикубанье оказались на грани междоусобного столкновения местных феодалов, опасного для всего русского Причерноморья, был издан “Манифест о присоединении Крыма, Тамани и Кубанской земли к России”. Пять месяцев спустя “полудержавный властелин” Юга России Г.А. Потемкин сообщил в Петербург о “добровольной” и спокойной обстановке, в которой население Крыма приняло присягу на верность России. Одновременно здесь были отменены аналогичные османским многочисленным налогам и принудительная служба в турецко-татарской армии¹².

В России были готовы к тому, что Турция объявит войну. Однако обескуражившее Порту мирное принятие мусульманским населением Крыма русского подданства, отсутствие надежных боеспособных войск в условиях мятежей правителей балканских и азиатских пашалыков, а также “умиротворяющее воздействие” на Порту Англии, Франции и Австрии (при одобрительном молчании Пруссии), опасавшихся, что в случае войны Россия может приобрести непред-

видимо большую часть балканских земель, определили выжидательную позицию Турции.

В конце декабря 1783 г. Я.И. Булгаков подписал Константинопольский акт о Крыме, по которому, как он докладывал в Петербург, “артикулы о татарах навеки уничтожены, и последние наши распри с Портою кончены”. 9 января 1784 г. в Константинополе был обнаружен сенед о том, что Османская империя принимает и признает вхождение Крыма в состав России¹³.

Крымский вопрос отныне стал делом внутренней политики Российского государства, получившего реальную и обеспеченную возможность продолжать создание военного флота для обороны Юга страны, развивать богатейший экономический потенциал Причерноморья. Свобода коммерческой навигации в Проливах и выход на рынки Средиземноморья являлись неотъемлемой частью его черноморской политики.

Это хорошо понимали в Константинополе и отнюдь не собирались этому содействовать. Еще в период подготовки заключения Айналы-Кавакской конвенции турецкие представители подняли вопрос об организации судоходства в Черном море и Проливах. В течение двух последующих лет Порты настаивала на подписании торгового договора с уточнением порядка прохода Проливов и использования их русским флотом.

В 1782 г. Османская империя, продемонстрировав свою позицию как крупной морской державы, примкнула к вооруженному нейтралитету европейских стран против британских каперов. Этими действиями она еще раз привлекала их внимание к проблеме Черноморских проливов. Однако время для демаршей было выбрано неудачно. Англия и Франция находились в состоянии острого конфликта. Между Россией и Австрией началось сближение. Россия была занята окончательным решением вопроса относительно Крыма и подготовкой Георгиевского договора (август 1783 г.) о покровительстве над Восточной Грузией. В ходе длительных переговоров в Константинополе в торговом договоре 1783 г. были учтены предложения Порты¹⁴.

В русско-турецких отношениях сохранялись две из трех крупнейших проблем: грузинская и балканская. Во всем, что касалось Закавказья, Порты предпочитала действовать без согласования и помощи западных держав. Подтвердив в январе 1784 г. факт воссоединения Крыма с южнорусскими землями, Порты решительно отказалась признать договор 1783 г. России с Ираклием II о покровительстве России над Восточной Грузией.

Общее направление кавказской политики Порты состояло в том, чтобы сплотить под знаменем султана-халифа мусульманских правителей Северного Кавказа, Закавказья, привлечь правителей Средней Азии, подготовить выступления Кабарды и Бухары против России. Османское правительство противопоставило идейной направленности Греческого проекта – привлечь симпатии широких кругов христианских подданных Турции к России – знамя халифата, а растущему влиянию России в Дунайских княжествах и Греции – свои связи с Пруссией

и Швецией. С Пруссией как противницей Австрии, партнера России по Греческому проекту.

Шведскому королю Густаву III с помощью английских дипломатов и через специальное посольство в Швецию подробно изложили вероятную перспективу потерять Финляндию, наподобие того как Турция утратила Крым.

Дипломаты Порты учитывали, что усиление России в бассейне Средиземного моря крайне беспокоило Англию. Английскому посланнику в Константинополе Р. Энсли подробно рассказывали о “подстрекательствах” русских консулов и на Балканах, и в Искандеруне, и среди мамелюков Египта – выходцев из Грузии и Черкессии, поддерживавших связи с Эрекли-ханом и через него с Россией.

Через английское посольство в распоряжение Порты в 80–90-х годах поступали и переводились драгоманами посольства английские и французские брошюры и памфлеты, трактовавшие восточную политику России как антитурецкую, а спасение Турции как главную заботу Англии (Дж. Сазерленд, У. Итон) или Франции (К. де Пейсонелль, Ф. Арну) – в зависимости от места службы этих авторов.

В английских изданиях все чаще звучала мысль о “русской угрозе” Индии и теплым морям. Во французских акцентировалось внимание на усилении России в торговом и военном отношении на Черном море. Стремясь столкнуть Россию и Турцию в войне, французская дипломатия готовилась к широкому проникновению в Причерноморье.

¹ *Ozkaya Y.* Sanikli Ali pasa // *Belleten.* Ankara, 1972. Cilt. 36. № 144. S. 488–525; *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке: черты структурного кризиса. М., 1991. С. 169.

² *Гигинейшвили О.И.* О внутреннем положении Османской империи после заключения мира в Кючук-Кайнарджи, 1774–1777 // *Вопросы истории Ближнего Востока.* Тбилиси, 1963. С. 62–63; *Osmanli tarihi.* Yeni tab. Ankara, 1995. C. V. S. 11–18; *Мейер М.С.* Указ. соч. С. 198–202 и др.

³ *Memoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tatars.* Amsterdam, 1784. T. 2. P. 171–174.

⁴ Сб. РИО. СПб., 1911. Т. 135. С. 362–375. О миссии Репнина и обмене миссиями 1775–1776 гг. см.: *Материалы и документы. Российское посольство в Константинополе. 1776 год.* СПб., 1777.

⁵ Речь шла прежде всего о Франции, коммерческие интересы которой, по мнению Петербурга, могли негативно влиять на русско-турецкие отношения.

⁶ Человек пунктуальный, хорошо знавший (хотя и с позиций военного) Турцию, Н.В. Репнин по дороге в Константинополь – в Киеве, в Бухаресте и других городах, через которые проезжала миссия, – “прилагал (согласно повелению) все усилия, чтобы узнать, какие артикулы более нужны туркам и прочим живущим на берегах Черного и Средиземного морей, и из сего пользу взаимную извлечь...” (*Documente privind istoria României Colectia. E. Hurmuzaki. Buc., 1962. Vol. 1. P. 98.*)

⁷ Суждения подобного рода в разное время высказывались в зарубежной, преимущественно американской, османистике: *Wieczynski.* The Myth of Kainardja // *Middle Eastern Studies.* 1968. Vol. 4. P. 376–379.

⁸ См.: Санкт-Петербургские ведомости. 1776. 16 дек.; Московские ведомости. 1776. 30 дек.

⁹ *Гигинейшвили О.И.* Указ. соч. С. 63. Подробный анализ обстановки в Турции содержат реляции русских представителей в Константинополе (см.: Сб. РИО. Т. 15. С. 443–445,

- 498, 505, 469–470, 542–543, 575–576. Текст опубл.: ПСЗРИ. Т. XX. № 14851; *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. Прил. № 4; *Noradoughian G.* Recueil. Istanbul, 1969. Т. 1. Р. 338–344.
- ¹⁰ *Веселовский Н.* Благословительная халифская грамота 1779 г. // Изв. Таврич. учен. арх. комиссии. 1913. Т. 50. С. 77–80.
- ¹¹ Все эти требования выдвигались в ходе трехлетних переговоров. См. реляции Стахиева, Моркова и записи их бесед с турецкими государственными деятелями (Сб. РИО. Т. 5. С. 186; Т. 6. С. 353; Т. 15. С. 492–495, 591). К числу других уступок Порты можно отнести согласие переселить запорожских казаков, бежавших в Турцию, подальше от границ с Россией.
- ¹² *Лашков Ф.Ф.* Шагин Гирей, последний крымский хан: Исторический очерк // Киевская старина. Киев, 1886. Т. 16. С. 39–80.
- ¹³ Зап. Одесск. об-ва истории. 1887. Т. 12. С. 273–274.
- ¹⁴ См.: *Шеремет В.И.* К истории русско-турецкой торговли в конце XVIII – начале XIX в. // *Историография и источниковедение стран Азии и Африки.* Л., 1968. Вып. 2. С. 137–147; *Внешнеэкономические связи в XVIII – начале XIX вв.* // Там же. С. 137–147; *Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время.* М., 1989. С. 25–26, 213.

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА

Несмотря на падение международного престижа в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и углубление внутреннего кризиса, Порты стремилась удержать свое господствующее положение в балканских землях. Поэтому делалось все, чтобы затянуть ратификацию Кючук-Кайнарджийского договора, пересмотреть ряд его статей, прежде всего относящихся к Молдавии и Валахии, использовать реваншистские настроения в османском обществе и противоречия между европейскими державами.

Россия, заинтересованная в развитии черноморской торговли, расширении владений за счет Крыма и земель Причерноморья¹, придавала важное значение контролю за соблюдением Портой условий мирного договора 1774 г. Одним из средств реализации экономических и политических планов России в Причерноморье становится достижение преобладающего влияния в Молдавии и Валахии, закрепление престижа как державы-покровительницы путем создания опоры в правящей элите княжеств, ослабления влияния на нее Порты и других европейских держав. Важная роль здесь отводилась поддержке национально-освободительных устремлений княжеств, сохранению и расширению их внутривластной автономии. Политику эту правительство Екатерины II проводило под знаменем защиты единоверных братьев-христиан от магометанской тирании, основываясь на признании за Россией по Кючук-Кайнарджийскому миру права покровительства христианским подданным султана.

Главными задачами политической программы крупного боярства и высшего духовенства стали восстановление автономии и закрепление при поддержке России привилегий княжеств в системе Османской им-

перии. Их идеологи “реконструировали” так называемые капитуляции, документы с перечнем якобы полученных по договорам с султаном в XIV–XVI вв. автономных прав и привилегий, признания которых правящая элита стала добиваться у османского правительства при содействии России, не раз обращаясь к ней за помощью. К просьбам о защите автономных прав княжеств нередко прилагались составленные их идеологами исторические материалы, призванные подтвердить законность требований княжеств².

Россия роль державы-покровительницы использовала как средство дипломатического давления на Порту. Вынуждая ее к уступкам в вопросе статуса княжеств, Россия стремилась решать задачи черноморской политики, направленной на преобладание в Причерноморье.

Хотя Порты после заключения Кючук-Кайнарджийского договора сразу же стала нарушать установленный статус Молдавии и Валахии, вопрос о княжествах в первые годы не был приоритетным в политике Екатерины II. Внимание российской дипломатии сосредоточилось на событиях в Крыму. Пресекая попытки нарушения привилегий княжеств, петербургский двор стремился в то же время избегать обострения русско-турецких отношений. Посольству в Стамбуле было предписано убеждать султана и османских сановников в дружелюбии императрицы, в нежелании подрывать его власть в Дунайских княжествах.

Сама Османская империя в сложившихся после 1774 г. международных условиях также не могла рассчитывать на открытую конфронтацию с Россией. Потенциальные союзники Порты Франция и Англия были поглощены решением собственных внешнеполитических задач в Северной Америке, Австрия и Пруссия заняты борьбой за “баварское наследство”³.

Возникшая в 1778 г. в связи с событиями в Крыму угроза военного конфликта с Россией заставила османское правительство пойти на переговоры, которые завершились в 1779 г. заключением Айналы-Кавакской конвенции. В ходе переговоров под влиянием обращений представителей элиты княжеств российская дипломатия решительно выступила против нарушений османами привилегий Молдавии и Валахии, установленных мирным трактатом 1774 г., и потребовала подтверждения Портой своих обязательств в отношении княжеств.

По инициативе российской стороны в текст конвенции была включена специальная статья (VII), фиксировавшая дальнейший статус Дунайских княжеств (с подробным перечислением их привилегий), предоставляемых Портой. В подтверждение хаттишерифа 1774 г. предусматривались свобода христианского вероисповедания, уменьшение размера податей и соблюдение установленного порядка их сбора, возврат боярам и монастырям присоединенных османами к райям земель княжеств, дипломатическая неприкосновенность молдавских и валахских представителей в Стамбуле и др.⁴

Подтвержденные в конвенции уступки Порты в пользу княжеств, закрепление их нового статуса обрели юридическую силу. Отныне они не могли быть отменены султаном или его преемниками, так как конвенция объявлялась частью Кючук-Кайнарджийского договора⁵. Ос-

манское правительство лишалось формальных оснований для возможных попыток не признавать или ревизовать соответствующие статьи договора⁶.

Проблеме Дунайских княжеств в российской внешней политике стало придаваться большее значение в конце 70-х – начале 80-х годов, когда правительство Екатерины II предприняло конкретные шаги по присоединению Крыма. Перед миссией в Стамбуле была поставлена задача оказать в этом вопросе давление на Порту, используя данные о ее политике в княжествах, о позиции европейских держав. Отсутствие систематической информации о положении дел в Молдавии и Валахии затрудняло выполнение такой задачи. Поэтому необходимость постоянного получения подробных сведений (наряду с политическими, экономическими и стратегическими интересами России в Юго-Восточной Европе) побудила правительство Екатерины II учредить в княжествах генеральное консульство. Немаловажное значение придавалось стремлению через консулов расширить и укрепить связи с патриотическими группировками местного боярства и духовенства. Кроме того, предполагалось использовать консулов для давления на господрей-фанариотов с целью ограничить ограбление местного населения разного рода разорительными налогами и поставками. Важно было также получать от консулов информацию об окружении господрей, об интригах в ходе частых смещений их с престола, о планах боярских группировок. При этом главный политический интерес России состоял в том, чтобы, как писала Екатерина II российскому посланнику в Стамбуле А.С. Стасееву, “распространить связь нашу... с благонамеренными нам по единуюверию и приобретение таких благонамеренных умножить далее”⁷.

В 1781 г. генеральное консульство было учреждено⁸. Этот шаг петербургского двора вызвал в Стамбуле опасения относительно возникновения прелятствий для хозяйничанья османов в княжествах, и даже возможной потери власти над ними⁹. Порта упорно отказывала в признании назначенного консулом С.Л. Лашкарева и определении ему резиденции в одной из столиц княжеств, Бухаресте или Яссах, предлагая в качестве такого места Силистрию.

После двух лет борьбы правительство Екатерины II добилось реализации полученного по Кючук-Кайнарджийскому договору права “учредить консулей” в тех местах Османской империи, где того требовали интересы России. В конце 1781 г. С.Л. Лашкарев утвердился в своей резиденции в Бухаресте¹⁰.

Создание генерального консульства способствовало активизации деятельности российской дипломатии в вопросе о Дунайских княжествах. На основе полученных из консульства сведений русское представительство в Стамбуле предприняло в 1782 г. ряд демаршей Порте в связи с нарушением условий Кючук-Кайнарджийского договора и Айналы-Кавакской конвенции в отношении статуса Молдавии и Валахии (особенно частым был самовольный переход границ княжеств османскими купцами и янычарами с целью торговли и приобретения земель для поселения). В результате протестов российской дипломатии султан издал специальные ферманы, запрещающие подобные нарушения¹¹.

Особое значение такой дипломатический нажим на Порту имел в связи с решительными действиями правительства Екатерины II в Крыму. Русскому посланнику в Стамбуле Я.И. Булгакову предписывалось оказывать давление на султанское правительство по трем вопросам: о статусе Дунайских княжеств, о свободе российской торговли и судоходства в бассейне Черного моря, о независимости Крыма¹². В посольском представлении Порте по Дунайским княжествам отмечалось нарушение XVI статьи Кючук-Кайнарджийского договора, а именно произвольная и частая смена господарей, увеличение размера податей, приводящее к разорению экономики княжеств. Османскому правительству предъявлялись следующие требования: ограничить права на произвольное смещение господарей до истечения их срока правления, установить число налогов, взимаемых с княжеств и зафиксированных русско-турецким договором 1774 г. и конвенцией 1779 г.¹³ Эти демарши русского посольства в Стамбуле заставили Порту пойти в ходе напряженных переговоров с Петербургом на уступки.

Манифест Екатерины II от 8 апреля 1783 г. о присоединении Крыма осложнил положение султана. Стамбул искал поддержки европейских правителей, но Англия и Франция, занятые соперничеством на морях и в Америке, не могли ему помочь. 8 января 1784 г. османские представители были вынуждены подписать конвенцию о Крыме и соглашения о Молдавии и Валахии¹⁴.

На переговорах 1783 г. по Крыму османы вновь обязались точно следовать условиям двусторонних договоренностей о княжествах. В январе 1784 г. султанский хаттишериф конкретизировал статус Молдавии и Валахии. В частности, подтверждалось обязательство относительно несменяемости господарей, “пока не учинят какого-либо явного преступления, которое было бы публично доказанное и видное”; устанавливалась фиксированная сумма податей, выше которой Порты не могла требовать с княжеств¹⁵.

Но османское правительство продолжало нарушать установленный двусторонними договоренностями статус Молдавии и Валахии. Статья о несменяемости господарей по-прежнему не соблюдалась. Российская миссия в Стамбуле на основе получаемой от консулов информации решительно протестовывала произвольную смену правителей в княжествах. Каждый такой случай использовался царскими дипломатами для выступлений в защиту статуса княжеств. При этом российская дипломатия учитывала позиции господарей в международных отношениях, их реальную власть в княжествах, их связи в Стамбуле. Россия была заинтересована в прорусской ориентации господарей, которая благоприятствовала бы решению задач ее балканской политики, ослабляя влияние других европейских держав в княжествах. Поэтому царские дипломаты были особенно благосклонны к господарям, проводившим дружественную по отношению к России политику. Так, весной 1784 г. усилиями русского посланника в Стамбуле Я.И. Булгакова было предупреждено смещение с престола молдавского господаря Александра I Маврокодато, который сотрудничал с русским консулом и на случай смещения Портой просил принять его со всей семьей в под-

данство России¹⁶. В мае следующего 1785 г. Булгаков предпринял демарши против намерения османов сменить валашского господаря Михаила Суцо и нового правителя на молдавском престоле Александра II Маврокордато, благожелательно настроенных по отношению к России¹⁷. Однако Порта, не считаясь с позицией российского представительства в Стамбуле и без его ведома, сместила в марте 1786 г. Михаила Суцо с валашского престола, назначив на его место Николая Маврогени. Предвидя подобный исход, молдавский господарь Александр II Маврокордато бежал в Россию¹⁸.

Чтобы не давать повода России использовать свое право покровительствующей державы, Порта формально не нарушала положения о несменяемости господарей, которое разрешало смещение (при условии доказанной вины) правителей княжеств. Это давало османам возможность взваливать на господарей вину за тяжелое положение княжеств, ссылаясь на алчность правителей, своекорыстно отягощавших население непомерно тяжелыми податями и поборами.

Борьба российской дипломатии за несменяемость господарей одновременно защищала княжества от усиления османами фискального гнета, так как каждый новый претендент, уплатив большую сумму за получение престола, после прихода к власти старался не только возместить расходы, но и приумножить свое состояние. В то же время демарши царских дипломатов против смены османами господарей должны были убеждать население княжеств в справедливости акций державы-покровительницы, ее величии и могуществе¹⁹.

В соперничестве с учрежденными в Молдавии и Валахии консульствами Австрии и Пруссии российская дипломатия усиливала свое влияние в княжествах, расширяя контакты с местной элитой, боярством и духовенством. Этому способствовало и учреждение российского вице-консульства в Яссах.

Молдавские и валашские бояре и духовенство со своей стороны активизировали политическую деятельность после учреждения российского генерального консульства. Они устанавливали связи с консулом, через него поддерживали отношения с русским представительством в Стамбуле, с царскими дипломатами. Особую активность в контактах с русским консульством проявляли молдавские бояре и духовенство. Генеральный консул И.И. Северин в 1784–1786 гг. неоднократно доносил из Ясс о частых посещениях консульства местными боярами, которые благодарили за “доставленное благоденствие Молдавскому княжеству”, выражали надежду на российское покровительство и желание принадлежать России²⁰. Как писал 9 ноября 1786 г. И.И. Северин, “о повержении всего духовенства и бояр высочайшему и продолжительному ея величества покровительству” просил и митрополит Молдавии²¹. Выражением таких настроений являлась и эмиграция в Россию ряда представителей молдавской элиты²². Валашские бояре и духовенство также поддерживали контакты с российским консульством, наносили визиты консулу, заявляли о дружеском отношении к России²³.

Подстрекаемая европейскими державами к войне с Россией Порта начала военные приготовления строительством в 1785–1787 гг. крепо-

стей на Дунае и Днестре и сконцентрировала здесь войска. Для их снабжения османы требовали с Молдавии и Валахии (в нарушение статуса княжеств), помимо обычных налогов, чрезвычайных поставок продовольствия. Увеличение поборов тяжело отражалось на экономике княжеств, вело к разорению хозяйства и страданиям населения.

В обстановке усиливавшегося султанского гнета и назревавшей русско-турецкой войны прорусски настроенные группировки молдавских и валашских бояр и духовенства попытались реализовать свою программу освобождения княжеств с помощью и при поддержке России. Именно в 1785–1787 гг. почти к каждому донесению консула прилагались обращения бояр и духовенства княжеств с просьбой о покровительстве России²⁴. Занявший в 1785 г. молдавский престол Александр II Маврокордато, сторонник прорусской ориентации, обратился в октябре того же года к консулу И.И. Северину с выражением преданности царскому двору²⁵.

В условиях обострения международных противоречий в Восточном вопросе и ухудшения русско-османских отношений молдавская и валашская элита все больше связывала надежды на освобождение княжеств и перспективы их развития с поддержкой и помощью России, с ее успехами в войне с Турцией. В свою очередь, российская дипломатия, исходя из интересов империи в регионе, усиливала внимание к Дунайским княжествам. Русской миссией в Стамбуле предписывалось постоянно отслеживать выполнение Портой всех двусторонних договоренностей по статусу Молдавии и Валахии и в случае их нарушения выражать протест²⁶.

Стремясь ослабить влияние России в Молдавии и Валахии и укрепить здесь свои позиции, Порты в 1786–1787 гг. поменяла господарей, назначив на валашский и молдавский престолы послушных себе правителей. Особое рвение проявлял в Валахии Николае Маврогени. Как доносил консул И.И. Северин, деятельность господаря направлена на то, чтобы “уничтожить все дарованные хаттишерифами права, выгоды и преимущества”²⁷. Русский посланник в Стамбуле Я.И. Булгаков требовал ограничить произвол Маврогени²⁸. Под давлением российской дипломатии султан приказал Маврогени прекратить “худые поступки против бояр и земли”²⁹.

Российские демарши в Стамбуле, продиктованные нарушениями Портой статуса Дунайских княжеств, как и другими проблемами черноморской политики, были призваны оказать давление на Порты, взявшую курс на развязывание войны с Россией при подстрекательстве Франции, Англии и Пруссии. Но в начале 1787 г., предупредив очередной демарш российской дипломатии, султан представил правительству Екатерины II меморандум, в котором наряду с другими вопросами двусторонних отношений содержалось еще и два требования: сменить вице-консула в Яссах, обвиненного в пособничестве побегам в Россию османских подданных, и самого молдавского господаря Александра III³⁰.

Такой шаг Порты еще больше обострял русско-турецкие отношения накануне войны. В этих условиях внимание петербургского двора к Дунайским княжествам усилилось. Показательно, что во время путе-

шествия летом 1787 г. Екатерины II в Крым для беседы с ней по вопросу о княжествах в Херсон был вызван и включен в состав многочисленной свиты императрицы консул И.И. Северин. Он передал Екатерине II обращения к ней молдавских и валахских бояр, грамоты митрополитов Молдавии и Валахии, в которых они выражали “всенижайшую благодарность за оказанное к их Землям монаршее благоволение” и просили “о продолжении к ним той же милости и покровительства”. Императрица поручила консулу передать митрополитам княжеств и авторам обращений “ответ на словах, изъясняющий отличное ее к усердию их благоволение и обнадеживающий неотъемлемым об них и отечестве их монаршим покровительством”³¹. Были также переданы ценные подарки проявившим особое усердие в служении интересам России сановным духовным и светским лицам.

Таким образом, накануне новой войны с османами Россия укрепляла в Молдавии и Валахии свой престиж державы-покровительницы, выступая в защиту их автономных прав и привилегий, расширяя связи с элитой княжеств и привлекая на свою сторону симпатии населения протестами против нарушений Портой статуса, установленного договором 1774 г. и последующими русско-турецкими соглашениями. Прорусски настроенные группировки молдавских и валахских бояр и духовенства видели в назревавшей войне реальную возможность осуществить свои планы освобождения княжеств и обеспечить перспективу их дальнейшего развития.

¹ Семенова Л.Е. Молдавия и Валахия в балканской политике Екатерины II (экономические аспекты) // Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998. С. 137–150.

² См.: Семенова Л.Е. Валахия и Молдавия в системе Османской империи: (К истории происхождения текстов “капитуляций”) // Славяне и их соседи. М., 1998. Вып. 8: Имперская идея в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. С. 208–221.

³ Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII – начало XX в. М., 1979. С. 41.

⁴ ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XX. № 14851. С. 804.

⁵ Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV – начало XIX в.). Кишинев, 1987. С. 320.

⁶ Vianu S. Aplicarea tratatului de la Küciük-Kainargi cu privire la Moldova și Țara Românească (1775–1783) // Studii. 1960. N 5. P. 72–83.

⁷ Дубровин Н. Присоединение Крыма. СПб., 1889. Т. 4. С. 28.

⁸ Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России, 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 76, 77.

⁹ Гирс А. Россия и Ближний Восток. СПб., 1906. С. 5; Дубровин Н. Указ. соч. Т. 4. С. 340.

¹⁰ Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. М., 1899. Ч. 2. С. LXXXI.

¹¹ АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. 1782 г. Д. 5.

Л. 9–10; Там же. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 605. Л. 55–57.

¹² Дубровин Н. Указ. соч. Т. 4. С. 810–819; Гросул Г.С. Указ. соч. С. 81.

¹³ Дубровин Н. Указ. соч. Т. 4. С. 903.

¹⁴ Гросул Г.С. Указ. соч. С. 81–82.

¹⁵ Текст сенеда 1784 г.: Vianu A. Geneza senedului din 1783 // Revista arhivelor. Buc., 1960. N 1. P. 219–234; Гросул Г.С. Указ. соч. С. 84.

- ¹⁶ Documente privind istoria României. Colecția E. Hurmuzaki. Ser. nouă. Rapoarte consulare ruse (1770–1796). Buc., 1962. Vol. I. (Далее: DRn).
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 40. Л. 144–145, 158–161.
- ¹⁸ DRn. Vol. I. P. 353; *Гросул Г.С.* Указ. соч. С. 86.
- ¹⁹ См. инструкцию консулам: АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 26. Л. 207.
- ²⁰ Там же. Л. 58–58 об.; Д. 40. Л. 68.
- ²¹ Там же. Д. 54. Л. 178–178 об.
- ²² Очерки внешнеполитической истории... С. 333–334.
- ²³ АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 40. Л. 7.
- ²⁴ Там же. Д. 26. Л. 67, 73; Д. 54. Л. 116–121, 146–148; Д. 66. Л. 49.
- ²⁵ DRn. Vol. I. P. 335.
- ²⁶ *Гросул Г.С.* Указ. соч. С. 88–90.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 54. Л. 121.
- ²⁸ Там же. Л. 158.
- ²⁹ Там же. Л. 168.
- ³⁰ *Гросул Г.С.* Указ. соч. С. 89.
- ³¹ АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 66. Л. 100; Д. 67. Л. 55 и об.; DRn. Vol. I. P. 452.

СЕРБЫ

Постановления Кючук-Кайнарджийского мира имели принципиальное значение для сербского народа в стратегическом плане. Общественная мысль сербов прославляла Екатерину II за поражение, нанесенное Турции. Д. Обрадович в сочинении “Советы здравого разума” (1784) приветствовал успешное освобождение земель от власти османов¹. Простые сербы, в свою очередь, осознавали важность победы России над Турцией. Кнезы Рашки и Поморавья в обращении к Екатерине II в 1784 г. называли прошедшую войну “славной” и отдавали должное российскому победоносному оружию. Тогда “турки, – писали они, – в великий страх приведены были, и нам явилась надежда к освобождению нашему”².

Однако по окончании войны положение сербов на местах не только не изменилось к лучшему, но даже осложнилось. Сербию охватила анархия, источниками которой были янычары, которые устраивали свары, вступали в кровавые схватки со спахиями и с представителями центральной власти. Особенно тяжело пришлось христианам³. В упомянутом выше обращении сербские кнезы писали: “Но по счастливом окончании мира, оставшись они (турки. – *Авт.*) в покое, напали на нас, как голодные волки на овец, умножили харачи и подати, наложили на нас великия порабощения и приискали несказанныя ябеды, называя нас московитами, потому что мы, сербы, имея един язык и православие с россиянами, имеем больше привязанности и усердия к благочестивой государыне нашей, нежели какой-либо другой народ. И для сея причи-

ны претерпеваем от агарянского рода гораздо несноснее иго, нежели другие народы христианские. Ибо турки опасаются, что в случае войны могут они от нас иметь вреда более, нежели от прочих”⁴. Сербы обоснованно расценивали произвол турок не только как месть за их поддержку и сочувствие единой и родственной России, но и как превентивную меру на случай войны.

Кнезы Рашки и Поморавья “со слезами” молили Екатерину II о кровительстве и помощи. Одновременно они обратились и к Г.А. Потемкину, бывшему тогда президентом Военной коллегии, с просьбой о содействии в защите сербов от притеснений турок и переселении их в Россию⁵.

С окончанием русско-турецкой войны поднялась новая миграционная волна с Балкан в Россию. Согласно Кючук-Кайнарджийскому договору, подданным султана, выступившим против турецких войск, гарантировалась амнистия. Но на деле многие сербы, пострадав от грабежей и бесчинств турок, стремились покинуть империю.

Екатерина II старалась избегать мер, способных осложнить отношения с Турцией. Она писала в ноябре 1774 г. А.Г. Орлову: “... о сербских разоренных фамилиях касающееся апробую ваши об них мысли, и вы можете их выслатить на кораблях, по силе трактата мирнаго, в порты наши на Черное море, когда к тому удобность будет”⁶.

Сербы грезили о России, но она была далеко. Зато через Саву находилась Австрия, не скрывавшая повышенного интереса к Сербии и Боснии. В 1777 г. Иосиф II писал Марии-Терезии, что венский двор не может спасти Османскую империю от гибели, которая принесет Австрии больше вреда, нежели пользы, а значит, необходимо “на всякий случай” изучить граничащие с монархией турецкие провинции. С помощью законспирированных офицеров и конфиденентов на местах Вена организовала описание и картографию этих земель⁷. Особое внимание было уделено положению в Белграде, где хозяйничали вооруженные и разнузданные янычары.

Тем временем сербы из Белградского пашалыка, Боснии, турецкой части Далмации бежали в австрийские пределы. В 1777–1779 гг. из Боснии, главным образом из западной ее части, в габсбургскую монархию эмигрировали около 1000 православных. Власти размещали беглецов на Военной Границе. С большей или меньшей интенсивностью бегство сербов через Саву и Дунай продолжалось непрерывно. Это вынудило султана издать в 1781 г. особое распоряжение о прекращении насилий над сербами. Одновременно под угрозой смертной казни было запрещено пограничным службам пропускать сербов в Австрию. Однако эмиграция отдельных лиц и небольших групп из Белградского пашалыка продолжалась. Покинул родной край и перебрался с семьей в Срем будущий вождь сербского восстания Карагеоргий. Пробыв недолго лесником в православном монастыре Крушеделе, он вступил в фрайкор – добровольческий отряд. Австрийские власти формировали такие соединения на своей территории накануне войны с Турцией. Но крутая дисциплина стесняла Карагеоргия, и он вернулся в Сербию, став гайдучком.

Из Боснии ввиду анархии и распущенности янычар переселение сербов в Австрию и в 80-х годах было массовым; бегство приостановилось лишь в 1783–1784 гг. в связи с эпидемией чумы в Сербии и Боснии и закрытием австрийскими властями границы с Турцией⁸.

В жизни Черногории в 1784 г. произошло знаменательное событие. Она обрела нового митрополита – Петра I Петровича, посвященного в сан карловацким митрополитом. Петру I Петровичу Негошу было суждено сыграть выдающуюся роль в становлении черногорской государственности. Черногория переживала внутренний кризис, характеризовавшийся межплеменными раздорами. В этой обстановке формальный светский правитель гувернадур Й. Радониц и владыка Петр Петрович безуспешно добивались расположения российского правительства, которое не желало обострять отношений с Османской империей.

В начале 80-х годов XVIII в. отношения России и Черногории оставались прохладными также в связи с российско-австрийским союзным договором 1781 г. и признанием Петербургом интересов Австрии в Черногории. Убедившись в отсутствии у Петербурга интереса к Черногории, Радониц стал искать помощи у Вены. Но и здесь он не встретил поддержки.

В 1785 г. правитель полунезависимого Шкодерского пашалыка Махмуд-паша Бушати, воспользовавшись неурядицами и внешней изоляцией Черногории, предпринял против нее поход с целью присоединения к своим владениям. Войска Махмуда Бушати взяли Цетинье, ограбили и сожгли монастырь, увели заложников с целью получения дани. Последствия опустошительного похода усугубились голодом, охватившим Черногорию в результате неурожая. Положение осложнялось борьбой группировок, в том числе и вокруг внешнеполитической ориентации. Однако энергичному митрополиту Петру I Петровичу Негошу, предпринявшему активные действия по погашению конфликтов и сплочению черногорцев, вскоре удалось стабилизировать ситуацию⁹.

Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия вступила в контакт с Дубровником, который являлся фактически независимой республикой, однако был обязан регулярно выплачивать дань Порте. Дубровник официально придерживался нейтралитета в русско-турецкой войне, но его суда использовались для перевозки турецких войск. Это стало известно российскому правительству. После окончания войны Сенат республики прилагал усилия для снятия напряженности в отношениях с могущественной Россией. Российско-дубровницкие отношения, постепенно разрядившись, получили дипломатическую поддержку. В 1785 г. Екатерина II издала указ о назначении в Дубровнику российскому консула. Им стал А. Джика¹⁰.

С окончанием русско-турецкой войны 1768–1774 гг. российское правительство поставило в центр своей деятельности на Балканах дипломатические акции в поддержку христианских народов. Оно пыталось улучшить их положение, опираясь на Кючук-Кайнарджийский договор. Поэтому, несмотря на драматические перипетии судьбы, югославы искали покровительства и защиты в первую очередь у России.

- ¹ *Обрадовић Д.* Сабрана дела. Београд, 1961. Т. 1. С. 302, 306.
- ² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 329.
- ³ Историја српског народа. Београд, 1986. Књ. IV, т. I: Срби у XVIII веку. С. 360.
- ⁴ Политические и культурные отношения... С. 329.
- ⁵ Там же. С. 327–328.
- ⁶ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1867. Т. 1. С. 105.
- ⁷ Историја српског народа. С. 355–356.
- ⁸ Там же. С. 354, 355.
- ⁹ *Станојевић Г.* Црна Гора пред стварање државе, 1773–1796. Београд, 1962. С. 266–269.
- ¹⁰ *Лучинина Н.А.* Российско-дубровницкие отношения во второй половине XVIII в. // XVIII век: Славянские и балканские народы и Россия. М., 1998.

ГРЕКИ

В 1775 г. в Керчь, древний порт Пантикапей, на кораблях российской эскадры, вернувшейся из Архипелага, прибыли первые греческие переселенцы. Так началось образование греческих колоний на землях Северного Причерноморья, отошедших к России в результате русско-турецких войн конца XVIII – начала XIX в. Закономерен вопрос, что стимулировало переселение греков в Россию? Ответ на первый взгляд прост: политические и экономические причины. Греки и другие православные жители Балкан видели в России великую единоверную державу, которая поможет избавиться от тяжелого османского ига. Поэтому русско-турецкие войны приводили в движение массы поработанных греков, которые брались за оружие и в одном строю с русскими сражались против общего врага. Самым крупным таким движением было Пелопоннесское восстание 1770 г. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. военные действия против Порты на Средиземном море вела добровольческая флотилия Ламброса Кацониса. После окончания русско-турецких войн многие из этих греков-добровольцев, спасаясь от репрессий османских властей, переселялись в Россию. Среди них были и православные жители Южной Албании, не менее активно участвовавшие в повстанческих движениях. Так, после войны 1768–1774 гг. в Россию переселилась известная семья Бицилли из Химары.

Многие предприимчивые и энергичные греки стремились к благоденствию и процветанию. В Османской империи с ее патриархальным укладом у них по сути не было перспектив. В то же время переселение в плодородные, но малозаселенные причерноморские области России вселяло надежды на более спокойную и обеспеченную жизнь.

Со своей стороны правительство Екатерины II было весьма заинтересовано в привлечении иностранных колонистов на земли Северного Причерноморья. Следует напомнить, что на век Екатерины II – во многих отношениях блестящий век российской истории – приходится апогей крепостничества. Свободных людей, которые могли бы по доброй воле переселиться на причерноморские земли и участвовать в их освоении было мало. Отсюда – благожелательное отношение к прито-

ку колонистов с Балкан. Большую роль иностранцы сыграли в основании новых российских городов на черноморском побережье, особенно Одессы.

Правительство предоставляло поселенцам Новороссии, как официально стали называться с конца XVIII в. земли Северного Причерноморья, значительные льготы и привилегии, в том числе освобождение от рекрутского набора, освобождение на определенное число лет от всех податей и повинностей, кроме того, им выдавались ссуды и пособия на обустройство. Льготы эти получали все без исключения иностранные колонисты, прибывавшие в южный край России, – немцы, швейцарцы и так называемые задунайские переселенцы (в основном болгары). Но самые значительные льготы, особенно во времена правления Екатерины II, получали греки.

Именно в период ее правления были организованы специальные военные подразделения из греков, участников русско-турецких войн. В Крыму в 1779 г. появился Греческий полк. В 1797 г. он был преобразован в Балаклавский греческий батальон, просуществовавший до 1859 г. В 1795 г. в районе Одессы был сформирован Греко-албанский дивизион, получивший позже название Одесского греческого пехотного батальона (просуществовал до 1819 г.). Тогда же некоторым греческим общинам Северного Причерноморья было предоставлено право самоуправления. Так, жителям Керчи и Еникале в 1795 г. разрешили создать собственный магистрат под названием Боспорского.

Особое внимание к грекам объяснялось не только повседневными политическими и экономическими заботами императрицы. Как известно, у нее существовал грандиозный план политических преобразований на Балканах и Ближнем Востоке, вошедший в историю под названием Греческого проекта, речь о котором пойдет ниже. В России издавались книги на греческом языке, приглашались ученые, при императорском дворе звучала греческая речь. Греческий язык изучил не только великий князь Константин, предполагаемый император Греческой империи. Его знал и Г.А. Потемкин, первый генерал-губернатор Новороссийского края. Может быть, поэтому некоторым основанным при его активном участии городам на черноморском побережье были даны греческие названия – Севастополь, Симферополь, Херсон, Мариуполь, Феодосия, Евпатория, несколько позднее – Одесса. Определенный процент жителей в них в конце XVIII в. составляли греки. Хотя преемники Екатерины и отказались от осуществления Греческого проекта, они продолжали покровительствовать греческой эмиграции во вновь присоединенные к России причерноморские области. Греция оставалась стратегическим союзником России, неизменно поддерживала ее в той или иной форме в ходе русско-турецких войн. После завершения русско-турецкой войны 1806–1812 гг. греческая эмиграция в России по ряду причин пошла на убыль и уже не была массовой.

Особым расположением Екатерины пользовались переселенцы из верхушки греческого общества: некоторые фанариоты, митрополиты, известные ученые. Им, как правило, предоставлялись солидные пен-

сии. Иногда правительство само поощряло видных представителей греческого общества к эмиграции, например оно пригласило в Россию виднейшего греческого ученого и просветителя Евгения Булгари (Евгениос Вулгарис), жившего с 1764 г. в Германии. Он разделял надежды соотечественников на освобождение Греции силой русского оружия, особенно после экспедиции А.Г. Орлова. Интересно отметить, что Булгари, еще в бытность свою в Германии, перевел на новогреческий сочиненный Екатериною Наказ.

С середины 1770 г. лица из ближайшего окружения царицы усиленно побуждали этого видного ученого ускорить переезд в Россию. Известный просветитель, к тому же принадлежавший к духовному сословию, мог, по мнению Екатерины, быть полезен для поддержания контактов с греческим обществом.

В июле 1771 г. Е. Булгари прибыл в Петербург. Екатерина его приняла и назначила значительную по тем временам пенсию в 1500 руб. в год. Находясь в Петербурге в период русско-турецкой войны 1768–1774 гг., Е. Булгари разделял надежды и тревоги, вызванные этой войной у соотечественников, о чем свидетельствуют его оригинальные и переводные произведения, написанные в тот период. Так, в сентябре 1771 г. он издал в Петербурге переведенную им с итальянского на новогреческий брошюру активного участника Архипелагской экспедиции А. Джики “Желания греков к Европе христианской”. О ее содержании можно судить по незавершенному русскому переводу, сделанному А.Н. Радищевым, сочувствовавшим освободительным стремлениям греческого народа. В брошюре говорилось об отчаянии греков после неудачи Морейского восстания 1770 г.: они не исключали, что Россия может в ближайшее время заключить мир с Портой, не обеспечив безопасность союзников – греков. Греки надеялись, что в результате русско-турецкой войны “вольность паки между нами возобновится, и что Греция прежней свой вид получит. Надежда толиких выгод в один миг исчезла, и весьма основательный страх мучительных изъятий, тиранима нашими нам приуготовляемых, как из отмщения, так и для политических причин, наполнил сердца наши горестию и отчаяньем”¹.

Хотя по Кючук-Кайнарджийскому миру Порты вынуждена была предоставить амнистию грекам, сражавшимся на стороне России в войне 1768–1774 гг., в целом исход войны не оправдал их чаяний на освобождение от власти поработителей. Для того чтобы смягчить вызванное этим исходом разочарование греков в политике России, Екатерина II решила поставить во главе новой церковной епархии – “Славянской и Херсонской”, – созданной на юге России на вновь приобретенных землях, куда переселилось много греков, Е. Булгари, хотя по церковной “табели о рангах” он имел весьма скромный чин архидьякона. Волею императрицы он был вознесен почти на вершину церковной иерархии – стал архиепископом. Однако служба в церковной администрации не отвечала его склонностям. В 1779 г. Булгари, по его просьбе, получил отставку, вернулся в Петербург и до конца дней (он умер в 1806 г.) занимался наукой. Его пребывание в России способствовало не

только развитию российского антиковедения, но и сказалось на росте филэллинских настроений в русском обществе².

После войны 1768–1774 гг. российское присутствие в Греции стало весьма ощутимым. Этому способствовало открытие здесь впервые российских консульств. Как известно, Россия получила право учреждения консульств в Османской империи по Кючук-Кайнарджийскому договору. Однако Порта всячески старалась воспрепятствовать появлению российских консулов в своих владениях, и только в 1783–1784 гг. Коллегия иностранных дел смогла приступить к учреждению консульств. Почти все консульства были учреждены в южной части Балкан, в городах и на островах Греции: в Салониках, Патрах (Пелопоннес), Арте (Эпир), на Негропонте (Эвбее), Хиосе, Родосе, Крите, Миконосе, Самосе, Санторине, а также в Смирне (Измире), на азиатском берегу Эгейского моря и на Кипре. Кроме того, консульства были учреждены тогда и на находившихся под венецианским господством островах – Корфу, Закинфе и Кефаллинии. Заметим, кстати, что в дальнейшем Россия никогда не имела столь обширной консульской сети в Греции, как в екатерининскую эпоху.

Российские консулы собирали политическую, экономическую и военную информацию. Опираясь на соответствующие положения Кючук-Кайнарджийского договора, они энергично выступали в защиту райи от притеснений турецких властей. В своих донесениях консулы сообщали о стремлении греков освободиться от османского ига, о надеждах, возлагавшихся ими в этой связи на Россию. Характерен эпизод, о котором поведал в своем донесении от 14(25) декабря 1785 г. российский консул на Крите О. Шпалькгабер: “Прогуливаясь верхом с драгоманом и двумя яничарами, две гречанки остановили меня, желая знать, кто я таков, и, узнав о мне, спросили меня, когда освободите вы нас от сих варваров? Можно судить о моем смущении, так как сие происходило в присутствии яничаров, то и удалился я в скорости, ничего не отвечая”³.

Деятельность российских консулов в Греции, защита ими притесняемой райи получили должную оценку у патриотически настроенных современников. Так, известный греческий просветитель Адамантиос Кораис, живший во Франции и отнюдь не принадлежавший к апологетам Екатерины II, писал в 1803 г.: “Русские консулы по славному для России мирному трактату, к которому императрица успела принудить турок, приобретши право на некоторое во всех странах Турции диктаторское самовластие, часто исторгали греков из мстительных рук правительства, представляя будто они вступили в подданство или служили под начальством русских”⁴.

Активность екатерининских консулов в пользу греческого населения Османской империи отчасти объясняется тем, что многие из них сами были греками, в частности, воспитанники основанного в 1775 г. в Петербурге для обучения греческой молодежи “Корпуса чужестранных единоверцев”, уникального учебного заведения, готовившего военных и дипломатов, призванных воплощать в жизнь внешнеполитические планы Екатерины II.

¹ Радищев А.Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 225.

² Подробнее см.: Ариш Г.Л. Евгений Булгари в России // Вопр. истории. 1987. № 4.

³ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения России с Турцией. 1784. Д. 1066. Л. 107.

⁴ Корай А. О нынешнем просвещении Греции. СПб., 1815. С. 25.

В КРУГОВОРОТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДЕЛ

Триумф 1774 г. не принес умиротворения, Высокая Порта не желала смириться с потерями, многие российские полки не были отведены на зиму в привычные места квартирования, а остались в порубежье. Им в Бессарабии противостояла турецкая армия, а флот под флагом полумесяца крейсировал у крымских берегов. Понадобилась особая “изъянительная конвенция” (март 1779 г.), чтобы подтвердить “все сомнительства без повреждения” Кючук-Кайнарджийского мира, но и после ее подписания раздоры не прекращались¹, и камнем преткновения служил Крым. Стороны опирались на своих ставленников из рода Гиреев – Шагина (Россия) и Девлета (Турция). Войсками на подступах к полуострову командовал А.В. Суворов, уже прославившийся на поле боя, который в очередной раз утвердил Шагина у власти. Однако отсутствовала уверенность в его преданности и стойкости, зрела мысль о присоединении беспокойного полуострова к России. Потемкин писал царице: “Крым положением своим разрывает наши границы... Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит... С Крымом достанется и господство в Черном море”².

14 декабря 1782 г. последовал секретный рескрипт о приведении жителей ханства в подданство, желательно мирным путем, без кровопролития. Суворов, по согласованию с Шагином, удачно осуществил эту операцию. Воспользовавшись праздником, годовщиной восшествия Екатерины на престол, он пригласил на него татарскую знать со свитой (явилось несколько тысяч человек) и устроил знатный пир. Его устроители, заглянув в Коран, обнаружили, что Пророк запретил употреблять виноградное вино, но не хлебную водку (по крайней мере, так они интерпретировали соответствующие положения священной книги). Шагин-Гирей в выступлении перед собравшимися на той сложил с себя ханское достоинство. Затем зачитали составленный Потемкиным манифест, в котором от имени императрицы татары призывались к присяге на верность скипетру России. Мурзы принесли клятву на Коране, их примеру последовали все присутствовавшие. После церемонии начался той.

Екатерина, выразив удовлетворение, поручила князю “подтвердить сим верным нам подданным вновь уверения в неперменной нашей к ним милости и благоволения при соблюдении неприкосновенно целости их природной веры”. Потемкину она писала: “С часу на час ожидаю объявления войны по интригам французов и пруссаков”³.

Обошлось. Франция только что вышла из очередной войны с Великобританией, Пруссия – из затяжного конфликта, переросшего в вооруженный, с Габсбургской монархией, улаженного с помощью Екатерины. Международная ситуация столь круто изменилась к выгоде для России, что турки наружно смирились и не посмели протестовать. Недоброжелатели за рубежом ворчали, но больше про себя... “На зависть Европы, – говорила императрица, – я весьма спокойно смотрю. Пусть балагурят, а мы дело делаем”⁴.

Российская дипломатия не сидела сложа руки. В 1778–1779 гг. связанный с “баварским наследством” узел противоречий привел к австро-прусскому столкновению. Иосиф II, родственник по супруге усопшего курфюрста Максимилиана III, добился от его наследника уступки ему около 2/5 территории герцогства. Этого не стерпел Фридрих II и потребовал своей доли. К нему присоединился саксонский монарх. Прусские войска вторглись в Чехию. Однако “старый Фриц” был уже только тенью энергичного, стремительного, способного на рискованно-отчаянные действия великого полководца Фридриха II. Прусско-саксонское воинство не смогло преодолеть австрийского сопротивления, застряло в Чехии, мгло под осенними дождями и маялось от желудочных болезней. Выход обе стороны видели в примирении. Посредниками выступили Екатерина II и Людовик XVI. Посланец императрицы князь Н.В. Репнин по пути в Тёшен заехал к Фридриху II. Короля он застал в болезни и меланхолии. Прикованный к креслу жестоким приступом подагры, укутанный в одеяло, монарх не походил на победоносного военачальника.

В Тёшене удалось достигнуть компромисса. Иосиф II удовлетворился приобретением округа Инн; Пруссии обещали графства Аншпах и Байреит после прекращения рода их владетелей⁵. Тёшенский акт подтвердил Вестфальский мирный договор 1648 г.; Россия и Франция выступили гарантами обоих трактатов, по сути дела взяв на себя роль арбитров в европейских делах. Фридрих II благодарил Екатерину в тонах подобострастных: “Ваше императорское величество сказали: да будет мир, и мир свершился... Столь высокомерный двор, каков двор Австрии, был побежден простым словом, произнесенным Вашими священными устами, вернее, чем если бы он проиграл не знаю сколько сражений”⁶. По мнению ряда западных историков, “этот мир знаменовал вступление России как великой державы в европейскую политику”⁷.

Дело о “баварском наследстве” окончательно убедило Иосифа II, что без поддержки России и шагу ступить нельзя. Жители его нидерландских владений (Бельгии) бунтовали, напряженности в отношениях с Пруссией не виделось конца. В 1780 г. скончалась императрица-королева Мария-Терезия, Екатерину не переносившая, и руки ее сына во внешних делах оказались развязанными. Воспользовавшись поездкой царицы в Белоруссию (1780), он просил о встрече. “Это предложение, – замечает Изабель Мадариага, – свидетельствовало об авторитете России, о той важной роли, которую она играла в европейской политике: кайзер осознал, что иначе ему не осуществить своих честолюбивых замыслов”⁸. Встреча состоялась в Могилеве, затем граф Фалькенштейн (Иосиф путешествовал инкогнито) посетил Питер.

Встревоженный Фридрих II послал в северную столицу своего наследника – отвращать Екатерину от сближения с Веной. Не удалось. В умиз ее и Потемкина вызревал Греческий проект, предполагавший активизацию на Балканах, что требовало сотрудничества с Габсбургами.

А отношения с Великобританией ухудшались, и Восточный вопрос стал тому причиной. Многолетние переговоры о возобновлении ранее связывавшего Лондон и Петербург союза буксовали. Англичане ставили условие – получение русской помощи – в случае любого нападения на их владения в Индии или Америке⁹.

Екатерина не проявляла ни малейшего желания ввязываться в крупномасштабные конфликты во имя защиты британских интересов. Когда же дело дошло до “созревшей кризисы” (выражение А.С. Мусина-Пушкина) в отношениях Англии с ее американскими колониями, то сам разговор о союзе стал беспредметен¹⁰. Лондон отчаянно нуждался в пушечном мясе для посылки за океан. В мае 1775 г. поверенному в делах Р. Гэннингу предписали как бы “нечаянно” затронуть вопрос о вербовке солдат. Сказано – сделано. Первая реакция сбила дипломата с толку: Екатерина через Панина передала заверения в дружбе и желании помочь. Сам Никита Иванович привычно источал улыбки. Ободрившийся Гэннинг представил конкретные пожелания: 20 тыс. солдат для отправки в Канаду с выплатой 7 ф. ст. за каждого. Впрочем, понукали Гэннинга из Лондона, “увеличение военной силы столь желательное”, что расходы не важны. Спешно был прислан проект соглашения: предполагалась готовность экспедиционного корпуса к 15 марта 1776 г. сроком на два года и довольствие по нормам британской армии¹¹.

Екатерина спохватилась: ее любезность приняли всерьез, и выразила желание “скорейшего окончания несогласий с американцами” – тогда-де и войска не понадобятся, вылив холодный душ на голову дипломата. Тот вынужден был “поразить самым неприятным образом” свое начальство и сократил число запрашиваемого контингента до 15 тыс. Царица, упорно отказывавшаяся его принять, продиктовала лично письмо королю Георгу III (сентябрь 1775 г.): после недавней войны российская армия переживает большие трудности, и крайне нежелательно надолго отрывать солдат от родины. Она, императрица, не подозревала, что испрашиваемое у нее “пособие” выразится в многотысячной войске, и предалась размышлению о последствиях для достоинства России в результате участия в усмирении восстания, “не поддержанного ни одной иностранной державой”¹².

Взаимное отчуждение двух правительств возросло с опубликованием Екатериной принципов вооруженного нейтралитета (февраль 1780 г.). Поводом послужил захват британским флотом, блокировавшим побережье восставших колоний, торговых судов нейтральных стран, включая российские. Корабли и их грузы подверглись конфискации, все это смахивало на разбой. Изданная Екатериной декларация провозглашала право нейтральных государств торговать с воюющими всеми товарами, за исключением оружия и боеприпасов. Этот документ лег в основу кодификации международного морского права, к нему присоединились Дания, Голландия, Пруссия, Австрия, Португалия,

Королевство Обеих Сицилий, образовавшие Лигу вооруженного нейтралитета. Соединенные Штаты Америки и воевавшие на их стороне Франция и Испания признали его принципы. Британский кабинет оказался в изоляции и, разумеется, не забыл и не простил нанесенного ему дипломатического поражения. Россия воочию продемонстрировала свой возросший международный авторитет и ведущую роль в делах глобальной значимости.

Так, в венце славы, встретила Екатерина двадцатилетие своего царствования. Россия – на вершине могущества, пикому и в голову не приходило держать ее в передней тогдашнего совета Европы, она там первоприсутствовала. В туманной дали скрылось время, когда пятнадцатилетняя девочка заклучала свое письмо прусскому королю словами “смирренная и покорная кузина и слуга”. Теперь великий Фридрих II сообщал ей: “Вся Германская империя гордится тем, что Вы там увидели свет”. Гордый Римский цезарь вторил прусскому сопернику, заверяя ее в “нежной привязанности и искренней дружбе... на всю жизнь”, обращался к ней в выражениях, выходявших за рамки обычного протокола, – “мой друг, моя союзница, моя героиня”. Властитель дум Европы Вольтер именовал императрицу Семирамидой Севера. Волны лести подступали к подножию трона, и Екатерина с удовольствием в них погружалась. В тщеславной голове рождались фантастические замыслы. Партнером и соавтором в их сочинении выступал склонный к полету в мыслях Потемкин. Казалось, что Османская империя вот-вот испустит дух, и на ее развалинах можно будет возродить, словно Феникса из пепла, Византийскую монархию.

Австрийский император пришел к выводу: броска России на Балканы не остановить; значит, надо принять в нем участие, войти в долю, – и запросился в союзники. Важно было отвлечь Екатерину от Фридриха II: прусская угроза висела дамокловым мечом над ним повсюду – от Чехии до беспокойной Бельгии, жители которой не желали быть подстриженными под общеевропейскую административную гребенку и упорно отстаивали самобытность. Свидание в Могилеве, продолженное в Петербурге (1780 г.), позволило обговорить условия сближения¹⁴.

В феврале 1781 г. посол Л. Кобенцль официально известил петербургский двор “о желании государя его утвердить настоящую между ними дружбу и доброе согласие трактатом обороны и гарантий взаимных”. Екатерина немедленно дала положительный ответ. Обращает на себя внимание следующая фраза в ее рескрипте: “Мы равно удалены как присвоить себе первенство которою либо из коронованных глав, так и уступать что-либо из прав совершенного равенства”¹⁵. Тем самым Екатерина отвергла приписываемое ей стремление к гегемонии на континенте. Основные положения договора удалось быстро согласовать. “Камень преткновения” (так в документах!) появился неожиданно. Иосиф II, светоч Просвещения на престоле, человек широко кругозора, в обыденной жизни не чинившийся (в Могилеве он в обличье графа Фалькенштейна ожидал выхода императрицы в толпе вельмож), свято соблюдал монархическое местни-

чество. Разногласия возникли не по содержанию подготавливаемого трактата, а по его оформлению: Римский цезарь ни за что не соглашался ставить свою подпись второй даже в экземпляре, предназначенном российской стороне. Иосиф ссылаясь на необходимость “сохранения уникальных прерогатив достоинства, которым он обязан избранием”: нельзя-де создавать прецедент, уступи он в данном случае Екатерине, – глядишь, и другие потентаты сочтут себя равней с ним. “С незапамятных времен, – утверждали австрийцы, – вошло в обычай, что император Римский не признает очередности в трактате ни с одной из держав”¹⁶.

В российском ведомстве иностранных дел возражали: “Пускай то правда, что из самой древности римские императоры не алтернировали в трактатах с другими державами; но и то правда, что время не может узаконить злоупотреблений”. Екатерина отвечала Иосифу с гордостью за Россию: “Мы не обыкли подражать примеру других, но шествуем тою дорогою, которою ведет нас истинная слава, достоинство и могущество вверенной нам от Бога империи... Не соглашались мы, конечно, и ни для чего на шаг унижительный и низводящий нас в степени величия нашего... Мои правила быть суть: никому места не отымать и никому не уступить”¹⁷.

Императрица все же нашла выход из протокольного тупика, предложив заключить союз путем обмена личными письмами монархов аутентичного содержания (соответствующие послания помечены 21 и 24 мая 1781 г.). Стороны договорились о совместных усилиях для сохранения мира в Европе; если же – чего Боже упаси – одна из них подвергнется нападению, другая окажет помощь корпусом в 10 тыс. человек пехоты и 2 тыс. кавалеристов или предоставит субсидию в 400 тыс. руб. Обязательства отпадали в случае, если бы Россия оказалась вовлеченной в военные действия в Азии, а Австрия – в Италии. Оба монарха гарантировали целостность владений Речи Посполитой и ее конституцию. Важнейшее положение договоренности содержалось в ее секретной статье: Иосиф за себя, своих наследников и преемников признавал Кючук-Кайнарджийский трактат и Изъяснительную конвенцию 1779 г. В случае нарушения их Портой он обещал объявить ей войну через три месяца после поступления из Петербурга соответствующего запроса и выставить на поле боя силы, равные российским. Не менее многозначительными были условия, взятые на себя Екатериной: она признавала Пассаровицкий (Пожаровецкий) австро-турецкий договор, по которому Габсбурги приобрели Северную Сербию с Белградом, Малую Валахию и часть Боснии. Странно, но царица признала также Белградский договор 1739 г., по которому австрийцы все указанные территории утратили. Давалось также согласие на присоединение к Габсбургским владениям Северной Буковины¹⁸.

Все удавалось царице. Казалось, уж натиска двух империй Турция не выдержит, и нечестивые агаряне изыдут туда, откуда пришли, т.е. в Азию. “Греческие увлечения” Екатерины росли как на дрожжах.

- ¹ Петров А.Н. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1880. Т. I. С. 13.
- ² Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. М., 1997. С. 155.
- ³ Петров А.Н. Указ. соч. Т. I. С. 23–25.
- ⁴ Там же. С. 32.
- ⁵ Нерсесов Г.А. Политика России на Тёшенском конгрессе. М., 1988.
- ⁶ Сб. РИО. СПб., 1877. Вып. 20. С. 383.
- ⁷ Valleton H. Catherine II. P., 1955. P. 187.
- ⁸ Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. L., 1981. P. 384.
- ⁹ Сб. РИО. СПб., 1876. Вып. 19. С. 58–60.
- ¹⁰ Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. 15. С. 171.
- ¹¹ Сб. РИО. Вып. 19. С. 464, 483–487.
- ¹² Там же. С. 489–491, 502.
- ¹³ Там же. Вып. 20. С. 371; Arneth A. Joseph II und Katharina von Russland. Ihre Briefwechsel. Wien, 1869. S. 299.
- ¹⁴ Madariaga I. Op. cit. P. 384.
- ¹⁵ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Австрией. 1781. Д. 634. Л. 1, 5.
- ¹⁶ Arneth A. Op. cit. S. 65–66, 68; АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. 1781. Д. 635. Л. 49.
- ¹⁷ Там же. Д. 634. Л. 7–8; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 145.
- ¹⁸ Arneth A. Op. cit. S. 72–88.

ПРЕДЫСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОГО ПРОЕКТА

И все же нельзя сказать, что проект был каким-то импульсивным шагом Екатерины II: корни его уходят в глубь веков, основываются на традициях российской внешней политики, на тесных политических культурных церковных связях, возникших между православным населением Балкан и Россией в эпоху османского господства. Первую заявку на византийское наследство Русь сделала еще в XV в. в результате женитьбы московского великого князя Ивана III на племяннице последнего византийского императора Константина XI Зое (Софье) Палеолог.

В начале XVIII в. Россия вышла на мировую арену в качестве великой державы. Несмотря на занятость Северной войной, Петр Великий вынашивал определенные планы в отношении Балкан и Ближнего Востока (вспомним Прутский поход 1711 г. и Персидский 1722–1723 гг.). Об этих планах Петра Екатерина знала, причем не только из книг и документов, но и от авторитетного свидетеля – сподвижника царя-преобразователя фельдмаршала Б.К. Миниха, победителя турок при Ставучанах. Миних был одним из немногих сановников, сохранивших верность Петру III до последнего момента. Несмотря на это, Екатерина его простила, приблизила к двору и часто с ним беседовала.

В один из дней рождения наследника престола Павла Петровича приглашенный во дворец Миних высказал такое пожелание имениннику: «Я желаю, чтобы когда великий князь достигнет семнадцатилетнего возраста, я мог бы поздравить его генералиссимусом российских

войск и проводить в Константинополь, слушать там обедню в храме Св. Софии. Может быть, назовут это химерою... Но я могу на это сказать только то, что Великий Петр с 1695 года, когда в первый раз осаждал Азов, и вплоть до своей кончины не выпускал из вида своего любимого намерения – завоевать Константинополь, изгнать турок и татар и на их месте восстановить христианскую греческую империю”¹.

Екатерина, считавшая себя продолжательницей петровских традиций в политике России, с удовольствием слушала старого воина, сподвижника Петра, скончавшегося за год до начала первой русско-турецкой войны ее царствования.

В ходе этой войны Екатерина не стремилась радикально решить Восточный вопрос. Ее вполне реалистичная цель была скромнее: обеспечить для России надежный выход к Черному морю. В то же время, для того чтобы получить поддержку православного населения Балкан военным усилиям России, императрица в своих обращениях к его представителям давала понять, что она будет содействовать освобождению балканских народов от османского ига.

Как уже говорилось, некоторые российские военачальники, действовавшие в Греции, уже вполне определенно заявляли в своих воззваниях, что война эта ведется ради освобождения христиан от иноземного ига. Эти обращения не могли оставить равнодушными греческих патриотов, тысячами стекавшихся под русские знамена.

Оживившиеся надежды греков на освобождение в результате военного выступления России против Турции нашли отражение и в обращениях видных представителей греческого общества к российской самодержице. Вот что говорил, например, уже упоминавшийся на страницах книги ученый и священнослужитель Евгений Булгари, прибывший в Россию по приглашению Екатерины, на данной ему в июле 1771 г. во дворце аудиенции. Обращаясь “ко благочестивой и христолюбивой, Богом прославляемой, непобедимой, великой императрице всероссийской” и выражая сожаление, что она не является и греческой императрицей, он призывал ее оказать помощь в освобождении его родины: “Соверши ты мое благополучие приведением и рода моего в благополучное состояние. Греция после Бога на тебя (Державнейшая Императрица) взирает, тебя молит, к тебе припадает”².

Несколько позднее этот знаменитый ученый и горячий греческий патриот выступил с развернутой программой решения Восточного вопроса, включавшей в себя и освобождение Греции. Она была изложена в его публицистической работе “Размышления о нынешнем критическом состоянии Оттоманской державы”, опубликованной в 1772 г. на французском языке, вышедшей также на греческом языке, а позднее – в русском переводе. По представлению Булгари, в ходе шедшей тогда войны с Россией Османская империя оказалась на краю пропасти. В то же время греческий мыслитель не считал крах османского государства неизбежным. Более того, он предупреждал, что если османы усвоят технические достижения европейцев и их военную тактику, то они снова будут представлять грозную опасность для всей Европы. По мнению ученого, военный разгром Османской империи силами России предот-

вратил бы эту опасность. Он выражал сожаление в связи с тем, что некоторые христианские государства стремятся помешать решительной победе России в войне с Османской империей, оправдывая свои действия необходимостью сохранения европейского равновесия. Между тем, как убежденно доказывал Булгари, именно уничтожение Османской империи необходимо для поддержания равновесия в Европе. Он полагал, что это “предоставило бы, возможно, другим христианским державам большие выгоды, чем России; и в конечном счете произведенный по взаимному согласию раздел турецких провинций в Европе, вместе с созданием небольшого независимого Княжества Греческой Нации, могло бы содействовать в будущем сохранению действительного европейского равновесия”³.

Брошюра была издана на французском языке без имени автора, который находился в это время в Петербурге и был близок ко двору, что дает основание предполагать, что в ней нашли отражение не только взгляды автора. В то же время предложенный Булгари план национального освобождения Греции – путем создания небольшого княжества – не был тождествен Греческому проекту Екатерины II, предусматривавшему создание большой Греческой империи.

Призывы к радикальному решению Восточного вопроса и освобождению Греции, обращенные к российской императрице, падали на благодатную почву. Важным элементом идеологии Просвещения было преклонение перед античностью, особенно перед культурой Древней Греции. Отсюда проистекал филэллинизм видных деятелей европейского Просвещения. В переписке с Екатериной II Вольтер неоднократно высказывал надежду, что она покончит с турецким господством в Европе и “возродит в Греции Фидиев и Мильтиадов”⁴. Перспектива осуществить этот грандиозный замысел, занимавший воображение королей и философов, не могла не льстить тщеславию правительницы России.

Рост могущества России, укрепление ее связей с греческим миром подогревали желание петербургского двора решить наконец Восточный вопрос. О своих далеко идущих планах в этом направлении Екатерина недвусмысленно поведала в связи с рождением 27 апреля (8 мая) 1779 г. внука, названного Константином. Имя это, не встречавшееся до того среди членов российского царствующего дома, но весьма распространенное среди императорских фамилий Византии, было дано ему, конечно же, не случайно. В честь его рождения была отчеканена специальная медаль с изображением Софийского храма в Константинополе и Черного моря с сияющей над ним звездой. Кормилицей Константина была гречанка; по желанию бабки он воспитывался вместе с молодыми греками и изучал греческий язык. При дворе Екатерины царила мода на все греческое. Придворные устраивали пышные празднества в греческом духе. Так, во время торжественного застолья, устроенного Потемкиным летом 1779 г. в честь рождения внука императрицы, хор под звуки органа пел строфы на древнегреческом языке⁵.

Британский посол Гаррис вскоре после рождения Константина общался в Лондон, что у российского двора “преобладающей мыслью,

затмевающей все остальные, является основание новой империи на востоке, в Афинах или Константинополе..."⁶.

Поэты посвящали стихи новорожденному внуку Екатерины, предсказывая ему великое будущее. В стихотворении князя Ф.С. Голицына есть такие строки: "Се Константин восстал! Ликуйте, мудры греки: возобновятся вам прошедши сладки веки. Афины мощною воздвигнет он рукой..." Известный же описец Василий Петров приветствовал рождение Константина словами: "Гроза и ужас чалмоносцев, великий Константин рожден..."⁷.

Но если предназначение Константина как императора будущей Греческой империи было предано широкой огласке, что должноствовало вызвать симпатии общественного мнения к Греческому проекту, то дипломатическая подготовка по его реализации велась в глубокой тайне. Приступить к соответствующим дипломатическим шагам Екатерину побуждала сложившаяся международная обстановка.

Англия и Франция вели между собой изнурительную войну. В центре Европы позиции России после заключения Тёшенского договора 1779 г., предоставившего ей роль гаранта внутригерманских соглашений, были как никогда прочны. Австрия, из сухопутных европейских держав наиболее вовлеченная в балканские дела, стала союзницей России.

В этих условиях сторонники кардинальных мер в решении Восточного вопроса в окружении Екатерины II, к которым относили Г.А. Потемкина и А.А. Безбородко, активизировали свою деятельность. В сентябре 1780 г. А.А. Безбородко, в то время доверенный секретарь Екатерины, представил ей "Мемориал по делам политическим". В нем "проигрывались" различные варианты итогов будущей войны с Турцией в союзе с Австрией. Автор считал, "что упорство Порты, с одной стороны, и успехи – с другой, подали бы способы к совершенному истреблению Турции и к восстановлению древней Греческой империи в пользу младшего великого князя, внука Вашего Императорского Величества". Далее Безбородко ставил вопрос о тех территориальных компенсациях, которые следует предоставить другим державам, в первую очередь союзнику России – Австрии, для того чтобы получить их согласие на осуществление задуманных грандиозных политических преобразований⁸.

Записка Безбородко легла в основу предложений, которые Екатерина II изложила в письме австрийскому императору Иосифу II от 10 (21) сентября 1782 г.

¹ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1992. Кн. III, вып. 7. С. 100.

² Российский государственный архив древних актов. Ф. 18. Д. 249. Л. 14 (служебный перевод с новогреческого).

³ Ари Г.Л. Видные греческие деятели о кризисе Османской империи в конце XVIII – начале XIX в. // История. Культура. Этнология: Доклады российских ученых к VII Международному конгрессу по изучению Юго-Восточной Европы. М., 1994. С. 82.

⁴ См.: Вольтер и Екатерина II. СПб., 1882. С. 66, 193, 201, 207.

⁵ Брикнер А.Г. Потемкин. СПб., 1891. С. 47.

⁶ Маркова О.П. О происхождении так называемого Греческого проекта // История СССР. 1958. № 4. С. 68.

⁷ Там же. С. 70.

⁸ Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени. СПб., 1879. Т. 1. С. 385.

САМОЕ ЗНАМЕНИТОЕ В ИСТОРИИ ЛИЧНОЕ ПИСЬМО

10 (21) сентября 1782 г. Екатерина отправила Иосифу II письмо, вошедшее в историю под названием “Греческий проект”. Она начала его с жалобы: Порта чинит препятствия проходу русских судов через Босфор и Дарданеллы, подстрекает жителей Крыма к восстанию, нарушает права Дунайских княжеств. Затем следовали уверения в миролюбии и будто бы присущей царице умеренности: “... я не добиваюсь ничего, выходящего за рамки, установленные договорами”. Но на всякий случай ей и Иосифу благоразумно заранее подумать о возможных военных операциях и подписать “секретную конвенцию о вероятных приобретениях, которых мы должны домогаться у нарушителя мира” (т.е. Высокой Порты). Императрица с оптимизмом взирала на международную обстановку: Дания – верный союзник; Швеция одна выступить не дерзнет; Фридрих Прусский обременен годами и болезнями и не осмелится бросить вызов двум империям; Англия и Франция сражаются друг с другом, так что никто не помешает союзникам.

Далее Екатерина, преисполненная “безграничного доверия” к коронованному австрийскому брату, представила картину развала Османской державы, не скупясь на черную краску: паши своевольничают, бандиты грабят города и села, некогда грозные янычары сидя в лавчонках, откуда их не вытащить, члены Дивана казнокрадствуют¹.

За сим следовало главное: целесообразно, полагала царица, создать между тремя империями – Российской, Австрийской и Турецкой – барьер в виде государства, от них не зависимого, в составе Молдавии, Валахии и Бессарабии. Не вполне точно Екатерина писала, что в древности оно существовало и именовалось Дакией*. Во главе этой державы следует поставить монарха-христианина, на верность которого можно положиться. Дакия никогда не должна объединяться ни с Австрией, ни с Россией. Последняя на Дакию не претендует, ее притязания ограничиваются крепостью Очаков на Днепровском лимане и полосой земли между реками Буг и Днестр. Но, если с помощью Божьей удастся освободить Европу от врага имени христианского, обращалась Екатерина к Иосифу, “В.и.в. не откажется помочь мне в восстановлении древней Греческой монархии на развалинах павшего варварского правления, ныне здесь господствующего, при взятии мною на себя обяза-

* Молдавия и Бессарабия в состав Дакии не входили.

тельства поддерживать независимость этой восстановленной монархии от моей”. Царица излагала затем свою затаенную мечту: возвести на греческий престол Константина при условии, что он никогда не посягнет на российскую корону. Наследник-цесаревич Павел и великий князь Александр в свою очередь поклонятся, что никогда не станут претендовать на константинопольский престол².

Австрийского кайзера царица поставила перед нелегким выбором. Триумфы “екатеринизированной принцессы Цербтской” причиняли ему, по собственному доверительному признанию, “мучения”, заставляя идти на попятную. В свете феерических российских успехов вставать на пути Екатерины, сопротивляться водворению России на Балканах представлялось бессмысленным. Оставалось присоединиться, потребовав себе компенсаций, и тут просвещеннейший из европейских венценосцев не поскромничал. В письме от 13 ноября он наметил для себя следующие приобретения: крепость Хотин с окрестностями, Малая Валахия до р. Алута (Олт), Видин, Орсова и Белград, оттуда – прямая линия до Адриатического моря у Дринского залива. Поскольку в Далмации Иосиф посягал на венецианские владения, то предлагал компенсировать республике эти потери островам Крит и землями в Греции. В изысканных выражениях, но вполне определенно он опроверг все стратегические постулаты Екатерины: ни преклонные лета Фридриха II, ни родство с французской королевой Марией-Антуаннетой, его сестрой, не дают ему ни малейшей гарантии от осложнения отношений с Пруссией и Францией; ему нужно реальное средство против их возможного нападения, без чего, заключал Иосиф, “я абсолютно не в состоянии служить В.и.в.”³

Прусская угроза преследовала его как кошмар: “Нет предела ненависти и недоброжелательства, поистине неистощимых, прусского короля... Если бы он мог обрушить на меня и тех, кто связан со мною узами интереса и дружбы, он, вне всякого сомнения, совершил бы и это”. В письме Иосифа фигурировала и перестраховочная фраза: “Что касается создания нового королевства Дакция с государем греческой религии и утверждения Вашего внука Константина сувереном и императором греческой империи в Константинополе, то лишь ход войны может все решить; с моей стороны осуществление всех Ваших замыслов не встретит затруднений, если они будут сочетаться и соединяться с тем, что я считаю достойным”⁴ (т.е. собственными приобретениями).

Видимо, решив, что он сделал слишком много замечаний, кайзер в письме от 11 января 1783 г. повторил свое принципиальное согласие с Греческим проектом. В общем, и хочется, и колется: как бы союзник не усилился в угрожающей степени, как бы коварный пруссак не заломил несусветную цену за свой нейтралитет в войне с Портой. Так что горячие заверения Иосифа в том, что никакие соображения, комбинации и расчеты не помешают ему оказать услугу своему другу и союзнику, следует принимать с оговоркой. Екатерина в ответ тоже источала елей, и как бы между делом в потоке любезностей встречалось серьезное: “Король Пруссии, конечно же, сознает, что совершая нападение на В.и.в., он нападает также на меня”⁵. Кайзер в ответ напомнил, что

безопасность его владений обеспечивается союзом двух монархов, который имеет прочную основу.

Явное несоответствие Греческого проекта сложившейся геостратегической ситуации уже много лет смущает исследователей. О.П. Маркова, посвятившая анализу документа интересную статью, полагает рассуждения о разделе Турции лишенными черт реальной политической программы, которую бы разрабатывали и собирались выполнять. Легкость, с какой разрешались в этом письме острые проблемы международных отношений, заставляет смотреть на письмо как на провокационный шаг русской дипломатии, как на документ “макиавеллистической политики”.

Можно вполне согласиться с автором, что плана действий проект не содержал; почти в то же самое время Екатерина вполне реалистически рассуждала в письме Потемкину: “Политический состав Оттоманской империи разными обстоятельствами... еще отдален от конечного разрешения”⁶. Права О.П. Маркова и в том, что, закинув сети обещаний, царица подорвала в Вене позиции противников раздела Турции во главе с канцлером А.В. Кауницем, который, по словам Екатерины, “ужом и жабою вертится и прыгает”, ей противодействуя. Не без влияния обещанных в проекте соблазнов кайзер Иосиф не только смирился с вхождением Крыма в состав России в 1783 г., но даже сопроводил свое согласие комплиментами в адрес Екатерины⁷.

Г.А. Потемкин выражал по этому поводу удовлетворение: “Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской”⁸. Всерьез и надолго. Никаких реальных шагов к претворению в жизнь Греческого проекта не предпринималось.

Так чем же можно объяснить полет фантазии императрицы? Версия насчет провокационного, макиавеллистического характера документа нам убедительной не представляется. Разгадку, скорее, следует искать в психологии. Ничто человеческое не было чуждо Екатерине, включая тщеславие, заблуждение, головокружение в водовороте успехов. Двадцать лет царствования – и ни одного провала. А она была падка на лесть.

Однозначной оценке Греческий проект не поддается. Многими чертами он тяготеет к прошлому, он был навеян воспоминаниями о величии Византии. Екатерина бестрепетно предоставляла Иосифу карт-бланш в приобретении балканских земель. Проект явно химерический: Османская империя, хоть и была больна, испускать дух не собиралась; большинство европейских монархов стремились выступать в качестве ее лекарей, а не гробовщиков. В документе отсутствует идея славянской взаимности, равно как и желание воплотить принципы национальности. В западной историографии он и по сию пору представляется символом российского экспансионизма.

С подобной оценкой согласиться нельзя. Помимо дани прошлому, проект содержал в себе зерно будущего. В нем прослеживаются два постулата: воссоздание в Юго-Восточной Европе государственности христианских народов и отказ России от территориального расширения в этом направлении. Можно сказать, что в дальнейшем допускаясь от-

ступления от них, и пока что оба выступали, скорее, как варианты. Несомненно желание Екатерины поставить возрождаемую Греческую монархию под покровительственную длань самодержавия, используя династические связи. Мыслился переход официальной России от территориальной экспансии к политической, под знаком которой прошла большая часть XIX в. В этом смысле Греческий проект явился отправной точкой комбинаций по государственно-территориальному переустройству Балкан, коими богато следующее столетие. Можно согласиться с оценкой О.И. Елисеевой: “Россия не стремилась к непосредственному включению в состав земель, кольцом огибающих Черноморский бассейн, а предусматривала охватить его поясом православных стран-сателлитов и союзных горских мусульманских племен”⁹.

В 1787 г. Екатерина откликнулась на настойчивые просьбы Потемкина и совершила путешествие на Украину и в Крым. Наверное, слово “путешествие” звучит слишком скромно для той феерии, в которую вылилась поездка. Кавалькада тронулась в путь морозным январем, за царским следовало еще сто двадцать возков. Императрица захватила с собою послов Австрии, Франции и Великобритании. Последний пребывал в меланхолии, оставив в Петербурге некую милую сердцу леди. В городах императрицу встречали хлебом-солью и устраивали в ее честь балы. Вечером ранняя тьма окутывала землю, и на обочинах дороги, по которой мчался необычный обоз, пылали костры из цельных стволов деревьев. На почтовых станциях путников ожидали табуны сменных лошадей – 560 голов. Гл. Томсон сочла все предприятие “смейсью” политического тура, увеселительной прогулки и дипломатического конгресса¹⁰. В Киеве общество задержалось почти на три месяца – ждали, пока вскрыется Днепр, дальше путь лежал на судах вниз по реке. Несколько подпортил настроение Потемкин: он поселился в Киево-Печерской лавре и много времени уделял беседам с монахами. В Канев загодя для встречи со своей экс-возлюбленной прибыл польский король Станислав-Август. Рандеву на Днепре прошло холодно и официально. Канули в Лету годы, когда юная великая княгиня Екатерина Алексеевна бегала на свидания с красавцем поляком в дом Льва Нарышкина! С императором Иосифом встреча произошла позднее, когда компания двинулась вниз по Днепру. Римский цезарь, как обычно его именовали, пребывал не в духе: форма приглашения, полученного от бывшей принцессы Цербстской, показалась ему недостаточно почтительной. Своей поездке “граф Фалькенштейн” придал возможно более неофициальный характер, его сопровождали один генерал и два служителя. Узнав о приближении самого знатного и желанного гостя, Екатерина поспешила ему навстречу из Кременчуга. Свидание состоялось в местечке Новые Кайданы и ознаменовалось легким конфузом: никто не позаботился о трапезе для августейших особ. И вот, по словам царицы, “князь Потемкин затеял сам пойти в повара, взяв принца Нассау в поваренки, а генерала Браницкого в пирожники. Их величеством никогда еще со дня их коронаций не случалось иметь столь блистательной прислуги и столь плохого обеда”. Не обошел темы злосчастного обеда в своей переписке и кайзер, назвав состряпанные блюда несъедоб-



Путешествие в Крым. Дорожный возок Екатерины II

ными. Вообще, кайзера не покидало желчное настроение. Закладывая второй, после Екатерины, камень в фундамент екатеринославского собора, он отчетливо пробормотал: "И последний". Севастопольская гавань его восхитила, но воздвигнутые укрепления он счел построенными на песке. "Путешествие проходит в беспорядке, превосходящем всякое воображение", "пища подается в изобилии, но по большей части скверная, тяжелая и холодная", повсюду - неопишуемая неразбериха. Каицлеру Кауницу он писал: "Императрица умирает от желания возобновить дело с турками, она не прислушивается ни к каким доводам; самлюбие и везение ослепляют ее в такой степени, что она верит, будто способна в одиночку осуществить все желаемое", и не прислушивается к его, Иосифа, опасениям насчет позиции Пруссии и Франции. В письме послу Людовика XVI Л.Ф. Сегюру он заметил: "Я вижу более блеска, чем дела"¹¹.

Пребывавший в меланхолии император за деревьями не увидел леса - быстрого заселения и освоения громадного края. Одних лиц "мужеска пола" в Новороссии насчитывалось 350 тыс. "душ". В Херсоне числилось 1200 домов, 24 тыс. жителей. Тогда это выглядело солидно.

А Иосиф все ворчал: крепостные стены в Херсоне-де рухнут при первом же салюте, и неприятель "не потребен" для взятия его; корабли в Севастополе затонут сами по себе, ибо построены из сырого и даже гнилого дерева. Тем не менее флот маневрировал пред очами королеванных особ, пушки палили в торжественном салюте, стража из

вновь обретенных подданных – крымских татар – гарцевала вокруг кортежа императрицы...¹²

По возвращении домой кайзера ожидали крупные неприятности: бельгийцы отказались платить вновь введенные налоги, а министры, с его точки зрения, проявили в переговорах с ними непростительную слабость. Иосиф рвал и метал: “Когда эта раздраженная и обезумевшая публика увидит, что ее боятся, она способна на все; я удивлен, что брюссельцы и фанатики, их возбуждающие, еще не потребовали снять с меня штаны, и правительство не дало заверения, что я отошлю им их”¹³.

Возвращение в Петербург Екатерины со свитой тоже было далеко не помпезным. Лето выдалось жаркое, солнце иссушило поля, предвещающая голодный год. Из казны – невиданное дело – выделили деньги на покупку зерна за рубежом. Из Стамбула поступали тревожные вести: там готовились к войне.

¹ *Arneth A. Joseph II und Katharina von Russland. Ihre Briefwechsel. Wien, 1869. S. 146, 148, 152.*

² *Ibid. S. 153, 154.*

³ *Ibid. S. 169–175, 260, 172.*

⁴ *Ibid. S. 172, 260.*

⁵ *Ibid. S. 124, 136, 180.*

⁶ *Маркова О.П. О происхождении так называемого Греческого проекта // История СССР. 1958. № 4. С. 58; то же в кн.: Проблемы методологии и источниковедения внешней политики России. М., 1986.*

⁷ *Arneth A. Op. cit. S. 202.*

⁸ *Проблемы методологии... С. 18, 19, 24.*

⁹ *Елизеева О.И. Переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. М., 1997. С. 13.*

¹⁰ *Екатерина и ее окружение. М., 1996. С. 212; Thomson G.I. Catherine the Great. L., 1947. P. 187.*

¹¹ *Брикнер А.Г. История Екатерины II. М., 1991. Т. 2. С. 408; Он же. Потемкин. СПб., 1891. С. 91.*

¹² *Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. L., 1981. P. 370.*

¹³ *Arneth A. Op. cit. S. 295.*

ВОЙНА 1787–1791 гг. – ПРОСЛАВЛЕННАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

Турки словно на углях сидели – и было отчего. В Херсоне августейшие путешественники проехали под аркой с надписью по-гречески “Дорога в Константинополь”. В Севастополе монархи инспектировали черноморскую эскадру России, а на горизонте маячили паруса четырех турецких линейных кораблей.

Не успела Екатерина вернуться в Петербург, как грянул турецкий ультиматум, точнее – даже два. В первом содержались требование отказать от протектората над Грузией и претензия относительно необходимости осмотра русских торговых судов, проходивших через Проливы. Не дождавшись ответа, Порты предъявила второй ультиматум: 5 августа 1787 г. посланника Я.И. Булгакова вызвали в совет и вручили бумагу совершенно наглого содержания – возвратить Османской империи Крым и признать недействительным Кючук-Кайнарджийский трактат. Булгаков счел бессмысленным отправлять ноту в Петербург, и был немедленно заключен в Семибашенный замок – скорбное пристанище многих его предшественников. Предвидя печальный конец своей миссии, Яков Иванович заранее предусмотрительно укрыв архив и шифры. 13 августа Высокая Порты объявила России войну¹.

Гроза, как всегда, разразилась не вовремя. Екатерина после триумфального вояжа пребывала в безмятежном состоянии: “Дела в Европе позапутываются, – писала она Потемкину, – цезарь посылает войска в Нидерланды, король прусский противу голландцев вооружается... прочие державы бдят, а я гуляю по саду”. Светлейший, поглощенный планами освоения Причерноморья, мечтал, “как бы протянуть еще два года”. Не позволили.

Впрочем, с нелегким сердцем принимали решение и османские сановники: “При провожании” чины Порты почти плакали, – свидетельствовал Булгаков, – дорогой, кроме уныния, на всех лицах не было приметно, и ни одного слова никто не произнес”².

7 сентября императрица подписала ответный манифест; война началась.

Кажется, никогда прежде российское оружие не покрывало себя подобной славой: Кинбурн – Очаков – Рымник – Измаил – Мачин – морское сражение при Калиакрии. А.В. Суворов увенчал себя лаврами

* В Семибашенный замок.

великого полководца, взошла звезда тогда еще контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова. Их подвиги описаны историками, прославлены в литературе, драматургии и киноискусстве, воспеты поэтами.

Но существует и другая сторона разыгравшейся драмы: Европа оказалась на грани войны, подобной Семилетней и Тридцатилетней, России угрожала коалиция Швеции–Великобритании–Пруссии–Польши–Турции. Эта возможная и непредсказуемо опасная схватка обоидена вниманием и в науке, и в литературе. Более ста лет назад второй “екатерининской” войне во всех ее проявлениях, и прежде всего военным действиям, посвятил свой труд полковник генерального штаба А.Н. Петров. С тех пор – ничего в плане комплексного подхода.

В нашем скромном повествовании мы собираемся заглянуть и на эти полузабытые страницы. Итак, война прославленная и неизвестная.

Манифест Екатерины содержал знаменательную фразу: Кючук-Кайнарджийским миром Россия доказала, “что и в счастливой войне не приобретение, но оборона и спокойствие государства нашим было предметом”³. Сама эта формулировка говорила об отсутствии широких завоевательных замыслов. Ни малейших следов Греческого проекта, сугубо прагматический подход к анализу ситуации. В совете при высочайшем дворе царил тревога: засуха, неурожай, голод во многих местах. Лихорадочную поспешность, с которой турки ввязывались в войну, можно было объяснить лишь тем, что они рассчитывали на внешнюю поддержку.

Утешало то, что из игры выбыла Франция, находившаяся на пороге революции: “... нет нам причины опасаться больших препятствий со стороны Франции и по ее бессилию”, – это констатация 1788 г. Через два года – еще определеннее: Парижа “в политике европейской не существует”⁴.

Иосиф II при первой вести о войне успокоил Екатерину: “Будучи верен обязательствам, связывающим меня как союзника с В.и.в., и еще более – нежной дружбе и теплой привязанности на всю жизнь, я готов доказать всеми возможными средствами, что Ваше дело является и моим”⁵. Правда, войну он объявил с некоторым опозданием (29 января 1788 г.).

Военная коллегия распорядилась о снаряжении сильной, в 15 линейных судов и фрегатов, эскадры для посылки в Средиземное море – подвиги моряков А.Г. Орлова и Г.А. Спиридова были у всех на памяти, вторая Архипелагская экспедиция сулила успех⁶.

Жизнь внесла в эти планы коррективы. Из Лондона постушили вести, положившие конец средиземноморским расчетам: британские моряки отзывались из российского флота. Екатерина вспыхнула и хотела в ответ направить сердитую ноту, но ее отговорили от этого бесполезного намерения. “Политический щенок Фрезер” (как царица называла поверенного в делах) получил от своего кабинета “гордое и надменное письмо” и заявил первоприсутствовавшему в Коллегии иностранных дел И.А. Остерману о “равенстве дружбы к России и Порте”⁷. А без санкции владычицы морей, без ее готовности предоставить свои порты для стоянки по пути нечего было и думать об экспедиции в Архипелаг,

поход превращался в авантюру. Вместо поддержки Уайт-холл назойливо предлагал посредничество, причем явно благоприятное для Турции.

В таких отнюдь не радужных условиях разворачивались военные операции. Главный ударный кулак представляла Екатеринославская армия – более 80 тыс. человек (35 пехотных, 31 конный полк, 180 пушек). В ее задачу входило занятие междуречья Буга и Днестра, взятие Очакова, оккупация Бессарабии, штурм Бендер. Австрийцам поручался осада Хотина.

Прославленному полководцу П.А. Румянцеву поручили командование по сути вспомогательной Украинской армией (30 тыс. солдат и офицеров) под общим надзором Потемкина с задачей следить за Польшей, обеспечивать связь между основными российскими и австрийскими силами и удерживать фронт в междуречье. Налицо была явная дискриминация старого фельдмаршала в пользу любимца, в подчиненного которого он превращался. Стараясь подсластить пилюлю, Екатерина предоставила ему право производить в офицерский чин вплоть до подполковника и просила его “не отказать” Потемкину в советах⁸.

Турки не собирались пассивно созерцать сосредоточение неприятеля. Мечтая о возврате Крыма, они хотели навязать ему свой план действий. Проба сил произошла на п-ве Кинбурн; сооруженная там крепость охраняла подступы к Крыму и явилась первым объектом атаки.

На беду османов Кинбурн оборонял Суворов. В памятный день 1 октября он позволил туркам высадиться с судов, чтобы истребить их на берегу. Десант состоял из отборных янычар числом до 5 тыс. Сеча произошла отчаянная, недавние рекруты под началом Суворова было дрогнули, и генералу пришлось их самому вести в контратаку. Лишь к вечеру удалось добиться перелома, десант был уничтожен почти целиком⁹.

Иначе складывались дела на море; посланная Потемкиным в район Варны эскадра оказалась 8 сентября жертвой черноморской боты, страшной бури, разметавшей корабли. Фельдмаршала печальная весть (как обнаружилось позднее, преувеличившая размеры бедствия) повергла в отчаяние: “Флот севастопольский разбит бурей... Корабли и большие фрегаты пропали. Бог бьет, а не турки”. Потемкин просил сложить с него командование: “Я все с себя слагаю и остаюсь простым человеком”¹⁰. Не дожидаясь ответа императрицы, он известил Румянцева о своем намерении.

Екатерина была поражена и разгневана, отсюда – необычайно резкая отповедь соратнику: “Я думаю, что в военное время фельдмаршалу надлежит при армии находиться”. Фаворит А.М. Дмитриев-Мамонов, бывший потемкинский адъютант, уговорил императрицу смягчить выражения, и все же письмо от 24 сентября звучало необычно резко: “Вы отнюдь не маленькое частное лицо, которое живет и делает, что хочет. Вы принадлежите государству, Вы принадлежите мне”¹¹.

По ходу дел царице пришлось заняться вопросом еще более серьезным, нежели отставка полководца: Потемкин просил у Румянцева совета насчет целесообразности вывода войск из Крыма для усиления обороны Херсона и Кинбурна. Граф Петр Александрович счел это не-

целесообразным, но о письме Потемкина сообщил в Петербург; умонастроение главнокомандующего перестало быть тайной. Екатерина высказалась резко против, и ей пришлось утешать друга: “Оставь унылую таковую мысль, ободри свой дух”, – и даже преподать фельдмаршалу нечто из азов стратегии: “Начать же войну эвакуацией такой провинции, которая дондесь не в опасности, кажется, спешить не для чего. Равномерно – сдавать команду, сложить достоинства, чины и неведомо чего... Все сие пишу тебе как лутшему другу, воспитаннику моему и ученику...” Далее царица перешла на французский язык: “Вы нетерпеливы как пятилетнее дитя, тогда как дела, Вам порученные в эту минуту, требуют невозмутимого терпения”. Но государыня и сама пребывала в волнении. Подумав, она изложила в постскриптуме свои соображения относительно последствий эвакуации Крыма: “... чрез то туркам открылась (бы) паки дорога, так то сказать, в сердце империи, ибо на степи едва ли удобно концентрировать оборону”¹².

Тем временем в Севастополь вернулись суда – с порванными парусами, а то и без мачт, с многочисленными пробоинами, но на плаву. Лишь корабль “Мария Магдалина” занесло ветром и течением в Босфор, и команда сдалась. У Потемкина отлегло от сердца, он взял себя в руки.

И все же переписка между императрицей и главнокомандующим привела к потере времени и не способствовала развитию операций на поле боя. Турецкий замысел – приковать основные силы россиян к крепостям, а маневренную войну вести против австрийцев – в значительной степени удался.

1788 год принес новые хлопоты и огорчения. Берлинский двор не собирался мириться с возможным территориальным расширением Австрии, и еще менее – с новым шагом России к могуществу. Первый министр Э.Ф. Герцберг сочинил далеко идущий план перекройки карты Восточной Европы: пусть Иосиф и Екатерина углубятся в балканские дали и там увязнут, Пруссия же, опираясь на британскую поддержку, добьется передела Польши, приобретя Данциг (Гданьск) и Торн (Торунь). В таком случае Польше передавалась отобранная у Австрии часть Галиции. Иосифу II в утешение предназначались Дунайские княжества¹³.

Напряженность в отношения с Пруссией дамокловым мечом нависала над венскими политиками: Берлин – “самый ожесточенный враг, более всех способный нанести ущерб нашим общим интересам”, – делился Иосиф II своими опасениями с Екатериной: “Войну одновременно с Портой и королем Пруссии он вести не в состоянии, это непоправимо”.

Рывка к лидерству в Европе России не простили; ее, а заодно и Австрию решили “осадить”. В противовес их альянсу образовалась коалиция Великобритании (морская мощь), Пруссии (оваянная славою побед Фридриха II армия) и Голландии. К сотрудничеству с ними проявляли интерес шведы. Екатерина с тревогой писала о повышенной активности своего стокгольмского родственника: “Мой дорогой сосед с берегов Ботнического залива полагает, вероятно, что никто не замечает в настоящий момент, что он отправился на экскурсию в Берлин”¹⁴.

Не было уверенности в том, что в стороне останется Речь Посполитая. Раны, нанесенные ей разделом, не затянулись. Решено было помянуть ее территориальным приращением. Король Станислав-Август живо откликнулся, но запросил по оценке Зимнего дворца, слишком много – большую часть Молдавского княжества (Бессарабию и земли до р. Серет)¹⁵. Нетрудно было предвидеть отрицательную реакцию венского двора, российско-польские взаимные зондажи прекратились. Речь Посполитая осталась в выжидательном, а стало быть – в очень небезопасном для России состоянии.

И все же беда пришла, как всегда с неожиданной, шведской, стороны. Казалось бы, потерпев в XVIII столетии два поражения, заплатив за них потерей статуса великой державы, Швеции следовало бы успокоиться. Но не таков был двоюродный брат Екатерины II по матери, занимавший шведский престол. В.О. Ключевский заметил: "... только душевно нездоровые люди, вроде короля Густава III, продолжали думать об отместке". Сама Екатерина отзывалась о братце нелицезно: "он такой же лукавец, как глупец и лгун... Нет лжи, которой бы он на меня не рассеивал"; а в свете дальнейшего даже заподозрила – "не с ума ли сошел" кузен?¹⁶

Но – свершилось. Густав искал повод для ссоры, хотя российская дипломатия держалась в высшей степени предупредительно. Однако кто ищет, тот обрящет. Король придрался к пустяку: будто бы при встрече двух эскадр шведскому флагу салютовали без должной степени уважения. Густав не побрезговал провокацией, инсценировал "вторжение" россиян в соседские пределы. Злые языки в Стокгольме уверяли, что российские мундир "нападавших" были заимствованы из костюмерной столичного оперного театра.

В Петербург доходили слухи, которым и верили, и не верили: отправляясь к армии, Густав якобы обещал провожавшим его дамам затмить славу Густава-Адольфа и Карла XII; правда, садясь в карету, он все же заметил, что пускается в сомнительное предприятие. Екатерина сообщила Потемкину: "Говорят, будто он хвастает, что придет в Петербург, велит низвергнуть конную статую Петра I, а на ее место поставит свою". Сообщенные им условия мира не вязались со здравым смыслом: возвращение Швеции части Карелии, включая Кексгольм; разоружение Балтийского флота; шведское посредничество в мирном урегулировании между Россией и Высокой Портой с условием передачи последней Крыма (Густав успел заключить с Турцией союз). Екатерина назвала переданный ей документ "сумасшедшей нотой"¹⁷.

Но шведы двинули на Петербург 36-тысячное войско. У россиян на порубежье оказалось всего 14 тыс. солдат и офицеров. Спешно, на подводах стали перебрасывать в Карелию гвардейские части, изловили празднующихся и сформировали из них полк, из ямщиков – другой.

Шведы застряли у первой же крепости – Нейшлота. Ее комендант, майор Кузьмин, на предложение сдать ответил: одну руку он потерял в боях, а оставшейся отворить тяжелые ворота крепости не в состоянии. Тем временем российская дипломатия подготовила диверсию с

датской стороны: Дания объявила Швеции войну. Правда, под давлением британского кабинета датчане быстро свернули операции, но Густав покинул Финляндию. Шведы очистили российскую территорию (“лукавый унес шведского короля”, по словам Екатерины). В письме Потемкину она изъяснялась еще выразительнее: “мечется, будто угорелая кошка”¹⁸. В следующем году отдельные российские отряды оперировали уже на неприязнительной земле.

Не только штыком, но и умом действовала российская сторона. Умело использовалась непопулярность войны, развязанной королем без согласия риксдага, среди шведской общественности. С пленными офицерами обходились по-рыцарски: им вернули шпаги и, по словам секретаря Екатерины А.В. Храповицкого, предоставили “королевский стол”. Царица их приняла и они “допущены были к руке”. Намеки сомнений не вызывали: затеянная их монархом война – досадная случайность во взаимоотношениях двух стран¹⁹.

27 июля 1788 г. совет при дворе с удовлетворением отмечал: “Неприятельские войска, окружившие со всех сторон Фридрихсгам, по причине непослушания финских полков поспешно следуют к границе”. Их офицеры вошли в сношение с российским командованием, а через него – и со двором. Им посоветовали отделиться от Швеции, образовав Великое княжество Финляндское, а уж Россия гарантирует его независимость²⁰.

Сильную неприятельскую эскадру после сражения у Гогланда удалось блокировать в Свеаборге. Недруги образовали полукольцо по западному рубежу России: Швеция–Англия–Пруссия–Польша–Турция; война со всеми (а такая угроза существовала) превратилась бы в европейскую. Екатерина писала Потемкину со свойственной ей грубоватой образностью: “Предпишутся мне самые легкие кондиции, как, например, отдача Финляндии, а может быть и Лифляндии, – Швеции; Белоруссии – Польше; по Самару-реку – туркам...” Но не на ту напали: “Они позабыли себя и с кем дело имеют, в том и надежду кладут, дураки, что мы уступчивы будем!” Остается не дипломатические кружева плести, а торжества на поле боя добиваться: “Возьми Очаков и сделай мир с турками, тогда увидим, как осядутся, как снег на степи после оттепели” – а то “пруссский дурак не унимается”. Последний вызвал особую тревогу, как-никак 40-тысячная армия дежурит у границ: “Законы принять от прусского короля мне не сродно, а России еще менее... Не будет нам покоя, пока прусский король не будет бит, и надобно необходимо помышлять, чем”²¹.

Ключом турецкой обороны в Причерноморье являлась крепость Очаков. Потемкин действовал осмотрительно и неторопливо. Н.Ф. Шахмагонов объясняет его тактику желанием сохранить армию и избежать излишних потерь, напоминая, что взятие Бендер в 1770 г. обошлось в 7 тыс. убитыми²². Потемкин обложил Очаков в июне 1788 г. и приступил к планомерной, по всем законам военной науки, осаде. Суворову осмотрительность командующего претила, он высказывался за штурм. 27 июля турки предприняли вылазку из крепости, встречным боем командовал Суворов, он был ранен и ускакал в лагерь,

его гренадеры отступили, понеся большой урон. Потемкин сделал ему выговор (“ни за что потеряно бесценных людей сколько, что их было бы довольно и для всего Очакова”) и уверился в собственной правоте²³.

6 декабря последовал штурм, осуществленный мастерски. Турки понесли большие потери: 4,5 тыс. убитых, почти 4 тыс. пленных. Потери русских – значительно меньше: соответственно 1 тыс. убитых и 2 раненых. Крепость была взята по всем правилам военного искусства, словно бы на учениях. Победителям досталось 310 орудий и 780 знамен, затем последовал “добыч” (грабеж – заключительный и непремный “аккорд” успешной операции тех времен).

Екатерина торжествовала: “За уши взявши обеими руками, мысленно тебя целую”, – писала она фельдмаршалу, а после осыпала его наградами²⁴.

Совсем плачевно обернулся 1788 год для австрийцев.

Кайзер двинул в бой немалые силы – 125 тыс. пехоты и 22 тыс. кавалеристов. К сожалению и ущербу для дела, Иосиф, мечтавший о лаврах полководца, взялся командовать сам, хотя, по замечанию А.Н. Петрова, не имел понятия о военном искусстве. Армия была растянута на огромном пространстве от Днестра до Адриатики, что ослабляло ее ударную силу и позволяло туркам легко проникать сквозь негустую завесу австрийских войск. Совместно с русскими удалось занять Хотин, но в Белграде янычары стояли насмерть. А тут пришла весть, что корпус Юсуфа-паши прорвался в австрийские владения, в Трансильванию и Банат. Иосиф снял осаду Белграда и бросился на выручку своим; в битве при Лугоше 10(22) сентября он едва унес ноги (по словам Потемкина, его “чуть было самого в куче не застрелили”). Правда, в том же сентябре Юсуф-паша, узнав о сдаче Хотина, согласился покинуть австрийские пределы, но это не изменило общий неудачный для “цесарцев” итог кампании 1788 г.²⁵ Сотрудничество с русскими шло негладко. Иосиф обвинял Потемкина в медлительности и ворчал в своем кругу: “Русские ничего не делают”. Светлейший князь, в свою очередь, возмущался австрийским высокомерием и тем, что союзники придерживались принципа “мое – мое, и твое – мое”. Австрийцы не желали пускать российские войска на постой в совместно занятые крепости, в которых по договору располагались их гарнизоны: “цесарцы” заняли “все лучшие места, а я жмусь с войсками, как нищий. Разве русские люди – свиньи, что должны терпеть всякую нужду?” – негодовал фельдмаршал²⁶.

После Очакова осыпанный милостями, укрепивший свой авторитет Потемкин решил, что пришла пора объясниться насчет общего хода войны. Он выступил в пользу более осторожного курса по отношению к Пруссии и Англии с целью их нейтрализации. Убедить Екатерину ему не удалось. Она “скорбела, сердилась”, пребывала “в суете, нерешительности и задумчивости”, но уступать не желала. В ее переписке с фельдмаршалом звучали раздраженные ноты. 26 декабря 1788 г. Потемкин снова взялся за перо: “Напрасно, матушка, гневаешься... Не влюблен я в прусского короля, не боюсь его войск, но всегда скажу, что они всех протчих менее должны быть презираемы”. Он настаивал на переговорах, высказывался за замену послов в Вене, Варшаве и Лондо-

не, будто бы недостаточно “надежных и изворотливых”. По крайней мере в отношении одного князя Семена Романовича Воронцова (Англия), он грубо ошибался: тот в 1790–1791 гг. проявил себя как Мастер (с большой буквы!) дипломатической игры. Да и Дмитрий Михайлович Голицын достойно представлял интересы России в Австрии.

Между Екатериной и ее соправителем наместились принципиальные и глубинные расхождения: царица не желала идти на уступки, полагая, что лишь победа на поле боя рассеет как дым интриги недоброхотов: “С меня более требовать нет возможности, не унижая достоинства. А без этого ни жизнь, ни корона мне не нужны”²⁷. Фельдмаршал считал подобную позицию опасным заблуждением.

Весной 1789 г. Украинская армия добилась на юге ряда успехов, от турок очистили Нижний Дунай, заняли Галац. На том карьере Петра Александровича Румянцева завершилась. Потемкин тяготился присутствием выдающегося подчиненного, не без его влияния к полководцу охладела Екатерина: “Мое мнение есть, – писала она любимцу 22 апреля 1789 г., – фельд(маршала) Рум(янцова) отозвать из армии и поручить тебе обе армии, дабы согласнее дело шло”, – что и было сделано под предлогом заботы о его здоровье. Румянцева вроде бы соглашался (“не может лучше и пойтить дело в сем краю, верно как под Вашим начальством”, – рассуждал он в письме Потемкину). Но на лечение так и не собрался и более чем на год застрял в Молдавии. Потемкин жаловался: “Граф Петр Александрович все в Яссах. Укладывает обоз и раскладывает по несколько раз в день. А между тем немало от сего толков. Но бог с ним”. Терпение царицы лопнуло, она довольно резко выпроводила старого фельдмаршала из Ясс²⁸.

Сам Потемкин после взятия Очакова отправился в Петербург. В его отсутствие главная, Екатеринославская, армия ничем себя не проявила. Затем произошло ее слияние с Украинской. Суворову поручили командование 3-й дивизией из 5 пехотных и 8 конных полков при 30 орудиях. С этими скромными силами он добился основного успеха в кампании 1789 г. В тесном взаимодействии с австрийским корпусом принца Ф. Саксен-Кобургского он нанес туркам поражение в битве при Фокшанах 21 июня. Эти же силы (7 тыс. русских и 18 – “цесарцев”) разгромили и обратили в бегство 90-тысячную армию великого везира в сражении при Рымнике (в австрийской историографии – при Мартинешти) 11 сентября. Отдавая должное Суворову, принц Кобург назвал его “несравненным учителем”. Екатерина торжествовала: “Александр Васильевичу Суворову посылаю: орден^{1*}, звезду, эполет и шагу бриллиантовую, весьма богатую. Осыпав его алмазами, думаю, что казист будет”²⁹. Полководец получил графский титул двух империй, Российской и Германской.

Потемкин всю кампанию провел под Бендерами. Попутно был занят Хаджибей (нынешняя Одесса) и взят на капитуляцию Аккерман. Фельдмаршал предложил бендерскому гарнизону сдать оружие на по-

^{1*} Георгиевский крест первой степени.

четных условиях, иначе – штурм и “на вас уже тогда Бог взыщет за жен и младенцев”. 3 ноября комендант сдал крепость при условии свободного выхода своих войск. Екатерина была в восторге: “Ты отнюдь не хвастун, и выполнил все предположения, и цесарцев выучил турков победить...” – позабыв, что учителем выступал Суворов. Потемкин ответил императрице шутливыми стихами, написанными по-французски³⁰.

Австрийцы, воодушевленные победой под Рымником, подступили к Белграду. Комендант не стал ждать решительного штурма и капитулировал (октябрь). Принц Кобург, возведенный в фельдмаршалы, занял Бухарест.

Положение Османской империи представлялось плачевным: армия разбита, казна пуста. Молодой султан Селим III воззвал к правоверным, прося жертвовать золото и серебро для чеканки монеты, и внес в качестве своего вклада драгоценный сервиз. Посланника Я.И. Булгакова освободили из Семибашенного замка и с почетом проводили в Триест. В Петербурге сочли этот жест признаком готовности вступить в переговоры. Желаемое в очередной раз приняли за действительное. Энергичный, честолюбивый, жаждавший славы и мечтавший о возрождении могущества державы Османов Селим III, сменивший в 1789 г. немощного Абдул Хамида I, с самого начала правления не желал “споткнуться” об унижительный мир. Переговоры (если так можно назвать эпизодические встречи делегатов двух стран) протекали вяло и за рамки зондажа не выходили. Ситуация на театре военных действий сложилась тяжелая, но для Порты все же не катастрофическая. Цепь турецких крепостей – Килия, Исакча, Тулча, Браилов (Брэила), Журжево (Джурджу) и твердыня Измаил – охраняла течение Дуная. На третий год войны операции все еще не были перенесены на правый берег реки, как то предлагал Суворов. Его план совместного с принцем Кобургом вторжения за Дунай для нанесения там репашающего удара осторожный Потемкин не одобрил³¹. Да и трудно было ожидать, что Суворову с несколькими полками и даже с помощью австрийцев удастся решить судьбу кампании и войны. Складывать оружие турки не собирались, пока теплилась надежда на столкновение европейского масштаба на Севере, а она не угасла.

На Балтике все лето 1789 г. не прекращались сражения, шведские паруса маячили в виду Кронштадта. 15(26) июля произошел бой эскадры адмирала В.Я. Чичагова (20 линейных кораблей, 6 фрегатов) у о-ва Эланд с неприятелем (21 корабль, 11 фрегатов). Принц Карл Зюдерманландский отступил, но и россияне понесли серьезные потери. 13(24) августа галерный флот под Андреевским флагом выиграл битву у Роченсальма³². Однако морская сила шведов сломлена не была.

Нерадостные вести приходили из Вены; кошмар прусского нашествия преследовал кайзера Иосифа. Рымникская победа подогрела его миролюбие, ибо позволяла с достоинством выбраться из конфликта “после настоящей кампании”. Екатерина мягко поправляла союзника: она понимает и разделяет настроения своего брата и друга, сознает необходимость отпора “честолюбивым, разрушительным и высокомерным замыслам” Берлина; но и мир с турками нужен не всякий, а отве-

чающий “чести и безопасности наших стран”. Иосиф может быть спокоен – она его в обиду не даст и окажет помощь в случае “несправедливой агрессии со стороны нового врага”³³.

Немалые огорчения в том же году принесли императрице сердечные дела, никогда ее не покидавшие. Она переживала измену фаворита А.М. Дмитриева-Мамонова. Услужливые языки донесли ей, что Потемкин знал о романе Александра Матвеевича с фрейлиной Д.Ф. Щербатовой, а вот царицу не известил.

Придворные недоброжелатели не дремали: “Пакоstickники мои неусыпны в злодействах”, – жаловался светлейший. Им удалось обратить внимание царицы на юного конногвардейца П.А. Зубова: пригож, тих, красив, услужлив... Екатерина, опасаясь резкой реакции на новое увлечение со стороны Потемкина, старалась его смягчить: “При сем прилагаю к тебе письмо рекомендательное самой невинной души... Я знаю, что ты меня любишь и ничем меня не оскорбишь”. Фельдмаршал, видимо, счел Зубова “случайненьким” в сердце своей стареющей подруги: “Матушка моя родная, могу ли я не любить смиренного человека, который тебе угождает?”³⁴

Платон Александрович Зубов оказался и не смиренен, и не прост, он стал центральной фигурой в антипотемкинской придворной группировке (воспитатель великих князей Александра и Константина Н.И. Салтыков, А.Р. Воронцов, П.В. Завадовский). Соотношение сил в совете изменилось к пагубе для светлейшего.

1790 год начался при мрачных предзнаменованиях. 10 января Екатерина извещала Потемкина о планах неутомимого Э.Ф. Герцберга: намечается союз Пруссии с Высокой Портой (с условием возвращения той Крыма) и с Польшей – последнюю предполагалось вознаградить галицийскими землями, а Австрии, если она выйдет из войны, передать часть территории Дунайских княжеств. Берлину министр предназначал Данциг и Торн, а Швеции – земли так называемой русской Финляндии. “Не осталось почти никакого сомнения, чтобы король Прусский не имел в намерении, общё с поляками, весною напасть на наши земли”³⁵.

“Презрительный интриган” Дж. Лукезини, прусский посланник в Варшаве, не гнушавшийся лично сочинять “либеллы” (пасквили) на Екатерину, способствовал формированию в Речи Посполитой магнатской партии, резко враждебной России, и хлопотал о союзе.

У планов Герцберга был один существенный недостаток: он никак не мог свести концы с концами в разделе предполагаемой добычи. Пруссаки зарились на Данциг и Торн, и такое “сотрудничество” поляков не устраивало. Смекалистый Герцберг предложил им тогда Киев и Белоруссию. Те колебались³⁶.

С Турцией договориться было легче. По заключенному с Портой трактату Пруссия обязывалась не прекращать войну с Россией, пока султан не возвратит себе “провинции, и прежде всего Крым, находящиеся в руках его врагов”³⁷.

Пока Герцберг опутывал Россию сетью враждебной ей коалиции, прусские генералы не дремали и сосредоточили на ее и австрийской

границе ударные кулаки. 40-тысячный корпус расположился на порубежье с Россией, другой, такой же численности, намечался для удара по Галиции и Чехии. 100-тысячная армия стояла в резерве...

С турецкого фронта российские полки спешно передислоцировались на север, к границам Польши: 42 батальона пехоты, 147 эскадронов кавалерии при 108 пушках. Для сравнения укажу, что на юге оставалось меньше сил – 31 пехотный батальон, 104 кавалерийских эскадрона и казацки сотни, 60 полевых пушек. Сходная картина наблюдалась у австрийцев: против Пруссии и, возможно, Польши – 113 батальонов пехоты и 42 дивизиона конницы; против Турции – 85 батальонов и 56 дивизионов под общим командованием принца Кобурга³⁸.

Насколько серьезно воспринималась в Петербурге польская угроза, можно судить по планам Потемкина, одобренным Екатериной: поскольку войск для открытия нового фронта не хватало, он предложил поднять против Речи Посполитой местное православное население, и с этой целью даже был назначен гетманом Екатеринославских и Черноморских казачьих войск.

Переброска войск на север представлялась тогда операцией долгой и хлопотной, ибо “до лета из мест, степями отделенных, нет возможности идти”. Под Ригой постепенно концентрировались части Двинского корпуса, под Могилевом – Белорусского. С Портой вырисовывался оборонительный вариант, на главном, Дунайском, театре; предусматривалось нанесение ударов силами флота и наступление на Кубани. Потемкин тревожился: “Разбившись повсюду, везде будем слабы и нигде не успеем”. Крепости Очаков, Аккерман и Бендеры он предлагал скрыть – для их защиты потребны 20 тыс. человек, а где их взять?³⁹ Фельдмаршал полагал, что без серьезных уступок Пруссии из беды не выбраться: “Не можно ли отвести прусского короля от его намерений? Пусть он берет Померанию и что хочет”(!!).

И тут отношения между императрицей и Потемкиным вступили в теньную полосу, и так продолжалось до самой смерти. Екатерина стояла, что называется, насмерть: “Законы принимать от прусского короля мне не сродно, а России – еще менее”, – и журила своего друга: “Плюнь на пруссаков, мы им на пакость их отмстим авось-либо”⁴⁰. Коренной русак Потемкин “на авось” полагаться опасался, безоглядный оптимизм ему не был свойствен.

Ситуация еще более осложнилась и запуталась с кончиной императора Иосифа II, произошедшей 9(20) февраля 1790 г. До последнего вздоха он сохранил лояльность союзу с Россией, который два монарха продлили весной 1789 г. еще на 8 лет. Немного в истории сыщется примеров подобного постоянства. Последнее его письмо Екатерине, не собственноручное, а лишь подписанное дрожащей рукой, датировано 16 февраля; “сраженный болезнью, ожидая смерти с минуты на минуту”, он просил принять от “самого верного поклонника выражение нежной дружбы” и уважения, а главное, заверял в том, что он завещал своему брату и наследнику Леопольду не нарушать союз⁴¹.

От самого Леопольда поступило подтверждение: враги “напрасно тешат себя надеждой запугать и разъединить нас... Они плохо знают,

что честь, слава и дружба способствуют прочности и общности интересов”. Увы, это оказалось ложью. Новый монарх немедленно призвал к себе британского резидента и заявил ему о желании заключить мир с Турцией, назвав союз с Россией “несчастьем”⁴².

Положение в державе Габсбургов сложилось трудное. Попытка Иосифа навязать Бельгии централизованное управление, поправ древнее самоуправление, привела к восстанию. В связи с замыслом императора обменять непослушную провинцию на Баварию Генеральная ассамблея Брабанта возмутилась: “Народом нашим хотят торговать, его продают, его всучивают другим, его меняют то на одну провинцию, то на другую, из-за нас дерутся, но нас и не думают спрашивать”. Брабантская, как ее называли, революция, грозила отторжением Бельгии. Иосифа сместили с престола.

Война тяжелым бременем легла на плечи населения. Для содержания 300-тысячной армии Иосиф II ввел особый налог и запретил вывоз зерна за рубеж. “Статы Венгерского королевства и другие особы, имеющие участие в управлении оного”, потребовали (и добились) возвращения им древних прав и привилегий. Прусские эмиссары шныряли по королевству, соблазня мадьяр независимостью. Австрийцы сосредоточили в порубежье армию в 130 тыс. птытков и сабель на случай нападения пруссаков⁴³. Но сил не хватало: те грозили военной прогулкой в Бельгию, уже “зачищенную” от габсбургских войск.

И отнюдь не последнее по значению соображение. Леопольд наследовал букет титулов: король Венгрии, Богемии, Хорватии, Далмации, Славонии и даже Иерусалима (!), эрцгерцог Австрии, великий князь Трансильвании “и прочая, и прочая, и прочая”, но для получения самого драгоценного из них – императора Священной Римской империи германской нации ему предстояло пройти процедуру избрания курфюрстами (князьями-избирателями), среди которых значились прусский король и герцог Ганновера, коим по совместительству состоял британский король Георг III. У двух монархов появился дополнительный рычаг давления на Леопольда. Так что у него были веские причины, и внутренние, и внешние, для смены курса, в частности для отказа от присущего его предшественнику активного экспансионизма и перехода к стратегической обороне. Леопольд осознал, пишет П. Митрофанов, что исконная политика Австрии состоит в “цепком и терпеливом выжидании событий”⁴⁴.

Первые контакты с пруссаками на новой, примирительной почве принесли габсбургской дипломатии сплошные огорчения. Э.Ф. Герцберг, по дошедшим до Петербурга сведениям, вел себя “с наглостию” и пустил в ход “грозящие слова”. Он выдвинул “странные кондиции”: Леопольд должен вернуть Речи Посполитой Величковские соляные копи и город Броды с окрестностями. В случае отказа он грозил вторжением в Бельгию, а при согласии обещал голос своего короля при избрании Леопольда императором⁴⁵. Внешне это выглядело как шантаж, но на деле почва под широкомасштабными планами перекройки карты Европы уходила у пруссака из-под ног, вместе с выходом Австрии из войны исчезал принцип компенсации.

“Изнамена” Леопольда не замедлила сказаться. В июне–июле 1790 г. в силезском городе Рейхенбах (ныне – Дзержанов в Польше) состоялась конференция представителей Австрии, Пруссии, Великобритании и Голландии, призванных помирить Австрию и Пруссию. Хотели привлечь и Россию, но Екатерина пренебрегла приглашением. Над собравшимися витала тень Французской революции, трон под Людовиком XVI и королевой Марией-Антуанеттой, сестрой Леопольда, шатался, и угроза старым режимам побуждала участников конференции переступить через разногласия. Австрия обязалась выйти из войны с Турцией на основании принципа статус-кво ante bellum (что и было осуществлено в Систове в августе 1791 г.), Пруссия – содействовать восстановлению власти Габсбургов в Бельгии. Берлинской дипломатии пришлось отложить осуществление планов, связанных с Данцигом и Торном, уполномоченные Англии и Нидерландов дали понять, что свои союзные по отношению к Пруссии обязательства в случае столкновения между двумя немецкими государствами они выполнять не намерены. В декабре 1790 г. австрийские войска вступили в Брюссель. Был расчищен путь к австро-прусскому сотрудничеству против Французской революции. Россия осталась в стороне и в изоляции.

Екатерина, получив от посла в Вене Д.М. Голицына копию рейхенбахских документов, назвала их “постыдными”. Но приходилось притворяться и, подражая лисе, вилять хвостом. Она заверяла Леопольда в письме, что питает “полное доверие к мудрости и взвешенности” его поступков. Она же, Екатерина, “тверда в решимости ни в коем случае не отходить от принципов союза и нерушимого согласия, нас объединяющего”⁴⁶.

На перспективу сотрудничества с Веной в Зимнем дворце и ранее смотрели реалистично, допуская сепаратный мир Австрии с Турцией, но с одним условием – император должен быть “на страже интересов против короля прусского” и оберегать и себя и Россию от “вредных берлинского двора покушений”; по букве и духу союзного договора Габсбургам следовало помочь Екатерине в случае войны с Пруссией. В Вене, конечно же, уловили прозрачный намек, содержащийся в письме императрицы. Реакция была разочаровывающей: канцлер Кауниц долго отмалчивался и наконец дал понять, что рассчитывать на содействие Австрии в подобном случае не следует⁴⁷.

Россия осталась одна против всех. Послы Великобритании и Пруссии явились к А.А. Безбородко с информацией о Рейхенбахе и с вопросом на устах: “не соизволит ли Е.и.в. приступить к оному соглашению для учинения мира с Портою на таком же основании?” Им учтиво ответили: императрица жаждет мира, но пусть адвокаты Высокой Порты склонят ее к уступчивости⁴⁸.

При всей безотрадности ситуации появился и проблеск надежды: расставшись с мечтой о добыче в Польше, пруссаки не ратифицировали договор с Турцией; воевать во имя ее интересов они не собирались, пункт о возвращении султану Крыма отпал сам собой.

Совещания в Рейхенбахе проходили под гул пушечной канонады и на севере и на юге Европы. По инерции принц Кобург продолжал ка-

кое-то время военные операции и приступил к осаде Журжева (Джурджу), но потерпел по беспечности неожиданную неудачу. 10 июня командующий отправился сам на рекогносцировку по Дунаю на лодке, а кавалерия занялась пополнением фуража. Осажденные выбрали для вылазки самое подходящее время, когда австрийцы уселись за обед, и не только обратили их в бегство, но и захватили артиллерию. Потемкин не скрывал своих чувств: 300 янычар одолели шестеро сильнейшего неприятеля. Оказалось, что у “цесарцев” не были даже заряжены ружья: принц Кобург решил приучить подчиненных к молодецкому, по-суворовски штыковому удару. “Так испортил глупый Кобург, что и поправить трудно”, – досадовал Григорий Александрович⁴⁹. Исправлять свою ошибку принцу не пришлось: в сентябре он выступил уже в роли миротворца, подписав с турками перемирие. Ввиду изменившегося к пагубе для России соотношения сил Потемкину пришлось отдать приказ об отводе дивизии Суворова из района Бухареста за реку Серет.

Главкомандующий сместил адмирала М. Войновича, который “бегать лих и уходить, а не драться”, и назначил флагманом Севастопольской эскадры Федора Федоровича Ушакова, тогда еще контр-адмирала, и корабли под его командой на раздутых парусах двинулись в бой. В мае эскадра покинула стоянку и отправилась в крейсерское плавание, захватывая турецкие суда и прерывая снабжение войск неприятеля. 8 июня российский флот (16 линейных кораблей и 2 фрегата) дал бой эскадре капудан-паши (18 линкоров, 36 более мелких судов), сосредоточенной в крымских водах, в Таманском проливе, обратив его в бегство. Правда, турецкий адмирал постарался скрыть размеры поражения, что вызвало гневную реплику Потемкина: “Наскучили уже турецкие басни... Бездельник их капитан-паша, будучи разбит близ Тамана, бежал с поврежденными кораблями как курва, и теперь еще 5 судов починивают, а насказал, что у нас потопил несколько судов”⁵⁰.

Опасения Потемкина за безопасность Крыма были рассеяны, и он предписал войскам занять левый берег в низовьях Дуная. Удалось взять три крепости – Килию, Тулчу и Исакчу. Российское преобладание на Черном море утвердилось.

Не менее весомых результатов удалось достичь на севере Европы. 2 мая 1790 г. шведы (26 линейных кораблей и фрегатов) атаковали эскадру В.Я. Чичагова (11 крупных судов) на рейде Ревеля (Таллина). Адмирал сумел отбить нападение. 23–24 мая произошло генеральное сражение у Красной горки, совсем недалеко от Петербурга. Россияне одолели неприятеля, шведские суда (включая корабль под вымпелом короля) укрылись в Выборгской бухте. Балтийский флот ее блокировал. 22 июня (3 июля) шведы прорвали блокаду, потеряв 9 кораблей, 800 пушек, 5 тыс. пленных⁵¹. Екатерина не без удовольствия сообщила Потемкину, что в числе трофеев достался и королевский завтрак – шесть сухарей, жареный гусь и штоф водки.

На этом серия успехов прервалась неожиданной и потому особенно огорчительной неудачей. Командующему гребной флотилией принцу К. Зиген-Нассау пришлось в голову преподнести Екатерине к годов-

щине воцарения (28 июня) подарок в виде победы на море. В бухте Швейцунда он угодил под огонь береговых батарей.

Из дневника секретаря императрицы А.В. Храповицкого: Нассау “потерял прамы^{2*}, 8 галер, 4 фрегата и свою голову” (последнее – фигурально)⁵². Убыль людьми достигала 5 тыс.

Сражения велись в морских окрестностях Петербурга, гул артиллерийской канонады явственно слышался в городе. Екатерине советовали покинуть столицу, она наотрез отказалась, а для поддержания душевного равновесия переводила с французского Плутарха (латинского языка она не знала).

И вдруг непредсказуемый шведский король, сталкивавшийся с широкой оппозицией в стране и утративший веру в возможность победы, преподнес союзникам неприятный сюрприз, пойдя на мир с Екатериной. Договор был подписан 3(14) августа буквально под дулами орудий, на поле боя под Варелой, где выстроились друг против друга две армии, между которыми курсировали уполномоченные. Екатерина вздохнула с облегчением, извещая подданных о завершении “войны на зрелище, от столицы нашей не удаленном” и на условиях “неприкосновенной целостности границ”. Потемкина она информировала о знаменательном событии не в столь торжественных тонах и с явным намеком – пора кончать и на юге: “Одну лапу мы из грязи вытащили. Как вытащим другую, то пропоем Аллилуйя”⁵³.

А пока что не пелось: надвигалась зима, а решительного, не говоря уже решающего, успеха все не было. Твердыня Измаила с 30-тысячным гарнизоном и энергичным комендантом сераскером Айдос-Мехмед-пашой оставалась непокоренной, запирая плавание по Дунаю. Осаждавшие крепость генералы на общий штурм не решались, учитывая, с каким упорством турки отбивают отдельные атаки. Военный совет решил – ввиду наступления стужи, недостатка в пушках и ядрах – снять осаду и разойтись на зимние квартиры. И тогда Потемкин призвал Суворова. Тот ответил: “Два раза русские были у ворот Измаила – стыдно отступить в третий раз, не вошедши в него”⁵⁴. По дороге к крепости генерал встретил отходившие уже от нее полки и повернул их назад. 2 декабря он принял командование осадным корпусом; 7-го направил Мехмед-паше лаконичное по обыкновению письмо: “Соблюдая долг человечества, дабы отвратить кровопролитие и жестокость”, он давал коменданту “24 часа на размышление – воля. Первый мой выстрел – уже неволя, штурм – смерть”. 11 декабря на рассвете приступили к атаке с суши и с Дуная. Резня произошла ужасающая, янычары сопротивлялись отчаянно, отвага российских войск была выше всяких похвал. К часу дня твердыня пала. Айдос-Мехмед-паша с тысячью храбрецов заперся в крепком каменном доме, гренадеры Фанагорийского полка его окружили. Началась сдача – и тут один из янычар выстрелом из пистолета убил принимавшего оружие российского офицера. Возмущенные фанагорийцы ворвались в дом и перебили всех, кто в нем находился. В итоге штурма более 30 тыс. турецких солдат погибли, 9 тыс. сдались в

^{2*} Прама – плоскодонное судно с тяжелым артиллерийским вооружением.

плен. Потери победителя составили 4 тыс. человек, особенно тяжелый урон понес командный состав: из 650 офицеров 400 были убиты и ранены. Дворяне кровью запечатлели службу России. Петербург встретил весть о победе колокольным звоном, молебном и пушечной пальбой. Сам Суворов свидетельствовал: на такой штурм можно решиться раз в жизни. Но заслуженного фельдмаршальского жезла он не получил, и речи об этом не зашло. Великий полководец медленно продвигался по служебной лестнице, лишь в 1786 г. он стал генерал-аншефом; перед ним “по старшинству” числилось немало людей. Его удостоили почетным, но декоративным званием подполковника Семеновского гвардейского полка и выбили памятную медаль в честь взятия Измаила, чего удостаивались лишь немногие победители⁵⁵.

Итоги кампании 1790 г. командующий подводил в торжественных тонах: “Тульча покорена, флотилия турецкая разбита и крепость Исакача, магазин или депо всей армии турецкой и флотилии, занята со множеством разных припасов, судов потоплено, повреждено до полутора ста...” И как венец всего был покорен Измаил.

Разместив войска на зимние квартиры, полководец отправился в Петербург, оставив армию на генерал-аншефа Н.В. Репнина.

Высокая Порта опять получила отсрочку на зиму и весну для заживления ран. Царица торопила Потемкина с заключением мира. Его приезда она по многим причинам ожидала с тревогой, зная, что тот жаждет удалить нового фаворита, П.А. Зубова. Ей очень хотелось, чтобы Потемкин занялся делами подальше от петербургских салонов: “Буде турки окажутся тебе к миру склонны, как легко быть может, тогда нахожусь в необходимости усердно тебя просить предпочитать пользу дела и не отлучаться”⁵⁶. Порта, получив передышку, склонности к миру не проявляла.

Фельдмаршал оставил в штабе план кампании 1791 г., не дававший и тени надежды на скорое завершение войны: часть войск Дунайской армии отправить к границам Речи Посполитой, а против Турции перейти к обороне, удерживать Галац, Измаил и Очаков, срыв остальные крепости, не допускать вторжения неприятеля через Дунай; флоту – “искать турецкого и сражаться, сияясь наводить страх, при устье Босфора становясь”; на Кавказе – взять Анапу и воспрепятствовать переброске османских войск на запад. Царица план одобрила, но с существенным добавлением: перенести российское оружие на правый берег Дуная и искать встречи с неприятелем в поле⁵⁷.

В Петербург Потемкин прибыл 28 февраля 1791 г. и сразу угодил в пекло внешнеполитических осложнений и дворцовых интриг. Британский кабинет, долгое время остававшийся в тени, возглавил российских недругов. Настроение сторонников премьер-министра Вильяма Питта-младшего выразил лорд Белгрейв: “Как только русские пройдут Дарданеллы, они, конечно, будут поддержаны коварными греками, и где потом кончатся их завоевания, один Бог может сказать”⁵⁸. Решено было осадить Россию, не останавливаясь перед угрозами и применением силы. Две войны завершились вничью – России со Швецией и Австрией с Турцией, что создавало, по излюбленной британ-

ской тракторке, прецедент: нужно и третью закончить на условиях статус-кво анте беллум, и тогда тишь и гладь воцарятся в Европе. Екатерина трактовала ситуацию иначе и не соглашалась на сдачу своих европейских позиций.

Зимой 1790/91 г. два посланца с Альбиона прибыли в Петербург якобы с ветвью мира, но сильно смахивавшей на тернии. “Я знаю, что ваш кабинет определил изгнать меня из Европы. Надеюсь, что он по крайней мере позволит мне удалиться в Царьград”, – заметила им императрица с раздражением. Сказано было в порыве досады – Потемкину она писала: “Без Очакова и границы по Днестру мир не будет заключен”, так что о Константинополе не было ни малейшего помысла. Всякое упоминание о Пруссии стало действовать на Екатерину, как красная тряпка на быка: прусская “тягость”, уверяла она, “сопряжена со всем с тем, что в свете может только быть придумано поносного и несносного”⁵⁹.

Глава британского кабинета В. Питт добился у парламента санкции на снаряжение и отправку на Балтику могучей, в 36 линейных кораблей, эскадры. На суше Россию ожидала встреча с прусской армией; Берлин ради присоединения Данцига и Торна не останавливался перед войной; компенсацию обиженной Польше предполагалось предоставить за счет той же России – благо просторов было много⁶⁰. В союз стремились залучить и Швецию.

На этом угрожающем фоне происходили столкновения мнений Екатерины и Потемкина по вопросу о том, как выбраться из кризиса. В покоях императрицы разыгрывались бурные сцены. Фельдмаршал, покидая их, так хлопал дверью, что стекла звенели и замирали сердца придворных. Светлейший отводил душу в сердитых репликах дежурному камердинеру Захару Зотову, тот передавал их секретарю А.В. Храповицкому, который заносил их в дневник: царица, сетовал Потемкин, “ничьих советов не слушается... Плачет с досады, не хочет снизойти и переписаться с королем прусским”. Потемкин “намерен браниться” с государыней, ее “упрямство доводит до войны”, досадовал он: “Как рекрутам драться с англичанами, разве не наскучила здесь шведская пальба?”

Оба тяжело переживали ссоры. Потемкин, случалось, после очередной стычки шел на исповедь, затем брался за перо: “Выслушай меня как мать и благодетельница”, и далее по-французски: “Вы обратите в нуль все планы наших врагов и избавитесь, так сказать, от шипов в сердце”, переманив на свою сторону Густава III и “толстого Фридриха” (Прусского). Екатерина упрямылась, не желая идти навстречу презираемому двоюродному брату в Швеции. У Потемкина родилась мысль – а не выдать ли за кронпринца Густава-Адольфа великую княжну Александру Павловну и тем пресечь интриги.

Король Густав III выступить против России не решился и удовлетворился субсидией в 500 тыс. руб.⁶¹ Шведская карта была бита. Сам Густав пал в 1792 г. жертвой покушения, организованного недовольным офицерством.

Но с Великобританией и Пруссией, напротив, все шло к войне. В конце марта 1791 г. В. Питт отправил в Берлин на согласование текст ультиматума двух держав России с требованием отказаться от присоединения крепости Очаков и полосы земли между Бугом и Днестром. Предусматривался жесткий срок его принятия – 10 дней, потом – разрыв и война.

Но тут коса нашла на камень. Опытный, несмотря на молодость (едва минуло 30 лет), В. Питт допустил грубую ошибку в оценке настроений британской общественности, которая не понимала и не принимала войны из-за притулившегося в каком-то европейском закоулке местечка Очаков, от которой пострадали бы судоходство, промышленность и торговля. Лидер оппозиции Чарлз Фокс заверял: обширность территории России, незначительность ее доходов, малая плотность населения “делают ее могущество для нас совершенно неопасным”. В завязавшейся “схватке нервов” оппозиция одержала верх. В нее втянулся и персонал российского посольства во главе с Семеном Романовичем Воронцовым, поставляя публицистам материалы, рисовавшие в самом привлекательном и соблазнительном свете выгоды от коммерции с Россией и в самых мрачных тонах пагубу от ее прекращения. Войдя во вкус, российские дипломаты и сами сочинили одну брошюру, позабыв по скромности поставить свои имена на титульном листе. Воронцов успокаивал царицу: “Парламент сам собою, противу общей ненависти всей нации, не может поддержать никакого министра...” Началом мая помечены его успокоительные депеши: “Вооружения в Портсмуте идут тише, и умножение заготовления сухарей и пива для флота остановлено”. Екатерина радовалась: в Лондоне “пишут на всех домах: не хотим войны с Россией”⁶². Планы тогдашних ястребов были сорваны, флот разоружен, ультиматум, предназначенный для России, был отозван с полпути, из Берлина, англичане перестали размахивать кулаками. В мае 1791 г. в Петербург прибыл некий путешественник Фолкнер (по русским источникам – Фальконер). И начались чудеса: любознательный иностранец провел ряд бесед с вице-канцлером И.А. Остерманом; потом “вожёр” (так значилось в камер-фурьерском журнале) был принят Екатериной (чего, случалось, месяцами добивались чрезвычайные послы); у него обнаружили верительные грамоты, он преобразился в дипломата и выразил согласие на основные российские условия мира с Портой – граница по Днестру, присоединение к России Очакова с прилегающим районом и Буджака.

Пруссаки с отмобилизованной армией очутились у разбитого корыта несбывшихся надежд. Им оставалось лишь сетовать на всем известное коварство Альбиона и присоединиться к достигнутой договоренности. Два двора предложили свои посреднические услуги, но лишь на четыре месяца; если турки в эти сроки не пойдут на мир, Россия обретет полную свободу действий⁶³. Наконец-то она осталась один на один с Османской империей! Наконец-то появился реальный шанс на достижение мира! До тех пор все сношения между противниками в этом плане не выходили за рамки зондажа.

Можно с полной определенностью сказать, что широких завоевательных целей российские правящие круги перед собой не ставили. О Греческом проекте никто всерьез не вспоминал. К концу 1788 г. относится записка А.А. Безбородко и И.А. Остермана: мир “есть необходимо нужен”. Условия – освобождение посланника Я.И. Булгакова; подтверждение прежних трактатов; залог территориальных приобретений – их завоевание: “Никто добровольно не отдает своего... Надобно многое из завоеванного возвратить, чтобы удержать малое”⁶⁴. Так что о принципе “*uti possidetis*” (как владеете) в правительстве не помышляли. Чтобы обеспечить границу по Днестру, надо взять Очаков, утвердиться на Черном море, но не более.

Содействие со стороны христианского населения бралось в расчет, но значение его не преувеличивалось: “Народы, единоверные с нами, восстанут противу турков; но их присоединенное пособие не составит нужной силы, буде мысли простираться на потрясение монархии турецкой, на поиск против Дарданелл, Царьграда и других мест важных”⁶⁵.

От “поиска против Дарданелл” пришлось отказаться, план экспедиции в Средиземное море был сорван усилиями англичан и шведов, что побуждало к размышлениям насчет стратегии в отношении Балкан. Подкрепился и утвердился курс на освобождение населявших регион народов, а не на присоединение их к империи Российской. Среди бумаг, подготовленных адмиралу С. Грейгу для несостоявшейся экспедиции в Архипелаг, значился и царский манифест к жителям: “Отнюдь нет намерения нашего присвоить сие под обладание наше, а все желания наши к тому устремлены, дабы доставить им свободу полную в исполнении веры их и отправлении публичном обрядов оной и восстановить гражданскую их вольность и безопасность”. В занятых областях предполагалось не приводить жителей к присяге, а брать с них клятву, что они “за веру и вольность свою подвизаются”⁶⁶.

В данном документе усматривается отказ самодержавия от захватнических поползновений на юго-востоке Европы, что, разумеется, не исключало мечтаний об установлении в регионе преобладающего влияния.

Назойливое предложение посреднических “услуг” со стороны Берлина и Лондона, особенно после Рейхенбахской конференции (при открытом поощрении турецкого сопротивления), лишало переговоры с Портой всякой перспективы.

В Стамбуле внимательно следили за тем, что происходило в Европе. Делать это было нетрудно: посланники Пруссии и Швеции в изобилии поставляли информацию в мрачном для России свете, поджигая Высокую Порту продолжать сопротивление. До Екатерины доходили слухи насчет вероятного сговора между Берлином и Варшавой. 9 августа 1790 г. она информировала Потемкина: “Прусак (то бишь король Фридрих-Вильгельм II. – *Авт.*) паки заговаривает полякам, чтобы ему уступить Данциг и Торн, на сей раз на наш

счет, лаская их, что им отдаст Белоруссию и Киев. Он всесветный распорядитель чужаго”⁶⁷.

По вопросу мирного урегулирования в российских верхах шел обмен мнениями, своего рода прикидка возможного. А.А. Безбородко и И.А. Остерман (1790) полагали нужным добиться границы по Днестру, независимости Молдавии и Валахии и “отречения Порты от Грузии” и выражали надежду на то, что с Берлином удастся сторговаться: “Ежели бы король прусский хотел сорвать что от Польши, тому нельзя противиться”, – во-первых, потому что сопротивляться нет сил, а во-вторых, “пускай он делает без нашего участия и пускай Польша вооружается” и сама защищает свои интересы. Екатерина как-то заметила: “Я не хочу и не иду далее Бендер”. Г.А. Потемкин предлагал (март 1790 г.) установить границу по Днестру, Молдавию “сделать землей, ни от кого не зависимою, с собственным князем”. Светлейший надеялся: “Не будет тут и зависти такой, как естли бы Молдавии остаться у нас”. На освобождение другого Дунайского княжества он даже не замахивался: “Валахию за уделом, что поступится цесарцам, оставить Порте”. К маю того же года он смирился с необходимостью оставить Порте оба княжества: “Подтверждение старых договоров и граница по Днестру – последняя черта наших требований. Условия при возвращении Молдавии не важны будут...”⁶⁸

О контактах с представителями Порты фельдмаршал отзывался с раздражением: “Перемирием хотят они выиграть время или, лучше сказать, поднять голову, а конгрессом (Рейхенбахским. – *Авт.*) впустить другие государства действовать в их пользу”. Потемкин делал вид, что не слишком заинтересован в переговорах и руководствуется лишь тем, что “всемиловейшая государыня правилом имеет щадить кровь человеческую, ибо человеколюбие есть ее закон”. Дело с места не двигалось – “противные дворы стараются отклонить султана от мира, и успевают, да и мудрено ли: он пьян без просыпа и вдался в роскошь”. Крупная неудача австрийцев под Журжевом летом 1790 г. ободрила Высокую Порту и сделала ее еще более неподатливой. Потемкин обрушивал на голову принца Кобурга гневные тирады: “Я не знаю, как ему с рук сошло журжевское дело, за которое он, конечно, достоин сумасшедшего дома”. Светлейший князь досадовал: “Наскучили уже турецкие басни. Тянули столько и вдруг теперь выдумали медиацию прусскую”⁶⁹.

В ноябре 1790 г. поступило англо-прусское предложение: статус-кво ante bellum, т.е. ничего после трех победоносных кампаний. Ответом явился штурм Измаила. Императрица жестко сформулировала свои требования: вознаграждение за понесенные убытки, подтверждение прежних договоров, прежде всего – Кючук-Кайнарджийского, объединение Молдавии, Валахии и Бессарабии в независимое княжество под скипетром православного монарха. Позволительно сделать предположение: Екатерина делала запрос с запасом, чтобы иметь поле для уступок, – в инструкции князю В.Н. Репнину (весна 1791 г.) исчез пункт о независимости Дунайских княжеств, они возвращались Порте на выгодных для них условиях⁷⁰.

Англо-прусские козни рассыпались, после миссии Фолкнера примирившие англичане и пруссаки в конце июня 1791 г. предложили свои посреднические услуги, соглашаясь на переход к России полосы земли между Бугом и Днестром и Очакова, но без права строить здесь крепости. Им вежливо возразили: “Построение крепостей вообще не доказывает никакого наступательного намерения, а принадлежит только к мерам осторожности”. В Петербурге успокоились: “Нельзя, кажется, ни от Англии, ни от Пруссии ожидать неприязненных противу нас действий”⁷¹. Впрочем, генерал-аншеф Н.В. Репнин уже завершал победоносную кампанию.

Екатерина одобрила потемкинский план на 1791 г., но с существенным добавлением: перенести российское оружие на правый берег Дуная и искать встречи с неприятелем в поле. Государыня теряла терпение, в ее переписке проскальзывали раздраженные нотки по адресу князя Тавриды, чего раньше не водилось: “Он из тех людей, что не знают ни часа, ни числа, ни года”. 22 апреля она адресовала светлейшему записку, которую иначе как отчаянной не назовешь: “Ежели хочешь свалить камень с моего сердца, ежели хочешь спазмы унимать, отправь скорее в армию курьера и разреши силы сухопутные и морские произвести действие наискорее, а то войну протянешь еще долго”. Это личное “протянешь” – многозначительно. Лишь 11 мая последовало наконец предписание фельдмаршала Н.В. Репнину: “Препоручаю произведение поисков на неприятеля, где только случаи удобные могут представиться, но с таким рассмотрением, чтобы действовать на верное”⁷².

По счастью, Потемкин отставал от событий. Засидевшаяся на зимних квартирах Дунайская армия рвалась в бой.

Выдающийся полководец и дипломат, князь Николай Васильевич Репнин, полузабытый отечественной историографией, внес заметные коррективы в указания своего шефа, воспользовавшись дозволением перенести военные операции за Дунай. В марте состоялся первый после трех с половиной лет войны “поиск” на правобережье, в котором участвовал и генерал-майор Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, будущий великий полководец. Удалось занять Исакчу и временно Мачин. 4 июня Кутузов разбил 20-тысячный турецкий корпус при Бабадаге. Великий везир подтягивал в район главные силы – 80 тыс. пехоты и конницы.

Добрые вести приходили с Кавказа. Генерал И.В. Гудович приступом взял Анапу, пленил 8 тыс. человек, в том числе трехбунчужного пашу Мустафу и предводителя чеченцев шейха Мансура⁷³.

Потемкин остался в стороне от этих событий, он покинул Петербург лишь 24 июля. Репнин держал его в курсе дел: “Присутствие Вашей светлости, крайне здесь нужное, все решит и увенчает скоро Вашу славу славным же и полезным для Отечества миром”. Но Репнин не ждал пассивно приезда фельдмаршала и не забывал о собственной славе. 27 июня произошло решающее сражение; россиянам помогло то, что неприятель атаковал их волнами, его громили по частям. После упорного сопротивления, потеряв 4 тыс. янычар и сипахи, турки обра-

тились в бегство. Репнин победоносно развивал операции, еще не веря, что завершает войну⁷⁴.

Довершил победоносную кампанию 1791 г. на море адмирал Ф.Ф. Ушаков. Его эскадра (16 линейных кораблей) отправилась к берегам Малой Азии и здесь, у крепости Калиакрия, 31 июля разгромила турецко-алжирский флот; уцелевшие суда приплыли в Константинополь. Появление на столичном рейде израненных, без мачт и парусов кораблей произвело тягостное впечатление на жителей и на власть предержащих и поставило точку на реваншистских надеждах. Расчеты на крупную англо-пруско-польскую диверсию на севере и на возгорание общеевропейской войны провалились. Армия потерпела поражение и на западе, у Дуная, и на востоке, в горах Кавказа, флот понес невосполнимые потери.

Сесть за стол переговоров и приступить к неторопливым беседам Репнин отказался наотрез; посланцев великого везира он встретил на поле боя и поставил условие: или капитуляция, или он уничтожит укрывшиеся в Мачине остатки вражеских сил. Выдвинутые им условия он назвал минимумом того, что может предъявить победитель.

31 июля 1791 г. в Галаце был подписан прелиминарный мир. В нем подтверждались условия Кючук-Кайнарджийского трактата и последовавших соглашений между двумя странами; Днестр становился границей между ними; Молдавия и Валахия оставались в составе Османской державы, сохраняя все выговоренные для них прежде привилегии. Чтобы окончательно договориться об условиях прочного мира, стороны обязались не братья за оружие в течение восьми месяцев.

Екатерина с “особливым удовольствием” усмотрела в прелиминарах соблюдение “всех тех условий, которые мы непременно в основании мира полагали”. Тревогу вызвал лишь длительный срок перемирия: как бы турки снова не заартачились. Потемкину было предписано поспешить с заключением окончательного трактата⁷⁵.

И.И. Шувалов сообщил Репнину из столицы: “Редкий день не вижу я императрицу; видел ее во всяком расположении духа: и в кручине и в радости, но не помню, чтобы она была когда-нибудь так довольна, так счастлива и весела, как по получении донесения о мачинском деле и, особенно еще, о подписании прелиминарных пунктов”. Весьма одобрительно отнесся к подписанному документу Совет при высочайшем дворе: в нем “наблюдаемы все те условия, как Е.и.в. изволила полагать в основании заключаемого с турками мира...”⁷⁶. Высокая награда – Георгиевский крест I степени, – пожалованная Репнину, свидетельствовала о монаршей к нему благосклонности.

Иного мнения придерживался Г.А. Потемкин. К армии он вернулся в состоянии недовольства и раздражения. Царица вроде бы одобрила представленный им план операций, но внесла такие “поправки”, что он из оборонительного превратился в наступательный. Устранить нового фаворита, юного красавца и пронырливого интригана Платона Зубова, игравшего явно не утешительную роль при старой монархине, не удалось. Перед отъездом Потемкин затеял пир, затмивший все виденное современниками и даже слышанное от отцов и дедов. Но все по-

няли: время его прошло. Лыстецы толпой кинулись в приемную к Зубову – ждать, пока фаворит проснется, и в надежде, что он замолвит словечко, когда нужно.

В Яссах князя Потемкина ждал новый удар – подписанный накануне (буквально – он прискакал в город 1 августа) прелиминарный мир, светлейшему представилось, что Репнин похитил у него венец победителя. В дополнение к достигнутым договоренностям он потребовал контрибуции в 20 млн пиастров. Впрочем, от Потемкина уже мало что зависело, смерть приближалась к нему. С прибывшими в Яссы турецкими уполномоченными совещались два месяца, затем они собрались домой. Казалось, пора садиться за составление плана кампании 1792 г.

Светлейший не выходил из состояния меланхолии, его мучила лихорадка, советов врачей он слушался плохо, с трудом его уговаривали соблюдать диету и принимать хину. В сентябре ему стало невмоготу, стоявшая на дворе необычайная для осени жара его томила. 2 октября помечено его последнее собственноручное письмо Екатерине: “Матушка всемилостивейшая государыня! В теперешнем изнуренном состоянии молю Всевышнего да сохранит здравие твое... Матушка, ох как болен”. 4-го числа он уже не писал, а продиктовал весте о себе: “Нет больше сил переносить мои мучения. Одно спасение остается оставить сей город, и я велел везти себя в Николаев”. Собрав последние силы, больной прыгающим почерком сделал приписку: “Одно спасение уехать”⁷⁷.

Пятого он тронулся в путь, сопровождаемый любимой племянницей Александрой Браницкой и небольшой свитой. Отъехав 40 верст, он почувствовал себя дурно, остановил карету и пожелал отдохнуть под деревом. Здесь его настигла смерть. Конвойный казак вынул из кармана шаровар два медяка и прикрыл ими очи светлейшего князя двух могущественных монархий.

Узнав скорбную весте, потрясенная Екатерина слегла. Забылись размолвки, осталось главное: ушел из жизни человек, служивший ей опорой в ее лучшие годы, деливший с ней и бремя, и торжество правления, преданный ей и России, бывший, вероятно, ее единственной глубокой любовью. “Все будет не то”, – жаловалась она секретарю А.В. Храповицкому⁷⁸. Многочисленные недруги покойного во главе с братьями Зубовыми втихомолку торжествовали.

Личность Потемкина величественна и трагична. Крупнейший государственный деятель, великий администратор, видный реформатор армии. Именно он освободил войско от остатков пруссачества и утвердил в нем удобную и соответствующую климату форму. Солдат наконец-то освободили от ненавистных париков, служивших рассадниками вшей. В то жестокое время Потемкин был одним из немногих гуманистов в армии, осуждал побои, заботился о довольствии солдат; высокомерие он проявлял по отношению к знатым и влиятельным, но никогда – к простым и убогим.

Его записка императрице (март–апрель 1783 г.), формально посвященная обмундированию армии, на деле означала гораздо больше, недаром Потемкин писал о “педантстве”, которое принесли с собой ино-

земные офицеры: “Регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах, ружейных приемах”. У солдат “пропасть вещей, век сокращающих”. “Завиваться, пудриться, чесать косы, солдатское ли сие дело? Всяк должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдата страж целостности отечества удручен был прихотями, происходящими от вертопрахов, а то и от безрассудных”. Показуха распространялась на оружие: “полирование и лощение” ружей предпочитается их “добротe”. Солдат должен быть одет просто и удобно, считал Потемкин: суконные штаны, просторные сапоги, портянки, каска вместо шляпы, которую то и дело сдувал с головы ветер. “Армия российская, извлеченная из мýки, не перестанет возносить молитвы. Солдат будет здоровее и, лишась щегольских оков, конечно, поворотливее и храбрее”, – заключал фельдмаршал. Армия должна готовиться к боям, а не к плац-парадам – его главный вывод. А наследнику цесаревичу Павлу Петровичу новая форма представлялась “мужицкой”⁷⁹.

Потемкин, несомненно, обладал стратегическим мышлением. Еще в конце прошлого столетия военный историк Д. Масловский отмечал, что он впервые в истории России выступил главнокомандующим нескольких армий, действовавших на разных театрах. Светлейший князь усвоил румянцевский завет: турок надо выманивать в чистое поле. В письме Екатерине от 1 ноября 1787 г. Потемкин размышлял: “... не разбив неприятеля в поле, как приступить к городам. Полевое дело с турками можно назвать игрушкою; но в городах и местах тесных дела с ними кровопролитны. Они же, потеряв баталию, и так города оставляют”⁸⁰.

Создается, однако, впечатление, что на практике он поступал иначе. Его войска осаждали крепости, пали оплоты – Очаков, Бендеры, Измаил. Но штурм или сдача приходились на ноябрь–декабрь. Всякий раз превратить внушительную победу в решающий стратегический успех оказывалось поздно – войска уходили на зимные квартиры, турки получали полугодовую передышку для залечивания ран. Полевые сражения, особенно в первые годы, случались редко.

По отбытии Потемкина из армии “дело” быстро завершили Н.В. Репнин, Ф.Ф. Ушаков и М.И. Кутузов, и умалять их заслуги в достижении окончательной победы нет никаких причин.

Наша наука, и особенно публицистика, склонны подразделять исторических героев на любимчиков и постылых. Потемкин долгое время пребывал в последних. Затем произошел поворот, и светлейший князь стал объектом похвал, напоминающих дифирамбы. При этом, думается, миновали пункт, где гнездится взвешенность оценок. Самозабвенно превозносит Потемкина автор рассчитанной на широкого читателя книги Н.Ф. Шамагонов. Войну 1787–1791 гг. он называет потемкинской, все действия светлейшего одобряет и оправдывает, даже предложение оставить Крым – князь-де заманивал неприятеля в ловушку, чтобы там его прихлопнуть: “Пустить туда турок, чтобы затем истребить их живую силу и подорвать боевую мощь”⁸¹. О реакции Екатерины на подобную тактику “заманивания” сказано выше.

В.С. Лопатин, отмечая успехи кампании 1789 г., пишет: “После этого как-то неловко читать у отечественных и зарубежных авторов фразы о том, что Потемкин не обладал полководческим талантом...”⁸².

Очевидно, дело не во фразах, а во взвешенном суждении и дозволенности критического осмысления действий всех лиц, включая светлейшего князя, а они не были безупречны.

Можно только гадать, как пошел бы процесс мирного урегулирования, будь Потемкин жив. С его кончиной за дело взялся Александр Андреевич Безбородко. Вопрос о солидной контрибуции он снял с повестки дня. Турецкие уполномоченные, “едва опомнившись от изумления, отвечали вне себя от радости...”. В утешение им Безбородко с коллегами заявляли: “России нельзя заподозрить... в каких-либо честолюбивых замыслах относительно Османской империи”⁸³.

29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) договор в Яссах был подписан. Он подтвердил все условия Кючук-Кайнарджийского мира и последующих русско-турецких соглашений. Высокая Порта признала вхождение Крыма в состав России и ее протекторат над Грузией. К России отошла полоса земли между Бугом и Днестром. На Кавказе границей оставалось русло Кубани; предусматривалось, что турецкие власти не допустят вторжения жителей левобережья реки на российскую территорию; буде это все же произойдет, сопровождаемое грабежами и угоном в рабство людей, Порта обещала возмещать ущерб. Дунайские княжества оставались в составе Османской империи, обязавшейся соблюдать их прежние права и льготы⁸⁴.

Конечно, не скромное территориальное приращение определяло значение Ясского мира; его сущность – в подтверждении и утверждении прежде завоеванного и достигнутого. Ясский мир закрепил созданные в Кючук-Кайнарджи предпосылки для освоения южных степей, хозяйственного развития обширного причерноморского региона. Присоединение Крыма и основание Черноморского флота обеспечили рубежи империи на юге. Подтверждалось покровительство России христианскому населению Юго-Восточной Европы, остававшемуся под властью Османской державы. Высокой Порте не удалось поколебать основы балканской политики России.

¹ Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. М., 1997. С. 781.

² *Елисеева О.И.* Переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны. М., 1997. С. 36, 37, 38.

³ *Петров А.Н.* Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1880. Т. 1. С. 56.

⁴ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. С. 504. (Далее: АГС); Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1881. Вып. 29. С. 527. (Далее: Сб. РИО).

⁵ *Arneth A.* Joseph II und Katharina von Russland. Ihre Briefwechsel. Wien, 1869. S. 299.

⁶ АГС. Т. 1. С. 471, 474.

⁷ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 259.

⁸ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 81, 82.

⁹ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 785.

¹⁰ Там же. С. 232.

- ¹¹ Там же. С. 529, 233.
- ¹² Там же. С. 787, 819, 233, 238, 239.
- ¹³ The Cambridge History of British Foreign Policy. Cambridge, 1922. Vol. 1. P. 191.
- ¹⁴ Arneth A. Op. cit. S. 321, 323, 305.
- ¹⁵ Елисеева О.И. Указ. соч. С. 58, 59, 73.
- ¹⁶ Ключевский В.О. Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 502; Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 226; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 304.
- ¹⁷ Петров А.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 227, 228.
- ¹⁸ Там же. С. 232–233, 236–237; Тарле Е.В. Екатерина II и ее дипломатия. М., 1946. II. С. 25.
- ¹⁹ Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1990. С. 81.
- ²⁰ АГС. Т. 1. С. 589, 591, 592.
- ²¹ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 71.
- ²² Тарле Е.В. Указ. соч. II. С. 24, 25; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 420.
- ²³ Шахмагонов Н.Ф. От Очакова до Измаила. М., 1991. С. 30.
- ²⁴ Елисеева О.И. Указ. соч. С. 67, 68.
- ²⁵ Шахмагонов Н.Ф. Указ. соч. С. 30; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 847; Елисеева О.И. Указ. соч. С. 74.
- ²⁶ Петров А.Н. Указ. соч. С. 180, 181, 182; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 844.
- ²⁷ Arneth A. Op. cit. S. 329; Елисеева О.И. Указ. соч. С. 90.
- ²⁸ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 330, 351, 337.
- ²⁹ Петров А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 24, 28; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 337, 352, 410.
- ³⁰ Петров А.Н. Указ. соч. С. 59, 72; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 378.
- ³¹ Шахмагонов Н.Ф. Указ. соч. С. 49; Петров А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 87, 92.
- ³² Петров А.Н. Указ. соч. С. 111.
- ³³ Там же. С. 132.
- ³⁴ Arneth A. Op. cit. S. 339, 348.
- ³⁵ Елисеева О.И. Указ. соч. С. 84, 85, 86.
- ³⁶ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 900, 868, 426, 431; Петров А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 102.
- ³⁷ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Сношения с Австрией. 1790. Д. 752. Л. 5, 6. (Далее: АВПРИ).
- ³⁸ Петров А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 102, 104, 108; Прил. С. 20, 22.
- ³⁹ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 397, 404, 902, 925.
- ⁴⁰ Там же. С. 397, 420, 436.
- ⁴¹ Arneth A. Op. cit. S. 349, 350.
- ⁴² АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1790. Д. 192. Л. 3, 4. The Cambridge History... Vol. 1. P. 193.
- ⁴³ Митрофанов П. Политическая деятельность Иосифа II, ее сторонники и ее враги. СПб., 1907. С. 187; АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1790. Д. 745. Л. 33; 3, 4.
- ⁴⁴ Митрофанов П. Указ. соч. С. 182.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1790. Д. 748. Л. 3–5.
- ⁴⁶ Там же. Д. 756. Л. 31.
- ⁴⁷ Сб. РИО. Вып. 29. С. 534; АГС. Т. 1. С. 805, 827.
- ⁴⁸ Там же. С. 810.
- ⁴⁹ Петров А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 114, 115; Елисеева О.И. Указ. соч. С. 100.
- ⁵⁰ Елисеева О.И. Указ. соч. С. 105; Петрова А.Н. Указ. соч. Т. 2. Прил. С. 43.
- ⁵¹ Петров А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 145.
- ⁵² Елисеева О.И. Указ. соч. С. 102; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 916.
- ⁵³ АВПРИ. Ф. Сношения с Австрией. 1790. Д. 759. Л. 21; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 426.
- ⁵⁴ Петров А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 172, 175.
- ⁵⁵ Там же. С. 187; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 934.
- ⁵⁶ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 441.

- ⁵⁷ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 195, 196; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 933.
- ⁵⁸ *Станиславская А.М.* Англо-русские отношения в конце XVIII в. // Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР. М., 1957. Вып. 12. С. 115.
- ⁵⁹ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 193; *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 88.
- ⁶⁰ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 940; *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 110.
- ⁶¹ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 455, 941, 943; *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 110.
- ⁶² *Станиславская А.М.* Указ. соч. С. 116, 117, 119; АГС. Т. 1. С. 119.
- ⁶³ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 945, 946, 949.
- ⁶⁴ *Григорович Н.* Кашцлер князь А.А. Безбородко в связи с событиями его времени // Сб. РИО. Вып. 29. С. 520, 521.
- ⁶⁵ АГС. Т. 1. С. 502.
- ⁶⁶ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 25.
- ⁶⁷ Там же. Т. 2. С. 97, 131.
- ⁶⁸ Сб. РИО. Вып. 29. С. 527; Памятные записки... С. 161; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 404, 914.
- ⁶⁹ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 231, 232, 233.
- ⁷⁰ АГС. Т. 1. С. 826; *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 238; Сб. РИО. Вып. 29. С. 553.
- ⁷¹ АГС. Т. 1. С. 865, 874.
- ⁷² *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 197; Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 945, 946. *Елисеева О.И.* Указ. соч. С. 115.
- ⁷³ *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 223, 211.
- ⁷⁴ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 941; *Петров А.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 223.
- ⁷⁵ Там же. Прил. С. 44–46, 47.
- ⁷⁶ Там же. С. 291, 292; АГС. Т. 1. С. 879–880.
- ⁷⁷ Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 470.
- ⁷⁸ Там же. С. 963.
- ⁷⁹ Там же. С. 159–161.
- ⁸⁰ Там же. С. 936, 246.
- ⁸¹ *Шахмагонов Н.Ф.* Указ. соч. С. 21.
- ⁸² Екатерина II и Г.А. Потемкин. С. 893.
- ⁸³ Сб. РИО. Вып. 9. С. 626.
- ⁸⁴ *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком, политические и торговые. М., 1869. С. 41–49.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

ДУНАЙСКИЕ КНЯЖЕСТВА

В последней русско-турецкой войне проблема Дунайских княжеств рассматривалась правительством Екатерины II в контексте задач балканской политики. Одобренный Государственным советом план действий предусматривал присоединение к России очаковских земель и крепости Аккерман на правом берегу Днестра. Молдавия и Валахия должны были стать “независимой областью”. Стремясь к установлению российских границ по Днестру, а турецких по Дунаю, царский двор считал необходимым образовать “пространную барьеру между обеих империй”, которая “служила бы ко всегдашнему спокойствию”¹.

Как видно из протокола Государственного совета, вопрос о присоединении Молдавии и Валахии к России не ставился. Политические и стратегические задачи балканской политики Екатерины II того времени делали приоритетным создание в рамках Дунайских княжеств буферного государства, находящегося под влиянием России. Оттеснение османов за Дунай и установление османской границы по реке привело бы к ликвидации их крепостей на Днестре и левобережье Дуная, создало бы препятствие для возможных территориальных поползновений Австрии, а главное – обеспечило бы России базу для укрепления политического влияния на Балканах.

Царское правительство не согласилось с австрийским планом ведения войны, который исключал вступление русских войск на территорию Молдавии и предполагал возможность оккупации княжества Австрией. Екатерина II в полной мере оценивала преимущество ведения наступательных операций на территории Дунайских княжеств, где можно было использовать военную и материальную помощь местного населения, лишив в то же время таких выгод османские войска.

Планом Государственного совета предусматривалось укрепление в связи с началом войны традиционных для России отношений с балканскими народами, сербами, черногорцами, греками и др. В Молдавию были отправлены доверенные лица “для употребления на переписку... с добромыслящими молдаванами и валахами”. На случай развертывания военных действий на территории Дунайских княжеств совет счел возможным привлечь к участию в них местные вооруженные отряды².

Реализация Россией намеченных в войне целей зависела от двух обстоятельств – от успешных наступательных операций русско-австрий-

ских войск и благоприятной международной ситуации. Но с самого начала войны действия сторон развертывались вяло.

В этих условиях Екатерина II в соответствии с принятым Государственным советом планом сочла необходимым уже 17(29) февраля 1788 г. обратиться к жителям Молдавии и Валахии с манифестом, в котором призвала их содействовать русским войскам во время наступательных операций на территории княжеств, пообещав им освобождение “от нечестивого ига агарян”³.

Экономика княжеств накануне войны находилась в плачевном состоянии. Готовясь к военным действиям против России, Порты стремились выкачать оттуда как можно больше материальных и денежных средств. Стамбул требовал все новых и новых поставок фуража и продовольствия, денежных поборов, что привело к истощению казны и реурсов княжеств, разорению хозяйства и обнищанию населения⁴.

Поэтому призыв Екатерины II был встречен жителями Молдавии и Валахии с энтузиазмом. Прихода русских войск ожидали с нетерпением не только прорусски настроенные бояре и духовенство, но и широкие слои населения. Особую активность проявляли молдаване. Они начали формировать добровольческие отряды еще до подхода русской армии к границам княжества. Вооруженные группы в 20–30 человек стали прибывать из Молдавии и вливаться в состав русских войск⁵.

В самих княжествах активизировались прорусски настроенные группировки бояр и духовенства. В 1787 г. молдавские бояре и духовные чины обратились к Екатерине II с письмом, в котором просили, чтобы и впредь “не были забыты” “покровительством и защитой”. В обращениях к Г.А. Потемкину и П.А. Румянцеву сообщалось, что жители княжества желают вступления русских войск на его территорию и просят об этом царское правительство⁶. Эти просьбы были вызваны антиавстрийскими настроениями в Молдавии в связи с вступлением в княжество армии Австрии с целью поддержки русских войск до их прихода к молдавским границам.

Попытки австрийских агентов подвигнуть молдавских бояр на то, чтобы они попросили помощи и покровительства у императора, успеха не имели. Вяло разворачивавшаяся осада австрийскими войсками Хотина, нерешительные операции по освобождению Ясс с целью отвлечения османских сил от Хотина, бесчинства и грабежи австрийских отрядов, контролировавших правобережье Прута, усиливали антиавстрийские настроения жителей княжества. В ноябре 1787 г. П.А. Румянцев доносил Екатерине II, “что ненависть сих земель к цесарю до крайности велика и что, по уверению всех оттуда выходящих, они противу его воевать с радостью готовятся”⁷.

Молдавские бояре, духовенство и все население надеялись, что пребывание австрийцев в княжестве окажется временным, и ожидали подхода русских войск. Бояре, бежавшие из Ясс после оставления города австрийским корпусом и занятия его османскими силами, слали П.А. Румянцеву настойчивые просьбы – ускорить вступление русских войск на территорию Молдавии. Характеризуя настроения в молдавском обществе, П.А. Румянцев писал Екатерине II летом 1788 г. о том,

что бояре и почти все члены Дивана охвачены ненавистью к австрийцам, “которая идет так далеко, что многие... лучше хотят всем их имением жертвовать и навсегда в пределы вашему императорскому величеству принадлежащие удалиться, нежели под сим игом, кои они тяжче турецкого себе воображают, оставаться”⁸.

В апреле 1788 г. армия Румянцева подошла к Днестру, часть русских сил была направлена к Хотину в помощь осаждавшим крепость австрийцам. Под влиянием просьб, поступавших из Молдавии, и угрозы территориальных поползновений Габсбургов П.А. Румянцев летом 1788 г. потребовал от командующего австрийской армией Кобурга вывести войска из княжества, отказываясь в противном случае от взаимодействия с союзником⁹. Освободив Яссы, П.А. Румянцев содействовал восстановлению нормальной работы Дивана, настаивал перед австрийцами на передаче всей полноты власти боярам и сохранении управления княжеством по местным законам. Митрополит и бояре с удовлетворением восприняли эти меры Румянцева.

После капитуляции Хотина в октябре 1788 г. австрийцы отступили за Серет и установили свою власть над территорией княжества до Фокшан. Австрийцы использовали контроль над этой областью для пополнения припасов и денежных ресурсов своей армии. Тяжесть проводимых ими поборов заставляла население бежать в цинуты (уезды), занятые русскими войсками¹⁰.

Вступление русских войск на территорию Молдавии вызвало подъем местного волонтерского движения. Существовавшие в русских соединениях волонтерские отряды из числа бежавших за Днестр стали пополняться новыми добровольцами. Большинство их составляли крестьяне и городская беднота; организаторами и командирами отрядов зачастую становились мелкие и разорившиеся бояре. Имелись и смешанные отряды добровольцев из валахов, болгар, сербов. По данным современных молдавских исследователей, во время войны в составе русских войск сражались до 10 тыс. молдавских добровольцев¹¹.

Освободительная борьба сопровождалась ростом антифеодальных тенденций. Массовый уход крестьян в добровольческие отряды задевал экономические интересы бояр и вызывал их недовольство. Крупное боярство и духовенство из числа сторонников освобождения княжества с помощью России стремились ограничить волонтерское движение рамками антиосманской борьбы. Сословные интересы бояр встретили понимание у Г.А. Потемкина и П.А. Румянцева, отказавшихся от массового приема в армию добровольцев из местных жителей. В то же время командование русской армии было заинтересовано в любых формах участия местных жителей в военных действиях против османов. В неблагоприятных условиях войны оно не могло пренебрегать местными ресурсами, в том числе материальной помощью отдельных представителей крупного боярства. Отменив собираемые османами налоги, военные власти ввели в княжестве поставки, обеспечивавшие русские войска припасами и транспортом, при этом они требовали от местных властей строгого соблюдения порядка поставок, раскладки повинностей в соответствии с доходами обывателей, сурово наказывая

виновных за нарушения, вплоть до “отрешения от должностей”¹². Но бояре Дивана и местные исправники использовали всякую возможность, чтобы поживиться за счет поставок армии, зачастую злоупотребляя властью ради наживы. Положение крестьянства, городской бедноты и среднего разорявшегося боярства в тяжелых условиях войн продолжало ухудшаться.

Добившись к концу 1788 г. перелома в ходе военных действий овладением крепости Очаков, российское правительство в дальнейших своих планах не исключало возможности мирных переговоров с Портой. В середине декабря на заседании Государственного совета состоялось обсуждение этого вопроса¹³. В качестве условия возможного мира с султаном предлагалось настаивать на утверждении всех (начиная с Кючук-Кайнарджийского договора) последующих соглашений, а также на признании за Россией Крыма. Чтобы добиться согласия Порты на эти условия, предлагалось не требовать Аккермана и независимости Молдавии и Валахии и, “удержав Очаков, положить границу по Днестру”¹⁴. Таким образом, Россия временно отказывалась от требования независимости для Дунайских княжеств. Однако Стамбул, подстрекаемый Англией и Пруссией, несмотря на ряд уступок с русской стороны, отверг предложенные правительством Екатерины II условия.

Летом 1789 г. Россия добилась значительных успехов в ходе наступательных операций на территории Дунайских княжеств, что сказалось на предполагаемых условиях мира. В них фигурировало требование независимости Молдавии и Валахии. Но Вена предлагала добиваться заключения мира на основе права признания осуществленных завоеваний. В спорах об условиях мира с османами просматривалось стремление Австрии к территориальным приобретениям за счет Дунайских княжеств (австрийские войска заняли Бухарест и контролировали Валахию).

Когда 7 июня 1789 г. на заседании Государственного совета обсуждалось донесение П.А. Румянцева об обращении жителей Молдавского княжества к России с просьбой об освобождении от османского господства, было высказано мнение направить им обнадеживающий ответ¹⁵. Но твердость и последовательность в отстаивании позиции отсутствовали – Петербург не исключал уступки османам в вопросе о Дунайских княжествах. Все зависело от хода войны. Г.А. Потемкину, уполномоченному вести переговоры с Портой, давалось разрешение на примирение с условием установления российской границы по Днестру и включения во владения России Аккермана и устья Днестра. Что касается Молдавии и Валахии, то в основу статьи о них предписывалось положить условия Кючук-Кайнарджийского договора и всех последующих русско-турецких соглашений об их статусе. Правительство Екатерины II, заинтересованное в сохранении влияния в княжествах, стремилось закрепить их автономию и привилегии в составе Османской империи.

В развернувшейся дипломатической борьбе великих держав каждая преследовала свои цели. В частности, княжества для них представляли собой лишь объект прямого захвата или обмена на другие терри-

тории. Международные условия, в которых оказались Молдавия и Валахия в результате острого соперничества европейских стран за доминирование на Балканах, усугубляли и без того непростое положение в княжествах. Особенно сложной была обстановка в Молдавии. В то время как представители крестьян, городских низов и среднего боярства продолжали в качестве добровольцев участвовать в сражениях с османами, часть молдавской элиты искала сближения с Портой и, спекулируя на военных поставках, приумножала богатства за счет увеличения поборов и податей с населения. Недовольство бояр уходом крестьян в волонтерские отряды усиливалось. Распоряжение русского командования об освобождении семей волонтеров от военных поставок и земских повинностей местными властями игнорировалось. Налоговый гнет в княжестве возрастал, а снабжение действующей армии продовольствием и фуражом ухудшалось в результате участвовавших злоупотреблений со стороны исправников и других представителей власти¹⁶.

В интересах укрепления тыла и обеспечения армии необходимыми припасами российское командование лавировало, стремясь, с одной стороны, приостановить разрастание антифеодальной борьбы в княжестве, с другой – сохранить симпатии молдаван к России. Ряд членов Дивана, настроенных примиренчески к османам или уличенных в злоупотреблениях, был заменен боярами прорусской ориентации. Были приняты некоторые административные меры: устанавливалась строгая отчетность по поставкам армии, во главе цинутов оставлено по одному исправнику вместо двух. В целях усиления боеспособности добровольческих отрядов и укрепления в них дисциплины они были подчинены непосредственно главнокомандующему¹⁷. Но все эти меры радикально обстановку не изменили. Злоупотребления служилых бояр продолжались, не прекращались антифеодальные выступления жителей.

Российское правительство пришло к окончательному выводу, что во имя мира придется уступить Турции и отказаться от требования предоставления независимости Дунайским княжествам. В проекте мирного договора, предложенного российской стороной для обсуждения на Ясском конгрессе, статья о княжествах предусматривала возвращение Молдавии и Валахии под власть османов, но с сохранением и расширением их привилегий¹⁸.

В инструкции А.А. Безбородко, возглавившему русскую делегацию на переговорах после смерти Г.А. Потемкина, Екатерина предписывала: "...молдавцам исходатайствовать какие-либо пользы и облегчения", помимо тех, что были им предоставлены по условиям Кючук-Кайнарджийского договора, а также "ласкать... духовенство и самих молдаван, не давать их в разорение ни своих, ни чужих"¹⁹. Особое внимание российской стороны к Молдавии понятно, если учесть, что с установлением границы по Днестру создавались благоприятные условия для расширения связей, усиления влияния России в княжествах и на Балканах в целом.

Фанариотская элита и назначенный Портой молдавский господарь Александр Мурузи сопротивлялись предоставлению княжеству льгот, особенно налоговых, ограничивавших господарскую власть, он настаивал

вал перед Портой на их отклонении. Но, несмотря на все старания Мурузи, османские уполномоченные вынуждены были согласиться с пунктами статьи о Молдавии в русской редакции²⁰.

Переговоры в Яссах завершились подписанием 29 декабря 1791 г. мирного договора с Портой на условиях, предложенных Россией. Дунайским княжествам в нем была посвящена статья IV. В ее первом пункте подтверждались привилегии Молдавии и Валахии, предоставленные им по Кючук-Кайнарджийскому миру, Айналы-Кавакской конвенции 1779 г. и соглашению (сенеду) 1783 г. Второй, третий и четвертый пункты устанавливали дополнительные привилегии Молдавии. В соответствии со вторым пунктом Порты обязывалась “не требовать от княжества Молдавии никакой денежной или другой суммы за старые счета, какого бы они существа ни были”. По третьему пункту османы отказывались от требования с княжества какой-либо “контрибуции или платежа за все военное время, а за многие страдания и разорения, в течение всей войны им претерпенные, уволить помянутое молдавское княжество и еще впредь на два года от всякой дани и тягостей...”. Четвертый пункт устанавливал для жителей княжества право “свободного из отечества переселения” в течение 14 месяцев со дня обмена ратификациями²¹.

Итак, Дунайские княжества оставались в системе Османской империи, что не могло не вызвать разочарования у прорусски настроенных группировок боярства и духовенства, стремившихся реализовать программу национального освобождения с помощью России. Но условия Ясского мира усиливали международные позиции России, создавали предпосылки для укрепления ее влияния в Дунайских княжествах и в целом на Балканах. Установление общей с Молдавией границы благоприятствовало этому. Подтверждение права покровительствовать Дунайским княжествам сохраняло надежды как жителей, так и элиты княжеств на осуществление своих освободительных планов при поддержке и помощи России.

¹ Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. Стб. 496–502.

² Там же. Стб. 500, 501, 510, 521, 525 и др.

³ Acte și documente relative la istoria renașterii României. Buc., 1899. Vol. 1. P. 217.

⁴ АВПРИ. Ф. 69. Российское генеральное консульство в Яссах. Оп. 1. Д. 75. Л. 59.

⁵ Семенова И.В. Россия и освободительная борьба молдавского народа против оттоманского ига в конце XVIII в. Кишинев, 1971. С. 92.

⁶ Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV – начало XIX в.). Кишинев, 1987. С. 339–340.

⁷ Там же. С. 340.

⁸ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 530. Л. 12 об.; П.А. Румянцев. Документы. М., 1959. Т. 3. С. 265–266.

⁹ АВПРИ. Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 8. Д. 530. Л. 161–162, 333, 379.

¹⁰ Очерки внешнеполитической истории... С. 342–343.

¹¹ Семенова И.В. Освободительная борьба молдавского народа против османского ига. Кишинев, 1976. С. 83, 171 и др.

¹² Очерки внешнеполитической истории... С. 343, 344.

¹³ Архив Государственного совета. Т. 1. Стб. 637–638.

¹⁴ Там же. Стб. 638.

¹⁵ Там же. Стб. 702.

¹⁶ Гросул Г.С. Дунайские княжества в политике России. 1774–1806. Кишинев, 1975. С. 95–96; Очерки внешнеполитической истории... С. 346–348.

¹⁷ Семенова И.В. Освободительная борьба молдавского народа против османского ига. С. 118, 123–125.

¹⁸ Очерки внешнеполитической истории... С. 351.

¹⁹ Цит. по: Гросул Г.С. Указ. соч. С. 97.

²⁰ См.: Там же. С. 97–98.

²¹ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXIII. № 17008. С. 289–290; см. также: Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М., 1996. С. 80–81.

АЛБАНИЯ И ГРЕЦИЯ

Российское командование и сама императрица не пренебрегали таким фактором военных действий, как крупномасштабные диверсии в тылу османской армии, здесь можно было использовать непокорных албанских феодалов. Императрица возлагала определенные надежды на мятежного “скутарийского пашу”, так она называла шкодринского пашу Махмуда Бушати.

Махмуд-паша, писал посланник в Константинополе Я.И. Булгаков, “человек молодой, храбрый и предприимчивый”¹, после обретения власти в 1776 г. начал энергичную борьбу за расширение границ пашалыка. Он изгонял чиновников Порты и назначал на их место своих ставленников. Это вызвало гнев султана Абдул Хамида, объявившего в марте 1787 г. Махмуд-пашу мятежником. К Северной Албании двинулись две армии: одна численностью около 40 тыс. человек под командованием бейлер-бея (генерал-губернатора) Румелии Мехмед-паши Айдослы, другая численностью в 16–17 тыс. под командованием губернатора Боснии Селим-паши. Одновременно к берегам Албании направилась турецкая эскадра в составе двух линейных кораблей, пяти фрегатов и нескольких мелких судов.

Со своей стороны Махмуд-паша тоже готовился к войне, причем не только в военном плане. Стремясь заручиться поддержкой широких слоев населения, он использовал традиции борьбы албанцев против османского нашествия в XV в. и весьма популярное в Албании имя ее руководителя Скандербега. В апреле 1787 г. русский консул в Далмации А. Палладоклис сообщал в Петербург, что Махмуд-паша “кует на свое имя деньги, называя себя потомственным наследником славного Георгия Кастриота Скандербея, собирает всеми силами войска”².

Однако североалбанский правитель не смог сдержать наступление султанских войск, оккупировавших к августу 1787 г. все его владения. Сам же паша успел укрыться с двумя-тремя сотнями верных бойцов в шкодринской цитадели Розафат.

В течение нескольких месяцев маленький гарнизон крепости успешно отбивал все попытки штурма, предпринятые турками. Безре-

зультатность осады, перебои с продовольствием и боеприпасами в турецком лагере и, в довершение всего, сообщение о начале русско-турецкой войны вызвали среди осаждавших замешательство, а в рядах ссаженных – воодушевление. К тому же симпатии шкодринцев и окрестных жителей были всецело на стороне Махмуд-паши, а осаждающая армия сумела за короткое время настроить против себя местное население. Турецкие войска разоряли сады, разрушали дома, грабили села, поджигали церкви и монастыри. Всеобщая ненависть к оккупантам вскоре вылилась в антитурецкое восстание, охватившее Северную Албанию.

Восстание начали горожане Шкодры в ночь на 25 (н.ст.) ноября 1787 г. Одновременно по туркам ударил гарнизон Розафата во главе с Махмуд-пашой. Застигнутая врасплох турецкая армия была разбита, начав беспорядочное отступление к р. Дрин. Однако переправиться через Дрин удалось немногим. Отряды горцев во главе с капитаном Мирдита, заняв заранее переправы, довершили разгром уцелевших султанских частей. Потери турок только убитыми составили около 6 тыс. В результате войско бейлер-бея фактически перестало существовать. Боснийский же паша, по некоторым данным, покинул лагерь под Шкодрой до начала восстания³.

Еще до получения известия об одержанной Махмуд-пашой победе Екатерина II решила установить с ним связь, дабы поощрить к дальнейшему сопротивлению Порте. В дневнике секретаря императрицы А.Б. Храповицкого есть запись от 12(23) декабря 1787 г.: “Приказано через министра Мордвинова найти дорогу к Махмуту, известному паше Скутарскому, и сделать ему нужное вспоможение против турок”. Самодержица требовала, чтобы соответствующие шаги были осуществлены незамедлительно. Через неделю, 19(30) декабря 1787 г., секретарь записал в дневнике: “Подтверждено с горячностью о скорейшем сношении с пашею Скутарским через Триест и Венецию”⁴. Через пять дней после того как императрица столь явно выразила недовольство медлительностью действий внешнеполитической службы, в Венецию выехал чрезвычайный курьер. В письме вице-канцлера И.А. Остермана, которое он вез российскому министру при Венецианской республике А.С. Мордвинову, предписывалось “изыскивать спссобы к скорейшему открытию нужного с пашою Скутарским тайного сношения, и буде найдете к тому удобность, можете снабдежить его сильным Ея Императорского Величества покровительством и деятельным со стороны здешней пособием, как скоро флот наш в Средиземное море прибудет, да что и между тем не оставлено будет ему подать нужную помощь”⁵.

Со своей стороны Махмуд-паша был также непрочь завязать внешнеполитические связи, в частности с Россией. Нет серьезных оснований считать, что правитель Шкодринского пашалыка хотел окончательно порвать с Портой и создать независимое албанское государство. Влиятельные круги Северной Албании выступали за сохранение зависимости от Османской империи и примирение с султаном, и Махмуд-паша, хотел он того или нет, должен был считаться с их позицией,

при этом обеспечить себе лазейку на тот случай, если Порта не пойдет на примирение и будет упорствовать в стремлении лишить его власти.

В мае 1788 г. в Шкодре побывал российский эмиссар майор С. Миркович. По его впечатлениям, политическая обстановка в Северной Албании была в то время острой и сложной. Противники каких-либо контактов Махмуд-паши с христианскими державами внимательно следили за С. Мирковичем. Поэтому переговоры между ним и Махмуд-пашой велись через посредника и в глубокой тайне. Паша поручил их ведение одному из своих приближенных, Мурат-асе Аджеми. Кроме того, в них участвовали также доверенные лица шкодринского правителя: монах-францисканец Э. Франкини ди Баньо и член влиятельной католической семьи Шкодры Я. Сумма, выполнявший функции венецианского консула, но действовавший в данном случае без ведома венецианских властей⁶.

Результаты переговоров были зафиксированы в форме письма от имени Махмуд-паши российскому посланнику в Венеции А.С. Мордвинову. В нем содержались условия возможного военного сотрудничества североалбанского правителя с Россией: после предполагавшегося прибытия русского флота на Средиземное море он просил выделить для поддержки с моря шесть линейных кораблей и несколько фрегатов и выдать субсидию (60 тыс. дукатов) для привлечения на свою сторону соседних пашей. После выполнения этих условий Махмуд-паша обязывался начать наступательные операции против турок: “внести в море оружие в самой Салоник и Монастырь и тем самым открыть удобный путь войскам российским в Константинополь”. В документе говорилось, что после заключения мира все владения Махмуд-паши будут находиться под покровительством российской императрицы, “но с тем, чтобы позволено было в оных вольное отправление нашей веры, сооружение мечетов и всего, что принадлежит к нашим обычаям и обрядам”⁷. Однако драматические события привели вскоре к прекращению переговоров между Махмудом Бушати и дипломатическими агентами России.

В январе 1788 г. в войну против Османской империи вступила Австрия. Австрийское правительство, включавшее Северную Албанию в сферу своего влияния, было недовольно контактами российских агентов с Махмуд-пашой. Император Иосиф II направил в июне 1788 г. в Шкодру своего личного представителя де Броньяра с поручением убедить Махмуд-пашу начать наступательные операции в направлении Боснии, чтобы помочь воевавшей там с турками австрийской армии. В случае полного поражения Османской империи в войне Иосиф II обещал взять Албанию под свое покровительство, а в случае нерешительного исхода войны добиться для Махмуд-паши амнистии от султана и признания его пожизненным правителем Северной Албании⁸. Посланец императора прибыл в столицу Северной Албании в разгар шедшей здесь острой борьбы между приверженцами Порты и сторонниками соглашения с христианскими державами. Тем не менее переговоры, продолжавшиеся неделю, закончились вполне благополучно. Махмуд-паша обещал выступить про-

тив турок и действовать вместе с черногорцами и присланными в Черногорию австрийскими войсками. Австрийцы выдали Махмуд-паше 50 тыс. дукатов на военные издержки.

Соглашение, однако, не было реализовано. Де Броньяр и его спутники, закончив переговоры с Махмуд-пашой, вечером 21 июня (н.ст.) 1788 г. отправились в Черногорию, но едва успели отъехать от Шкодры, как на них напала сопровождавшая их охрана. Де Броньяр и два австрийских офицера были убиты. До сих пор неизвестно, пали ли австрийцы жертвой вероломства Махмуд-паши или же это была провокация со стороны тех феодальных кругов Шкодры, которые любой ценой стремились сорвать переговоры шкодринского правителя с Россией и Австрией и добиться примирения с султаном. Так или иначе, но после убийства посланцев австрийского императора Россия и Австрия прекратили всякие сношения с Махмуд-пашой. Вслед за тем австрийские агенты организовали нападение черногорцев на его владения.

Когда дела приняли такой оборот, Порты, нуждавшаяся в военных ресурсах Албании, проявила склонность “простить” Махмуд-пашу при условии, что тот примет участие в военных действиях. Махмуд-паша принял это условие. В августе 1789 г. недавний “мятежник” был подтвержден в своей должности шкодринского паши и получил звание сержанта (главнокомандующего) Албании.

Наряду с чрезвычайными контактами с пашой-мусульманином после начала в августе 1787 г. очередной русско-турецкой войны правительство Екатерины II стало налаживать традиционные для всех русско-турецких войн XVIII в. связи с христианами Балкан. Связи эти диктовались планами императрицы относительно второй Архипелагской экспедиции. После того как А.Ф. Орлов отказался возглавить готовившуюся к походу в Средиземное море российскую эскадру, Екатерина II поручила командование адмиралу С.К. Грейгу. В экспедиции должны были участвовать и сухопутные войска, которые частично предполагалось доставить из России, частично набрать в Черногории, Албании и Греции. Руководство набором добровольцев и сношения с балканскими народами царица поручила генерал-поручику И.А. Заборовскому, обосновавшемуся в 1788 г. во Флоренции.

В инструкции Заборовскому, подписанной Екатериной II 7(18) марта 1788 г., среди агентов, призванных заниматься непосредственно вербовкой добровольцев на Балканах были названы майор грек Л. Сотир и подполковник албанец П. Бицилли, поступившие на русскую службу во время предыдущей русско-турецкой войны. Они должны были набрать для эскадры Грейга 1000 добровольцев из албанцев и греков. “Оба они, – говорилось в инструкции, – сверх того послужить могут к возбуждению химариотов, эпиротов и других на действия против неприятеля”⁹. Бицилли и Сотир, выполняя указания Екатерины II, установили связи с капитанами, епископами, видными людьми Греции и Южной Албании и распространяли среди них ее воззвание к грекам от 17(28) февраля 1788 г.

Самодержица обращалась к “преосвященным митрополитам, архиепископам, боголюбивым епископам и всему духовенству, благород-

ным и нам любезноверным приматам и прочим начальникам и всем обитателям славных греческих народов” с патетическим призывом: “Нещастные потомки великих героев! Помяните дни древние ваших царств, славу воинственности и вашей мудрости, свет проливавшей на всю вселенную. Вольность первым была удовольствием для душ возвышенных ваших предков. Примите от бессмертного их духа добродетель растерзать узы постыдного рабства, низринуть власть тиранов, яко облаком мрачным вас покрывающую, которая с веками многими не могла еще истребить в сердцах ваших наследных свойств любить свободу и мужество”¹⁰. Строки эти – очевидное свидетельство стремления императрицы, используя античные реминисценции, поднять греков на всеобщее восстание против султанского ига при поддержке российского флота.

Как уже говорилось, навязанная в 1787 г. России новая война с Османской империей велась не ради реализации Греческого проекта. Но на начальном этапе войны у Екатерины появились определенные надежды на его осуществление. Почву для таких надежд создавало вступление в войну Австрии на стороне России, а также бессилие находившейся на пороге революции Франции помешать балканским планам императрицы. А.В. Храповицкий приводит в этой связи следующее замечание из разговора с Екатериной II: “Франция, не формально зная о большом проекте нашем, готова согласиться с нами, и требует только, чтоб ей все открыть; но теперь еще не время; довольно того, что, предузнавая намерения наши, с ними соглашаются... Пусть турки пойдут, куда хотят, – считала императрица. – Греки могут составить Монархию для Константина Павловича; и чего Европе опасаться; ибо лучше иметь в соседстве Христианскую державу, нежели варваров; да она и не будет страшна, разделяясь на части”¹¹.*

Этот примечательный разговор состоялся 7(18) июня 1788 г. Но ровно через две недели произошло событие, снявшее с повестки дня, во всяком случае на обозримое будущее, вопрос осуществления Греческого проекта: шведский король Густав III, объявивший себя союзником турецкого султана Абдул Хаида I, начал войну против России. В результате морякам адмирала Грейга вместо похода на Средиземное море пришлось сражаться на Балтике со шведским флотом. Если вспомнить, что именно в июне 1788 г. провалилась попытка привлечь на сторону России и Австрии албанского пашу Махмуда, то удар по российским планам на Западных Балканах был весьма ощутимым.

В то же время греки продолжали смотреть на Россию как на могущественную державу, которая в состоянии сокрушить Османскую империю и избавить их от иноземного ига. Обращение Екатерины II к грекам от 17(28) февраля 1788 г., несмотря на отмену Архипелагской экспедиции, получило широкое распространение в Греции. Прибывшие в апреле 1790 г. в Петербург греческие депутаты представили ей петицию, в которой выражалась надежда, что поддержка России смо-

* Екатерина II, очевидно, имела здесь в виду, что из бывших султанских владений в Европе предполагалось образовать два государства – Греческую империю и Дакию.

жет “избавить потомков афинян и спартанцев от деспотического ига”. Кроме того, они просили императрицу дать грекам в качестве государя ее внука Константина. Екатерина II благосклонно приняла петицию. Делегаты были представлены Константину, который на греческом языке пожелал им успеха в осуществлении их планов¹².

Крупных восстаний в Греции в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг., можно сказать, к счастью, не произошло – в отсутствие поддержки со стороны русских сухопутных и морских сил они могли бы привести к еще большей, чем в 1770 г., катастрофе. Но на море греки развернули в 1788–1791 гг. настоящую войну против Порты. В начале 1788 г. майор русской службы грек Ламброс Кацонис, известный в России как Ламбро Качони, был отправлен Г.А. Потемкиным на Средиземное море для организации каперских операций против турок.

Прибыв в Триест, он на деньги местной греческой общины купил и снарядил 28-пушечное судно, названное им “Северная Минерва”. Набрав среди местных греков матросов, Кацонис вышел в море и начал совершать нападения на турецкие суда. Захваченные корабли он вооружал, сажал на них команду из числа добровольцев, набранных в Греции и Албании русскими агентами, и использовал в боевых операциях. В результате к лету 1788 г. в Восточном Средиземноморье действовала уже целая каперская флотилия из 9 кораблей. Она дезорганизовала турецкое судоходство в этих водах и подвергла опустошению некоторые прибрежные районы. Не менее успешными для флотилии Кацониса были кампании 1789 и 1790 гг. В ходе операций греческие каперы нарушили важнейшие коммуникации, связывавшие европейские, азиатские и африканские владения Порты. Она перестала получать подкрепления судами и людьми из Архипелага, пришлось направить против Кацониса значительные силы. В сражениях с турецкими судами флотилия Кацониса обычно брала верх. Несмотря на понесенные в этих морских боях потери, ее боевая мощь в результате прибытия на собственных судах очередной партии добровольцев и захвата турецких кораблей не только не ослабла, но и возросла. Мужество, проявленное греческими моряками и лично Кацонисом в этих неравных сражениях, произвело большое впечатление в России. Екатерина II присвоила Кацонису чин полковника и наградила орденом Св. Георгия 4-й степени. Как “командующему российской императорской флотилией” Кацонису было дано право производства (от имени императрицы) в младшие офицерские чины.

Корабли Кацониса подплывали к самым фортам Дарданелл, так что гарнизонным солдатам был виден развевавшийся на них российский флаг. Так, на Средиземном море, несмотря на отмену экспедиции эскадры Грейга, возник второй морской фронт русско-турецкой войны¹³.

Албания и после провала переговоров с Махмуд-пашой, продолжала оставаться в сфере интересов российской политики. В 1789 г. начали завязываться связи российских агентов с янинским пашой Али Тепеленой, получившим впоследствии (благодаря Байрону и Дюма) всемирную известность.

Али-бей, выходец из семьи наследственных феодалов-правителей южноалбанского городка Тепелена, пришел к власти в условиях анархии, охватившей Южную Албанию и Эпир во второй половине XVIII в. Ее усугубляли волнения, охватившие юг Албании в начале 80-х годов XVIII в., вызванные истреблением Портой албанцев в Морее. Сам Али-бей во главе отряда мятежников численностью в 8 тыс. человек вел в 1782 г. успешные бои с войсками Курд-паши – наместника султана в Южной Албании.

Порта пыталась приручить Али-бея, приобретшего благодаря отваге и военному таланту, проявленному в этих боях, большую популярность в Южной Албании. В 1786 г. он был назначен правителем Трикальского санджака (Фессалия), а в следующем 1787 г. (после смерти Курд-паши) – дербенджи-пашой!^{*}

Благосклонность Порты к Али-паше объяснялась тем, что в Стамбуле рассчитывали использовать его для борьбы с Махмуд-пашой. Однако Али-паша заботился прежде всего о собственных интересах. Во время похода армии бейлер-бея на Шкодру он вступил в тайные переговоры с Махмуд-пашой, а к моменту военной развязки его вовсе не оказалось в турецком лагере под Шкодрой.

Более того, воспользовавшись тем, что силы и внимание Порты были отвлечены борьбой с Махмуд-пашой и начавшейся войной с Россией, Али-паша в том же 1787 г. подчинил своему господству Эпир и сделал столицу Эпира – крупный торгово-ремесленный город Янину – центром своего пашалыка, включившего в себя Фессалию, Эпир и часть Южной Албании.

Внутренняя политика Али-паши сводилась к упорядочению управления, установлению безопасности, улучшению положения христианского населения – все это упрочило его положение. В условиях хаоса и феодальной анархии, царивших в Османской империи в конце XVIII в., такая политика была позитивной.

С момента создания своего пашалыка Али-паша стремится завязать связи с европейскими державами и заручиться поддержкой какой-либо из них. Искать иностранного покровительства его вынуждала постоянная угроза со стороны Порты, а также желание обеспечить свои интересы на случай представлявшегося тогда вполне вероятным распада Османской империи. Влияние России на судьбы Османской империи, тяготение к ней православного населения Албании и Греции придавали в глазах Али-паши расположению этой державы особое значение. Попытки заручиться покровительством России предпринимались Али-пашой неоднократно на протяжении 35 лет его правления (1787–1822). Первая попытка была предпринята в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

В июне 1791 г. на остров Каламос, в Ионическом море, где находилась ставка главнокомандующего военно-морскими силами России на

^{*} Дербенджи-паша (турецк.) – командующий войсками, охранявшими горные проходы (дербенджи).

Средиземном море генерала В.С. Томары, прибыла делегация от Али-паши, привезшая проект союзного договора между янинским правителем и Россией. “Али-паша, – говорилось в преамбуле проекта, – предлагает готовность свою предаться России и сделать в пользу оной в своих местах купно с греками диверсию”. Договор предусматривал признание Али-паши в качестве “владельческого государя” под покровительством России. Из других статей договора явствовало, что осторожный паша не спешил с открытым выступлением против Порты: он соглашался начать его лишь в случае предоставления российским правительством значительной военной и финансовой помощи. Скорее всего, основной смысл договора для янинского правителя содержался в его 9-й статье, которая гласила: “Если бы сие дело по заключении договора и не возымело совершенного успеха, Россия обязана будет всегда взирать на Али-пашу как на союзника, от нее зависящего, и употреблять в мирное время влияние свое при Порте Оттоманской для защиты его, равно же и помогать ему под рукой, если бы султан употребил во вред его военные силы”¹⁴.

Примерно в то же время, когда уполномоченные Али-паши начали переговоры с В.С. Томарой, сам папа, находясь в турецком лагере под Шумлой (Шумен), вступил в непосредственный контакт с русским главнокомандующим князем Г.А. Потемкиным, обратившись к нему с просьбой об освобождении его племянника Мехмед-паши, попавшего в русский плен. Потемкин, уже получивший донесения о желании Али-паши завязать дружественные отношения с Россией, охотно удовлетворил эту просьбу. В это время между воюющими сторонами уже велись переговоры. Поэтому турецкий главнокомандующий великий везир Юсуф-паша разрешил Али-паше отблагодарить за освобождение племянника русских генералов, подарив им породистых лошадей с богатой сбруей. Самая великолепная из них предназначалась князю Г.А. Потемкину. Передать этот подарок и устно выразить благодарность было поручено личному другу Али-паши Мехмед-эфенди Булю. Разумеется, основная цель его миссии была иная – обсудить с одним из самых влиятельных людей России условия и способы получения янинским пашой ее покровительства. О том, что произошло в ставке русского главнокомандующего в августе 1791 г., Али-паша и сам Мехмед-эфенди рассказали позднее доверенному лицу янинского правителя французскому купцу Ж. Лазалю¹⁵. Агент Али-паши провел в ставке Г.А. Потемкина восемь дней и имел несколько тайных встреч с главнокомандующим. Переводчицей была некая дама, находившаяся в лагере и знавшая греческий язык. В ходе этих бесед было решено, что заключать в тот момент какое-либо соглашение между Али-пашой и Россией не имеет смысла ввиду предстоящего подписания в ближайшее время русско-турецкого мирного договора. Что же касается будущей войны, то у Али-паши будет достаточно времени, для того чтобы передать свои предложения через российского консула, которого Г.А. Потемкин направит к нему незамедлительно, а также через представителя России в Константинополе. Князь добавил при этом, что в любом случае российский министр сможет покровительствовать Али-паше перед Портой. Послав в

свою очередь правителю Эпира ценный подарок, Г.А. Потемкин сопроводил его следующим письмом: “Я искренне благодарю Ваше превосходительство за прекрасную лошадь, которую Вы мне прислали на память и в знак вашего дружеского расположения ко мне. Все, что сообщило мне ваше доверенное лицо, доставило мне истинное удовольствие, и Вы увидите в дальнейшем, как я буду постоянно стараться доказать Вам на деле свои чувства”¹⁶.

Несмотря на обмен подарками и комплиментами, эти контакты и переговоры не привели к какому-либо формальному соглашению. Россия поддерживала и поощряла полунезависимых албанских владетелей на выступления против султана лишь во время русско-турецких войн, не собираясь при этом связывать себя какими-либо политическими обязательствами. Хотя отношения между Россией и Али-пашой не получили договорного оформления, они до конца русско-турецкой войны 1787–1791 гг. оставались дружественными. Это давало возможность действовавшей тогда на Средиземном море флотилии Ламброса Кацониса беспрепятственно получать из владений Али-паши продовольствие и набирать добровольцев. В свою очередь, флотилия снабжала Али-пашу военным снаряжением. Однако к концу русско-турецкой войны серьезно осложнились отношения между греческой флотилией и русским правительством.

К лету 1791 г. у острова Итака собралось под командованием Кацониса 24 корабля. С этой эскадрой Кацонис планировал значительно расширить масштабы морской войны на Средиземном море. Он надеялся не только разгромить турецкий флот, но и форсировать Дарданеллы. Но выйти в море Кацонис не успел, так как получил приказ главнокомандующего русской армией в Молдавии князя Н.В. Репнина прекратить военные действия в связи с подписанием 31 июля (11 августа) 1791 г. прелиминарного мира с турками.

Заключенный 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.) в Яссах мирный договор вызвал глубокое разочарование в Греции. Сотни греков-добровольцев, поверивших обещаниям Екатерины II содействовать освобождению Греции от турецкого ига, героически сражались и гибли на кораблях под командованием Кацониса. Обещания эти опять оказались невыполненными: в Ясском договоре Греция даже не упоминалась. Многие греческие патриоты, служившие во флотилии Кацониса, приплыли к заключению, что нужно продолжать борьбу собственными силами. Командующий флотилией целиком разделял чувства и настроения сподвижников.

Получив от уполномоченного русского командования генерала В.С. Томары приказ отвести свои корабли в Триест и разоружить их, Кацонис отказался его выполнить. В мае же 1792 г. Кацонис опубликовал специальный манифест, в котором выразил недовольство и возмущение греков тем, что царское правительство снова пожертвовало ими.

В манифесте подробно говорилось о действиях флотилии Кацониса, отвлекших крупные турецкие силы с черноморского театра войны, о вкладе греков в успех многих операций и о понесенных ими жертвах.

По словам Кацониса, греки надеялись, “что в мирном соглашении будет сделано кое-что и для греческого народа: он будет иметь небольшую свободную область и получит вознаграждение за те усилия, которые он предпринял и еще собирался предпринять. Но ничего этого сделано не было”. Оставались без какой-либо защиты и помощи жены и вдовы тех греков, которые пали “во славу России”. Кацонис со своим войском, говорилось в манифесте, решил взять их под свою защиту и отомстить за павших. Греки будут продолжать войну до тех пор, “пока не получат принадлежащие им права”¹⁷.

Весной 1792 г. Кацонис с 11 кораблями^{2*} покинул Итаку и направился к берегам Мани. На кораблях со своим отрядом находился известный клефт Андруцос, давно уже участвовавший в операциях греческой флотилии. В Мани Кацонис сделал своей базой Порто-Кайо (мыс Тенарон). Для прикрытия узкого входа в бухту моряки Кацониса построили пять батарей. Кацонис рассчитывал на помощь воинственных и свободолюбивых горцев Мани. Однако бей Мани Григоракис не только не поддержал повстанцев, но и принял участие в действиях против них турок. 5(16) июня 1792 г. большая турецкая эскадра начала операции против Порто-Кайо. В течение трех дней моряки Кацониса и клефты Андруцоса стойко отбивали все атаки, но затем покинули позиции и рассеялись по Морее. Сам Кацонис после многих приключений добрался до России и был прощен Екатериной III¹⁸.

В операциях турецкой эскадры против греческих патриотов участвовал и фрегат королевского флота Франции, давней союзницы султана. В самой Франции дни монархии были уже сочтены – ей оставалось существовать менее двух месяцев. Французская революция, которая даст грекам и другим поработенным народам мощное идейное оружие в борьбе за освобождение, набирала обороты.

¹ *Ари Г.Л.* Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в.: (Западнобалканские пашалыки Османской империи). М., 1963. С. 86.

² Там же. С. 93.

³ Там же. С. 107–110.

⁴ Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1990. С. 45–46.

⁵ *И.А. Остерман – А.С. Мордвинову*, 21 декабря 1787 г. (1 января 1788 г.) // АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/8. 1787. Д. 159. Л. 15–16.

⁶ *С. Миркович – А.С. Мордвинову*, 19(30) мая 1788 г. // Там же. Л. 23–31.

⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1788. Д. 2072. Л. 42, 45. Перевод письма с итальянского, современный подлиннику.

⁸ О миссии де Броньяра см.: *Ари Г.Л.* Албания и Эпир... С. 117–118; *Bartl P.* Albanien in Russisch-Österreichischen Türkenkrieg 1787–1792 // *Albanien in Vergangenheit und Gegenwart.* München, 1991. S. 55–60.

⁹ Инструкция генерал-поручику Заборовскому при отправлении его в Средиземное море // Русский архив. М., 1866. С. 1379.

^{2*} В связи с трудностями со снабжением Кацонис еще до подписания Яского мира отправил половину своей флотилии в Сицилию, на попечение тамошнего русского резидента генерала А.К. Псаро.

- ¹⁰ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 11342. Л. 73. Русский текст обращения.
- ¹¹ Памятные записки... С. 66.
- ¹² *Eton W.* Tableau historique, politique et moderne de L'Empire Ottoman. P., 1798. Т. 1. P. 91–95.
- ¹³ Подробнее см.: *Ари Г.Л.* Этеристское движение в России. М., 1970. С. 87–90.
- ¹⁴ *Ари Г.Д.* Албания и Эпир... С. 154–156.
- ¹⁵ *Ж. Лазаль* – поверенному в делах России в Константинополе *В.С. Хвостову*, 28 мая 1792 г. (н.ст.) // АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 9/1. 1792. Д. 1080. Л. 10.
- ¹⁶ *Г.А. Потемкин* – *Али-паше*, 24 августа (4 сентября) 1791 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. 1791. Д. 1809. Л. 1.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. Константинопольская миссия. Оп. 90/1. 1792–1793. Д. 1044. Л. 162–165.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Ари Г.Л.* Этеристское движение... С. 90–92.

СЕРБСКИЙ НАРОД

Особенность международной ситуации конца 80-х – начала 90-х годов XVIII в., состоявшая в совместной войне России и Австрии против Турции, определила существенные отличия в позиции и поведении сербского населения в сравнении с таковыми во время первой екатерининской войны, а также отличия в ситуации на местах. Властители умов Д. Обрадович и Й. Раич приветствовали успешные действия союзников и освобождение Белграда.

Во второй русско-турецкой войне, как и первой, в рядах регулярной российской армии сражалось немалое число сербов и черногорцев – офицеров и рядовых. Еще в 1783 г. южнославянские полки были реорганизованы и слились с русскими соединениями.

Получила дальнейшее развитие военно-морская карьера Войновичей. Судьба графа М.И. Войновича была связана с Черным и Каспийским морями: одно время он командовал Астраханской флотилией, в 1783 г., в чине капитана I ранга – первым черноморским кораблем “Слава Екатерины”. В 1786 г. М.И. Войнович стал начальником порта Севастополя; в 1787 г., получив чин контр-адмирала, возглавил Севастопольскую эскадру. За боевые действия у берегов Румелии М.И. Войновича наградили орденом Св. Георгия III степени. В 1790 г. контр-адмирал стал командиром Каспийских морских сил; в 1796 г. – адмиралом российского флота. Он вышел в отставку в 1805 г.

Продолжил фамильную традицию Николай Войнович, закончивший в 1783 г. кадетский корпус. За мужество и отвагу, проявленные в сражениях с турецким флотом, Н.Д. Войнович был награжден орденом Св. Владимира. Он служил в русском флоте до 1801 г., командуя кораблями “Св. Иоанн Богослов” и “Навархия”¹.

Среди отличившихся в кампаниях 1787–1791 гг. – генерал Текели, посмертно награжденный орденом Св. Владимира I степени, генерал-майор Д. Неранчич, награжденный орденом Св. Владимира II степени,

подполковник М. Ивелич, награжденный тем же орденом IV степени, Н. Дживович, С. Достанич, награжденные орденами Св. Георгия IV степени. Это далеко не полный список отличившихся и представленных к повышению в чине югославян². Очевидно, что вклад находившихся на русской службе сербов и черногорцев в победу был российским правительством отмечен. Во второй русско-турецкой войне Екатерина II намеревалась применить на Балканах тактику, использованную в конфликтные 60–70-е годы. 17(28) февраля 1788 г. она вновь обратилась с грамотой к христианскому населению Балкан, призвав его “защитить веру и православную греческую церковь и возвести на степень благополучия народы христианские, страждущие от тиранства варваров”, подняться на борьбу с османским владычеством при поддержке российского оружия. Екатерина II выражала надежду, что “все исповедующие благочестивую веру избавятся на веки от ига варварского и господства агарян”³.

В планы императрицы входила отправка в Средиземное море балтийской военной эскадры. Как уже говорилось, она не состоялась, но была проведена большая подготовительная работа по встрече флота и подкреплению корабельного десанта добровольцами из местных уроженцев.

Для набора югославян на русскую службу императрица распорядилась послать в Далмацию эмиссаров, в том числе российского подполковника графа М.К. Ивелича, который должен был действовать вблизи Дубровника, Буровича и др. Предполагалось также подвигнуть обитателей Дубровника поддержать русскую армию, в частности использовать для перевозки волонтеров зафрахтованные в республике суда⁴.

В Черногорию, к митрополиту Петру I и “чинам тамошним”, в свою очередь, были отправлены специальная грамота Екатерины II и письма российского посланника в Венеции А.С. Мордвинова и генерал-поручика И.А. Заборовского, содержавшие призыв к антиосманскому выступлению. В Цетине прибыли русские офицеры – полковник Тутомлин и премьер-майор Драшкович для помощи черногорцам; в Приморье и Черногорию – эмиссар Сава Миркович, выходец из Далмации, майор русской службы⁵.

Тем временем местное население южной и юго-западной частей Балканского полуострова с надеждой ожидало прибытия российского флота. 25 сентября (6 октября) 1788 г. И.А. Заборовский писал канцлеру А.А. Безбородко о настроении христиан Адриатического приморья следующее: “Я уже имел честь доносить вашему сиятельству, что все христианские народы в Албании, в Далмации и в самой Морен с крайнею нетерпеливостию ожидают прибытия флота, чтоб вступить в службу нашу и напасть на турок, безпрестанно их терзающих. Всякой почти день приходящие толпы людей со изъяснением такового их разположения не допускают нимало сомневаться о готовности их к тому. Но поелику все вообще как турецкие, так и венецианские подданные опасаются принимать службу нашу до прибытия флота, то и предписал я всем, на коих возложено вербование, чтоб не принуждали их к тому ныне”⁶. Русские представители благоразумно воздерживались от формирования добро-

вольческих отрядов до прихода российской флотилии во избежание напрасных жертв со стороны подвластного туркам населения.

Тем не менее М.К. Ивелич не ограничивал сферу своей деятельности Далмацией и Дубровником, вербуя добровольцев в Герцеговине и Черногории. В итоге он составил отряд в 1300 человек и обеспечил его необходимой провизией. Добровольческое “войско” собрал также А. Неманич, служивший в русском флоте⁷. Все с нетерпением ожидали команды к действию.

Черногорский митрополит Петр I Петрович Негош, несмотря на охлаждение отношений с Россией и внутреннюю борьбу группировок разной внешнеполитической ориентации, в марте 1788 г. выразил от лица черногорцев готовность выступить против Турции “по единоверию и единокровию нашему с тем народом, за коего мы умереть готовы” и просил оказать помощь оружием, боеприпасами, продовольствием и деньгами. Дубровчане, не в последнюю очередь благодаря умелым действиям Ивелича, также проявили согласие оказать поддержку России, сообщил И.А. Заборовский А.А. Безбородко в июле 1788 г., “однако ж, чтоб сие скрыто было от турков”⁸.

Восстание югославян на побережье Адриатики не состоялось: российская эскадра не прибыла. Тем не менее сербы Герцеговины и черногорцы, составив отряд численностью в 4000 человек, провели ряд успешных операций против турецких гарнизонов. В рапорте Г.А. Потемкину о своей миссии М.К. Ивелич в ноябре 1790 г. сообщал об “искренней приверженности к службе ея И.в. всего славянского народа, коего храбрые подвиги противу турков довольно похвалить невозможно... Сколько же оные при нынешних военных обстоятельствах нужны и полезны для России, то вашей светлости более всех известно. Одно только то ко утверждению союза нашего с славенским народом сказать могу, что оной, безпрестанная причина разорения того края поданным Оттоманской империи, удерживает сим самим по крайней мере до 40 000 военных турок и не допускает их присоединиться к главной их армии”⁹. В ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг., несмотря на неблагоприятные обстоятельства, связи между Россией и югославянскими народами окрепли.

На сербских землях в годы войны разворачивались операции австрийских войск. Император Иосиф II загодя послал сюда тайных агентов в целях сбора разведывательных данных, вербовки на местах осведомителей и пропаганды австрийской политики среди христианского населения.

С началом в 1788 г. австро-турецкой войны венское правительство направило своих представителей в Черногорию с грамотой Иосифа II. Майор Ф. Вукасович и Л. Пернет в сопровождении 400 солдат привезли в Цетине оружие, боеприпасы, денежные средства и продовольствие. В операциях против шкодерского паши приняли участие австрийские солдаты. К этому австрийцев подтолкнула расправа Махмуд-паши Бушати над австрийскими офицерами, прибывшими к нему с целью вовлечь в союз против Порты. В сентябре 1788 г. Вукасович с батальоном тайно покинул Черногорию и ушел в Триест¹⁰.

Но главные события с точки зрения вовлечения сербов в борьбу против Турции развернулись в Сербии. Еще в начале 80-х годов Сербию посетили несколько разведывательных групп австрийских офицеров. Они обошли и объехали вдоль и поперек Белградский пашалык, собирая сведения о состоянии турецких войск, крепостей, дорог, речных переправ, и установили связи с местными священниками, монахами, авторитетными христианами в городах и селах. Участниками тайных миссий, в частности, были серб граничарский офицер Михаило Михалевич и ряд других завербованных местных сербов. Австрийская разведка проводилась также в Боснии, но здесь она столкнулась с непредвиденными трудностями, продиктованными бдительностью турецкой административной службы¹¹.

Результаты тайных миссий в Сербию австрийскому военному командованию казались столь успешными, что оно до начала войны с Турцией разработало план взятия Белграда с помощью завербованных в городе лиц, используя возмущение населения разнузданностью янычар и неспособностью центральной власти покончить с анархией в городе и навести порядок в пашалыке. Австрийские военные власти в Земуне установили связь с несколькими сербами-белградчанами, которые обещали им открыть ворота города. Операция началась в ночь с 2 на 3 декабря 1787 г. Однако неожиданный ураган на Дунае разметал австрийские лодки с солдатами. Белградчане, причастные к неудавшейся операции, скрылись в Среме, составив основу отряда под командованием теперь уже майора М. Михалевича, первого фрайкора в начавшейся вскоре войне. Ночью 17 января 1788 г. была предпринята еще одна попытка овладеть Белградом. Но столь же внезапно хлынувший дождь со снегом и на этот раз опрокинул австрийские планы¹².

Объявляя в начале 1788 г. войну Турции, австрийское правительство рассчитывало переложить ее тяжесть на плечи сербского народа. На берегах Савы и Дуная с той и другой стороны вяло проходила концентрация войск. Австрийское военное командование ограничивалось отправкой в Сербию лиц, способных поднять население на вооруженную борьбу против турок.

Объявление Австрией войны Турции ободрило сербов, породив надежды на скорое избавление от власти турок. Антиосманские настроения подогревались пропагандой австрийских офицеров, фельдмаршальским патентом, обращенным к сербам, наконец, агитацией в ходе трехкратной поездки по Сербии епископа Бачки Йована Йовановича – все работало на поддержку народом габсбургских войск.

Среди заброшенных в Сербию лиц был Коча Анджелкович, уроженец села Паневац близ Ягодина, видный торговец скотом, имевший широкие связи в селах долины Моравы. За полгода до начала войны он с семьей бежал в Банат и одним из первых вступил в фрайкор, формировавшийся в декабре 1787 г.

С появлением в феврале 1788 г. Кочи Анджелковича в Сербии началось восстание населения в ряде нахий. За короткое время территория между Дунаем и Савой на севере и городом Ягодином на юге оказалась в руках повстанцев. Отряды Кочи, насчитывавшие

около 3000 человек, контролировали пути, ведущие из Поморавья к Белграду.

Между тем австрийское командование тянуло с форсированием своей армией Дуная, с юга на север начали продвигаться турецкие регулярные части. Ими были разграблены и сожжены крупные сербские монастыри Йошаница и Раваница, служившие опорными пунктами повстанцев. Это вызвало упадок духа среди сербов в долине Моравы и в Шумадии; участники повстанческих отрядов стали расходиться по домам. Через Саву и Дунай в австрийские пределы хлынул поток беженцев. Летом 1788 г. добровольческое движение под руководством Кочи Анджелковича прекратило существование. Сам Коча, перебравшись через Дунай в Бенат, вновь вступил в фрайкор. В сентябре 1788 г. в боях на Дунае фрайкоры были разбиты, отряд Кочи фактически уничтожен, а сам он, по-видимому, попал в руки турок и подвергся жестокой расправе.

Подъем и распад в первой половине 1788 г. в центральной части Сербии массового антиосманского движения, не получившего действительной поддержки с австрийской стороны, появление национального героя Кочи Анджелковича и его трагический конец – все эти события произвели неизгладимое впечатление на современников-сербов и оставили глубокий след в исторической памяти народа. Недаром в сербском сознании утвердилось понятие “Кочина краина” – Кочина война¹³.

Почти одновременно с развитием событий в долине Моравы и в Шумадии на западе Сербии развернул деятельность фрайкор Михалевиича, пополнившийся местными добровольцами. В задачу фрайкора входила блокада путей, ведущих из Боснии к Белграду. Но ввиду отсутствия австрийских войск в Сербии, их крупного поражения в Банате на фрайкор Михалевиича, особенно после распада добровольческого движения под руководством Кочи Анджелковича, легла вся тяжесть военных операций в Сербии. Численность бойцов в фрайкоре достигла 3600 человек, в его операциях участвовали еще около 900 “нерегулярных” добровольцев¹⁴. Более мелкими отрядами повстанцев нередко руководили духовные лица.

Война сопровождалась массовой эмиграцией населения. В течение первого ее года Сербию покинули по меньшей мере 80–100 тыс. человек. Сербы бежали в австрийские владения и из Боснии¹⁵. Это был очередной акт трагедии народа.

Только после безуспешных переговоров австрийцев с турками о мире летом 1789 г. австрийская армия под командованием маршала Г. Лаудона форсировала Саву и Дунай. В результате длительной осады, в которой участвовали и сербские фрайкоры, 8 октября пал Белград (вершина австрийских успехов в войне против Турции), что вызвало ликование сербов. Австрийские войска заняли также несколько населенных пунктов в Западной Боснии. Но обострение отношений с Пруссией побудило австрийское командование перебросить в начале 1790 г. крупные силы в Южную Венгрию для противодействия этой державе. Войну с Турцией продолжили фрайкоры. В начале 1790 г. они освободи-

дили почти всю северную часть Сербии, однако удерживать ее без поддержки регулярных войск долгое время они не могли.

20 февраля 1790 г. умер Иосиф II. Со вступлением на престол Леопольда II внутренняя и внешняя политика Вены круто изменилась. Новый монарх встал на путь заключения сепаратного мира с Турцией. В самой Сербии турецкие войска теснили фрайкоры, так что в течение весны и лета 1790 г. последние оставили долины Западной и Большой Моравы. С фрайкорами тысячи семей ушли в Срем и Банат. Турки, в свою очередь, продвигаясь на север, сжигали и опустошали села. Охваченные ужасом крестьяне бежали за Саву, в горы или сдавались на милость османов в надежде на спасение. Из Стамбула поступали указания препятствовать бегству населения из Западной Сербии, Шумадии, долины Моравы с помощью как силы, так и обещаний общей амнистии.

Австро-прусская конвенция, заключенная в Рейхенбахе в июле 1790 г., обязала Австрию признать status quo в отношении Турции, что означало, в частности, возврат Сербии под власть Турции. Это ускорило вывод австрийских войск из Сербии и роспуск фрайкоров. Согласно Систовскому (Свиштовскому) мирному договору, подписанному между Австрией и Турцией 4 августа 1791 г., Австрия обязалась вернуть Сербию Турции, Порта же гарантировала общую амнистию ее населению и признавала австрийское подданство за эмигрантами. С подписанием договора рухнули надежды сербов с помощью Австрии освободиться от власти турок.

Австро-турецкая война 1788–1791 гг. на территории Сербии и Боснии велась в значительной степени силами фрайкоров и добровольческих отрядов сербов. Фрайкоры насчитывали более 15 тыс. бойцов, что в 6 раз превышало численность австрийских войск в Сербии и Боснии¹⁶. Безрезультатность этой войны при массовых жертвах со стороны сербского народа оставила тяжелый след в его сознании и психологии.

Сербы приобрели тяжелый, но не напрасный опыт в эти годы. “Кочина краина” фактически представляло собой самостоятельное, не подчиненное прямому руководству австрийского военного командования, хотя и связанное с политикой Австрии в регионе, массовое вооруженное выступление сербов против османского господства. Добровольческое движение, как и фрайкоры, повлияло на самосознание народа и выдвинуло из числа обер-кнезов, священников и торговцев руководителей повстанцев.

Война стала для Карагеоргия Петровича, в будущем вождя Первого сербского восстания (1804–1813), школой военного искусства. В то время австрийская армия считалась одной из лучших в Европе. Карагеоргий сначала в составе фрайкора, а затем как командир гайдуцкого отряда обретал опыт строительства укреплений, осады и штурма крепостей, познавая цену дисциплины и порядка в войсках. Он знакомился с турецкой армией, ее вооружением, методами ведения боя, полководческими способностями военачальников непосредственно в сражениях. Он изучил Сербию с точки зрения стратегии и тактики, открыл

наиболее удобные места для обороны и нападения. При этом Карагеоргий лично отличился в боях, став примером для подчиненных, за что получил от австрийского командования чин унтер-офицера и золотую медаль.

Массовое вооруженное движение сербов против османов в ходе австро-турецкой войны можно считать прелюдией Первого сербского восстания. Однако в программном отношении оно не выходило за рамки антиосманских устремлений, не предусматривало четко обозначенной политической перспективы. Фрайкоры создавались для того, чтобы обеспечить переход Сербии под власть Австрии. Но по мере отступления австрийских войск настроения сербов менялись. Архимандрит монастыря Трноши в Сербии Стеван Йованович, возглавивший массовое переселение сербов в монархию, архимандрит монастыря Студеницы Василие Радосавлевич и Йован Милович из Ягодина в мае 1791 г., будучи в Среме, составили прошение австрийским властям, в котором была сформулирована первая программа автономии сербов в рамках Османской империи. Они просили, чтобы в мирном договоре Австрии с Турцией Сербии был обеспечен статус, подобный статусу Валахии, во главе с кнезом¹⁷. С этим документом Стеван Йованович отправился в Свиштов, но был задержан австрийскими властями в Темишваре (Ти-мишоаре) и отправлен в Белград.

На исходе столетия в положении сербского народа произошли некоторые изменения. Менялась демографическая карта Сербии, Боснии, Герцеговины и пограничных с Турцией австрийских пределов. 24 августа (6 сентября) 1790 г. ряд видных представителей сербского народа в Сербии и Боснии, в том числе Василие Радосавлевич и Стеван Йованович, обратились с просьбой к Темишварскому сабору о содействии переселению сербов из османских владений на Военную Границу. 1790 год был отмечен очередной волной переселенческого движения сербов с Балкан в Австрийскую монархию. В общей сложности из Сербии и Боснии эмигрировали тогда около 45–50 тыс. человек¹⁸. В 1792–1796 гг. в Белградском пашалыке свирепствовала эпидемия чумы. Население перебиралось в более безопасные восточные районы. Эпидемия охватила также Боснию.

По окончании войны остро встал вопрос о переселении 200 сербских семей (более 1000 человек), проживавших ранее в Герцеговине. Приняв участие в войне с Турцией, они вынуждены были бежать сначала в Черногорию, затем в граничащую с ней Горную Морачу. Представители беженцев обратились в 1794 г. к Петру I Петровичу Негошу с просьбой о содействии переселению в Россию или в австрийские, неаполитанские, венецианские пределы. Вопрос был решен лишь в 1804 г., когда в Россию прибыли 22 семьи. В 1807 г. эти эмигранты составили “Вольную сербскую команду при Черном полку”¹⁹.

После заключения мира с Австрией и Россией Порты приняла меры в целях успокоения населения и стабилизации положения в Белградском пашалыке. В 1791 г. султан Селим III запретил проживание в нем янычарам. В 1792, 1794 и 1796 гг. были изданы фирманы, предоставившие пашалыку внутреннюю автономию. Значительно расширя-

лись права избираемых сербских властей (обер-кнезов и кнезов), было упорядочено налоговое обложение, разрешено возведение православных церквей и монастырей и пр. Турецкие власти практически утратили влияние на местах. Однако восстановление сербами разграбленных и сожженных сел и хозяйства происходило на фоне непрекращавшихся столкновений турецких войск с янычарами, насилый со стороны разбойных групп и эпидемии чумы. Относительно мирное развитие и во все прервалось в 1799 г., когда Селим III под давлением противника реформ видинского пашы Пазванд-оглу, с одной стороны, и ввиду потребности в войсках для войны с Францией – с другой, был вынужден разрешить янычарам вернуться в Сербию. В 1801 г. в Белградском пашалыке власть захватили четыре янычарских начальника (дахии). Разгул насилия получил небывалый размах. Сербы метались в поисках защиты. Несмотря на разочарование в Австрии, в сентябре 1802 г. ряд оберкнезов из Восточной Сербии обратились к австрийскому кабинету с просьбой, чтобы он способствовал освобождению Сербии от турецкой власти²⁰.

В начале XIX в. общественные противоречия в Сербии достигли предельной остроты, что нашло выход в Первом сербском восстании 1804–1813 гг., радикально повлиявшим на развитие сербского народа.

По Кампоформийскому миру, заключенному между Францией и Австрией в 1797 г., венецианские владения на восточном побережье Адриатического моря перешли к Габсбургам. Так сербы, проживавшие в Далмации и Боке Которской, оказались в составе Австрийской монархии.

В конце XVIII в. серьезных военно-политических успехов добилась Черногория. В июле 1796 г. властитель Шкодерского пашалыка Махмуд-паша Бушати предпринял очередной поход против Черногории, желая подчинить ее себе, но потерпел поражение у села Мартиничи. Новое нападение на Черногорию в том же году стоило мятежному правителю жизни и закончилось катастрофическим поражением его армии при Крусах. С этого времени установилась фактическая независимость территориально объединенной Черногории от империи, хотя Порты упорно отказывалась ее признать.

На исходе столетия четко обозначилось отличие в отношении к Черногории Австрии и России. В Систовском мирном договоре черногорцы фигурировали как подданные султана. Признание Австрией Черногории в качестве подвластной Порте территории означало отказ венского двора от включения ее в сферу своего влияния. В Ясском мирном договоре Черногория вообще не упоминалась, что оставляло российскому правительству в отношении нее свободу действий²¹.

При Павле I в изменившейся международной обстановке по инициативе черногорской стороны отношения России и Черногории улучшились. 30 апреля (11 мая) 1798 г. Павел I направил черногорским старейшинам грамоту с подтверждением российского покровительства Черногории. Петр I Петрович Негош был пожалован орденом Александра Невского, а черногорские старейшины – золотыми и серебряными медалями²².

11(22) января 1799 г. российский император в ответ на прошения черногорского митрополита и народа издал грамоту, подтвердив, что и впредь российские посланники будут защищать интересы Черногории перед Портой и австрийским двором, и установил ежегодное денежное пособие Черногории на общенародные надобности в размере 1000 червонных (3000 руб.). Цетинский монастырь продолжал получать постоянную денежную помощь, которой неограниченно распоряжался митрополит. В знак благодарности Петр I Петрович Негош отправил с полномочным посланцем в дар Павлу I двенадцать трофейных турецких знамен и саблю Махмуда-паши²³.

Югославянские народы вступали в XIX столетие с окрепшим самосознанием и волей к освобождению от власти Турции, с надеждой на улучшение условий жизни под скипетром Габсбургов и с утвердившейся верой в Россию.

- ¹ Хитрова Н.И. Черногорцы в России во второй половине XVIII в. // Югословенске земље и Руси а у XVIII веку. Београд, 1986. С. 71.
- ² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. М., 1984. С. 361, 364–365.
- ³ Там же. С. 335.
- ⁴ Там же. С. 336–337.
- ⁵ Там же. С. 337, 338 (примеч.), 339 (примеч.), 345; см. также: *Аншаков Ю.П.* Черногория, Северная Албания и Россия в 80–90-е годы XVIII века // Югословенске земље... С. 327–328.
- ⁶ Политические и культурные отношения... С. 354.
- ⁷ Там же. С. 350, 359–360, 373.
- ⁸ Там же. С. 338–339, 345, 359.
- ⁹ Там же. С. 350 (примеч.), 360; см. также С. 397.
- ¹⁰ Там же. С. 339 (примеч.), 345, 350, 354.
- ¹¹ Историја српског народа. Београд, 1994. Књ. IV, т. I: Срби у XVIII веку. С. 357 и сл.
- ¹² Там же. С. 362–364.
- ¹³ *Пантелић Д.* Кочина Крајина. Београд, 1930.
- ¹⁴ Историја српског народа. С. 375.
- ¹⁵ Там же. С. 378–379.
- ¹⁶ Там же. С. 400–401.
- ¹⁷ Там же. С. 395.
- ¹⁸ *Temisvarski sabor 1790.* Novi Sad; Sremski Karlovci, 1972. S. 254–255; Историја српског народа. С. 400.
- ¹⁹ Политические и культурные отношения... С. 366 и сл., 378, 382–383, 399 (примеч.); см. также: *Бажова А.П.* Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 156–157.
- ²⁰ См.: *Грачев В.П.* Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII–XIX вв.: (Внутреннее положение, предпосылки национально-освободительных движений). М., 1990. С. 25 и сл., 50 и сл.; Историја српског народа. С. 424.
- ²¹ См.: *Хитрова Н.И.* Указ. соч. С. 59; *Аншаков Ю.П.* Указ. соч. С. 337.
- ²² См.: Политические и культурные отношения... С. 377, 391.
- ²³ Там же. С. 385–386, 391–392.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ БОЛГАР

С XVI в. и особенно в XVIII в. вначале отдельные лица, а затем и группы болгар-беженцев из турецкого рабства переселялись в Россию, в основном в южные области, на Украину. Большинство из них оседали на предоставляемых свободных землях и занимались земледелием, ремеслами, торговлей. Часть из них служила в армии.

Официальное заселение чужеземцами южных областей началось с середины XVIII в., после издания известного манифеста от 24 декабря 1751 г., в котором российское правительство призывало иностранцев заселять эти территории и обещало им известные привилегии. Кроме того, переселенцам из Австрийской и Османской империй разрешалось поселяться в определенных местах польско-русской границы. Договоренность была достигнута только с Австрией, но не с Турцией, переселение из пределов последней совершалось тайно. Этому способствовал и сенатский указ от 24 апреля 1752 г., который подтвердил и расширил данные переселенцам привилегии. Очевидно, что правительство было заинтересовано в привлечении переселенцев, в том числе из балканских провинций Османской империи.

В середине XVIII в., дабы укрепить южные границы Российской империи, правительство создало пограничные военные поселения и районы, население которых в основном состояло из переселенцев из балканских земель – болгар, сербов, черногорцев, валахов, молдаван и т.д. В 1750–1753 гг. были образованы две новые административно-территориальные единицы – Новая Сербия и Славяно-Сербия на территории Екатеринославской губернии для борьбы против татар и турок. В Киевской губернии в 1761 г. были сформированы два полка – болгарский и македонский. За 13 лет, к 1762 г., среди пустынных безбрежных южнорусских степей возникло более 200 сел и городов¹.

В годы правления Екатерины II переселение иностранцев, в том числе болгар, постоянно росло. Этому, в частности, способствовал изданный государыней 4 декабря 1762 г. манифест, в котором она призывала иноземцев поселяться в России: “Мы, ведая пространство земель нашей империи, усматриваем наивыгоднейшим к населению полезнейших мест праздну остающихся”. Эту же мысль она высказала и в именном указе от 8(19) декабря 1765 г.: “...имея намерение в обширной нашей империи при недостатке в некоторых местах природных поселян пусто и бесплодно лежащие земли и дикие поля населять иностранными людьми”². Для реализации этой цели рядом манифестов и указов (только 22 июля 1763 г. были изданы три указа по этому поводу) переселенцам давались следующие привилегии: свобода вероисповедания, освобождение от податей и налогов в течение 10 лет (за исключением поземельного налога в небольшом размере); каждой семье независимо от числа ее членов выделялось 60 дес. земли; разрешалось устройство мануфактур, участие в гильдиях, позволялось (в зависимости от размеров поселения) иметь свои рынки и даже ярмарки, покупать землю в собственность и т.п.

В 1763 г. было учреждено Опекунство иностранных поселенцев, и началось массовое переселение и обустройство иностранцев, в частности болгар, на территории Российской империи, главным образом в ее южных областях. Болгары селились в основном около Киева и Чернигова. Например, в 1765 г. 36 болгарских семей из местечка Богданов Дол в Софийской области бежали от притеснений турок и поселились в окрестностях Киева, где занимались садоводством, виноградарством, ремеслами; в 1768 г. на землях Киевско-Братского монастыря обосновались 10 болгарских семей, они по договору арендовали монастырские земли³. В том же году на русскую сторону перешел полк турецкой армии, состоявший из молдаван, валахов, болгар, которые расселились по берегам Буга, Синюхи и Черного Ташлика. Перед ними была поставлена задача охранять русско-турецкую границу. Болгары основали село Ольшанка, ставшее военным поселением и положившее начало их крупной колонии в Херсонской губернии. А с 1769 г. жители села вошли в состав Бугского войска⁴.

Постоянное и довольно значительное переселение болгар в южные области России продолжалось и в 1769–1791 гг. Эти области, освобожденные от татар и турок вследствие успешных войн 1768–1774 и 1787–1791 гг., особенно нуждались в земледельцах, которые обрабатывали бы пустующие земли. Здесь же создавались новые города, которые также нуждались в населении. Стремясь ослабить мусульманское влияние, российское правительство способствовало заселению этих областей именно христианскими славянскими народами. И это несмотря на то, что вызов иностранцев в Россию был прекращен в 1766 г.

По подсчетам А.А. Скальковского, только на юг Российской империи с 1769 по 1791 г. переселились около 2 тыс. болгар. Однако, как свидетельствуют обнаруженные украинским историком П.С. Соханем документы, болгар-переселенцев было гораздо больше. Он считает, что А.А. Скальковский, видимо, не учитывал лиц, поступавших на службу в русскую армию, и беглецов, прибывавших в Запорожскую Сечь, в Киево-Печерскую лавру и другие места, а их было немало. Так, в 1778 г. в дислоцированных в Киевской губернии болгарском и македонском гусарских полках насчитывалось 442 человека⁵.

В 1773 г. около 400 болгарских семей из села Флатарь⁶ под Силистрой обратились к главнокомандующему русскими войсками графу П.А. Румянцеву-Задунайскому с просьбой содействовать их переселению в южнорусские земли. Все они со временем переселились в село Ольшанка; среди них были переселенцы и из-под Рушук, Видина и даже из Добруджи. Часть ольшанцев так и назывались “добруджанцами”⁷.

После заключения в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мира многие болгары бежали в Россию и Валахию, оставив пустые города и села. В Добриче не осталось тогда ни одной болгарской семьи⁸.

Покидая родные места, болгары, естественно, рассчитывали на лучшие условия жизни. Многие из них, поверив обещаниям царского правительства, преодолевали длинный и трудный путь. Так, по окончании войны 1768–1774 гг. П.А. Румянцев уверил часть болгар в том, что

под покровительством России они обретут покой, им предоставят удобные для поселения земли, а кроме того, им были обещаны 30-летние льготы. Оставив свои дома не только за Дунаем, но и в Дунайских княжествах, болгары переселились в российские пределы на берега Буга. Однако здесь их ожидало разочарование: голая степь, безлюдье, удаленность от городов. Да и льготами они пользовались лишь восемь лет. Местные власти чинили произвол, а в поселениях царил казарменный режим. Поэтому многие из переселенцев, пользуясь близостью границы, пытались вернуться. Правительство своими распоряжениями всячески пресекало эти попытки. Беглецов ловили и отдавали в солдаты в регулярные войска, а по окончании службы возвращали в места переселения⁹.

Многие из переселенцев-болгар бежали в Запорожскую Сечь, где рядовые казаки относились к ним с сочувствием. Здесь болгары, как и местные казаки, занимались сельским хозяйством, ремеслами или торговлей, участвовали в военных походах, что зафиксировано в списках казачьих команд, которые велись до 1775 г., т.е. до ликвидации Запорожской Сечи¹⁰.

И все же большинство переселенцев обустроивались на новых местах и навсегда оставались в России. Во время войны 1787–1791 гг. многие из них храбро сражались в русской армии под командованием А.В. Суворова – в битве на реке Рымник, в сражении у Фокшан, в штурме Измаила и Очакова, в том числе и в сформированном в 1788 г. 1,5-тысячном казачьем войске¹¹.

В ходе войны в 1790 г. около 500 болгарских семей переселились в Россию. Сначала их внесли в реестры Бугского войска, а позже расселили в разные места Херсонской губернии¹².

После заключения Ясского мирного договора началась новая волна переселения болгар. Одни из них переходили через Дунай и селились в районе Измаила, Килии, Тирасполя, Григориополя, Одессы; другие добирались морем до Херсона, Крыма, Одессы, используя для этого любые возможности.

Русское правительство ввиду договорных отношений с Османской империей не могло официально вывозить болгар, желающих переселиться в Россию, но оно разрешило местным властям принимать всех, кому удавалось пересечь российскую границу, поселять их на пустующих землях и помогать в благоустройстве.

Часть переселенцев-болгар служили в войсках рядовыми, некоторые достигали высоких чинов. Так, в 1792 г. грамотой Екатерины II болгарину Ивану Стоянову было присвоено звание премьер-майора.

Переселение болгар в Россию продолжалось и в последующее время, особенно в годы феодальных усобиц и кирджалийских мятежей, сотрясавших Османскую империю с 1792 г.

¹ Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края, 1731–1823. Одесса, 1836. Ч. 1: 1731–1796. С. 53.

² Полное собрание законов Российской империи. № 11880, 127519.

- ³ Скальковский А.А. Хронологическое обозрение... Ч. 1. С. 56–57; *Он же*. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. С. 10, 13.
- ⁴ Хаджиниколова Е. Българските преселници в южните области на Русия, 1856–1877. С., 1987. С. 22; Бугское казачество и военные поселения // Киевская старина. 1887. Т. XIX, кн. 12. С. 596.
- ⁵ Скальковский А.А. Болгарские колонии. С. 4; *Сохань П.С.* Очерки истории украинско-болгарских связей. Киев, 1976. С. 54.
- ⁶ Название этого болгарского села разные авторы дают по-разному: Флатор (*Сохань П.С.* Указ. соч.), Аптафар (*Гюзелев В.* Болгарский народ и Россия в XV – первой половине XVIII в. // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982. С. 29), Алтафар (*Генов Ц.* Българите и руско-турските войни XVIII–XIX век. С., 1987. С. 31). Я даю название села по его первому печатному упоминанию у А.А. Скальковского.
- ⁷ Скальковский А.А. Болгарские колонии... С. 5; Бугское казачество... С. 596.
- ⁸ Велики К. Браилските бунтове, 1841–1843. С., 1968. С. 19.
- ⁹ Бугское казачество... С. 596–597.
- ¹⁰ *Сохань П.С.* Указ. соч. С. 49–52.
- ¹¹ Бугское казачество... С. 598.
- ¹² *Сохань П.С.* Указ. соч. С. 55.

ВОЙНА 1787–1791 гг. В ТУРЕЦКОЙ ОЦЕНКЕ

Второй войне с русской царицей, как часто называли в Османской империи войну 1787–1791 гг., посвящено больше работ, чем войне 1768–1774 гг. Причина в том, что ко второй войне готовились основательно, едва подписав в 1774 г. мир.

Кемалистская историография, равно как авторы работ до 1980–1990-х годов, в оценке причин второй войны, повторяла выдвинутый еще сто лет назад османским официальным историографом Ахмедом Джевдет-пашой тезис: “гюрджистанский вопрос” был главной причиной войны. Высокая Порта не признавала за русскими присвоенного ими права покровительства в отношении Ираклия II (Эрекли-хана)¹.

Другой причиной авторы считали занятие Россией Крыма в 1783 г., а поводом – демонстративную поездку Екатерины II в Крым в мае–июне 1787 г. В войне за возвращение Крыма И.Х. Узунчаршылы видел “выражение воли мусульманского населения империи”, по существу не упоминая о Грузии. В работах последующих лет акцентировался такой аспект, как борьба Османской империи против реализации Россией и Австрией Греческого проекта. О реванше за Крым, о намерениях Абдул Хамида I поднять на “священную войну” всех мусульман от Дуная до Средней Азии современные авторы (90-х годов) обычно не упоминают, отдавая предпочтенье анализу борьбы держав, России и Турции, на международной арене накануне и в период Великой французской революции.

Любопытно отметить, что еще в начале XX в. турецкий автор, вероятно крымского происхождения, Халим Гирей в книге “Розовый сад, или История Крыма” (1911) писал, что Крымское ханство пало не по

причине каких-то “русских или турецких интриг, а по причине кризиса, причем более глубокого, нежели в Дунайских княжествах или других румелийских (Европейская Турция. – *Авт.*) землях”².

Сравнительно объективное представление о целях Турции в 1787 г. даст ультиматум, врученный 27 июля 1787 г. посланнику России Я.И. Булгакову реис-эфенди Фейзи. В нем содержится требование удалить русских консулов из Дунайских княжеств, выдать бежавшего в Россию молдавского господаря, отказаться от протектората над Грузией и вывести оттуда все русские войска*, основать турецкие консульства и постоянное османское представительство в Крыму. Остальные требования касались экономических вопросов: передать Порте очаковские соляные промыслы, ввести досмотр русских торговых судов, идущих через Проливы, ограничить список разрешенных к купле-продаже товаров, обеспечить турецким торговцам равные с русскими купцами права в их коммерческой деятельности в России³.

Очевидное стремление правящих кругов Османской империи максимально ослабить влияние России в Дунайских княжествах и Закавказье дополнялось готовностью вооруженным путем обеспечить правительственный контроль не только над тоннажем, но и над режимом Проливов в целом. Кроме того, они намеревались распространить практику султанских разрешений (бератов) на торговлю теми или иными товарами в зависимости от того, отданы ли они на откуп или находятся под прямым контролем Порты, и т.д., т.е. на всю русско-турецкую торговлю.

Вопрос о Крыме был сформулирован в беседе с русским посланником через несколько дней после ультиматума однозначно. Когда возвратите Крым? Подобное сочетание территориальных и экономических претензий прослеживается в серии представлений турецкой стороны к России и далее.

Я.И. Булгаков отверг пункты ультиматума о Дунайских княжествах, Грузии, Крыме. По остальным просил отсрочки для консультаций с правительством. Позиция России была хорошо известна Порте. В начале января 1787 г. Я.И. Булгаков сообщил Сулейману Фейзи-эфенди, что Россия будет всемерно избегать вооруженного столкновения с Турцией. Однако войска ее “в полном движении у границ”. Россия готова рассмотреть все торгово-экономические претензии Османской империи и торжественно заявляет, что стремится к миру, а не к территориальным расширениям. Условиями добрососедских и взаимосогласованных решений должны быть отказ от турецких претензий на Грузию и прекращение “своеволия и нападений закубанцев”; удаление за Дунай беглецов из России; совместная разработка соляных промыслов Очакова; создание консульства в Варне.

Русский посланник подчеркивал незыблемость позиции России в вопросе Крыма и свободы прохода через Проливы. Подобная постановка вопроса отражала позицию “умеренных” членов россий-

* Трехтысячный русский отряд, находившийся в Восточной Грузии по соглашению (1786) между Россией и Ираклием II, был выведен оттуда в начале сентября 1787 г.

ского правительства, которые при поддержке Екатерины II, отказавшейся от дальнейших обсуждений Греческого проекта, ратовали за первоочередное хозяйственное освоение Юга России, в том числе Крыма, и за сугубо политические, мирные способы укрепления влияния России на Балканах, в Восточном Средиземноморье, в Закавказье⁴.

В 1787 г. мирные переговоры столь же мало входили в расчеты османских правящих кругов, как и в 1768 г. Просьба Я.И. Булгакова подождать ответа на ультиматум до получения им инструкций была отвергнута. Ему вновь пришлось отправиться в угрюмые казематы Семибашенного замка, привычную обитель русских посланников, на нищенское содержание.

Война 1787–1791 гг. выявила несколько новых моментов в русской политике Османской империи. Впервые Порта начинала войну, подготовив заранее, как надеялись в Константинополе, общемусульманский джихад на Северном Кавказе, в Закавказье и Прикубанье. Призыв халифа к войне был также послан эмиру Бухары. 25 августа 1787 г. в Англию, Испанию, Сицилию, Пруссию, Данию, Голландию, Австрию, Швецию и Венецию были направлены послания (впервые в османской истории!) с объяснением причин объявления войны России, якобы предпринятой по требованию подданных султана, поднявшихся на защиту “богоспасаемых пределов”. Чтобы оплатить предполагавшееся военное сотрудничество Швеции, были предприняты первые попытки займов в Голландии и Испании⁵.

Очередная война с Россией велась несколько подновленной, подученной европейскими инструкторами армией (Бонневаль, Ф. де Тотт и др.). Были проведены ремонтные работы в крепостях на Черноморском побережье, в Боснии, Сербии, на Далматинском берегу. Возрожденный флот уже в 1785 г. насчитывал более 30 современных многопушечных кораблей, через пять лет их число должно было удвоиться. Была изменена и улучшена организация сипахийских формирований, реорганизованы саперные части, усилена полевая конная артиллерия.

На Кавказе стратегия Высокой Порты заключалась в опоре на мусульманских правителей Северного Кавказа и Закавказья и в организации защиты Еревана, Гянджи, других крупных центров и крепостей со “значительным исламским населением”⁶. Однако попытки Абдул Хамида I и сменившего его на османском престоле в 1789 г. Селима III поднять на широкомасштабную войну с Россией население закавказских и прикубанских аулов с помощью фирманов, всевозможных обещаний и весьма ощутимых субсидий результатов почти не принесли.

В сентябре 1790 г. кавказский корпус Баттал-паши, составленный из турецких войск и незначительного числа мусульманских наемников, потерпел полное поражение. В первых числах июля 1791 г. сдался турецкий гарнизон Анапы. Реальных сил сдержать возможное наступление русской армии на Кавказе Порты не имела⁷.

Военные действия на Европейском театре начались с неудачного для турок десанта под Кинбурном в сентябре–октябре 1787 г. Несколько поражений с трудом воссозданного после Чесмы османского флота, несмотря на его численное превосходство над вновь создаваемым русским черноморским флотом, по существу лишили сухопутную османскую армию и осажденные крепости поддержки с моря. Впервые был подвергнут обстрелу с моря рейд города Синопа, где укрывалась турецкая эскадра⁸.

Отдельные примеры стойкости в обороне сипахив и янычарских рот не могли, конечно, компенсировать издержки случайного подбора высшего командного состава, несогласованности действий войск, откровенного нежелания основной части янычар “следовать воинскому долгу, несмотря на призывы командиров”.

Турецкие историки объясняют поражение в войне 1787–1791 гг. массовым дезертирством в армии, янычарскими бунтами и недостаточной политической и военной помощью союзников, указывая, что эти страны были поглощены проблемой Французской революции.

Действительно, надвигавшаяся во Франции революция в известной мере приглушила остроту восприятия в Европе событий на Ближнем Востоке. Уместно отметить, что в Англии наряду с призывами заставить Россию отказаться от занятого Очакова и очистить земли между Бугом и Днестром звучали и другие, в итоге возобладавшие, которые Г. Темперлей и Л. Пенсон определили как “безразличие к Турции и намерение предоставить турок их собственной участи”⁹. Поэтому английская дипломатия, содействуя заключению в январе 1790 г. турецко-прусского союза и подтолкнув на войну с Россией Швецию (впрочем, на деньги Османской империи), главные усилия сосредоточила на укреплении своего преобладающего влияния в Османской империи торгово-политическим путем.

Серия исследований по восточной политике Великобритании, проведенных Л.В. Зелениной, доказывает, что на рубеже 1780–1790-х годов британское правительство сформулировало доктрину статус-кво владений Османской империи. Жесткая позиция Лондона в то время и позже в отношении стремительного превращения России в черноморскую и средиземноморскую державу свидетельствовала о готовности Англии защищать свои интересы на Ближнем Востоке даже ценой конфликта с самым сильным партнером по антинаполеоновским коалициям¹⁰.

Победы российского оружия на суше и на море, умелые маневры отечественной дипломатии привели к развалу замышлявшейся против России коалиции. Надежды Высокой Порты на действенную поддержку оказались обманутыми.

В июле 1791 г. Высокая Порта и Селим III, окончательно разуверившись в реальности выступления Пруссии и учитывая крайне тяжелое внутреннее положение, были вынуждены пойти на мир с Россией.

Переговоры велись в Яссах в ноябре–декабре 1791 г. и завершились подписанием 29 декабря (9 января 1792 г.) мирного трактата.

Опубликованные письма А.А. Безбородко, сменившего умершего Г.А. Потемкина в качестве главы русской делегации при заключении мира в Яссах, свидетельствуют о том, что турецкие представители держались активно и наступательно. Русская позиция отличалась сдержанностью и отражала курс на сохранение и закрепление достигнутого ценой огромных людских и материальных потерь¹¹. Этим же курсом, в частности, было продиктовано исключение грузинской проблемы из повестки дня переговоров. Подтверждение Кючук-Кайнарджийского договора во всем его объеме сохраняло суверенитет Порты в Западной Грузии. Однако четко фиксировалось невмешательство центральных и местных властей Турции во внутренние дела грузинских земель. В то же время подтверждение договора 1774 г., Айналы-Кавакской конвенции 1779 г. и сопутствующих им хаттишерифов закрепляло установленный статус Дунайских княжеств, которые по требованию России освобождались от уплаты недоимок за годы войны и на два года вперед.

Территории между Бугом и Днестром, включая Очаков, отходили к России, но Бендеры, Килия, Аккерман, Измаил возвращались Турции. На востоке пограничной оставалась река Кубань. Уступкой турецкой стороне, сохранившей зерно будущих осложнений, можно считать предоставление турецким властям права “удерживать” левобережное население от “хищнических набегов” на российские владения на правобережье Кубани. Халифатские идеи как бы получали договорное подтверждение и служили для пашей сопредельных вилайетов прикрытием для агрессивных акций на всем восточном Черноморском побережье.

Подтверждение торгового договора 1783 г. закрепляло за русскими торговцами капитуляционные права, полученные в 1774–1783 гг. Фиксировался режим Черноморских проливов, установленный в 1774–1783 гг.

Попытка Турции в июле 1790 г. потребовать возвращения Крыма – как предварительное условие переговоров – была тогда же решительно отвергнута российской стороной. Отсутствие вопроса о Крыме в Ясском договоре еще раз свидетельствовало о том, что этот отныне (с 1783 г.) внутренний для России вопрос обсуждению не подлежит.

Ясский договор закрепил за Россией Черноморское побережье от устья Кубани до устья Днестра – ей был возвращен район древнерусских поселений. При этом все вопросы на мирных конгрессах обсуждались строго на двусторонней основе, что создавало для двух черноморских держав перспективу сбалансированного и взаимоприемлемого решения без вмешательства третьей стороны. В Петербурге это обстоятельство воспринимали как основу возможного послевоенного сближения¹².

При Чесме погиб султан Мустафа III. Мир праху его! При осаде дунайских крепостей пал султан Абдул Хамид-хан. Мир праху его! Еще немного – и “богоспасаемый предел” рухнет. В таких выражениях комментировал итоги войны для Османской империи Селим III.

Страна нуждалась в решительных реформах. Описания упадка и уныния заполняют страницы османской XVIII–XIX вв. и турецкой историографии. Как всегда четко и определенно высказался ныне покойный Энвер Зия Карал. “Войны с Россией, – писал он, – показали слабость турецкой армии, отсталость военного дела, необходимость реформы. Нужно было установить в империи новый порядок”¹³. Это главный вывод, и начало эпохи реформ Селима III и Махмуда II и союза с Россией (1799–1805) – тому прямое подтверждение.

Позволю себе лишь несколько замечаний с позиций исторической конфликтологии. На основании исследований отечественных, турецких и других зарубежных авторов, публикаций документов можно сделать двоякий вывод. Разгром армии современники-турки осознали как крушение “богоспасаемого предела”. Одна часть высшего звена управления и “мужей меча” затаилась. Другая активно сгруппировалась вокруг Селима III, предложившего выход из кризиса через военную реформу.

Первая часть резко усилила борьбу сепаратистов с центром и между сепаратистами. Итогом были бунты и столкновения, особенно частые в начале 1810-х годов. Вторая часть сумела в определенной степени подготовить почву для военных и административно-хозяйственных реформ 20-х годов XIX в.

Войны с Россией в 1768–1791 гг. поколебали зыбкое равновесие сил в османском обществе, которое покоилось на сипахиях, на янычарах, на “мужах пера” и сословии богословов-улемов. Селим III, введя после Ясского мира 1791 г. начатки регулярного войска, окончательно это равновесие нарушил.

Наступала пора баланса – между сторонниками возрождения османского величия силой ятагана, за счет укрепления тимариотского, т.е. ленного, хозяйства, и новым звеном в экономике, армии, управлении. Первые ждали и жаждали реванша над Россией. И уповали, несмотря на очевидные просчеты в ходе двух (с учетом Австрии – трех) войн, на джихад – массовый, беспощадный и пролонгированный в бесконечность¹⁴. Смерть в бою с неверными и – в сады Аллаха!

К счастью для Османской империи, ее существования и последовавших трансформаций в контексте запаздывавших, но жизненно важных для социокультурного сохранения основ реформ, имелась другая тенденция. Другие силы. Иные предпочтения. Вектор первых – война! Вектор вторых – реформы и выдержка.

Обретал зримые очертания важный для Османской империи период выработки новых принципов внешней политики, новых политических ценностей. Преимущественное внимание к внутренним проблемам и, временно, отказ от вооруженной борьбы за потерянные в

1774–1791 гг. земли стали главными элементами в политике Высокой Порты на рубеже XVIII–XIX вв.

Какие силы реализовывали эти принципы? Это были новые хозяева поместий – чифтлик-сахибии, новые военные, торговое сословие и новая, быстро перенимавшая военные и гражданские знания элита, склонная к компромиссу с Западом, предполагавшая выжидать, укреплять империю для последующего противостояния России. Но не воевать. Искать точки соприкосновения интересов. Это были торговля, безопасность навигации в Проливах, борьба с работорговлей в Закавказье.

Изложенные соображения об Османской империи эпохи “екатеринских войн” имеют и еще одно, как бы поствоенное толкование. Сокрушительный разгром громоздкой и вопиюще беспомощной армии заставил османских государственных деятелей при Абдул Хамиде I и Селиме III буквально припасть к бумаге и калему. Цель – продумать и срочно разработать реформы в армии. Русско-турецкие войны заставили их осознать простое: армия есть отражение общества в самом непосредственном виде. Войны эти ускорили военные преобразования “низам-и джедид”. Те, в свою очередь, подготовили Танзимат, реформы 1820–1870-х годов¹⁵.

¹ В русском переводе известна небольшая часть этого выдающегося османского памятника: *Джевдет-наша А.* Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к Оттоманской империи от 1192 года по 1202 год хиджры – 1775–1784 // Русский архив. 1888. Кн. 1–3. С. 391.

² *Halim Girey.* Gulsenzi hulefat. Istanbul, 1911. S. 193.

³ *Uzuncarsilli I.* Kaynarca muahedesinden... // Belleten. 1986. XLIV, N 175. S. 513. См. инструкцию Г.А. Потемкина Я.И. Булгакову от 13(26) декабря 1787 г. // Русский архив. 1865. Историко-литературный сборник. С. 736–744.

⁵ О займе см.: *Kolerkilic E.* Osmanli imparatorlugunda para. Ankara, 1996 (2 bas.- S. 111–112; *Tarih-i Cevdet.* Cilt 6. S. 112); Манифест Порты о войне с Россией 11 зилькаде 1207 г.х. (24 августа 1787 г.): Пер. с фр. // Русская старина. 1898. Т. 96, № 12. С. 653–655.

⁶ С марта 1785 г. на Северном Кавказе начал действовать Шейх Мансур (имам Ушурма), на которого Порты первоначально возлагала большие надежды, рассчитывая на организацию рейдов по Прикубанью, вдоль берегов Черного моря до Крыма и даже до Дунайских княжеств (см.: *Benningson A.* Un mouvement populaire au Caucase au XVIII siècle // *Cahiers du Monde russe et soviétique.* 1964. T. V, N 2. S. 182–190). Однако Шейх Мансур, как и намного позднее Шамиль, имел собственные политические цели в период, когда Россия была занята войной с Турцией. Он с благодарностью получал награды от Селима III, включая знаки достоинства двухбунчужного паши, оружие и деньги, но не спешил выполнять приказы Стамбула. Осенью 1787 г. он потерпел ряд неудач, бежал в Анапу и был взят в плен при штурме города в 1791 г. (см.: *Шеремет В.И.* Война и бизнес: Власть, деньги и оружие в Европе и на Ближнем Востоке в новое время. М., 1996. С. 130–141).

⁷ Падение Анапы – это как бы потеря кошелька, выпавшего из-за пояса халата во время потасовки на базаре. Досадно, но допустимо. Потеря дунайских крепостей сравнима с утратой самого халата. И дорого, и оскорбительно. Так в изложении османского историографа звучала оценка ситуации, сложившейся после сдачи Анапы, утраты Очакова, Измаила, на заседании Дивана. См.: *Halim Girey.* // *Gulsenzi hulefat.* S. 160 (арабская графика).

- ⁸ Боевая летопись русского флота. М., 1948. С. 108–111.
- ⁹ Temperley H., Penson L. Foundations of British Foreign Policy from Pitt to Salisbury. L., 1938. P. 5–6.
- ¹⁰ Зеленина Л.В. Лондон и очаковский кризис 1790–1791 гг. // Перекрестки эпох. М., 1998. Т. 3; *Она же*. Формирование доктрины Status-quo // Сов. славяноведение. 1983. № 1. Часть исследования Л.В. Зелениной относительно политики Англии в период войны 1787–1791 гг. включена с разрешения автора в кн.: *Шеремет В.И.* Империя в огне: Сто лет войн и реформ Блистательной Порты. М., 1994. С. 53–58.
- ¹¹ Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 42. С. 53, 121. Договор опубликован: Договоры России с Востоком, политические и торговые / Сост. Т. Юзефович. М., 1869. С. 41–49.
- ¹² В правительственных кругах России, в столичном обществе вновь обратились к отвергнутому было проекту Г.А. Потемкина – заключить союз с Турцией и тем серьезно повлиять на европейскую политику (см. Сб. РИО. Т. 42. С. 65–66). Эта информация, весьма широко обсуждавшаяся в российской и европейской прессе, стала известна Селиму III и вызвала у него большой интерес. Он сам, а также с помощью матери, Михри-шах, и вдовы Абдул Хамида I (Эме де Ривери-Нахш-и диль) читал массу газет. Решение об обмене посольствами Кутузова и Расыха-эфенди было принято.
- ¹³ Karal E.Z. Osmanli tarihi. Cilt V. S. 23.
- ¹⁴ По мнению американского исламоведа Р. Питерса, которое мне представляется убедительным, османской доктрине джихада была присуща перманентная воинственность как своего рода внутреннее состояние империи, вне прямой реакции на внешнеполитические акции. *Peters R.* Islam and Colonialism: The Doctrine of Juhad in Modern History. The Hague; P.; N.Y., 1979. P. 21.
- ¹⁵ Подробнее см. в многотомном сериале “Социокультурные метаморфозы в обществах переходного типа” (изд. Технологической школой бизнеса): Т. 1: *Шеремет В.И.* Империя в огне; *Она же*. Война и бизнес; *Она же*. Босфор: Россия и Турция в эпоху первой мировой войны. М., 1995; *Она же*. Дарданеллы. М., 1998.

ТРУДНАЯ СУДЬБА ЕКАТЕРИНЫ II В ИСТОРИОГРАФИИ

Уже в 1767 г. комиссия по составлению нового Уложения государственных законов преподнесла Екатерине титулы матери Отечества и Великой. Императрица отвергла прошение, справедливо оставив “времени и потомкам беспристрастно судить”¹. Тем не менее говорить о сколько-нибудь взвешенной, полной, объективной и беспристрастной оценке ее царствования не приходится. И в первую очередь это относится к нашей стране. Господствовавший в Советском Союзе классовый подход исключал возможность плюрализма мнений, и Екатерину превратили чуть ли не в символ крепостничества. Действительно, гнет был жесток; Салтычиха, та самая, которую по приказу императрицы выставили на Красной площади, приковав к позорному столбу, с надписью на прикрепленной к груди дощечке “Мучительница и душегубица”, являлась живым обвинением строю, обрекавшему миллионы людей на рабское состояние, а пугачевское восстание – свидетельством свирепой решимости готового к протесту народа.

Семьдесят лет все рассматривалось сквозь призму крепостничества. Но ведь не Екатерина его выдумала, она твердо знала, что любая попытка посягнуть на существовавшую систему станет для нее последней. Судьбы правительницы Анны Леопольдовны и собственного мужа наглядно показали, что за шаги, неугодные дворянству, монархи расплачивались престолом, заточением и жизнью.

В бумагах Екатерины обнаружено немало свидетельств того, что, еще будучи великой княгиней и проходя школу просветительства, она осознала зло, порождаемое зависимым состоянием людей*.

Общество было не готово к крутой ломке сословных отношений; экономика, финансы, оборона страны базировались на подневольном труде; в комиссии по составлению нового Уложения государственных законов не раздалось ни одного голоса в пользу отмены крепостного права². И Екатерина поплыла по общему течению, и за это ей крепко досталось в отечественной историографии.

С.М. Соловьев пытался объяснить политику екатерининского правительства в социальных вопросах степенью развития страны и социума, и был за то осужден. Предпринимавшееся дважды после Октябрьской революции издание его “Истории России с древнейших времен”, в

* См. раздел “Романтический Наказ и проза государственных будней”.

целом великолепно осуществленное, снабженное богатым научным аппаратом, дает представление и о точке зрения отечественной историографии на эпоху Екатерины, и об эволюции взглядов на нее. В комментариях к книге 14 (изд. 1965 г.) маститого автора изобличают в попытке обосновать необходимость сохранения крепостного права. Справедливо усматривается несоответствие между высказываниями в пользу развития производства, свободы торговли и предпринимательства в екатерининском Наказе и отстаиванием крепостничества. Но приписывается это не сложности и противоречивости эпохи, а свойственному императрице лицемерию: “С.М. Соловьев по существу не сумел понять истинных намерений Екатерины и считал, что она действительно хотела переработать устарелое законодательство”³. (А почему бы и нет? У нас упорно держится идея, что все правительства только и думали о том, как бы разорить управляемых, хотя эгоистический интерес любой власти состоит в стремлении сохранить порядок и внутреннее спокойствие, что обеспечивается благосостоянием жителей и их способностью исправно пополнять казну!) Созванная царицей Уложенная комиссия состояла из 560 человек. Меньше всего в ней была представлена чиновная знать. А города, иноверцы, все населявшие Россию национальности (оседлые), казачество, крестьянство всех категорий, кроме крепостного, направили депутатов в немалом числе. И никто, ни один делегат не поднял голос против института крепостного права как такового. Осуждали лишь злоупотребления, предлагали ограничить помещичью эксплуатацию, но не отменить ее. Очевидно, неправомерно говорить о системном кризисе в России в конце XVIII в. в отсутствие третьего сословия при том, что купцы-мануфактуристы мыслили развитие производства на прежней основе⁴.

За тридцать лет, истекших со времени появления на свет упомянутого издания, произошла серьезная эволюция взглядов на екатерининскую эпоху. В комментариях к книге 15 Собрания сочинений С.М. Соловьева (1995) признаются прогрессивные черты правления императрицы (запрет продажи крестьян без земли с аукциона, элементы веротерпимости, распространение светского образования, юридическая реформа). Осторожно констатируется: эпитет “Великая”, присвоенный ей еще при жизни, не признавался советской историографией и только сейчас, кажется, готов возродиться в трудах отечественных историков”. Но тезис о лицемерии живуч: говорится о “демагогических заявлениях правительства в пользу облегчения крестьянского быта”, определенный учет интересов нарождающейся буржуазии оценивается как “политическая эквилибристика абсолютизма”⁵. Создается впечатление, что мы еще не полпути к всесторонней оценке тех страниц летописи Отечества, что связаны с Екатериной; но чаша весов все более склоняется в ее пользу: “Сводить все к фарсу и лицемерию – значит не замечать генерального факта: Екатерина Великая после своего 34-летнего правления оставила Россию более могущественной и просвещенной, становившейся на путь законности”, – замечает Н.И. Павленко⁶.

На страницах нашей книги изложены основные достижения царствования Екатерины II в сфере промышленного и сельскохозяйственно-

го производства, рассказано об освоении обширной Новороссии, упорядочении административного устройства, приведении в порядок финансов, составлении сметы государственных расходов. Перемены исключительного значения произошли в сфере духовной жизни – распространение веротерпимости, проникновение идей Просвещения, появление блестящих имен в науке, литературе, архитектуре, живописи, зарождение журналистики. И как зримое свидетельство прогресса – градостроительство, возведение восхищающих до сих пор дворцовых и храмовых ансамблей, собирание художественных коллекций, пример чему подала государыня с Эрмитажем, увлечение театром^{1*}.

Не менее впечатляющи результаты во внешней политике: возвращение на берега Черного моря, свобода судоплавания по нему, открытие Босфора и Дарданелл для торгового судоходства, урегулирование ссоры Пруссии и Австрии вокруг “баварского наследства”. Екатерина – фактически арбитр Европы. И для сравнения: акт Вестфальского мира 1648 г. содержал перечень европейских государств, не по алфавиту, а по значению, всего – 50. Московское государство Алексея Михайловича значилось сорок девятым. Список замыкала Трансильвания⁷. Прошло менее полутора веков, и старик Александр Андреевич Безбородко задумчиво обратился к молодым: он не ведает, что при них будет, “а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не могла”⁸.

Екатерина способствовала рождению Соединенных Штатов Америки: на попытку “владычицы морей” прервать торговые сношения с восставшими колониями, задерживая направлявшиеся к берегам Нового Света купеческие суда и конфискуя их грузы, она ответила созданием Лиги вооруженного нейтралитета. Разбой на море прекратился, Конгресс Соединенных Штатов тепло поблагодарил императрицу за услугу.

В двух русско-турецких войнах – как всегда несвоевременных, но неизбежных – были заложены основы балканской политики России. Греческий проект Екатерины, при всей его связи с прошлым, содержал контуры новой стратегии в Восточном вопросе на столетие вперед: не захват территорий, а образование в Юго-Восточной Европе цепи независимых государств. Идеологической основой подобного курса явилось осознание духовного единства христианского мира и зарождавшееся чувство славянской солидарности.

Так можно ли время Екатерины II сводить к разделам Польши и пугачевскому восстанию? Между тем 70 лет оно изучалось под углом зрения крепостничества и при полном отделении личности государыни от истории страны.

Современники дружно отдавали пальму первенства во всех преобразованиях эпохи самой царице. Остроумный принц Ш.Ж. де Линь полагал, что петербургский кабинет – самый маленький в мире, от одного виска императрицы до другого, от кончика носа до корней волос⁹.

^{1*} См. раздел “Не дорожа своим покоем, читаешь, пишешь пред налоем...”

Ныне интерес к личности Екатерины велик. Но скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Преодолеть зону забвения и завалы предвзятости сложно и трудоемко. Легче и быстрее издать сочинения и записки самой Екатерины, воспоминания людей из ее окружения, то немногое, что появилось в дореволюционной России¹⁰. Что касается научных трудов с попыткой обзреть хотя бы часть ее деятельности, взглянуть на Россию того времени, то следует назвать прежде всего книгу А.Б. Каменского “Под сению Екатерины...” с портретами ее сподвижников, рассказом о духовной атмосфере в высших кругах, о придворной жизни, о формировании национального самосознания, о масонстве. Его же перу принадлежит популярный очерк о жизни и судьбе царицы¹¹. Превосходные монографии Е.И. Дружининой о Кючук-Кайнарджийском мире и Северном Причерноморье в конце XVIII в. посвящены важным сторонам российской истории, но деятельность Екатерины, ее направляющая рука, ее инициатива ощущаются в них слабо¹².

Интереснейшие размышления о судьбах русской культуры через призму портретной живописи содержит книга О.Г. Чайковской “Как любопытный скиф...”¹³ Опубликованная в журнале “Родина” серия очерков Н.И. Павленко “Екатерина Великая” вылилась в серьезную монографию. Брошюра П.К. Борзиковского – пока еще одинокая весточка для массового читателя о личной жизни императрицы¹⁴.

Выдающимся явлением мне представляется осуществленная многолетним трудом В.С. Лопатина публикация “Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка”¹⁵. Внушает глубокое уважение деятельность составителя по сбору и систематизации эпистолярного наследия императрицы, исправлению допущенных его предшественниками неточностей и вольностей (вроде осовременивания правописания и удаления собственных Екатерины ошибок). Колоссальный аппарат в виде примечаний сам по себе является научным трудом. Интересен и исключительный в издании очерк В.С. Лопатина “Письма, без которых история становится мифом”, хотя создается впечатление, что иногда автор относится с излишней доверчивостью к отдельным версиям (например, о подложности так называемого третьего письма А.Г. Орлова из Ропши).

Заслуживает добрых слов источниковедческое исследование О.И. Елисейевой, посвященное переписке Екатерины и Потемкина в 1787–1791 гг.¹⁶ В ходе работы над данным трудом, как своего рода промежуточный этап, увидел свет сборник статей “Век Екатерины II: Россия и Балканы”¹⁷.

Благое дело совершили наши петербургские коллеги, проведя международную конференцию “Екатерина Великая – эпоха российской истории”. Немало интересного и ценного было высказано на ней о просвещении в России, просвещенной монархии, “философском веке”, лице монархии и монархини, о культуре и искусстве второй половины XVIII столетия, о личностях того времени¹⁸. Конференцию можно считать переломным событием в смысле привлечения широкой научной общественности к эпохе и личности Екатерины. Создается, однако,

впечатление, что такие важные реалии, как экономика и политика, в том числе внешняя, оказались на периферии форума.

Но, видимо, так обстоит дело. Существуют горы публикаций, исследований и книг для широкого читателя, посвященных русско-турецким войнам и запечатлевших подвиги А.В. Суворова, П.А. Потемкина, П.А. Румянцева, Ф.Ф. Ушакова. Слава их не меркнет в веках. Но нет ни одного обобщающего труда об эпохее 1787–1791 гг., ибо из истории устранялось руководящее и связующее политическое звено – императрица Екатерина. Интересны экскурсы в политику Франции и Великобритании в работах П.П. Черкасова¹⁹. Но монография, посвященная дипломатии Екатерины Великой в целом, отсутствует до сих пор.

К сожалению, в работе над данной книгой авторский коллектив не имел возможности использовать материалы вышедшей в 1999 г. в серии “Жизнь замечательных людей” фундаментальной биографии Екатерины Великой, принадлежащей перу Николая Ивановича Павленко²⁰.

Все же нарастающий интерес к личности императрицы и ее роли в истории внушает оптимизм и выглядит отрадно на фоне того шабаша, который учинили над памятью этой выдающейся женщины отдельные коммерческие издательства, устроившие охоту на ее фаворитов – по одиночке, группами и в ансамбле. В изданиях, закамуфлированных под “исторические”, домыслы перемешаны с истиной так, что последняя теряется в куче мусора, выметенного из темных закоулков придворных слухов. Поскольку в оригинальных поделках, рассчитанных на невзыскательного читателя, ощущается дефицит, реанимируются дореволюционные упрямления невысокого пошиба²¹.

Иных серьезных авторов традиции и поныне цепко держат в своих сетях. Так, в монографии А.В. Гаврюшкина “Граф Никита Панин” Екатерина выступает в качестве фигурантки при собственных министрах: ни системы взглядов, ни руководства государственными делами²². Впору вспомнить замечание, сделанное Евгением Викторовичем Тарле полвека назад: курьезно говорить о существовании в политике “партии Панина”, “направлении Воронцова”. Он ссылается на мнение Е.Р. Дашковой: “Все делается императрицей и переваривается г-ном Паниным”. А.В. Гаврюшкин лишает Екатерину таких человеческих черт, как любовь к принявшей ее стране, а заявления самой государыни на сей счет относит к свойственному ей лицемерию²³.

На склоне дней своих она писала: “Это государство сделало для меня бесконечно много; и я считаю, что всех моих способностей, непрестанно направляемых ко благу этого государства, к его процветанию и к его высшим интересам, едва ли хватит, чтобы отблагодарить его”²⁴. Можно сказать без гаданья, что принявшая ее страна стала для нее не второй, а единственной родиной.

Время, ум, талант, нервы – все это отдано служению Отечеству. Напомним ее шутовскую фразу: “...тружусь точно за деньги: так корплю, так стараюсь, кладу в дело весь свой ум и сообразительность”²⁵. То же она завещала потомкам, оставив специальное наставление прибывавшим из-за рубежа юным принцессам, будущим великим княгиням и

императрицам, – чтить нацию, к которой они будут принадлежать, сообразовываться с обычаями страны и непременно научиться говорить по-русски²⁶.

Одна Россия, только Россия, Россия превыше всего! Железная дисциплина в служении ей!

Нужно ли умалять достигнутое Екатериной и повторять с упорством, отнюдь не похвальным, тезис насчет ее лицемерия?

На репутации ее темным пятном лежит растерзанная Польша. Но не на совести. Екатерина была дочерью своего века, когда новые веяния в идеологии причудливо сочетались со старыми, унаследованными от средневековья политическими реалиями, принцип народовластия не вытеснил монархическую идею, а понятие о праве народа на самоопределение не фигурировало в качестве основополагающего. Мы ясно видим историческую вину Екатерины за участие в разделах Польши. Она этого не сознавала. Три адепта Просвещения на тронах, три “вторых” – Фридрих, Иосиф и Екатерина – ничтоже сумняшея и без душевных мук поделили между собой страну с тысячелетней историей. Екатерину не надо мерить мерками XX столетия, надо примерять на ней понятия сотканного из противоречий XVIII в., в котором она жила. По словам Е.В. Тарле, ее мораль была “общевропейской моралью, не хуже и не лучше, и сердиться на Екатерину (как на нее до сих пор сердится часть западной историографии) за то, что ей удавалось почти всегда с необычайной ловкостью побеждать даже наиболее искушенных партнеров в дипломатической игре... по меньшей мере наивно”²⁷. Произнося эти слова в одной из лекций, академик, видимо, не подозревал, как крепко ему достанется от органов, которые именовались директивными за попытку подойти к Екатерине не с идеологизированной позиции.

Правда, раздел Польши противоречил нарождавшейся политической доктрине, согласно которой Россия не нуждалась в дальнейшем территориальном расширении. Как указывал Государственный совет, “Е.и.в. с самого своего восшествия на престол доказать изволила свою политическую систему, что она не ищет распространения своей империи приобретением себе земель”²⁸. Но Екатерина утешалась тем, что чисто польских территорий она не присоединяла.

Тенденция к умалению роли Екатерины возникла не в советское время. Вспомним уничижительную оценку молодого Пушкина: “Тартюф в юбке и короне”; “деспотизм без кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казна, расхищенная любовниками”, “ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами”²⁹. Поэт находился в кругу декабристских идей и выразил свои взгляды с революционной односторонностью.

Создается впечатление, что к екатерининским преобразованиям подходили и тогда не с позиций эпохи, в которую она жила, а с точки зрения иных времен; поступь прогресса в XIX в. развивалась стремительно, общественная мысль шла вперед гигантскими шагами во всеоружии впечатлений от пребывания русской армии на Западе в 1813–1814 гг. и знакомства с царившими там порядками. Разумеется, с высоты понятий XIX в. установленные Екатериной порядки представ-

лялись изжившими себя преданиями старины глубокой. Но можно ли винить Екатерину за то, что она не опередила своего правнука Александра II на сто лет?

Отрешиться от эпохи не дано ни монарху, ни революционеру. Да, Екатерина принадлежала к плеяде реалистов, а не мечтателей (по ее собственным словам, “наш полет по земле, а не на воздухе, еще менее до небес!”³⁰).

Не пора ли унять излишний критический пыл? Трезво и разносторонне оценивать деяния отдельных лиц, даже если их голову украшала корона? Пример показал нам Пушкин, проследим эволюцию его взглядов. Четыре игривые строки:

Старушка умная жила
Приятно и немножко блудно
Вольтеру первый друг была
Наказ писала, флоты жгла.

Но наступило раздумье, и в “Послании цензору” (первом) мы улавливаем совсем иные мотивы:

Что нужно Лондону, то рано для Москвы
.....
Скажи, читал ли ты *Наказ* Екатерины?
Прочти, пойми его; увидишь ясно в нем
Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.
В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной,
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица.
Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры;
Хемницер истину с улыбкой говорил,
Наперсник Душеньки двусмысленно шутил,
Киприду иногда являл без покрывала –
И никому из них цензура не мешала.

И далее: “В России было только три самобытных деятеля Просвещения: Петр I, Ломоносов и Екатерина”; “Она одна дает толчок своему веку”. Наконец, его замечание: “Екатерина много сделала для истории, но Академия – ничего”³¹. Почему-то и по сей день эти глубокие размышления поэта приводятся реже, гораздо реже, нежели хлесткое: “Тартюф в юбке и короне”.

И до Октябрьской революции Екатерина находилась на семи ветрах критики, что сказывалось на историографии. Трудов немного. Написание посвященных второй половине XVIII в. книг “Истории российской с древнейших времен” С.М. Соловьева падает на закат его жизни, исследование оборвано на полужизне, великий историк спешил завершить свое детище, но не успел, доведя изложение лишь до Кючук-Кайнарджийского мира. Комментаторы справедливо усматривали недостаток труда в слабой разработанности социально-экономических вопросов и в оправдании по сути дела участия в разделах Польши³². Но Со-

ловьеву первому открыли доступ к архиву Министерства иностранных дел, он оперировал гигантским рукописным материалом, прочел многие неведомые дотоле страницы отечественной дипломатии, хотя, на наш взгляд, не сумел или не успел их должным образом обработать, о чем свидетельствует явная перегруженность последних томов длиннейшими цитатами.

В гораздо более завершенном виде деяния Екатерины предстают со страниц лекций и статей В.О. Ключевского. Он подчеркивал: “Для нас она не может быть ни знаменем, ни мишенью, для нас она только предмет изучения”, – отмежевываясь тем самым от конъюнктурно-идеологического подхода. Он рассматривал ее важнейшие акты, в том числе Наказ, в контексте развития страны, показывал связь с прошлым и закономерность их появления, вскрывал их корни. Ко многому В.О. Ключевский относился критически. Он делил правление Екатерины пополам: 17 лет мира и 17 лет войн, осуждал разделы Речи Посполитой, признавал, что произошло серьезное отягчение крестьянских повинностей и что внешний блеск прикрывал хаос и неурядицу в делах. Но В.О. Ключевский далек от того, чтобы взвалить всю вину на плечи одного человека: “Екатерина не дала народу свободы и просвещения, потому что такие вещи не даются пожалованием, а приобретаются развитием и сознанием, и не получаются даром, как милостыня”. И вывод: “последняя случайность на русском престоле”, как он называл Екатерину, “провела продолжительное и необычайное царствование, создала целую эпоху в нашей истории”³³.

Переиздаваемые ныне книги К. Валишевского представляют интерес разве как сводка данных и занимательное чтение. Как заметил Е.В. Тарле, он интересовался Екатериной “со слишком персональной стороны”, но его работы “еще не самое плохое в этом специфическом жанре”³⁴. Некоторые же пассажи автора (вроде нижеследующего) повергают в оторопь: “Хлопотать все равно о чем, действовать все равно где и заставлять о себе говорить все равно какой ценой – к этому, по видимому, и сводилась вся внешняя политика Екатерины”³⁵.

Задуманный как многотомный, труд Р.А. Бильбасова доведен до 1765 г. Книга А.Г. Брикнера “История Екатерины II – это прежде всего история самой Екатерины, а не России, хотя и содержит богатый фактический материал. Университетский курс М.К. Любавского интересен анализом законотворчества того времени и прежде всего – работы комиссии по составлению Уложения (1767–1774)”³⁶.

Фигура мирового значения, каковой была Екатерина, не обойдена в мировой историографии, но фактор пристрастия присутствовал здесь с самого начала, с публицистических высказываний прессы еще в дни ее жизни. Громкие внешнеполитические успехи привели к рождению легенды о безудержно завоевательном курсе этой продолжательницы дела Петра I. Особая “заслуга” в подобной трактовке личности и дел Екатерины принадлежала внешнеполитическому ведомству Франции.

Именно в его недрах зародилось несколько вариантов пресловутого “Завещания Петра Великого”, приписывавшего ему и его преемникам завоевательные замыслы на все четыре стороны света. Эпоха Ека-

терины подбросила много хвороста в русофобский костер: восточный барьер из Швеции, Речи Посполитой и Турции, долженствовавший, по мысли Парижа, отгородить Московию от Европы, был сметен начисто; Екатерина заняла место едва ли не первоприсутствовавшей в решении дел континента; она выступила в общем монархическом строю против Французской революции. Правда, в то время как австрийцы, пруссаки, испанцы, голландцы, англичане сражались с санкюлотами, Екатерина ограничивалась моральным осуждением низвергателей тронов. Она втянулась в “войну перьев”, злокозненные революционные писания подвергались публичному сожжению. Поскольку ее личная жизнь была далеко не безупречной, у французской стороны находилось сколько угодно поводов для морального негодования, коим с той поры окрашивалась сперва полемика, а позднее и исторические труды.

Распущенность нравов при дворе и череда сменявших друг друга фаворитов создавали мишень для нападок. Иногда это выливалось в сочинение книжек вроде “Мессалины Севера”³⁷. Николай I был взбешен, ознакомившись с прениями в британской Палате общин, во время которых Екатерину называли “неистойвой проституткой” и “чудовищной бабкой чудовищного внука”, т.е. его самого³⁸. Подобного рода приемы использовались для формирования исторического образа императрицы и России ее эпохи. Критика внутренней и внешней политики самодержавия разворачивалась на фоне высоконравственного осуждения. Наконец, соперники умело использовали мрачную репутацию царизма как члена-основателя Священного союза и душителя революций, представляя Россию воплощением духа агрессии и зла. А у истоков стояла Екатерина.

Постепенно политические ветры над наукой если и не отшумели, то поутихли. Вдумчивее стал подход к внешнеполитическим акциям. Еще в конце прошлого столетия Альбер Сорель замечал: “Русские государи стремились лишь к полезным завоеваниям, предпринимали только полезные войны. Они составляли, в интересах государства, только такие планы, которые могли быть поддержаны национальным чувством. Екатерина приводила в исполнение традиционные пути русской политики”³⁹. В этой оценке есть налет конъюнктуры: то было время, когда французы отчаянно нуждались в союзе с Россией. В 1896 г. Николай II и Александра Федоровна въезжали в Париж, сопровождаемые эскортом из шести видов кавалерии: кирасирами, республиканскими гвардейцами, гусарами, драгунами, конными егерями и спаги в красных бурпусах. Архитектура запечатлела дух эпохи в таком памятнике, как мост Александра III через Сену. Так что налет несколько излишней добродетели в оценке Сореля есть. Но главное – можно констатировать, что на Западе появились и продолжают публиковаться труды, серьезно трактующие и личность, и эпоху Екатерины. Уже вне всякой конъюнктуры – со всех сторон дули ветры холодной войны – Аян Грей высказывал мысли, с которыми можно согласиться: “Причерноморские земли были важны для экономического развития России; завоевание Крыма было столь же существенно для ограждения богатств черноморских районов Юга от хищнических налетов татар,

которые многие годы убивали переселенцев, опустошали их селения, продавали сотни юношей и девушек в рабство. Екатерина осуществила тем самым национальные чаяния⁴⁰.

Эпитет “Великая” прочно утвердился в историографии. Регулярно выходят книги, содержащие более или менее удачную попытку связать биографию царицы со временем, на которое она оказала столь зримо свое влияние⁴¹. Для немецкой историографии характерно усиленное внимание к роли соотечественников в российской истории. К ним относят и Екатерину, хотя сама она демонстративно дистанцировалась от Германии. Последний серьезный труд в этой области – фолиант С. Шарфа “Екатерина II, Германия и немцы”⁴². Впечатляют эрудиция автора, обилие собранного им материала. Но само построение книги – импульсы реформ – из Германии, просвещение, классицизм, сентиментализм – оттуда же; немцы на российской службе; невольно создается впечатление, будто бы Екатерина черпала опыт и мудрость прежде и больше всего со своей родины. Да, черпала, но не только (а может быть, и не столько), ибо веяния Просвещения поступали прежде всего из Франции (которую императрица в целом симпатиями не жаловала). Россия была доступна веяниям из Италии и Великобритании. Страна при Екатерине избежала двух опасностей: чрезмерной открытости перед иноземным влиянием, что могло погубить ростки национальной культуры, и ненужной замкнутости, что чревато затворничеством в клетке местной ограниченности и духовной отсталостью. Век Екатерины II подготовил Россию к тому могучему рывку, который вознес Россию на вершины мировой культуры в XIX столетии.

Среди зарубежных трудов выделяются фундаментальные исследования Изабель Мадариаги, в первую очередь книга “Россия времен Екатерины Великой”. Ею освещены, пожалуй, все значительные стороны российской жизни. Мадариага отмечает поразительное развитие экономики даже в критические годы русско-турецкой войны 1787–1791 гг., особо выделяя стремительное освоение Новороссии, богатейших причерноморских степей, где подвизался неуемный Потемкин. И тут сразу возникает вопрос о трактовке ею крепостного права. Исследовательница полагает, что предпосылки для его отмены еще не созрели. По ее мнению, сведение жизни крепостных к “мучительному гнету, символом которого представлялся кнут, извращает картину”. Все – финансы, общественный порядок, сельскохозяйственное и промышленное производство, военная мощь – базировалось на нем⁴³.

Мадариага анализирует реформаторскую деятельность Екатерины – статуты о дворянстве, купечестве, городах, судебной системе, серьезные шаги в области образования и здравоохранения, фактическое признание веротерпимости, смягчение нравов, в частности – почти полный отказ от пыток. Обращает она внимание на склонность коллег взирать на Россию сквозь призму достигнутого их странами прогресса и умалять значение екатерининских преобразований. Сама Мадариага придерживается иной точки зрения: величие Екатерины “заключается не столько в территориальных приобретениях, сколько в установлении новых отношений между правительством и управляемыми

ми”. Укрепился правовой статус всех категорий населения, кроме крепостных, возникло чувство безопасности, уверенности в завтрашнем дне, в ограждении от произвола. Последнее, правда, подрывалось коррупцией, фаворитизмом, вошедшим в плоть и кровь своеволием властей, но все же не сводилось на нет. Мадариага усматривает заслугу императрицы в расширении функций гражданской администрации, в подрыве доминирующего влияния военной кочечки в разных областях общественной жизни, в “демилитаризации” управления: “... на короткий срок в конце XVIII в. Россия и Западная Европа сблизилась. Потом наступило истеричное правление Павла; приоритет военных достиг апогея при Николае I; наследие Екатерины в гражданской области было растрачено впустую”, – пишет она, явно сгущая краски⁴⁴.

Не все в высказываниях Мадариаги бесспорно, порой она, на наш взгляд, не сводит концы с концами: “Своими войнами императрица со служила самую дурную службу России”, хотя нельзя одним аршином мерить разделы Польши и российско-турецкое противоборство. Победы российских армий, утверждает она, прикрывали изъяны дипломатии. И тут же констатирует выдающуюся роль России в международных делах того времени: Екатерина заняла по всей видимости “доминирующую позицию в Европе”. Как же так – при неуклюжей и неспособной дипломатии? Не произнося вслух слова “руссофобия”, Мадариага на деле признает ее наличие в зарубежной историографии. По ее словам, ни один немец и мало кто из французов вообще был готов признать способность русских свершить что-либо значительное, не говоря уже о великом⁴⁵.

Никто из современных западных исследователей, даже Мадариага, не погружался в сокровища российских архивов. Это еще впереди и позволяет надеяться на появление трудов, лишенных известной односторонности, предвзятости и оттенка высокомерия.

У наших исследователей архивы под рукой, материалов – горы, нужны интерес к эпохе и позиция равной удаленности и одинаковой объективности и по отношению к Пугачеву, и по отношению к Екатерине; лишь тогда мы сможем создать нечто полное, ценное, научно-значимое по истории России второй половины XVIII в., ибо без личности императрицы всякое такое исследование будет терять в цене.

¹ Брикнер А.Г. История Екатерины II. СПб., 1991. Т. 2. С. 568.

² Соловьев С.М. Соч. М., 1995. Кн. 14. С. 95.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1965. Кн. 14. С. 631.

⁴ Екатерина Великая – эпоха российской истории. СПб., 1996. С. 139.

⁵ Соловьев С.М. Соч. Кн. 14. С. 272, 273, 282.

⁶ Родина. 1996. № 3. С. 53.

⁷ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 14.

⁸ Ключевский В.О. Русская история. М., 1993. Кн. 3. С. 250.

⁹ Екатерина II и ее окружение. М., 1996. С. 390.

¹⁰ Екатерина II. Соч. М., 1990; Записки императрицы Екатерины II. М., 1989; Записки императрицы Екатерины II. М., 1990; Сегюр Л.Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II. Л., 1986; Грибовский А. Записки об императрице Екатерине II. М., 1989; Памятные записки А.В. Храповицкого. М., 1990.

- ¹¹ Каменский А.Б. "Под сению Екатерины..." СПб., 1992; *Он же*. Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997.
- ¹² Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955; *Она же*. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1960.
- ¹³ Чайковская О.Г. "Как любопытный скиф..." М., 1990.
- ¹⁴ Родина. 1995. № 10, 11; 1996. № 1, 2, 3, 6, 9, 12; 1997, № 1, 2; Борзиковский П.К. Императрица Екатерина II Великая. М., 1991.
- ¹⁵ Екатерина II и Г.А. Потемкин: Личная переписка. М., 1997.
- ¹⁶ Елисеева О.И. Переписка Екатерины II и Г.А. Потемкина периода второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. М., 1997.
- ¹⁷ Век Екатерины II: Россия и Балканы. М., 1998.
- ¹⁸ Екатерина Великая – эпоха российской истории (Сб. тезисов). СПб., 1996.
- ¹⁹ Наиболее полный – в монографии: Черкасов П.П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995.
- ²⁰ Павленко Н.И. Екатерина Великая. М., 1999.
- ²¹ Евгеньев М. Любовники Екатерины II. М., 1989; Департамент фаворитов. М., 1990; Савин А. Фавориты Екатерины II. М., 1990; Жданов Л. Последний фаворит (четыре издания!); резко выделяется в положительную сторону на фоне этих мнимо-популярных изданий роман "белого генерала" Н.П. Краснова: Екатерина Великая. М., 1996.
- ²² Гаврюшкин А.В. Граф Никита Панин. М., 1989; Тарле Е.В. Екатерина II и ее дипломатия. В 2 т. М., 1945. Т. 2. С. 38.
- ²³ Гаврюшкин А.В. Указ. соч. С. 74.
- ²⁴ Сборник императорского русского исторического общества (Сб. РИО). СПб., 1885. Вып. 42. С. 177.
- ²⁵ Брикнер А.Г. История Екатерины II. Т. 2. С. 734–735.
- ²⁶ Наставление великим княгиням // Сб. РИО. СПб., 1874. Вып. 13. С. 334–335.
- ²⁷ Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 1. С. 5.
- ²⁸ Архив Государственного совета. СПб., 1969. С. 6.
- ²⁹ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1974. Т. 1. С. 194, 196.
- ³⁰ Чайковская О.Г. Указ. соч. С. 87.
- ³¹ Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1978. Т. 8. С. 103.
- ³² Соловьев С.М. Соч. Кн. 13. С. 575; Кн. 15.
- ³³ Ключевский В.О. Указ. соч. Кн. 3. С. 197, 275, 475, 479, 528, 529.
- ³⁴ Тарле Е.В. Указ. соч. Т. 1. С. 11.
- ³⁵ Валишевский К. Роман императрицы. М., 1989. С. 364.
- ³⁶ Брикнер А.Г. История Екатерины II. СПб., 1885. Т. 1–2; Бильбасов Р.А. История Екатерины II. СПб., 1890–1891. Т. 1–2; Любавский М.К. История царствования Екатерины II. М., 1911; Иконников В.С. Время Екатерины II. Киев, 1911.
- ³⁷ Messaline de Nord. Genève, 1834.
- ³⁸ The Mirror of Parliament. 1833. N LII. 3. VIII. P. 2877; Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия, 1833. Д. 11. Д. 119. Л. 368.
- ³⁹ Сорель А. Европа и французская революция. СПб., 1892. Т. 1. С. 405–406.
- ⁴⁰ Grey I. Catherine the Great. Westport, 1975. P. 279.
- ⁴¹ Alexander J.T. Catherine the Great. N.Y.; Oxford, 1984; Troyat H. Catherine the Great. N.Y., 1981; Valleton H. Catherine II. P., 1955; Thomson G.I.S. Catherine the Great and Expansion of Russia. L., 1947; Oldenburg Z. Katharina die Grosse. Munchen, 1964; Rimscha H. Katharina II. Gethingen, 1961; Cronin V. Catherine II. L., 1975; Raeff M. Catharine the Great. N.Y., 1972.
- ⁴² Scharf C. Katherina II, Deutschland und die Deutschen. Mainz, 1995.
- ⁴³ Madariaga I. Russia in the Age of Catherine the Great. New Haven, 1981. P. 552, 553, 585; Fadem. Catherine the Great. New Haven; L., 1990.
- ⁴⁴ Madariaga I. Russia in the Age... P. 552, 587, 588.
- ⁴⁵ Ibid. P. 368.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (В.Н. Виноградов)	3
Суровая свекровь, постылый муж (В.Н. Виноградов)	7
Верхом на коне, в мундире поручика Талызина – на царство! (В.Н. Виноградов)	17
Романтический Наказ и проза государственных будней (В.Н. Виноградов)	25
Российская северная система и французский восточный барьер (В.Н. Виноградов)	36
Балканы в середине XVIII века	46
Османская империя: симптомы кризиса (В.И. Шеремет)	46
Дунайские княжества (Л.Е. Семенова)	51
Сербский народ (И.И. Лециловская)	58
Болгары (О.В. Медведева)	72
Греки (Г.Л. Ариш)	79
Албанцы (Г.Л. Ариш)	84
Война 1768–1774 гг. – неизбежная, но несвоевременная (В.Н. Виноградов)	93
Кючук-Кайнарджийский мир – окно на Балканы (В.Н. Виноградов)	115
Война 1768–1774 гг. в исторических судьбах Османской империи (В.И. Шеремет)	123
Балканы в годы войны: поиски путей освобождения	134
Дунайские княжества (Л.Е. Семенова)	134
Югославянские народы (И.И. Лециловская)	140
Болгары (О.В. Медведева)	147
Греки и албанцы (Г.Л. Ариш)	151
“Не дорожа своим покоем, читаешь, пишешь пред налоем...” (В.Н. Виноградов)	157
Между двумя войнами	182
Высокая Порта (В.И. Шеремет)	182
Дунайские княжества (Л.Е. Семенова)	190
Сербы (И.И. Лециловская)	197
Греки (Г.Л. Ариш)	200
В круговороте международных дел (В.Н. Виноградов)	204
Предыстория Греческого проекта (Г.Л. Ариш)	209
Самое знаменитое в истории личное письмо (В.Н. Виноградов)	213
Война 1787–1791 гг. – прославленная и неизвестная (В.Н. Виноградов) ..	219
Юго-Восточная Европа: свет в конце туннеля	246
Дунайские княжества (Л.Е. Семенова)	246
Албания и Греция (Г.Л. Ариш)	252
Сербский народ (И.И. Лециловская)	262
Переселение болгар (О.В. Медведева)	271
Война 1787–1791 гг. в турецкой оценке (В.И. Шеремет)	274
Трудная судьба Екатерины II в историографии (В.Н. Виноградов)	282

CONTENTS

Foreword (<i>V.N. Vinogradov</i>)	3
A Stern Mother-in-Law, a Repelling Husband (<i>V.N. Vinogradov</i>)	7
On Horse-back to the Throne (<i>V.N. Vinogradov</i>)	17
The Romantic Instruction and Prosaic Triviality of State Affairs (<i>V.N. Vinogradov</i>)	25
The Russian Northern System and the French <i>Barrière d'Orient</i> (<i>V.N. Vinogradov</i>)	36
Balkans in the Middle of the XVIII-th Century	46
Symptoms of crises in the Ottoman Empire (<i>V.I. Sheremet</i>)	46
The Danubian Principalities (<i>L.E. Semjonova</i>)	51
The Serbian People (<i>I.I. Leshcilovskaja</i>)	58
The Bulgarians (<i>O.V. Medvedeva</i>)	72
The Greeks (<i>G.L. Arsh</i>)	79
The Albanians (<i>G.L. Arsh</i>)	84
The Inevitable, but Untimely War of 1768–1774 (<i>V.N. Vinogradov</i>)	93
The Treaty of Kiuchiuk-Kajnarji – a Window Swung Open to the Balkans (<i>V.N. Vinogradov</i>)	115
The War of 1768–1774 in the History of the Ottoman Empire (<i>V.I. Sheremet</i>) ...	123
The Balkans in the Time of the War	134
The Danubian Principalities (<i>L.E. Semjonova</i>)	134
The Jougoslav Peoples (<i>I.I. Leshcilovskaja</i>)	140
The Bulgarians (<i>O.V. Medvedeva</i>)	147
The Greeks and Albanians (<i>G.L. Arsh</i>)	151
Toil without Repose. Catherine's Deeds on the Throne (<i>V.N. Vinogradov</i>)	157
Between Two Wars	182
The Sublime Porte (<i>V.I. Sheremet</i>)	182
The Danubian Principalities (<i>L.E. Semjonova</i>)	190
The Serbs (<i>I.I. Leshcilovskaja</i>)	197
The Greeks (<i>G.L. Arsh</i>)	200
Catherine in the Whirlpool of International Affairs (<i>V.N. Vinogradov</i>)	204
The Greek Project Prehistory (<i>G.L. Arsh</i>)	209
The Most Famous Personal Letter in History (<i>V.N. Vinogradov</i>)	213
The Glorios and still Little Known War of 1787–1791 (<i>V.N. Vinogradov</i>)	219
South-Eastern Europe: Light in the Tunnel's End	246
The Danubian Principalities (<i>L.E. Semjonova</i>)	246
Albania and Greece (<i>G.L. Arsh</i>)	252
The Serbian People (<i>I.I. Leshcilovskaja</i>)	262
Bulgarian Migration to Russia (<i>O.V. Medvedeva</i>)	271
The Turkish Evaluation of the 1787–1791-Years' War. (<i>V.I. Sheremet</i>) ...	274
Catherine's Hard Destiny in Historical Writings (<i>V.N. Vinogradov</i>)	282

Научное издание

ВЕК ЕКАТЕРИНЫ II
Дела балканские

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института славяноведения
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*

Редактор *Л.А. Зуева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Г.М. Коровина*
Технический редактор *Е.Н. Ларкина*
Корректоры *Н.П. Круглова, Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова*

Набор и верстка выполнены в издательстве
на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 14.12.99
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 18,5. Усл.кр.-отг. 18,8. Уч.-изд.л. 23,0
Тираж 900 экз. Тип. зак. 3010

Издательство “Наука”
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

Век Екатерины II

Дела балканские



При Екатерине II российские войска впервые пересекли Дунай. Кючук-Кайнарджийским миром было признано право России на покровительство над христианскими народами Балкан, изнывавшими под властью Турции. Начался их долгий и трудный путь к освобождению...

«НАУКА»

inslav

Век Екатерины II Дела балканские

